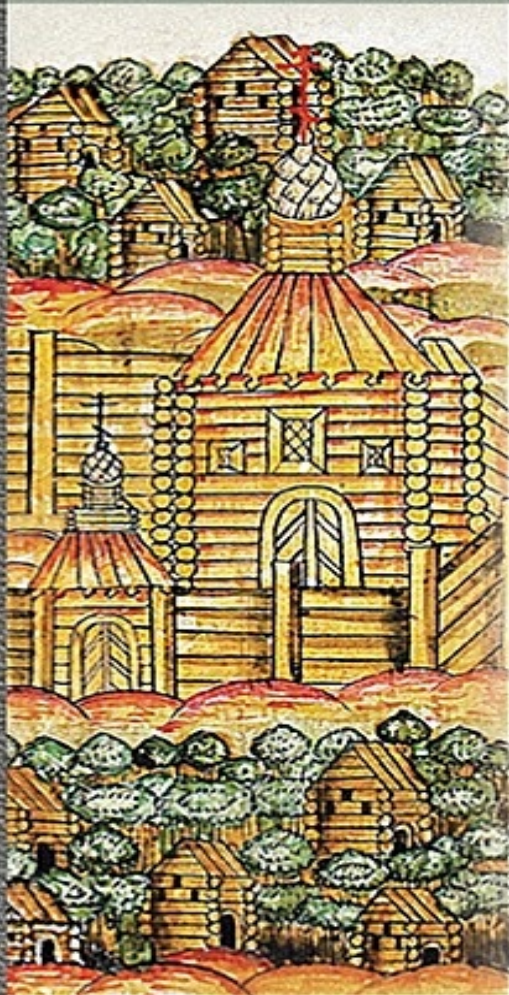

НИИ СОРСКИЙ

Елена
Ролланенко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Рассказать о жизни святого — сложная задача. Его жизнь не так событийна, как жизнь государя или полководца. Его внутренний мир — это вообще тайна «за семью печатями». Однако повествуя о жизни преподобного Нила Сорского, видного церковного деятеля Средневековой Руси, автор находит свой ключ к «заветной двери». Этим ключом послужили тексты 24 житий древних святых, которые Нил Сорский отобрал в свои сборники. Они сохранились в автографах преподобного. И чем глубже погружаешься в них, тем больше понимаешь, о чем думал и что чувствовал человек, переписавший их 500 лет назад в небольшом скиту на реке Соре, неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря.

- [Елена Романенко](#)
 -
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Часть 1. Начало пути](#)
 - [О дьяках Майковых](#)
 - [Город детства](#)
 - [Дивные лики](#)
 - [О княжении Василия Темного](#)
 - [Страшный суд](#)
 - [О Флорентийской унии](#)
 - [О научении книжном](#)
 - [О падении Царьграда](#)
 - [Часть 2. Монастырь](#)
 - [Послушник](#)
 - [Постриг](#)
 - [Старец и ученик](#)
 - [Монастырский день](#)
 - [Монастырские встречи](#)
 - [Об отшествии из монастыря](#)
 - [Афон](#)
 - [Часть 3. Паломничество на восток](#)
 - [Русские путешественники](#)

- [О посещении Царьграда](#)
 - [О пребывании на Афоне](#)
 - [Часть 4. Скит на реке Соре](#)
 - [Пустыня](#)
 - [Древняя Фиваида](#)
 - [Настоятель](#)
 - [О построении церкви](#)
 - [Келейное правило](#)
 - [Из келейного сборника Нила Сорского](#)
 - [Редактор](#)
 - [Великий старец](#)
 - [Часть 5. Ересь](#)
 - [О ереси «жидовствующих»](#)
 - [О Соборе 1490 года](#)
 - [О борьбе старца Нила с ересью](#)
 - [Часть 6. Итоги](#)
 - [Ученики](#)
 - [Государева служба](#)
 - [Князь-инок Вассиан](#)
 - [О Соборе 1503 года](#)
 - [Послание иконописцу](#)
 - [Из келейного сборника Нила Сорского](#)
 - [О преставлении и погребении старца Нила](#)
 - [Вражда](#)
 - [Память](#)
 - [Исторический контекст и основные даты жизни преподобного Нила Сорского](#)
 - [Библиография](#)
 - [Источники](#)
 - [Литература](#)
 - [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)

- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)

- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)

- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)

- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)

- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)

- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)

- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)

- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)

- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)

- [552](#)
 - [553](#)
 - [554](#)
 - [555](#)
 - [556](#)
 - [557](#)
 - [558](#)
 - [559](#)
 - [560](#)
 - [561](#)
 - [562](#)
 - [563](#)
 - [564](#)
 - [565](#)
 - [566](#)
 - [567](#)
 - [568](#)
 - [569](#)
 - [570](#)
 - [571](#)
 - [572](#)
 - [573](#)
 - [574](#)
 - [575](#)
 - [576](#)
 - [577](#)
 - [578](#)
 - [579](#)
 - [580](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2094

(1894)

**Елена Романенко
Нил Сорский**

Москва

Молодая гвардия

2021

© Романенко Е. В., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2021

*

Предисловие

Преподобный Нил Сорский, великий святой Русской православной церкви, жил в XV — начале XVI столетия. И хотя от нас его отделяют пять веков, сочинения святого и по сей день вызывают к себе живой интерес. Они переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, греческий и современный русский язык. К ним обращаются не только монахи, но и люди, живущие обычной мирской жизнью. Казалось бы, чем монах-нестяжатель может быть интересен современному человечеству, которое принято считать «обществом потребления»? Наверное, тем, что в своих творениях Нил Сорский говорит о загадочной человеческой душе. «Да познаем хоть немного достоинство душ наших, для какой жизни мы призваны», — обращается он к своим читателям.

Почти все сочинения Нил написал в небольшом скиту на реке Соре, который основал неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря. Ныне, чтобы попасть в Нилову пустынь, нужно проехать семь километров от города Кириллова (находится в Вологодской области) в сторону Белозерска и далее пройти проселочной дорогой еще восемь километров до обители. В прежние времена на повороте стоял древний восьмиконечный крест. Само место, выбранное преподобным, ничем не примечательно, не имеет особенностей. Вспоминая наши известные обители, мы сразу представляем себе их неповторимые и прекрасные ландшафты. Кирилло-Белозерский монастырь, Соловки, Валаам, Троице-Сергиева лавра — все эти монастыри имеют свое лицо, они словно срослись с теми холмами и берегами, на которых стоят. Скит же, подобный Нилову, можно создать на любой лесной поляне. В этой безликости пустыни отразилась суть мировоззрения преподобного: главное — не внешние стены, не внешние красоты, а та внутренняя работа, которая происходит в человеке, и его устремленность к Горнему миру. Основанный преподобным монастырь стал первым русским скитом, который укладом своей жизни и уставом напоминал древние скиты Египта, Палестины, Афона.

О Ниле Сорском сохранилось немного исторических свидетельств. Неизвестно (скорее всего, не было написано) древнее Житие святого. Со временем множество легенд возникло вокруг его имени. Историческая литература создала свой собственный образ сорского старца, одинаково любящего всех: и согрешающего, и еретика, и отступника. Однако этот искусственный образ сразу начинает разрушаться, как только мы

открываем подлинные творения преподобного.

Несколько раз старцу Нилу пришлось нарушить свое уединение. По повелению великого князя Ивана III он принимал участие в работе важнейших церковных Соборов: в 1490 и 1503 годах. Если у старца спрашивали духовный совет, ответы его были не всегда лицеприятны, порой жестоки, но исполнены духовной пользы. В каждом конкретном случае он рассуждал исходя из того, что ни одна заповедь Божия, даже малейшая, не должна быть нарушена. И никакие разговоры о том, что времена уже не те и невозможно жить по заповедям, не могли его переубедить.

Житие Нила Сорского нужно собирать как мозаику из уцелевших исторических свидетельств, автобиографических фрагментов его сочинений и собственноручных помет. Сохранилась отчасти личная библиотека старца Нила. Это сборники житий святых, которые он выбрал и переписал для себя, на пользу своей души, а также выписки из творений святых отцов. На полях листов встречаются пометы Нила Сорского, которые свидетельствуют о его мыслях и переживаниях. Кроме того, до нашего времени дошло несколько повестей о старце Ниле.

Первая попытка составить его Житие относится к третьей четверти XVII века. В 1674 году тотемский дьяк Иван Иванович Плешков написал повесть «О преподобном отце нашем старце Ниле и о того честней обители, иже есть во области Бела езера в Сорской пустыни». В ней он сообщил краткие сведения о преподобном, отметив, что не нашел нигде письменных свидетельств. После канонизации Нила Сорского в третьей четверти XVII века сведения о его жизни и чудесах стали записываться. Так возникли отдельные повести: «Повесть о пришествии преподобного Нила», «Повесть о преставлении и погребении преподобного Нила», «Чудо об образе како начат писатися», «Чудо о явлении во сне царю Иоанну Васильевичу», «Чудо об избавлении отрока от нечистого духа» и иные чудеса. Они сохранились в рукописных книгах Сорского скита (ныне находятся в собраниях разных библиотек).

В «чудесах» открывается смиренный характер святого. Поразительно, но он приходит на помощь людям, которые ему не только не молятся, не служат молебнов, но и вообще ничего о нем не знают. Некоторые «чудеса» носят, казалось бы, совсем обыденный, неяркий характер. Может быть, поэтому множество таких историй просто не записали. Сами монахи Нилова скита заметили об этом так: «О многих чудесах преподобного отца нашего Нила не нашли записанного, только свидетельства о нем во многих местах. И мы, грешнии тоя пустыни монахи, видехом премногие чудеса».

Сретенская свеча, затепленная старцем Нилом на Соре, дала свет многим русским обителям. Анзерский скит на Соловках был устроен по образцу Ниловой пустыни. Основатель Саровского монастыря иеросхимонах Иоанн (Федоров) написал свой устав, основываясь на духовном опыте преподобного Нила. В Нямецком монастыре Паисия Величковского и в скиту старца Василия Пояномерульского изучали и переписывали творения Нила Сорского. Оптиная пустынь, ставшая знаменитой благодаря своим традициям старчества, в 1849 году осуществила первое издание сочинений Нила Сорского. И повсюду изучение творений старца Нила сопровождалось возобновлением и расцветом духовной жизни. Ныне, справедливости ради надо сказать, Нил Сорский — полузабытый святой. Трудно найти в Москве такой монастырь, где бы святого поминали на отпустах даже в день его памяти — 7 (20) мая. Однако Нил Сорский ждет своего читателя и продолжает спасать людей.

Часть 1. Начало пути

О дьяках Майковых

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста.

(Пс.1, 1)

В истории жизни любого замечательного человека особый интерес вызывают первые три главы: родители, детство, отрочество. Писатели-биографы уже давно открыли, что оригинальность личности восходит к начальной поре ее становления. В житиях святых, однако, рассказ о детстве и отрочестве святого, как правило, отсутствует: агиографы стремятся показать своих героев, прежде всего, как великих подвижников, мирские же обстоятельства их жизни представляются им временными, скоропреходящими и потому малозначительными. Чаще всего они ограничиваются скухими сведениями о том, из какой семьи происходил святой, как звали его родителей, был ли научен грамоте.

В случае с Нилом Сорским мы лишены даже этих кратких рассказов, поскольку Житие святого не было написано в древности. Однако не все так безнадежно. Историк всегда найдет возможность для реконструкции прошлого. Монастырская запись о преставлении старца Нила сообщает, что он скончался в 1508 году в возрасте 75 лет. Путем простого математического вычисления получаем дату его рождения: 1433 год. Как называли будущего святого в крещении, неизвестно. Поскольку монахам часто давали имена, начинающиеся с той же буквы, что и мирское имя, или по созвучию имен, некоторые историки XIX столетия предположили, что до пострига преподобного Нила звали Николаем. Но это только предположение.

О своем родстве и близком знакомстве с именитыми людьми Нил Сорский всегда умалчивал. «Есть и такие, — говорил он впоследствии, — что кичатся, происходя от известных в миру родителей, или имеют родственников среди преимущественных в славе мира, или кто сам в каком-то сане или в чести в миру был, — и это все безумие. Это ведь скрывать подобает. Если же кто-то в жительстве отречения своего будет принимать славу и честь от людей, — это постыдно. Им подобает скорее срамить себя, нежели возвышать. Ибо кто этим себя прославляет, — слава их есть стыд»^[1]. Сам себя он, перефразируя Житие древнего святого

Симеона Столпника, называл «невеждой и поселянином». Однако из торопливых записей монаха Германа (Подольного), с которым Нил был дружен, известно, что у старца был брат Андрей Федорович Майко, дьяк великих князей Московских Василия II и Ивана III.

Родственные связи могут многое рассказать о человеке, поэтому повесть о Ниле Сорском мы начнем с биографии его брата. Фамильное прозвище Андрея — «Майко» — образовано, вероятно, от имени собственного: имя Майко было употребительным на Руси в XVI веке. Например, в списке боярских детей, имевших в 1537 году свои дворы в Ярославле, упоминается некий Майко Грезнов. Отсутствие же фамилии у Андрея может свидетельствовать о его незнатном происхождении^[2], ибо выходцы из родовитых семей к тому времени фамилии уже имели. Род его занятий тоже, казалось бы, говорит о невысоком положении на социальной лестнице. Как правило, дьяки Московской Руси происходили из так называемых «детей боярских». Последние представляли собой низший слой знати, служившей за поместье. Другими словами, «дети боярские» являлись предшественниками дворян. Однако в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с неким исключением. Известно, что Майковы вели знакомство с самыми аристократическими семействами Москвы: Всеволожами, Сорокоумовыми-Глебовыми, Патрикеевыми. Исторические разыскания подтверждают, что иногда среди дьяков встречались представители боярских фамилий и захудалых княжеских родов из ликвидированных удельных княжеств. Так, например, считается, что дьяки Федор и Иван Волк Курицыны происходили из детей боярских, однако, возможно, имели более знатное происхождение, так как их двоюродная сестра была замужем за князем Федором Ивановичем Стригиным-Оболенским^[3].

Из заметок всё того же монаха Германа (Подольного) известно, что у Андрея Майко был друг «Иван Гаврилов сын Заболоцкаго»^[4]. Кто же этот человек? Иван Гаврилович Заболоцкий принадлежал к высшей московской знати, род Всеволож-Заболоцких вел свое происхождение от смоленских князей. «Все они уже давно при переходе на московскую службу (в XIV веке) лишились княжеского титула, что не помешало некоторым из них занять видное место при великокняжеском дворе», — пишет историк^[5]. Всеволожи были воеводами, исполняли важные дипломатические миссии. После смерти Василия I боярин Иван Дмитриевич Всеволож, вдовствующая великая княгиня Софья Витовтовна и митрополит Фотий фактически составили правительство при юном князе Василии II, которому

в год смерти отца исполнилось только девять лет. Иван Дмитриевич являлся «большим наместником московским», то есть осуществлял верховный уголовный суд в Москве: к нему на рассмотрение поступали все городские дела об убийствах, в том числе из дворов великого князя, княгини, митрополита, а также из монастырей^[6]. Впоследствии всесильный боярин попал в опалу, однако это обстоятельство никак не отразилось на карьере других представителей рода. Феодалная война, разгоревшаяся при Василии II, развела по разные стороны двоюродных и родных братьев, отцов и детей. Заболоцкие-Всеволожи, находившиеся в родстве с Патрикеевыми и Ряполовскими, сохранили свое положение при дворе.

Друг Андрея Майко, Иван Гаврилович Заболоцкий, был служилым человеком великого князя Ивана III: в 1469 году он участвовал в походе на Казань, около 1471 года управлял волостью на Двине, а в 1489/1490 году был наместником в Вологде. В 1500 году Ивана Заболоцкого в числе других представителей московской аристократии пригласили на свадьбу четырнадцатилетней дочери Ивана III Феодосии и князя Василия Даниловича Холмского, которому он, кстати, приходился родственником. Где и при каких обстоятельствах зародилась дружба между Заболоцким и Андреем Майко, не известно. Но и тот и другой принадлежали к Государеву двору.

В правление Василия II дьяки начинают играть заметную роль в управлении государством, которое всё острее испытывало нехватку в грамотных, хорошо обученных людях. В Средневековой Руси грамотность была доступна немногим: аристократии, духовенству и состоятельным горожанам. Грамотные чиновники (а дьяки являются предшественниками чиновничьего сословия) высоко ценились. Об этом говорит хотя бы судьба дьяка Кулудара Ирежского. Находясь на службе у Василия II, он пошел на предательство и сообщил о планах своего господина его заклятому врагу Дмитрию Шемяке. Великий князь велел бить Кулудара кнутом и «дьячество отнял у него». Тогда дьяк ушел служить к недругу Василия — удельному князю Ивану Андреевичу Можайскому, а после его бегства в Литву — к князю Михаилу Андреевичу Вереysкому и Белозерскому. Показательно, что «изгнанный с позором с великокняжеской службы Кулудар нашел при дворах удельных князей не только пристанище, но и достаточно высокий социальный статус. Грамотный опытный дьяк был в середине XV века далеко не маловажной фигурой, и такими специалистами разбрасываться не приходилось, особенно небогатым удельным

князьям»^[7].

Элиту дьяческого сословия составляли думные дьяки, они заседали в Боярской думе, а позднее, в XVI веке, имели право голоса на земских соборах. В первую очередь дьяки отвечали за делопроизводство: они писали грамоты, указы, памяти. «А на чем которое дело бояре быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьякам пометить и тот приговор записать». Однако думный дьяк не был простым писцом, он мог придать делу новый поворот еще при его обсуждении. Дьяки удостоверяли княжеские грамоты, подписывали титул великого князя, привешивали печать, а в отдельных случаях ставили собственную монограмму. Ни одна бумага без подписи дьяка не считалась действительной. Со временем дьяки заменили бояр при оформлении великокняжеских грамот и приобрели значение «ответственных секретарей» при великом князе^[8].

Чаще всего дьяки выступали в роли послов либо участвовали в посольствах. Выступая на переговорах от лица великого князя, дьяки были голосом своего государя: «И князь великий велел отвечати дьяку своему Василью Долматову». И тот «такое рече великого князя словом: „Что еси нам бил челом от нашего богомольца и от нашия отчины, и яз пожаловал“»^[9]. При этом дьяк обладал относительной свободой и мог, что называется, действовать по ситуации. В 1497 году в Москву прибыл литовский посол, он просил помощи Ивана III против турок, которые в союзе с татарами наступали на Польшу и Литву. Вопросы послу от имени великого князя задавали дьяки Федор Курицын и Андрей Майко. Один из вопросов в дипломатическом протоколе отмечен особо: «дьяки спросили от себя». Они посчитали нужным уточнить, на чьей стороне будет выступать в этом конфликте молдавский господарь. От позиции Стефана III многое зависело в новой войне, поэтому дьяки поступили дальновидно, как истинные дипломаты^[10].

Дьяки не только вели переговоры и протоколы дипломатических заседаний, но и составляли тексты мирных договоров. Известны случаи, когда дьяки по-своему редактировали эти тексты. В 1503 году в Москве близилась к завершению переговоры с немецкими, польскими, литовскими и венгерскими послами, но писарь литовского посольства отказался подписать перемирную грамоту. Об отказе доложили великому князю. Тот повелел боярину «с товарищи» выяснить причину отказа. В ходе расследования дьяки сказали, что в перемирную грамоту они написали один пункт без боярского ведома. Бояре тот пункт «отставили», и грамоты были подписаны^[11].

Понятно, что только умный человек, способный вести переговоры, мог сделать хорошую дьяческую карьеру. Умение уклончиво и грамотно говорить так же было необходимым качеством дьяка. «Во послах бывал — говорить горазд», — утверждали на Руси. Дьяк, служивший на дипломатическом поприще, должен был хорошо знать историю своей страны и соседних государств. Когда в 1471 году великий князь отправился в Новгород Великий, он взял с собой Степана Бородатого, дьяка своей матери, великой княгини Марии Ярославны. Старый дьяк хорошо знал летописи — «говорил по летописцам русским»^[12].

Умные расторопные дьяки, особенно те, кто умел держать язык за зубами, становились доверенными лицами своих князей. Дьяку было проще дать деликатное поручение, нежели родовитому боярину. В силу своего положения и происхождения дьяк не мог требовать благодарности. Он находился на государевой службе: служил за поместье, данное ему князем (московским дьякам, как и окольным, выделялся надел до тысячи четвертей земли)^[13]. Дьяческая служба была довольно прибыльным делом и помогала увеличить свое состояние. Известно, например, что Андрей Майко получил десять золотых флоринов за то, что пропустил ганзейских купцов в Москву. Нередко дьяки приобретали в собственность крупные земельные наделы и вотчины. Феноменальных состояний дьяки, конечно, не делали. Историки говорят, что в соседнем Великом княжестве Литовском они преуспевали гораздо больше. Однако зачастую дети и внуки дьяков становились крупными землевладельцами.

Поручения, которые выполняли дьяки, часто носили тайный, весьма деликатный и опасный характер. В июле 1445 года Василий II попал после неудачного сражения под Суздалем в плен к татарам и оказался в ставке хана Улуг-Мухаммада. Его двоюродный брат Дмитрий Шемяка считался старшим в роде после Василия и потому мог претендовать на великокняжеский стол. Желая прояснить ситуацию, Улуг-Мухаммад отправил в Углич к Шемяке свое посольство. Естественно, удельного князя очень устраивала сложившееся положение вещей, теперь оставалось только получить согласие хана. Поэтому он с большим почетом принял ордынского посла Бигича. Обрато в Орду тот выехал не один, а в сопровождении дьяка Федора Дубенского, который должен был отвезти хану письмо от Шемяки «со всем лихом» на Василия II, «чтобы князю великому не выйти на великое княжение»^[14]. Таким образом, от миссии Дубенского во многом зависела судьба московского князя.

Отправляя своего дьяка с компроматом на Василия II, Шемяка еще не

знал, что Улуг-Мухаммад уже отпустил князя и других пленников на Русь. Ордынский хан решил, что называется, взять деньгами: Василий пообещал ему заплатить после возвращения огромный выкуп. С дороги князь отправил в Москву своего гонца Андрея Плещеева, который должен был предупредить о его возвращении. Между Нижним Новгородом и Муромом Плещеев встретил посольство Бигича и Федора Дубенского. Какой произошел разговор между княжеским гонцом и дьяком, мы не знаем, но Бигич с Дубенским вернулись в Муром, где ордынского посла схватил князь Василий Иванович Оболенский.

По сообщению другой летописи, Василий II сам узнал о посольстве Бигича, когда подходил к Мурому. Он повелел «изымати» ордынского посла. Муромские наместники к «Бигичю выслаша меду много, он же напився и усну». Тогда люди великого князя «поимаше его и отведоша его во град, а после утопиша его»^[15]. Каковы бы ни были детали, но ясно одно: Бигич канул в реку, а Федор Дубенский помог ему исчезнуть и перешел на сторону Василия II. Совершив такой крутой поворот в своей жизни, дьяк не прогадал — великий князь одержал верх над Шемякой, а Федор Дубенский сделал при московском дворе хорошую карьеру. Впоследствии он служил уже сыну Василия — Ивану III. В архивах сохранилось множество документов, скрепленных монограммой этого дьяка, последние грамоты относятся к 1490-м годам. Исследователи не без оснований отождествляют Федора Дубенского со старцем Троице-Сергиева монастыря Феогностом (Дубенским). На закате своих дней дьяк, вероятно, принял постриг в этом монастыре и занял там почетное положение. В сентябре 1495 года он присутствовал на торжественном обеде, устроенном в честь избрания митрополита Симона^[16]. Старому дьяку к тому времени уже должно было исполниться около восьмидесяти лет.

При Василии II и Иване III дьяки еще не имели четкой специализации. Они были мастерами на все руки: занимались делопроизводством, описывали земли, строили крепости в порубежных землях Русского государства. В 1491 году страшный пожар испепелил город Владимир, около 10 тысяч жителей остались без крова, в монастыре Рождества Богородицы от огня пострадала рака с мощами благоверного князя Александра Невского. Дьяк Василий Мамырев, выехавший на место по повелению великого князя, составил опись сгоревших домов и церквей. На следующий год Иван III послал другого дьяка, Василия Кулешина, город «рубить» заново. Владимир восстановили за два месяца.

В июле 1480 года Иван III испытал настоящий ужас, когда получил

известие о том, что огромное татарское войско хана Ахмата появилось в верховьях Дона. Он расположил ставку в Коломне, а навстречу Ахмату выдвинул полки под командованием своего сына Ивана Молодого и воеводы Данилы Дмитриевича Холмского. В какой-то момент великого князя охватила паника, на всякий случай он отправил жену великую княгиню Софию на Белоозеро вместе с государственной казной. В случае поражения московских войск Иван III собирался бежать в том же направлении. Пока великий князь метался между Москвой и военным лагерем, столица находилась на попечении князя Ивана Юрьевича Патрикеева и дьяка Василия Мамырева.

И, наконец, говоря о дьяках, необходимо заметить, что эти чиновники Средневековья принадлежали к интеллектуальной элите русского общества. Многие из тех, чьи имена уже встречались на страницах этой книги, были писцами и заказчиками уникальных рукописей, которые говорят о высоком уровне их духовных интересов. В 1470–1480-х годах великокняжескому дьяку Григорию Волнину принадлежала «Христианская топография» Космы Индикоплова, которую он впоследствии подарил Кирилло-Белозерскому монастырю. Труд византийского купца и путешественника Космы Индикоплова (первая половина VI века) был популярнейшим произведением в средневековой книжности, так как рассказывал об устройстве Вселенной и содержал сведения о звездах, морях, реках, птицах, животных. Василий Мамырев в 1480–1490-х годах заказал для себя «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского^[17]. Сочинение болгарского писателя IX–X веков представляло собой комментарий к библейскому рассказу о Сотворении мира за шесть дней. Выписки из него были известны еще в Древней Руси. Однако полный список стал книжной новинкой XV столетия. Василий Мамырев имел превосходный художественный вкус: великолепные заставки этой рукописи восходят к византийским образцам^[18]. В 1489 году по заказу Мамырева была написана «Книга Пророков», также украшенная замечательными миниатюрами. Историки искусства отмечают, что многие произведения московского искусства XV века имеют на себе печать той глубокой книжной и богословской культуры, носителями которой были дьяки.

Служба Андрея Майко началась при дворе Василия II: в 1453–1455 годах он впервые поставил свою подпись «Майко» под жалованной грамотой великого князя, адресованной игумену Герасиму, настоятелю Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере^[19]. Поскольку перед подписью Андрея не стоит слово «дьяк», можно думать, что в это время

ему еще не был пожалован дьяческий чин. Однако работа, которую он выполнял, вполне соответствовала этому статусу. По наблюдениям историков, дьяки получали свой чин уже в зрелом возрасте, так как их профессия требовала жизненного опыта. Например, Василий Мамырев стал дьяком в возрасте около сорока лет. Подпись «дьяк Майко» стоит на указной грамоте великой княгини Марии Ярославны игумену Спасо-Каменного монастыря Логгину, составленной в 1474–1478 годах^[20]. Скорее всего, в дьяки Андрей Майко был пожалован гораздо раньше. Мамыреву дали дьяческий чин через четыре года после того, как он подписал первую государеву грамоту. Если допустить такую последовательность событий для Андрея Майко, то он стал дьяком примерно в 1457–1459 годах. И если в это время ему исполнилось около сорока лет, то мы получаем примерный год его рождения: между 1417 и 1419 годами. Это значит, что Андрей был намного старше своего брата Нила.

После смерти Василия II в 1462 году Майко перешел на службу к его жене — Марии Ярославне. Монограмма, похожая на ту, которой дьяк обычно заверял княжеские грамоты, стоит на жалованной грамоте княгини игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию. Согласно этой грамоте, датируемой 1471–1475 годами, монастырские лодки, суда и возы с товарами освобождались от пошлин за проезд через шехонские волости Марии Ярославны^[21]. Осенью 1477 года великая княгиня отправила Андрея Майко в Кирилло-Белозерский монастырь с важной и деликатной миссией. Дьяк должен был договориться с игуменом Нифонтом о монашеском постриге Марии Ярославны. 2 февраля 1478 года, в праздник Сретения Господня, игумен Нифонт постриг княгиню в монашество на ее дворе в Москве и нарек ей имя Марфа^[22]. После пострига двор великой княгини был, видимо, распущен, а Андрей Майко стал служить ее сыну — Ивану III. Однако возможно, что возвращение Андрея ко двору великого князя совершилось не так скоро. Жалованная меновная (обменная) грамота вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Спасо-Каменного монастыря Нифонту, составленная около 1480/1481 года, заверена следующим образом: «А подписал дьяк Федор Мячков»^[23]. Однако на обороте документа близ княжеской печати значится — Майко. Грамота сохранилась в поздней копии. Если текст был скопирован правильно, то это значит, что Андрей Майко некоторое время служил при дворе вологодского князя, который скончался 10 июля 1481 года.

Послужной список дьяка имеет ряд особенностей. Нетрудно заметить, что первые десятилетия его службы были связаны с Белозерьем и

Вологдой. Вероятно, Майко хорошо знал эти земли: расположение владений и угодий, их владельцев. Интересно, что родственники Ивана Гавриловича Заболоцкого, с которым дружил Андрей Майко, имели княжеское пожалование в Белозерье. Дед Заболоцкого, Иван Иванович, по прозвищу Молодой, в 1400–1420 годах владел на правах кормленщика волостью Киснема на северном берегу Белого озера. Эти права впоследствии перешли к его детям Льву, Дмитрию и Гавриле (отцу Ивана Гавриловича)^[24]. Возможно, какие-то земельные владения в Белозерье были и у Майковых.

И еще один неожиданный штрих к биографии Андрея Майко. Мы уже упоминали, что он иногда вместо подписи ставил свою монограмму. Однако далеко не все дьяки заверяли подобным образом княжеские грамоты. Современные исследователи установили, что некоторые монограммы образованы из букв уйгурского алфавита, на котором велась документация в Золотой Орде^[25]. Иногда монограммы представляли собой зашифрованные имена дьяков, как, например, у дьяка Кулудара, иногда целые фразы. Вполне вероятно, что Андрей Майко знал уйгурский язык; не случайно при его участии составлялись «списки казанские старые и грамоты посылные» в Царском архиве^[26], то есть формировался фонд архивных документов, связанных с Ордой.

С 90-х годов XV века начинается новый этап в биографии Андрея Майко, его карьера делает крутой виток вверх: отныне он принимает участие практически во всех важных переговорах с иноземными послами, сам ездит с посольствами. Но речь об этом еще впереди.

Город детства

*И будет яко древо насажденне при исходящих вод,
еже плод даст во времвое.*

(Пс. 1, 3)

Детство и отрочество Нила прошли в Москве. Это был небольшой город, который мало походил тогда на столицу европейского государства. Белокаменные стены, построенные при князе Дмитрие Донском, опоясывали Боровицкий холм. К середине XV века укрепления еще не достроили, поэтому татары постоянно создавали реальную угрозу для захвата Кремля. Сегодня он нам кажется небольшим, а тогда в часы опасности за его стенами укрывалось все население столицы. «Летом Московский Кремль утопал в зелени, окруженный садами и рощами. Таким его видел еще до перестройки Кремля при Иване III итальянец Барбаро („замок расположен на холме и со всех сторон окружен рощами“). Зимой его строения, покрытые белым снегом, с золотыми крестами, со свинцовыми кровлями, казались воплощением народных представлений о сказочных городах»^[27].

Кремль был своего рода городом в городе. Его низинная часть, расположенная у подошвы и по склонам холма, называлась Подолом. Она была густо заселена: здесь находились дворы служилых людей, купцов, великокняжеских слуг, а также хозяйственные дворы великого князя и его бояр. В черте кремлевских стен располагались мастерские ремесленников, обслуживавших знатных людей. На вершине холма стояли великокняжеский дворец и терема удельных князей и бояр; здесь же размещались владения митрополита, священников кремлевских соборов. Дворы были окружены высокими заборами, они представляли собой целые усадьбы с жилыми домами, садами, огородами, житницами и амбарами. Усадьбы образовывали улицы, вымощенные камнем. Через крепостные ворота они выходили на посады. Вдоль берега Москвы-реки, у подножия Боровицкого холма проходила древняя Великая улица. «Проходя через Тимофеевские ворота, она объединяла часть Подола, вошедшего в состав Кремля, и Зарядье — наиболее оживленный прибрежный район, связанный с причалами и большим торгом, который вытянулся... вдоль приступной кремлевской стены»^[28].

Иметь двор в Кремле было почетно, поэтому бояре и служилые люди всегда с неудовольствием воспринимали переселение в другие части города. В Кремле все жили довольно тесным миром, хорошо знали друг друга. Где в то время стоял дом Майковых, мы не знаем. В XVII веке их двор находился в Китай-городе, но можно предположить, что в детские годы Нила семья государева служилого человека размещалась в Кремле.

Москва времени Василия Темного практически вся была деревянной, средств на каменное строительство не хватало. Частная каменная застройка в городе началась только в 80-х годах XV столетия. Поэтому пожары были настолько частым явлением, что каждый житель Кремля успевал за свою жизнь построить не один дом. Даже великокняжеский дворец оставался деревянным, за исключением нескольких каменных палат. Во дворце у княгини был «златоверхий терем», обращенный к берегу и называвшийся «набережным». Парадный вход в терем украшало двухэтажное крыльцо-рундук, с резными колонками-балясинами. 1 февраля 1394 года на дворе великой княгини освятили каменную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Сенях. Набережная палата великого князя, вероятно, была каменной; ее «страннолепно» расписал «подписью» «незнаемую» знаменитый византийский художник Феофан Грек, много работавший на Руси. Он же нарисовал «саму Москву» на стене дворца у князя Владимира Андреевича Храброго, героя Куликовской битвы. Его двор стоял рядом с великокняжеским дворцом.

Кремль был не только великокняжеской резиденцией, но и церковным центром. Здесь находились монастыри — Чудов, Спасский, Вознесенский — и размещались подворья крупнейших русских обителей: Троице-Сергиевой, Кирилло-Белозерской, Симоновой. Отдельно стояли храмы с прилежавшими к ним кладбищами. Центром Кремля являлась Соборная площадь, которая в первой половине XV столетия не была еще столь парадной и торжественной, какой мы ее знаем сегодня. Тогда здесь стояли небольшие каменные церкви: Успенский собор, церковь Благовещения и храм архангела Михаила. «Успенский собор находился на самой высокой точке кремлевского холма: в народе его прозвали церковью Успения „что в Маковце“, то есть на маковице, на макушке. Он царил над невысокими деревянными постройками, выделяясь белизной и мощью известняковых стен, украшенный изящными резными поясами из семилепестковых пальмет и балясинок»^[29]. Этот одноглавый храм был освящен еще при Иване Калите — 14 августа 1327 года; осенью 1329 года к нему пристроили придел — крошечную церковь в честь праздника Поклонения веригам апостола Петра. Здесь в каменной гробнице покоились мощи митрополита

Киевского и всея Руси Петра, святого покровителя Москвы.

Рядом с Успенским собором возвышалась главная московская колокольня, также построенная при Калите. «Она представляла собой восьмигранную белокаменную башню. Верхнюю часть башни прорезали арки, в пролетах которых размещались большие и малые колокола. В нижней части башни князь Иван Данилович велел устроить маленькую церковь во имя своего небесного покровителя — святого Иоанна Лествичника. По названию этой церкви москвичи издавна называли колокольню Иван Великий»^[30]. Каменный храм во имя архангела Михаила Калита построил в 1333 году по обету, в благодарность за избавление Руси от голода, вызванного «рослой» (пошедшей в рост и не давшей зерен) рожью^[31]. Архангельский собор стал усыпальницей московских князей. Их домовая Благовещенская церковь, построенная во времена Дмитрия Донского, предназначалась для семейной домашней молитвы. Крытые переходы связывали церковь с великокняжескими теремами. В 1405 году храм расписали Феофан Грек, чернец Андрей Рублев и старец Прохор с Городца. В подклете церкви хранилась казна великого князя. Эта часть древнего храма сохранилась до наших дней, она уцелела в ходе строительства нового здания в 1416 году и при более поздних перестройках в 1485–1489 годах. На башне-часозвоне рядом с Благовещенской церковью сербский монах Лазарь, пришедший в Москву с Афона, установил в 1404 году первые боевые часы. «Народ удивлялся сему произведению как чуду»^[32]. В Троицкой летописи сохранилось подробное описание их устройства: «Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы нощныя и дневныя. Не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено»^[33]. К середине века жители Кремля уже привыкли к этому чуду. Под бой часов прошли детство и отрочество Нила Сорского. Иван Великий звал его на службу, часы же напоминали, что время скоротечно, а человеческая жизнь — это «пар, пыль и пепел». Во всяком случае, так он напишет впоследствии, перефразируя известную стихиру Иоанна Дамаскина, в своем монастырском уставе.

Неподалеку от великокняжеского дворца располагался княжеский монастырь с церковью Спаса на Бору. В первой половине XV столетия в Кремле еще стояли вековые сосны-великаны, напоминавшие о том густом сосновом бору, который в незапамятные времена шумел на месте Москвы. Небольшой монастырский храм в честь Преображения Господня долгое

время служил усыпальницей. Здесь была похоронена княгиня Александра, мать Дмитрия Донского, и почивали мощи просветителя зырян епископа Стефана Пермского. В Преображенской церкви перед кончиной принял постриг Иван Калита, а впоследствии и его сын Симеон Гордый, умиравший от чумы.

Митрополичий двор находился к северу и западу от Успенского собора. В 1450 году святитель Иона заложил здесь каменную палату, а при ней домовую церковь в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы. Такое же посвящение имел знаменитый Влахернский храм в Константинополе, где хранился мафорий Пречистой Девы — шерстяной плат, покрывавший Ее голову и плечи. Митрополит Иона посещал столицу Византийской империи, и какие-то его личные впечатления и упования, безусловно, определили выбор храмового праздника. С глубокой древности Влахерны были величайшей святыней христианского мира. В царствование императора Льва I Мудрого (457–474) два патрикия, Гальбий и Кандид, тайно вывезли из Палестины в Константинополь мафорий Пресвятой Богородицы. В церкви, где патрикии спрятали свое сокровище, постоянно звучало пение, горели свечи, а воздух был напоен сладкими ароматами. Это чудо стало известно всему городу. Император повелел построить для святыни храм во Влахернах и поместить ее в драгоценную раку из серебра и золота. В 882 году, когда русские корабли угрожали Константинополю, весь город вышел на торжественную процессию. Ее возглавил патриарх Фотий, который нес мафорий Богородицы. Патриарх опустил края ризы в море, тотчас поднялась буря и разметала русские корабли.

2 июля 1451 года, в праздник Ризоположения, Пресвятая Богородица укрыла своим мафорием и Москву. С ее заступничеством жители города связывали избавление от «скорой татарщины» — внезапного нашествия войска ордынского царевича Мазовши. Осадившие Москву татары сожгли все посады и «со все страны ко граду приступаху... и стрелы на град напускающе»^[34]. Тогда горожане во главе с митрополитом Ионой, на которого Василий Темный оставил столицу, обошли с крестами и иконами городские стены. К вечеру татары отступили, а наутро осажденные в радостном изумлении увидели, что они бежали, бросив в панике свое оружие и награбленную добычу. В память об этом событии на Боровицком холме до сих пор стоит Ризоположенский храм.

За стенами Кремля располагался Великий посад: его естественными границами стали Москва-река и Неглинка. Улицы Никольская, Ильинка и Варварка были главными улицами Великого посада. Здесь находились укрепленные дворы знати и богатого купечества, площадь некоторых

дворов достигала двух тысяч квадратных метров. Ремесленники жили преимущественно на дворах знати, постепенно они стали переселяться в ремесленные слободы^[35]. Уже в начале XV века Великий посад имел защитные сооружения.

С восточной стороны к стенам Кремля примыкали торговые ряды, спускавшиеся к Москве-реке. С конца октября, как только замерзала река, вся торговля в городе прекращалась и перемещалась на рынок, устроенный на реке. «На таковой рынок ежедневно, в продолжение всей зимы, привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и другие нужные припасы», — записал итальянец Контарини, посетивший Москву в 1460-х годах.

За Москвой-рекой начиналось Заречье — наименее заселенный район города, поскольку именно отсюда, с юга, чаще всего к городу подступала опасность. Здесь проходила дорога в Орду, о чем в напоминание нам осталась улица Большая Ордынка. В тихие летние дни Заречьем можно было полюбоваться из окон высоких кремлевских теремов. По берегу реки расстился обширный зеленый луг. Но чаще всего в эту сторону смотрели с опаской, наблюдая, как клубы пыли, поднятые множеством конских копыт, стремительно надвигаются на город. После татарских набегов Заречье зловеще чернело пепелищами и остовами печей.

К западу от Кремля, между современным Арбатом и Москвой-рекой находилось Занеглименье. Московская застройка всегда отличалась нерегулярностью. Жилые дома сосредоточивались вокруг храма, а дальше шли пустыри, овраги, луга — и вновь небольшие группы домов. Приходские церкви того времени практически все были деревянными, а некоторые из них — такими маленькими, что умещались под сосной, как церковь Ильи-пророка в Посаде. В первой половине XV века Москва находилась в границах Белого города (нынешнее кольцо бульваров). Почти на окраине города стояли Симонов и Андроников монастыри.

Дома москвичей в те далекие времена представляли собой «неглубокие врытые в землю срубы из добротных еловых или дубовых бревен»^[36]. Жилые комнаты размещались над землей, а нижний этаж занимал погреб. Дома были небольшими, их общая площадь составляла 20–25 квадратных метров. Иностранцев поражала простота убранства московского дома. Его центром была печь, которую топили девять месяцев в году, чтобы согреться и приготовить пищу. Печь служила и спальней для всей семьи. Избы топились по-черному. Если заморский гость для постоя находил «белую избу», это считалось редкой удачей. Некий Даниил, принц из Бухова, который побывал в Москве в 1576 году как чрезвычайный посол

императора Священной Римской империи Максимилиана II, с недоумением заметил по поводу московского быта следующее: «Если бы они были хотя бы несколько людьми образованными, и если бы им была по сердцу жизнь более человеческая, то они с небольшими издержками могли бы жить пышно»^[37]. Однако с точки зрения русского человека, такая простота в быту была понятна и разумна. Чем меньше имеешь, тем легче терять. Москва часто выгорала дотла. Так выработывалось то особое отношение к жизни, которое воплотилось в нестяжательности русских святых.

Нестяжательность — понятие многогранное. Но если попытаться суммировать всё сказанное о нем, то можно определить нестяжательность как неимение лишнего. В московских домах, по свидетельству иностранных гостей, даже набор глиняной и деревянной посуды был минимальным. Эту особенность древнерусского быта отметил замечательный русский историк В. О. Ключевский: «Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами... В Древней Руси было иначе. Дома жили неприхотливо, кой-как. Домой приходили как будто только поесть и отдохнуть, а работали, мыслили и чувствовали где-то на стороне. Местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и свое сердце, а вместе с ним и свои недостатки»^[38].

Но оставим быт и попытаемся понять, какие духовные явления озарили отрочество и юность будущего святого.

Дивные лики

*Сказал ми еси пути живота, исполниши мя веселия
с лицем Твоим красота в деснице Твоей в конец.*

(Пс. 15, 11)

Ни в чем так зримо и полно не отражаются духовные искания эпохи, как в художественном творчестве. Даже слово не всегда способно раскрыть сущность явлений так, как образ. Столетие, предшествовавшее рождению Нила Сорского, было великой эпохой в истории древнерусского искусства. Этот период еще называют вторым знакомством Руси с Византией. В конце XIV века в Москве работали выдающиеся греческие и южнославянские художники, в монастырях Константинополя и Афона переводили на славянский язык творения святых отцов, эти книги поступали в библиотеки русских обитателей. В 1344 году на Русь после длительного перерыва, вызванного татаро-монгольским нашествием, прибыли греческие мастера. Они украсили фресками Успенский собор в Московском Кремле и, вероятно, написали несколько дошедших до наших дней икон. Среди них погрудное изображение Христа Вседержителя, уже в древности получившее название «Спас Ярое Око»^[39]. Это, безусловно, знаковая для своего времени икона. Лик грозного и неумолимого Судии смотрит в самую глубь человеческой души через пространство и время.

В первом, самом древнем здании Успенского собора находился образ «Троицы» середины XIV века. Он был полностью переписан в 1700 году, первоначальная живопись сохранилась лишь на ликах среднего ангела и праматери Сары. Ныне икона, которая по-прежнему пребывает в Успенском соборе, производит удивительное впечатление, как будто открывает окно в иную, неземную, реальность. Из-под поздней живописи, уже далекой от духовной сущности вещей, проступает лик божественной красоты. На алтарной преграде Успенского собора греческие художники изобразили древних святых египетской Фиваиды и Палестины: Павла Фивейского, Феодосия Великого, Евфимия Великого, Антония Великого, Ефрема Сирина и Исаака Сирина. Эти фрески, видимо, были отчасти воспроизведены в росписи нового Успенского собора 1481–1482 годов артелью художников под руководством знаменитого русского мастера Дионисия. Лики святых также украшали алтарную преграду

Благовещенского собора, расписанного Феофаном Греком, Андреем Рублевым и Прохором с Городца, что говорит о живописной традиции, утвердившейся в кремлевских соборах. Алтарная преграда символизирует собой врата в Царство Небесное, именно сюда во время богослужения устремлены взоры молящихся людей. Лики древних святых, изображенные здесь, напоминали о живой и вдохновенной вере в Бога. Они говорили без слов, что путь к спасению души есть подражание житиям святых. Именно этот путь избрал для себя Нил Сорский, для него этот художественный знак не остался незамеченным.

В 90-е годы XIV столетия благодаря активным художественным контактам Русь знакомится с культурой исихазма, которую завещала нам уходящая в небытие Византия. Эпоха, предшествовавшая падению великой империи, была наполнена напряженными духовными поисками и спорами, касавшимися глубинных основ православного учения о молитве. За десятилетие с 1341 по 1351 год в Константинополе состоялись три Церковных Собора, на которых авторитетом Церкви была подтверждена достоверность опыта монахов-исихастов. В чеканных богословских формулах святителя Фессалоникийского Григория Паламы нашла свое окончательное оформление и осознание тысячелетняя традиция «умного делания», мистического богословия «обожения».

Противник Паламы, калабрийский монах Варлаам, рационалист по убеждениям, утверждал, что только «внешняя мудрость» может быть средством Богопознания. Под «внешней мудростью» подразумевалась древнегреческая философия, причем преимущественно аристотелевского направления, «выше и больше» которой, по мнению Варлаама, «нет ничего». Как говорил сам калабрийский монах, он выступал «для опровержения тех, кто преступает законы мышления»^[40]. Свой силлогизм Варлаам строил так: «...если Бог есть истина, то незнание истины есть незнание Бога, всякий же, кто не изучил внешней мудрости, не знает истины, то есть Бога»^[41]. Защитники православной традиции указывали Варлааму на то, что он все тайны мира пытается постигнуть при помощи диалектики, «изостряясь в противоречиях».

Для святителя Григория Паламы, напротив, непререкаемой и неопровержимой оставалась истина, что помимо «здорового понимания чего бы то ни было существующего в мире» человек должен стремиться к «ведению того, что доставляет нам жизнь божественную»^[42]. Да, человеческие чувства способны добывать из внешнего мира образы. Эти образы есть подлинные отражения тел. Из этих образов человеческий ум

составляет разные понятия. Но только «научение Святаго Духа может быть источником истинного ведения о Боге, мире и человеке»^[43]. Только мистический опыт позволяет открывать великие тайны. Многие сейчас проповедуемые догматы, говорил Палама, содержались в законе Моисея как тайны, в том числе и догмат о Троице. Эти тайны «духом созерцали» пророки и открыли их людям задолго до исполнения пророчеств.

Святитель Палама утверждал реальность не только того мистического опыта, который содержится в церковном Предании, но и реальность откровений в духовном опыте человека. В связи с этим вопрос о природе Фаворского света, который озарил апостолов во время Преображения Христа, стал главным в его учении и в полемике с Варлаамом. Калабрийский монах считал свет Преображения созданным «мысленным» образом для сообщения высшего знания апостолам, «слабым призраком» знания «о том, что есть»^[44]. Преображение, по Варлааму, не означало причастия апостолов тому, «что есть». Фаворский свет не был изливанием существа Бога, ибо Бог, говорил Варлаам, не может быть доступен человеку и приходить с ним в общение. Палама же настаивал на подлинности Преображения. Из-за преступления Адама человек был лишен возможности божественного созерцания, рассуждал он. Фаворское «озарение» «явлено было, дабы мы знали, чем мы были (до грехопадения) и чем будем». «Ибо во Христе преобразилось на горе не божеское естество Его, а занятое от нас естество человеческое. Творец на этой горе явил первообразную красоту свою в твари, оставшейся тварью»^[45]. При том что тайная Божественная сверхсущность всегда остается невидимой и недоступной, человек, согласно учению Григория Паламы, способен бесконечно познавать Бога в его энергиях, приобщаться Ему, преодолевая свою тварную ограниченность. По образному толкованию святителя, сущность и энергии соотносятся друг с другом, как самый солнечный диск и тепло от его луча, как источник и вода.

Для того чтобы благодать Святаго Духа начала действовать в человеке, необходим духовный подвиг — исихия. Это сложный процесс восхождения по ступеням совершенства, и доступен он не каждому. «Редки люди, глубоко познавшие философию, что в мире; редки и те, которые знают философию безмолвия, что в Боге». В состоянии безмолвия ум, объединяющий в себе собственно ум, сердце и душу, предварительно очищенный от страстей, собирается и возвращается сам к себе, начинает совершать «восхождение через себя к Богу» — «умное делание». Он озаряется светом Троицы, значит, достигает своего настоящего состояния,

той мысленной высоты, когда становится подобен сапфиру. Сам же человек достигает состояния обожения. Поскольку тело неразлучно соединено с душой, то и само тело удостаивается божественного присутствия.

Историки давно спорят о том, насколько учение Паламы и теория исихазма были известны на Руси. Но идеи, как известно, носятся в воздухе; взаимовлияние культур — вещь очень тонкая и не объяснимая научным «препарированием». Именно это учение о божественной сущности и энергиях, об «обожении» человека, о мистическом откровении высших истин являли своим творчеством греческие художники, приходившие из далекой Византии.

Летом 1395 года Феофан Грек расписал в Московском Кремле храм Рождества Богородицы на дворе великой княгини Евдокии Дмитриевны, а четыре года спустя — Архангельский собор. Эти фрески не сохранились до наших дней. Но об образах, созданных Феофаном Греком, мы можем судить по знаменитым новгородским фрескам церкви Спаса на Ильине улице. Написанные почти в монохромной гамме экспрессивными белильными движками, лики и фигуры преподобных кажутся лишенными всякой телесной природы. Огонь божественной энергии испепелил их плоть и преобразовал душу, которая сама стала огнем. Помещенные в ирреальном пространстве святые, созданные кистью Феофана Грека, «действуют в единстве с всепроникающей сверхъестественной волей. Движения их скупы, но полны непреодолимой силы; взгляды обращены в первопричину явлений. Согласно Симеону Новому Богослову, каждый, кто достиг очищения сердца, „весь всецело бывает Бог по благодати“. Он „слеп и не слеп“; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения... и смотрит выше естества. Бывает бездействен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие»^[46].

Поражает мощная портретная выразительность каждого образа, созданного Феофаном. «Психологически остро характеризован пустынный Макарий Египетский, отрешившийся от мира; самоуглубленный отшельник показан с закрытыми глазами, с покрывающими большую часть его лица волосами; его резко поднятые брови говорят о внутренней борьбе; традиционный молитвенный жест (оранта) применен так, что приобретает новый смысл: отстранение от себя всего окружающего; жестом он как бы говорит „Noli me tangere“ („не прикасайся ко мне“)^[47].

Главный цвет в палитре Феофана Грека — белый, цвет райского света. «Первые слова о свете Господнем исходили от самого Христа: „Доколе Я в мире, Я свет миру“ (Ин. 9, 5); или: „Я свет миру; кто последует за Мною,

тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни“ (Ин. 8, 12). Однако ясные в первые века христианства слова Христа в ежедневном церковном обиходе утратили свою остроту. Впрочем, только словесные рассуждения о природе света Господня даже в проповедях великих богословов оказались недостаточными. Необходимо было создание зримой молитвы, способной вернуть изначальный (почти утраченный) смысл слов Христа. И она возникла, эта молитва. Возникла в творчестве художников-исихастов (таких как Феофан Грек, как мастера фресок Волотова поля, как мастера мелётовских фресок). И эту живопись уже невозможно было считать иллюстрацией к богословским текстам, так как она могла привести созерцание верующего к сущности того света, которая находится за пределами любых слов...»^[48]

Детские впечатления неизгладимы из памяти человека. Огромное воздействие на внутренний мир оказывают те зрительные образы, с которыми когда-то встретились глаза ребенка. Будущий святой жил в Кремле, рос в окружении дивных фресок и икон. Горний мир, красоту которого он так остро почувствовал в детстве, стал для него большей реальностью, нежели тот, что шумел на торговом посаде, пугал завыванием огня на московских пожарах. Духовный мир Нила Сорского, особый строй его сочинений невозможно понять, не видя искусства Феофана Грека и Андрея Рублева. Знаменитый русский иконописец принадлежал к старшему поколению, он преставился незадолго до рождения Нила. Когда тот был еще ребенком, московские храмы, расписанные Рублевым, стояли в своем нетронутом великолепии.

Спасский собор Андроникова монастыря — единственный свидетель детских и отроческих лет Нила Сорского, уцелевший до наших времен. Белокаменный храм был построен в 1410–1427 годах на высоком левом берегу Яузы. Поставленный на высокий подиум собор, кажется, приподнят над землей. Он зовет и притягивает к себе взгляд. И вы не сразу переступаете его порог, но взбираетесь по высоким ступеням, словно готовитесь оторваться от земли вместе с ним. Перспективный портал со множеством арок углубляет границу между храмом и миром. Каменные килевидные кокошники в основании барабана, ярусами поднимаясь друг над другом словно языки пламени, собираются в единый стоп и высокой свечой устремляются к небу.

Андроников монастырь был основан митрополитом Киевским и всея Руси Алексием по обету, который святитель дал во время путешествия в Константинополь в 1354–1355 годах. Вот рассказ самого митрополита, записанный в его Житии: «Случилось некогда, когда мы плыли от

Царьграда, ветреное возмущение и корабль сокрушало сильными волнами, и все мы отчаялись сохранить жизнь, и каждый молился о себе, и я дал свой обет Богу: в какой день достигнем пристани, поставим церковь в честь того святого, который в этот день будет праздноваться. И с того часа ветры и море от волнения успокоились, и была великая тишина»^[49]. Корабль пристал к берегу 16 августа — в день празднования Нерукотворного Образа Спасителя. В новом храме основанного им монастыря святитель поместил икону Спасителя, которую привез из Константинополя. В память о той поездке ручей, огибающий монастырь и впадающий в Язу, был назван Золотой Рожок по аналогии с заливом Золотой Рог.

Паломники, бывавшие в Царьграде, приносили на Русскую землю, не только его топографию, но самый дух византийской культуры. К «самой огнистой вершине Средневековья» — исихастской молитве, возводящей ум человека к непостижимым высотам Богоподобия и Богопознания, прикасались они на земле Царьграда. Спасский собор Андроникова монастыря, являя в своих каменных формах образ молитвы, пламенеющей к Богу, возведен в память об этих паломничествах.

Переступая порог храма, современники Нила Сорского попадали в мир образов Андрея Рублева. Фрески были сбиты в XVIII веке. На откосах алтарных окон уцелели лишь фрагменты орнаментов — крошечный осколок той росписи, которой перед смертью украсил собор великий иконописец. Но все мы видели звенигородский «Спас» и «Троицу» Андрея Рублева. Эти образы могли воплотиться в иконах только как откровение молитвенного созерцания. Внутренняя гармония и тишина искусства Рублева словно утоляли и успокаивали «бурю и натиск» Феофана Грека. Греческий иконописец возвещал близкий Страшный суд, Рублев — вечную реальность рая. Храмовые образы указывали человеку путь от мира земного через очищение от страстей и горение в молитве к состоянию обожения и Царству Небесному. Но не каждый мог ответить на этот призыв. Святой Григорий Нисский в своем «Толковании к написаниям псалмов» так говорил о смысле музыки: «Мне кажется, что философия, проявляющая себя в мелодии, есть более глубокая тайна, нежели об этом думает толпа»^[50]. То же самое можно сказать и об искусстве зримых образов. Нил Сорский понимал в совершенстве этот сакральный язык, он слышал музыку Небесных сфер и вечный зов, исходящий из архангельских труб. Безусловно, что встречи с великим искусством оставили глубокий след в его душе.

И еще одно важное дополнение к описанию средневековой Москвы мы должны сделать. В конце XIV — начале XV века в столице Московского княжества постепенно сосредоточиваются великие христианские святыни. Благодаря этому небольшой деревянный город, затерянный в лесах, приобретает совершенно иной статус. Весной 1401 года, после окончательного присоединения Суздальско-Нижегородского княжества, из Суздаля в Москву были торжественно перенесены реликвии Страстей Христовых. Жители города, священники и монахи встречали святыни у стен столицы^[51]. Вероятнее всего, это событие совершилось при участии великой княгини Евдокии Дмитриевны, матери правящего князя Василия I. Она была дочерью нижегородского князя Дмитрия Константиновича, при котором святыни Страстей Христовых в январе 1383 года привез из Константинополя архиепископ Дионисий, поставленный на суздальскую кафедру Вселенским патриархом Нилом. Святыни представляли собой частицы реликвий, хранившихся в разных константинопольских храмах: в монастыре Святого Георгия в Манганах, во Влахернском храме и в монастыре Пантократора. Главной среди них была часть Истинного, или Животворящего, Креста, на котором был распят Иисус Христос. Кроме нее в ковчеге архиепископа Дионисия находились еще 16 великих святынь: частицы хитона, багряницы и тернового венца Спасителя; камень столпа бичевания Христа; губа, при помощи которой напоили Распятого; трость, которой били Его по голове; кровь и вода, истекшие из пречистых ребер Спасителя; волосы, исторгнутые из Его браны. Среди реликвий был и камень «доски», на которую положили снятое с креста тело Христа. Эта святыня в XIV–XV веках принадлежала монастырю Пантократора. В двух окошечках ковчега были помещены «ароматы», которыми помазали тело Христа перед погребением, и еще в одном хранился «камень гробный». Три реликвии были связаны с Пресвятой Богородицей: частицы от Ее ризы и от Ее честного гроба, а также камень яслей Спасителя.

В ковчеге хранилась также частица крови Христовой, истекшей от иконы Распятия в городе Вирите (Бейруте). Об этом древнем чудотворном образе рассказывается в Деяниях Седьмого Вселенского Собора^[52].

Для святынь, привезенных архиепископом Дионисием, на средства князя Дмитрия Константиновича изготовили роскошный ковчег, сохранившийся до наших дней^[53]. Он выполнен в виде равноконечного креста, квадратный центр которого обрамляют полукружия. В центре укреплен крестообразный ковчежец с частицей Истинного креста. По сторонам размещены 16 ковчежцев восьмилепестковой формы, закрытые

слудой. Мастера выполнили серебряный золоченый оклад в технике эмали, украсив его полосами сканного орнамента с перламутровыми плашками, жемчужинами, цветными камнями и стеклами. На поверхности оклада выгравированы евангельские события Страстной Недели, напоминанием о которых являются представленные в ковчеге реликвии: Вход Господень в Иерусалим, Возведение на крест, Распятие с предстоящими, Снятие со креста, Положение во гроб, Жены-мироносицы у гроба Господня. Завершают страстной цикл великие двенадцатые праздники: Сошествие во ад и Вознесение.

Ковчег Страстей Христовых стал главной святыней московского княжеского дома. Не случайно он упоминается на первом месте в духовных грамотах князя Василия I Дмитриевича: «А благословляю сына своего, князя Василья, страстьми болшими...»^[54] В 1446 году, в ходе борьбы за московский стол, ковчег вместе с другой «святостью» и казной Василия II был захвачен мятежными князьями Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. Вопрос о его возврате особо оговаривался в «докончальной» и «перемирной» грамотах враждующих князей. «А что яз, князь Дмитрии Юриевич, и князь Иван Андреевич поимали есмя князя великого кресты и страсти Спасовы... и нам то все отдати брату своему старейшему, князю великому, поцеловав крест, как нас князь велики примет в любовь», — обещали мятежники Василию II в сентябре 1447 года^[55]. Однако в декабре святыни все еще оставались у них. В это время русское духовенство обратилось к Дмитрию Шемяке с призывом помириться с великим князем. Доказательством искренности его покаяния и добрых намерений должен был послужить возврат захваченной им «святости», а в особенности «Страстей Спасовых». В противном случае епископы грозили мятежнику отлучением от Церкви, проклятием и вечными муками: «А аще ли единаче в своем жестосердии тако и хочещи пребыти и брату своему старейшему великому князю челом не имешь бити... а его не отдаси святости, честные кресты и святые иконы и Страсти Спасовы и казны великого князя... ино то не мы тебе учиним, но сам на себе наложишь тягость церковную духовную... И аще не обратишися к Богу и ко своему брату... чюжь будешь от Бога и от церкви Божией, и от православных христианских веры, и чясти не имаши с верными, и не будет на тебе милости Божией и Пречистыя Его Богоматери и силы того честного и животворящего креста... и по святым правилом проклят да будешь... и в конечную погибель поидеши... временно же и будуще»^[56]. Святыни, видимо, удалось вернуть к весне 1448 года. По крайней мере, в «докончании» Василия II с князем можайским

Иваном Андреевичем, состоявшемся между 31 марта и 6 апреля этого года, они уже не фигурируют. Впоследствии реликвии хранились в алтаре Благовещенского собора. Скорее всего, их выносили на поклонение верующим в Великий четверг, как это было в константинопольском храме Святой Софии. Отрок Нил был свидетелем и участником этих торжественных и скорбных богослужений. Всякий раз, с трепетом прикасаясь к святыням, он думал о той великой цене, которую уплатил Христос за спасение людей. Уже перед кончиной, в своем «Завещании», Нил Сорский упомянул о принадлежавшем ему кресте с камнем «страстей Господних». Трудно сказать, о какой святыне шла речь в этом тексте. Камень от гроба Христа, от плиты Помазания или от колонны бичевания Нил мог приобрести во время своего паломничества на Восток. Но не исключено, что он хранил у себя частицу из знаменитого реликвария Дионисия Суздальского.

В Московском Кремле находились цареградские чудотворные иконы. В соборе Вознесенского монастыря, основанного в 1406 году великой княгиней Евдокией Дмит-риевной, москвичи молились перед образом Пресвятой Богородицы «Одигитрия». Он был написан в Константинополе в точную меру со знаменитой чудотворной иконы и прислан на Русь, вероятно, в 1381 году все тем же архиепископом Суздальским Дионисием^[57]. Желание русских людей иметь у себя список самой почитаемой иконы Византийского мира зиждилось на их несомненной вере в то, что копия заключает в себе благодать подлинника. По преданию, цареградскую «Одигитрию» написал евангелист Лука. Исторические свидетельства об этой иконе, действительно, очень древние: они относятся к рубежу IV–V веков. На берегу моря, в восточной части Константинополя, около Большого дворца находился целебный источник, вода которого излечивала болезни глаз^[58]. Поводыри приводили сюда слепых. Однажды мимо источника проходили двое слепцов. И едва несчастные зачерпнули воды и умыли свои лица, тотчас был дарован им свет. Они рассказали, что их вела Богоматерь. С тех пор это место стали называть «Одигон» (от греческого — проводник, поводырь)^[59]. Императрица Пульхерия, узнав о чуде, повелела построить близ источника храм во имя Пречистой Девы. Другая императрица, Евдокия, жена императора Феодосия II Младшего (408–450), которая в результате дворцовых интриг была вынуждена удалиться из Константинополя и поселиться в Иерусалиме, прислала в столицу икону, подаренную ей палестинскими монахами. В Константинополе святыню поместили в храме у источника Одигон,

поэтому икона получила наименование «Путеводительницы» («Одигитрии»). Каждый вторник с «Одигитрией» совершались торжественные процессии по городу, сопровождавшиеся «великими почестями, пением и гимнами». Их описал русский паломник Стефан Новгородец, побывавший в византийской столице в 1348–1349 годах: «Ту икону каждый вторник выносят. Удивительное это зрелище: тогда сходится весь народ, и из других городов приходят. Икона же эта очень большая, искусно окованная, и певцы, лучшие перед нею, красиво поют, а весь народ с плачем восклицает: „Господи, помилуй!“ Одному человеку поставят икону на плечи стоймя, а он руки распрострет, словно его распяли, и глаза у него закатятся, так что смотреть страшно, и по площади бросает его туда и сюда, и вертит его в разные стороны, и он даже не понимает, куда его икона носит. Потом другой подхватывает ее, и с тем бывает так же, а затем и третий, и четвертый подхватывают, и они поют с дьяконами пение великое, а народ с плачем взывает: „Господи, помилуй!“ Два дьякона держат рипиды, а остальные киот перед иконой. Дивное зрелище: семь человек или восемь поставят икону на плечи одному человеку, а он, изволением Божиим, ходит, будто ничем не нагруженный»^[60].

На протяжении веков «Одигитрия» почиталась как палладиум Константинополя. Она не раз спасала столицу во время нашествия иноплеменников: в 626 году от аваров и славян, в 717 году — от «агарян». Император Иоанн Комнин (1118–1143) поместил икону в императорский дворец и завещал ежегодно приносить ее в монастырь Пантократора в день его кончины, а также в дни памяти других погребенных здесь представителей императорской семьи^[61]. В XIV веке установилась традиция брать священный образ во дворец накануне Вербного воскресенья и возвращать его в понедельник после Пасхи. Императоры не жалели средств для украшения иконы. Согласно описанию испанского паломника Клавихо (1403–1406), доска иконы была покрыта серебром, «и в нее вделано много изумрудов, сапфиров, бирюзы, жемчуга и других разных камней»^[62]. В день взятия Константинополя, 29 мая 1453 года, янычары, делившие драгоценный оклад иконы, разрубили ее на несколько частей. Об этом сообщает византийский историк Михаил Дука^[63].

Московский список «Одигитрии» сильно пострадал во время пожара 1482 года, уцелела только доска. В том же году художник Дионисий возобновил святыню, полностью сохранив ее иконографию и композицию^[64]. В это время Нил уже жил на Соре. В детстве же ему посчастливилось видеть цареградский образ в его первоизданном виде.

Икона написана на широкой почти квадратной доске. На ней фронтально представлен поясной образ Богородицы с Младенцем, сидящим на Ее левой руке. Лик Марии слегка повернут к Сыну. Правой рукой Христос благословляет, а в левой держит свиток, поставленный на колено. Особенностью иконы являются крупные полуфигуры поклоняющихся архангелов Гавриила и Михаила, написанные в верхних углах. Почти белый фон иконы придает образам бесплотную легкость, удивительную чистоту и нежную созерцательность^[65]. Московский образ «Одигитрии», как и его цареградский прототип, освящал самые торжественные и важные события, связанные с правящей династией. Так, например, 8 апреля 1498 года, в Вербное воскресенье, икона сопровождала крестный ход, в котором принимали участие великий князь Иван III и его недавно коронованный внук Дмитрий Иванович. Это событие увековечено на шитой пелене, заказанной княгиней Еленой Волошанкой по случаю коронации ее сына^[66]. Возможно, процессия следовала из храма в великокняжеский дворец. Исследователи пелены заметили, что при перенесении иконы были соблюдены все особенности древнего византийского чина: «Ее бородатый носильщик (видимо, диакон. — *Е. Р.*), одетый в длинную красно-коричневую тунику, так же простирает руки в обе стороны. Икона закреплена на треугольном древке; центральный вертикальный штырь, очевидно, вставлен в ремень, который крест-накрест опоясывает грудь носильщика. Другие участники процессии несут два широких полукруглых опахала или хоругви и два ромбовидных опахала поменьше, а также дюжину разноцветных длинных ветвей...»^[67] Их число, скорее всего, не было случайным, поскольку именно 12 ветвей сопровождали икону Одигитрии в монастырь Пантократора^[68].

В Благовещенском соборе Кремля находилась еще одна Богородичная икона, связанная с Константинополем. Она была привезена митрополитом Пименом в 1381 или 1388 году и получила название Пименовской. В Москве образ почитался чудотворным, существовал обычай посещать с ним дома горожан, «иже от веры мнози желаху тогда видети в дому своем образ той Богородицы». Летописная запись за 1404–1407 годы повествует о том, как московский купец Тютрюм упросил соборных священников принести святой образ в его дом и отслужить перед ним молебен^[69]. Во время службы «миро шло от главы Ее». Возможно, свидетелем таких чудесных посещений случалось быть и отроку Нилу.

Храмы, иконы и фрески, дошедшие до нас с тех далеких времен, свидетельствуют о высоте духовной культуры, формировавшей русских

святых. Однако в каком обществе им доводилось жить? «Нужно сказать, что расцвет русской святости и искусства контрастировал с тягостной действительностью не только в плане государственном, но подчас и в плане церковном», — точно заметил Л. А. Успенский^[70].

Год 1425-й, в который закончилось правление великого князя Василия Дмитриевича, был своеобразным рубежом, отделившим одну эпоху от другой. К концу 1420-х годов друг за другом завершили свое земное поприще ученики преподобного Сергия Радонежского, создавшие множество монастырей в городах и в лесной глуши. Они были создателями Святой Руси. Монастыри, основанные в начале XV столетия, к середине века еще не утратили того духа подвижничества и горячей веры, который вдохнули в них святые основатели. В это время в любой обители можно было встретить преподобных среди монастырской братии. Однако Святая Русь — это понятие исключительно духовное. Само человеческое общество продолжало жить по законам греха, мало меняясь к лучшему. И этот полярный контраст двух миров простым, незатейливым образом, и даже ненамеренно, показан в Житии малоизвестного северного святого — Иродиона Илоезерского. Там есть один примечательный эпизод. Подвижник построил себе келью на берегу озера Ило для уединенной молитвы. Но этот же берег облюбовали для своих развлечений жители села, находившегося за озером. В праздничные дни они приплывали сюда на лодках целыми семьями, пели, плясали, прыгали через костры, пили и сквернословили. Святой Иродион, хорошо слышавший через стены своего жилища происходившее на берегу, продолжал возносить свои молитвы, а мир вокруг был поразительно глух и равнодушен к обитателю кельи.

Святые были людьми непонятными, чужими — «не от мира сего», поэтому мир ненавидел их. Многие подвижники погибли в своих лесных пустынях от рук разбойников и жителей соседних деревень. Иову Ущельскому после долгих пыток отрубили голову, Агапита Маркушевского убили и бросили в реку. В возрасте пятидесяти лет погиб вологодский святой Симон Воломский: крестьяне кололи его ножами, прижигали огнем, а потом отрубили голову. Адриана Монзенского задушили, привязав к полозьям саней. Преподобные Григорий и Кассиан Авнежский были убиты в своем монастыре. И этот скорбный список можно продолжить. Убийцы наверняка были крещены в церкви и носили нательные кресты под рубахами, однако Евангелие так и осталось для них закрытой книгой. Историки говорят, что воцерковление русского общества началось только в середине XIV века. Вопиющим выглядит поведение воинов и князей на землях соседних княжеств. Они жгли храмы и монастыри, убивали

священников и монахов, продавали в рабство своих же соотечественников. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Христофор потратил немало средств из монастырской казны на выкуп русских людей, попавших в плен во время княжеской междоусобицы. Правда, однажды звенигородский князь Юрий Дмитриевич из уважения к кирилловскому игумену отпустил пленных даром.

Преподобный Кирилл Белозерский в своем послании к белозерскому князю Андрею Дмитриевичу перечислил основные язвы русского общества. Увы! С тех пор мало что изменилось. На первое место святой поставил несправедливый суд — суд с использованием взяток, ложных свидетельств, подметных писем. Проблема стояла, видимо, настолько остро, что святой Кирилл обещал Царство Небесное всем «судящим праведно, без мзды», невзирая даже на их личные грехи. Другое зло, на которое обратил внимание князя Кирилл Белозерский, — это пьянство православных христиан. «Следи внимательно, — писал он, — чтобы корчмы не было, потому что, господин, великая от нее пагуба душам: христиане... пропиваются, и души гибнут»^[71]. Несправедливые поборы и разбои довершали картину русской жизни, нарисованную святым. «И если не уймутся преступники делать свое злое дело, то ты вели их наказывать своим наказанием — чего будут достойны» — так строго и бескомпромиссно завершил свои наставления преподобный.

Неустройство общественное усугублялось княжескими распрями и междоусобицами.

О княжении Василия Темного

Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения.

(Пс. 145, 3)

Нил рос в смутные годы «феодальной войны». После смерти Василия I Дмитриевича его брат, князь Звенигородский и Галицкий Юрий Дмитриевич, основываясь на древнем праве наследования «от брата к брату», немедленно заявил свои права на великокняжеский стол. Его поддержали сыновья: Василий Косой, Дмитрий Красный и Дмитрий Шемяка. Тлеющие угли вражды разгорелись в костер по случайному поводу на свадьбе семнадцатилетнего князя Василия Васильевича и великой княжны Марии Ярославны в феврале 1433 года. Вспомним, что это был год рождения преподобного Нила. В разгар свадьбы княгиня Софья Витовтовна, мать Василия, сорвала с князя Василия Косого золотой пояс, украшенный драгоценными камнями. Оказалось, что этот пояс некогда подарил своему зятю Дмитрию Донскому его тесть Дмитрий Константинович Суздальский. Но в 1367 году, на свадьбе Дмитрия, пояс тайно подменил тысяцкий Василий Вельяминов и дал своему сыну Микуле, женатому на старшей дочери Дмитрия Константиновича, Марии. Переходя из рук в руки, пояс достался Василию Юрьевичу Косому. Ничего не подозревая, тот надел его на свадебный пир. Здесь пояс опознал наместник ростовский, князь Петр Константинович Добрынский, и сказал о том великой княгине. Софья Витовтовна, не любившая Юрьевичей, не смогла или не захотела сдержаться. Оскорбленные таким обращением, братья, «роззловившись», покинули княжеский дворец и помчались в Галич к отцу. По дороге они разграбили Ярославль и дворы ярославских князей, союзников Москвы. Сюда же в Галич прибыл обиженный московским двором боярин Иван Дмитриевич Всеволож.

Заступаясь за опозоренных сыновей, Юрий Галицкий двинулся на Москву. Известие о выступлении Юрия вызвало панику в столице. Навстречу мятежнику выслали послов. Однако боярин Всеволож расстроил переговоры. Князь Юрий «миру не восхоте, но таки поиде; а Иван Дмитриевич не дал о миру ни слова молвити. И бысть межю обоих бояр брань велика и слова неподобные, и тако возвратившеся послы великого

князя безделни»^[72]. 25 апреля 1433 года войско великого князя, которое не готовилось к серьезному сражению, было разбито в 20 верстах от Москвы, на берегу реки Клязьмы. О причине поражения русский летописец записал так: «С князем же Юрьем множество вои, а у великого князя добре мало, но одинако сразишася с ними, а от москвич не бысть никоея помощи, мнози бо от них пьни бяху и с собою мед везяху, что пити еще»^[73].

Василий II вместе с женой и матерью бежал сначала в Тверь, а потом в Кострому. Здесь его и пленил Юрий Дмитриевич. Проявив великодушие, звенигородский князь дал Василию в удел Коломну, а сам сел в Москве. «Юрий, пришед в Москву, начат многи грабити и казнити, что ему преже не помогали»^[74]. Поэтому московская знать и служилые люди стали перебираться в Коломну. Сыновья Юрия, недовольные тем, что на службе у отца не осталось никого из москвичей, бросили его и бежали в Кострому. Оставшись один, Юрий послал гонца к Василию II с такими словами: «Поиди на Москву на великое княжение, а яз иду в Звенигород»^[75]. Иван Дмитриевич Всеволож после отъезда Юрия оказался перед тяжелым выбором: ехать в чужой Галич или на поклон к Василию. Он понимал, что Юрий Дмитриевич упустил свой единственный шанс стать великим князем, да и Галич был ему чужим, вся жизнь Всеволожа прошла в Москве, под стягами московского князя на Куликовом поле воевали его отец и тесть. И старый боярин поехал с повинной в Коломну. Но приговор Василия II был жесток: старого боярина ослепили. Он недолго прожил после страшной казни и вскоре умер. После расправы над Всеволожем междо-усобная война приобрела вероломный, зловещий характер, поскольку ее участники окончательно отказались от соблюдения каких-либо христианских законов.

Между 25 апреля и 28 сентября 1433 года Василий заключил мирный договор с Юрием и вернул себе великое княжение. Москва успокоилась, но ненадолго. 20 марта 1434 года Юрий, разбив у села Никола-на-горе в Ростовской земле войско Василия II, вновь начал осаду Москвы. На этот раз москвичи добровольно открыли ворота. Князь Юрий приказал отправить великих княгинь Софью Витовтовну и Марию Ярославну, по одним сведениям, в Рузу, по другим, — в Звенигород, и захватил казну великого князя. А сам Василий II после поражения на поле битвы бежал в Новгород Великий, потом в Тверь и, наконец, в Нижний Новгород, чтобы оттуда последовать в Орду.

Однако 5 июня 1434 года Юрий Звенигородский неожиданно умер. На память о его княжении москвичам остались монеты с изображением

святого Георгия, убивающего дракона. После смерти Юрия Дмитриевича ситуация изменилась с точностью до наоборот. Согласно родовому принципу престолонаследия, который раньше отстаивали галицкие князья, все права теперь переходили к Василию II — старшему среди князей следующего поколения. А по семейному праву от отца — к сыну, которого держались московские князья, власть должен был наследовать старший сын Юрия — Василий Косой. Тот немедленно объявил себя великим князем, но его братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный отказались его признавать и встали на сторону Василия II. 6 января 1435 года Василий Косой потерпел поражение в битве на реке Которосль. Но еще два года он своими партизанскими набегами не давал покоя московскому князю. В один из таких тревожных дней зимы 1435/36 года, когда Василий Косой совершал свой очередной рейд по Заволжью, в Москву приехал Дмитрий Шемяка, чтобы пригласить Василия II в Углич на свадьбу с дочерью князя Дмитрия Заозерского Софией. Но великий князь, заподозрив неладное, велел заковать Шемяку и отправил его с приставом в Коломну. Отныне отношения между двоюродными братьями были испорчены бесповоротно. 14 мая 1436 года московский князь разгромил Василия Косого в решающем сражении, которое произошло в Ростовской земле на реке Черехе. Мятежник был пленен, а затем ослеплен в московской тюрьме, где провел остаток своих дней. После этого Василий II велел выпустить Шемяку и заключил с ним договор, который, однако, таил в себе повод для новой войны. Василий II оставил за собой города Звенигород и Дмитров, относившиеся к уделу Василия Косого, «что вынужден был сквозь зубы признать законным сам Дмитрий Шемяка»^[76]. Назревала новая схватка за власть, едва не стоившая Василию II жизни и великого княжения.

Татары, пользуясь враждой среди русских князей, тоже не прекращали свои набеги. 3 июля 1439 года под стенами Москвы появился татарский хан Улуг-Мухаммад. Великий князь заблаговременно город покинул, оставив его на попечение своего шурина, литовского князя Юрия Патрикеевича. Десять дней продолжалась осада. Взять Московский Кремль татары не сумели, но разграбили и пожгли все посады. В городе стоял такой смрад от непогребенных, разлагавшихся тел, что Василий II в Москве жить не стал: «...а сам поживе в Переславли и в Ростове до зимы»^[77].

Беда, как известно, не ходит одна. Зимой 1442 года от нестерпимых морозов погибло много людей. Что переживали москвичи в ту страшную зиму, можно представить по запискам англичанина Флетчера, который так вспоминал о зимней Москве: «Когда вы выходите из теплой комнаты на

мороз, дыхание ваше спирается, холодный воздух душит вас. Не одни путешественники, но и люди на рынках и на улицах в городах испытывают на себе действие мороза, одни совсем замерзают, другие падают на улицах; многих привозят в города сидящими в санях и замерзшими в таком положении; иные отмораживают себе нос, уши, щеки, пальцы, ноги и прочее. Часто случается, что медведи и волки (когда зима очень сурова), побуждаемые голодом, стаями выходят из лесов, нападают на селения и опустошают их: тогда жители вынуждены бывают спасаться бегством»^[78].

Весной того же года от таяния «великих снегов» началось наводнение. Но настоящим злым роком Москвы, от которого не было никакого спасения, были страшные опустошительные пожары.

Летом 1445 года москвичам опять пришлось пережить дни смертельной угрозы. 7 июля войско великого князя было разбито татарами под Суздалем. Сам великий князь попал в плен, хотя сражался мужественно. По словам летописца, «на великом князе многи раны быша по главе и по рукам, а тело все бито вельми»^[79]. «Плененный татарами, Василий II подвергся унижительной процедуре. С него сняли нательные кресты. Некий „татарин Ачисан“ отвез их в Москву и передал жене и матери великого князя. Этот зловещий „подарок“ привел в ужас весь двор. Весть о случившемся мгновенно распространилась и по городу. Началась паника, порожденная слухами о скором приходе татар»^[80]. Великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна поспешили выехать со своим двором и боярами в Ростов. Это вызвало волнения в столице. Собравшиеся горожане завалили городские ворота, а «хотящих из града бежати начаша имати, и бити, и ковати». Когда попытки бегства были пресечены, жители сообща стали укреплять городские стены и сооружать временное пристанище для беженцев, которых в городе собралось множество. Они надеялись пережить нашествие под защитой белокаменных стен. Из-за летней жары и большого скопления людей в Москве начался пожар. За ночь город выгорел так, что в нем не осталось ни одного деревянного строения, рухнули некоторые каменные церкви и часть городских стен. «...а людей многое множество изгоре священноиноков и иноков, и инокинь, мужей и жен, и детей», — кратко и скорбно записал о том пожаре русский летописец.

Впоследствии Нил Сорский составил помянник усопших православных христиан. За основу он взял текст синодика святителя Кирилла Иерусалимского, но значительно дополнил его. Реалии, проступающие сквозь строки поминальной молитвы, оказались так похожи

на русскую действительность, что русские книжники назвали ее «творением» старца Нила. Конечно, Нил переписал для себя эту молитву не случайно. В 1445 году будущему преподобному исполнилось 12 лет. Впечатления, полученные в эту пору жизни, глубоко западают в душу. И только молитва могла утолить пережитую скорбь: «Помяни, Господи, души всех людей православных, на ратях убитых и от язв умерших, и в городах и селах огнем пожженных, оружием и мечем убитых и всячески погубленных, тех, кто от рук безбожных и от междоусобной брани нужную (насильственную. — *Е. Р.*) смерть во благочестии принял. Помяни, Господи, души православных, которые за правду господ своих верно умерли»^[81].

К счастью, в те дни татары не пошли на Москву: полуразрушенные стены новой осады не выдержали бы. Великий князь вернулся в свою столицу только через пять месяцев, 17 ноября 1445 года. «Последствия страшного пожара всё еще давали о себе знать. Для великого князя даже не нашлось достойного пристанища в Кремле. Он вынужден был остановиться „на дворе матери своей за городом, на Ваганкове, а потом оттоле съиде в град, на двор княже Юрьев Патрикеевича“»^[82]. Где в это время ютилась семья Майковых, мы не знаем. Вероятно, им приходилось часто покидать Москву и отстраивать свой дом заново после погромов и пожаров.

1446 год стал кульминацией братоубийственной вой-ны. (Нилу тогда исполнилось 13 лет.) Ночью 1 октября 1446 года жители Москвы в страхе проснулись, наблюдая необычное явление: колебались фундаменты домов и церквей. Даже в строениях Кремля ощущались подземные толчки. Казалось, сама природа предупреждала о грядущих несчастьях. «Злой бедой» назвал русский летописец события 1446 года. Накануне Великого поста Василий II поехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. «Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и князю Можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали; бодрствовали только изменники и без шума отворили им ворота. Князья вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных бояр, опустошив их дома; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой лавре»^[83]. Здесь великий князь был захвачен заговорщиками. Князя посадили в голые сани и повезли в Москву. Верные слуги спасли от

расправы детей Василия — шестилетнего Ивана и пятилетнего Юрия, которые были вместе с отцом на богомолье. Воспитатель княжичей князь Иван Ряполовский вместе со своими братьями Семеном и Дмитрием вывез их в Муром.

В ночь с 16 на 17 февраля 1446 года великого князя ослепили. «Некоторые летописи сообщают страшные подробности этой казни. Дмитрий Шемяка велел своим людям приступить к делу. Они отправились в комнату, где находился князь Василий, набросились на него. Повалили на пол и придавили доской. Конюх по прозвищу Берестень ножом ослепил князя, при этом сильно поранив ему лицо. Сделав свое дело, палачи ушли, оставив потерявшего сознание Василия „яко мертва“ лежать на залитом кровью ковре»^[84]. С тех пор великий князь стал носить темную повязку на лице, современники прозвали его Темным.

Князь Дмитрий получил желаемое великое княжение, а двоюродного брата сослал вместе с женой Марией Ярославной в Углич. Здесь 13 августа 1446 года у Василия Темного родился сын Андрей, впоследствии прозванный Большим. Трагически сложилась его судьба: он родился и умер в тюрьме. Но об этом рассказ еще впереди. В сентябре 1446 года Шемяка выпустил Василия II из заточения и дал ему в удел Вологду. Стремясь любой ценой освободиться из плена, слепой князь дал клятву на кресте в том, что не будет искать великого княжения. Поручителями за него выступили прибывшие в Углич епископы во главе с нареченным митрополитом Ионой. Шемяка отпустил пленника, и 15 сентября Василий Темный со своей семьей и людьми отправился в Вологду, а оттуда — на богомолье в Кириллов монастырь. Для православного человека клятва на кресте была священной. Ее нарушение считалось предательством Христа и воспринималось как грех Иуды. Казалось, ослепленный Василий II навсегда лишился возможности снова оказаться на троне. Так бы оно и было, если бы не поддержка его двора. Князь обладал удивительным даром окружать себя надежными и талантливыми людьми. В какие бы ситуации он ни попадал, неизменно бояре и служилые люди оказывали поддержку своему господину, чем обезоруживали его противников.

Современники по-разному оценивали личность Василия Темного. Кто-то не смог простить ему незаслуженных обид и называл Иудой; кто-то, наоборот, находил в нем множество достоинств. В Житии преподобного Мартиниана Белозерского отношение к Василию Темному неизменно уважительное. Да это и неудивительно: довольно продолжительное время игумен был духовным отцом великого князя. Оценки автора Жития, видимо, восходят к оценкам самого Мартиниана. В тексте говорится, что

великий князь Василий Васильевич «во всем проявил себя как благодарный и храбрый человек, твердый сильной верой в Бога»^[85].

Совершенно правы те историки, которые говорят, что за спиной Василия вставал Порядок. Но не тот порядок, который осознается людьми как отлаженный строй жизни. Его при Василии Темном как раз не существовало. Жить в Москве в те годы было все равно, что построить дом на склоне извергающегося вулкана. В любой момент можно было лишиться не только имущества и положения, но и самой жизни. Речь шла о Порядке другого — мистического — уровня. И настоятель Кирилло-Белозерского монастыря Трифон, и ферапонтовский игумен Мартиниан, к которым обратились за помощью бояре великого князя, это хорошо понимали.

Кирилло-Белозерский монастырь с первых лет своего существования был оплотом московских князей. Основатель обители, преподобный Кирилл Белозерский, был родственником Тимофея Вельяминова, окольного Дмитрия Донского. Он хорошо знал сыновей великого князя. Василию I Дмитриевичу преподобный дерзал давать советы по управлению княжеством. Именно Кирилл Белозерский стоял у истоков формирования идеологической концепции, говорившей о богоизбранности московских князей, о божественной сущности их власти и их ответственности за эту власть. Обращаясь к Василию Дмитриевичу, он писал: «Ты же, господин, сам Бога ради будь внимателен к себе и ко всему княжению твоему, в коем Святой Дух поставил тебя пасти людей Господних, которых приобрел Он честною Своєю Кровию (Деян. 20, 28). Ведь раз сподобился ты получить от Бога великую власть, то столь же большим воздаянием ты обязан Ему за это»^[86]. «Преподобный Кирилл, называя людей Господними, возводит мысль великого князя от временного и преходящего порядка вещей к порядку вечному, Божественному. Подданные князя не только подданные сего временного правителя, но люди Господни, вечное достояние Царя царствующих, которых Он искупил ценой величайшей жертвы на Кресте»^[87].

На Руси великих князей на иконах и на миниатюрах часто изображали с нимбом, даже если они не были канонизированы. Все человеческое и мелкое, все пороки и недостатки меркли перед святостью их великой миссии — быть государем Русской земли и защитником Православия. К тому же пережитые Василием Темным страдания — ослепление, ссылка, заточение, — несомненно, придали мученические черты его облику. Вскоре в Вологду стали стекаться верные московскому князю люди. «...и поидоша к нему множество людей со всех стран, князи и бояре, и дети боярские,

и молодые люди, кто ему служывал, и паки кто не служывал, вси, иже зряще на нь, плакахуся тако велика государя, честна и славна по многим землям, видяще в толице беде суща»^[88].

Служилые люди помогли вернуть слепому князю престол. «Одновременно тайные гонцы были отправлены к тверскому князю Борису Александровичу и к серпуховскому князю Василию Ярославичу, находившемуся тогда в Литве. Вероятно, послан был надежный человек и в Кириллов монастырь для предварительных переговоров с игуменом Трифоном, — предполагает Н. С. Борисов. — Василий сообщал о своем намерении вновь вступить в борьбу и просил о помощи. Все эти тайные пересылки были, конечно, смертельно опасным делом. Василий Темный знал о том, что среди окружавших его людей были и осведомители Дмитрия Шемяки. Одного доноса или перехваченного письма было бы достаточно для катастрофы. Горький опыт недавнего прошлого требовал крайней осторожности. Поэтому князь Василий, по свидетельству В. Н. Татищева, „вся сия тако тайне содевая, яко ни княгине его о том ведучи, токмо сам и тии послании“»^[89]. Обычно такими «надежными людьми» были дьяки. Сам Василий II в свое время жестоко наказал Кулудара, пытавшегося предупредить Шемяку об опасности. История не сохранила имени дьяка, который, рискуя собственной жизнью, вел переговоры с кирилловским игуменом. Трифон снял с великого князя вынужденное крестное целование. Грех за клятвопреступление игумен взял на себя и на свою братию, а московского князя благословил идти против Шемяки. Посетив белозерские обители, Василий Темный в Вологду не вернулся. Он отправился в Тверь к своему союзнику князю Борису Александровичу.

В ночь на Рождество Христово, 25 декабря 1446 года, московско-тверской отряд под командованием боярина Михаила Борисовича Плещеева и тверского боярина Льва внезапным наездом захватил Москву. 17 февраля 1447 года Василий Темный вернулся в столицу, однако война с Шемякой закончилась только в 1453 году. Великий князь, которому уже порядком надоела погоня за своим двоюродным братом, отправил дьяка Степана Бородатого в Новгород с тайной миссией отравить мятежника. Дьяк через новгородского посадника подкупил личного повара Шемяки, который имел весьма характерное прозвище Поганка (нельзя держать подле себя таких поваров), и тот поднес несчастному Дмитрию отраву «в куряти». Современники предрекали скорую смерть Степану Бородатому, однако он прожил долгую жизнь и сделал неплохую карьеру при дворе московских князей. И все-таки возмездие не миновало его, через пять лет

после гибели Шемяки он потерял сына. «Илья Стефанов, сын дьяков» погребен в ростовском Воскресенском монастыре. В ростовском Кремле до сих пор хранится удивительной красоты белокаменный крест, который дьяк поставил на сыновней могиле.

Верность друзей и слуг, как известно, проверяется в беде. Все, кто оказал великому князю поддержку в годы династической войны, были им вознаграждены. Во всяком случае, те, кого мы видим в ближайшем окружении Василия II после 1447 года, появились там не случайно. Игумен Трифон был поставлен в 1448 году архимандритом кремлевского Преображенского монастыря в Москве (именно он венчал 4 июня 1452 года сына Василия Темного Ивана с княжной Марией Борисовной Тверской), ферапонтровский игумен Мартиниан стал в 1447 году настоятелем Троице-Сергиева монастыря и духовником великого князя. Летописи сообщают, что весть из Новгорода о гибели Шемяки привез подьячий Василий Беда, — «а оттоле бысть диак»^[90]. Позднее он стал доверенным лицом князя, составителем его завещания. Возможно, что среди верных великому князю людей, бывших вместе с ним в изгнании, находился и Андрей Майко. Не случайно именно в 1453–1455 годах он впервые поставил свою подпись под грамотой Василия II.

Страшный суд

Яко несть в смерти поминаяй Тебе, во аде же кто исповестся Тебе.

(Пс. 6, 6)

Мы не погрешим против истины, если скажем, что Нил Сорский родился накануне Страшного суда, хотя звучит это парадоксально. Сегодня мы знаем, что тогда, в конце XV столетия, Апокалипсис не состоялся, но современники Нила осознавали время, в которое им довелось жить, как канун Конца света. Согласно ряду авторитетных пророчеств, известных по богословской литературе, он ожидался на исходе седьмой тысячи лет от Сотворения мира: 7000-й год исполнялся в 1492 году от Рождества Христова. Все пророчества не абсолютны. Отцы Церкви предупреждали, что времена и сроки знает только Господь, сотворивший мир. Однако приметы времени говорили сами за себя, и напряжение в обществе возрастало.

О том, насколько это ожидание прочно коренилось в умах людей, красноречиво свидетельствует такой факт: 1 сентября 1477 года великая княгиня Мария Ярославна вместе со своим дьяком Андреем Майко послала в Кирилло-Белозерский монастырь огромную по тем временам сумму — 495 рублей. «Стоимость же рубля того времени видна из того, что большая волость Буй-город с деревнями стоила полтора ста рублей; двенадцать деревень со всеми угодьями в Звенигородском уезде — 200 рублей»; «две деревни с пустошью, и с лесом, и с рыбною ловлею, в Белозерском уезде — 15 рублей»; «лучший конь в седле — 6 рублей, лучший конь княжеский — 10»^[91]. Деньги предназначались на помин души старца Пафнутия Боровского, великого князя Василия Темного и всех членов великокняжеской семьи сроком на 15 лет. «Все деньги, таким образом, должны были быть истрачены к 1492 г., — заметил А. И. Алексеев. — Это распоряжение великой княгини выглядит разительным контрастом по сравнению с практикой поминального ряда в XVI столетии, когда за сумму такого порядка предусматривалось поминание „век, доколе мир вселенная стоит“»^[92].

Проводя много времени на церковных службах, внимательный отрок подолгу рассматривал фрески и иконы. На стене Благовещенского собора

Феофан Грек написал Апокалипсис. Эта картина близкого Конца так поразила современников, что о ней сохранились отзывы даже в частной переписке: русский писатель-монах Епифаний Премудрый рассказал о фреске Феофана в послании к Кириллу, игумену тверского Афанасьевского монастыря. Сколько бы раз потом ни перестраивался Благовещенский собор, эту композицию неизменно повторяли в его росписи.

Иконы с изображением Апокалипсиса все чаще стали появляться в московских храмах. Своим ярко-красным колоритом они притягивали к себе взгляд и тревожили душу^[93]. Непростые сюжеты вызывали множество вопросов. Священное Писание рассказывает о событиях Апокалипсиса языком таинственных символов. В толкованиях преподобного Ефрема Сирина можно найти необходимые пояснения. В согласии с описанием сирийского пророка (так традиционно называли святого Ефрема), иконописец изображал, как наступит тот самый День, о времени и часе которого не знает никто. Вот по звуку архангельской трубы на Небе является знамение Креста, готовится страшный престол для Судии. В сопровождении ангелов, архангелов, херувимов и серафимов приближается сам Судия. Воскресают мертвые, земля и море отдают своих мертвецов. «Что растерзали звери, что раздробили рыбы, что расхитили птицы, все это явится во мгновение ока», — говорит преподобный Ефрем Сирин. «Ни в одном волосе не окажется недостатка»^[94]. В среднем регистре картины Страшного суда изображаются люди, собравшиеся на Суд: «...все привлечены к суду — и епископы, и пресвитеры, и диаконы, и цари и князья, люди всех возрастов»^[95]. Вот уже судьи восседают на своих престолах: «...и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его как чистая волна; престол Его как пламя огня. Колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Нем; тысячи тысяч служили Ему, и тьмы тем предстояли пред Нем; судьи сели и раскрылись книги» (Дан. 7, 9–10). Согласно Небесной иерархии, под образом Ветхого днями в медальоне Славы изображается Спаситель, и Он же — Страшный Судия. По обеим сторонам от Его престола восседают апостолы. У них в руках раскрытые книги, в которых написаны не только все слова и дела, но и помышления людей. Тогда, во время Страшного суда, говорит святой Ефрем, «потребуются от каждого исповедание веры, обязательство крещения, вера чистая от всякой ереси, печать несокрушенная и хитон неоскверненный»

«Судия отделяет праведников от грешников: первым предоставляет Царство Небесное, вторым назначает муку вечную; последних демоны

влекут в ад, во тьму кромешную или в геенну огненную, где скрежет зубов, огненное озеро, червь неусыпающий. Напрасно грешники умоляют Судью о пощаде, напрасно обращаются с мольбой о ходатайстве к пророкам, апостолам, мученикам, патриархам, преподобным, напрасно взывают к кресту, горнему Иерусалиму, раю сладости — Богоматери, отцам и детям»^[96]. В ответ на мольбы грешников Господь отвечает им: «...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...» (Мф. 25, 41). «А что, братия, горше и тяжелее, чем этот страшный и грозный ответ и зрелище, когда увидим всех согрешивших и не покаявшихся отсылаемыми праведным судом Божиим в вечные муки, и тяжко трепещущими, вскрикивающими и безутешно плачущими», — напишет впоследствии Нил Сорский^[97]. Эта картина, поразившая его воображение еще в детстве, постоянно представлялась внутреннему взору святого.

Перед тем, как навсегда оказаться в аду, осужденные «увидят ту радость, от какой отлучены. И увидят оный неизглаголаный свет, увидят красоты райския, увидят в той стране знакомых, увидят великие дары, какие приемлют от Царя Славы подвизавшиеся в добре; потом постепенно отдаляясь от всех праведников, и друзей, и знакомых, сокроются, наконец, и от самого Бога, потеряв уже возможность зреть радость и истинный оный свет»^[98]. Ефрем Сирий подробно описал мучения, уготованные грешникам. Они различаются в зависимости от тяжести грехов: «...иное место ад, где пребывают грешники, и дно адово — самое мучительное место»^[99].

От Божественного престола, «подобно свирепому морю», исходит огненная река, поглощающая грешников: «от огня сего реки оскудеют, источники исчезнут, звезды спадут, солнце померкнет, луна мимо идет, „и небеса“, по написанному, „свернутся как свиток книжный“» (Ис. 34, 4). Место мучений изображается в самом нижнем поле картины: «...среди грешников можно видеть и царя с царицею в диадемах, и епископа в омофоре, и монаха, и обыкновенного мирянина. В глубине ада во мраке сидит сам сатана в виде седого бородатого старика, на чудовищном звере; в недрах сатаны Иуда предатель; зверь, на котором сидит сатана, поглощает грешников»^[100]. Торжествующие праведники стоят по правую сторону от реки. Они изображены в том же регистре картины, что и грешники, но огненную реку, разделяющую их, никому не дано перейти.

Явственные приметы Конца, ощущаемые жителями Москвы и Русского государства, делали более выразительным каждый образ, а слова древнего святого болью отзывались в душе. «Таких великих и страшных

чудес не было от начала твари и не будет во все роды», — читал дома внимательный отрок, ближе подвигаясь к лучине. «Нередко ныне бывает, если сильнее обыкновенного блеснет молния, то всякого человека приводит она в ужас, и все преклоняемся к земле. Как же тогда перенесем, как скоро услышим глас трубы с неба, превосходящий всякий гром, взывающий и пробуждающий от века уснувших праведных и неправедных?» И простая молитва «Господи, помилуй!», многократно повторяемая на клиросе в церкви, обретала свой глубочайший смысл.

Детство и отрочество тех, кто завершил свой жизненный путь к концу XV столетия или в начале следующего, прошли в ожидании Конца света. Жизнь в такие времена требует необычайной строгости и внимательности к себе, к своим поступкам и помыслам. Может быть, именно поэтому XV век дал Руси наибольшее число ее святых^[101]. Человеку свойственно искать точку опоры, он стремится создать свой мир, в котором может чувствовать себя в безопасности. Люди Средневековья были беззащитны перед стихиями природы, болезнями, моровыми поветриями. Нашествия иноплеменников и соплеменников в одночасье уничтожали то, что создавалось веками. Княжеская власть так же не представляла собой прочного основания для того, чтобы построить безопасный мир. Поэтому представители человечества чаще, чем сейчас, задавались вопросами о смысле бытия. Понятно, что не все оставляли мир и уходили в монастыри, находя за их мощными стенами искомую точку опоры. Но те, кто обладал тонкой душой и внутренним зрением, ясно видели черную пропасть, разверзающуюся под ногами. А трагедии, которые стали повседневностью, только добавляли резкости этому видению.

Постоянная, нависающая дамокловым мечом угроза вражеских набегов, разрушений и смерти формировала в человеке особое устройство души: она делала его мужественным и собранным. Тот, кто постоянно смотрит в глаза опасности, уже не дрогнет один на лесной дороге или в лесной хижине под вой волков.

О Флорентийской унии

Господь разоряет советы языков, отмечает же мысли людей.

(Пс. 32, 10)

Православная вера была единственной точкой опоры русского человека, его прибежищем и надеждой. Без веры жизнь просто теряла всякий смысл и превращалась в страшную фантасмагорию. Когда верховная власть ослабевала, именно Церковь становилась гарантом стабильности. Время Дмитрия Донского не так давно миновало, и в народной памяти еще был жив образ митрополита Алексия, который стал регентом при малолетнем князе. Благодаря его поддержке Дмитрию удалось удержать власть, а потом и собрать силы для борьбы с Мамаем. В 1431 году в Москве были обретыены мощи митрополита Алексия, и к раке святителя с мольбой о заступничестве потекли вереницы отчаявшихся людей.

2 июля того же года преставился митрополит Фотий. К усобице княжеской добавились нестроения на митрополичьей кафедре. В 1432 году в Москве был наречен митрополитом Киевским и всея Руси рязанский и муромский епископ Иона, однако константинопольский патриарх Иосиф II поставил на Русь своего кандидата — смоленского епископа Герасима. Осенью 1433 года митрополит Герасим вернулся в Смоленск, который в то время принадлежал Великому княжеству Литовскому. В Москву митрополит не поехал из-за того, что «князи русския воюются и секутся о княжении великом на Русской земли»^[102]. В дальнейшей судьбе митрополита Герасима много неясного: в конце марта 1435 года он по каким-то причинам был схвачен и обвинен в организации заговора против великого князя Литовского Свидригайло, а 26 июля того же года сожжен в Смоленске. Русская кафедра вновь осталась без митрополита.

После трагической гибели Герасима великий князь Василий II отправил в Константинополь епископа Иону. Но добиться поставления русского кандидата не удалось. Еще до приезда посольства патриарх возвел на Киевскую митрополию грека Исидора. Новый митрополит приехал в Москву 2 апреля 1437 года. Он был весьма образован, знал несколько европейских языков, слыл знатоком античной литературы, особенно любил

читать поэмы Гомера и речи Цицерона. Приехав в Москву, Исидор передал великому князю послания византийского императора Иоанна VIII Палеолога и патриарха Иосифа, в которых содержалась просьба отпустить его на Церковный Собор «утверждения ради православных веры»^[103].

Сама идея созыва восьмого Вселенского Собора была по сути еретической, так как еще на шестом (Трулльском) Вселенском Соборе в 692 году был утвержден состав канонических правил Восточной (Православной) церкви; этот Собор запретил «подделывать, или отвергать, или принимать другие правила, кроме подлежащих (то есть уже принятых)». Седьмой Вселенский Собор восстановил почитание икон, которое пытались искоренить византийские императоры-иконоборцы. Новый Собор, созывавшийся для соединения Греческой (Православной) и Римской (Католической) церквей, был в действительности обусловлен политическими расчетами, а не догматическими и каноническими причинами.

Положение Византийской империи день ото дня становилось все более безнадежным, турки сжимали кольцо вокруг Константинополя. Стремясь добиться от европейских держав военной помощи, император Иоанн VIII пошел на переговоры с Римским папой Евгением IV. В далекой Москве пока молча, но не равнодушно, наблюдали за происходящим. Напутствуя митрополита в дальнюю дорогу, великий князь, как рассказывает летописец, предупредил его: «При наших прародителях и родителях не бывало соединения церковного закона с римлянами, и я не хочу, потому что не принимали мы от греков быть в соединении с римлянами. Мы тебе не повелеваем идти на восьмой собор, да еще в Латинскую землю. Ты же, нас не слушая, хочешь туда идти. Но знай, когда оттуда возвратишься, принеси нам нашу христианскую веру греческого закона, какую приняли наши прародители от грек». Митрополит Исидор дал клятву в том, что будет крепко стоять за православную веру. 5 сентября 1437 года он отправился в Италию. В августе 1438 года русская делегация во главе с Исидором прибыла в Феррару. Однако здесь свирепствовала чума, поэтому в начале 1439 года участники Собора переехали во Флоренцию.

6 июля 1439 года Римский папа Евгений IV и император Иоанн VIII подписали текст унии. Заключив этот церковный союз, греки приняли католический догмат об исхождении Святаго Духа от Отца и Сына (в православном Символе веры сказано, что Святой Дух исходит от Отца: «иже от Отца исходящего»), признали папу Римского главой Церкви. Впервые в истории Византии император преклонил колена перед понтификом и поцеловал ему руку. В обмен на унию Евгений IV

обязывался содержать в Константинополе 300 солдат и две галеры, а в случае необходимости выделить дополнительно еще 20 галер (к слову сказать, своих обязательств он не выполнил). Митрополит Исидор был одним из самых активных сторонников унии на Соборе. В награду он получил звание апостолического легата для Литвы, Ливонии, Руси и подведомственных ему мест Польши. На Русь он выехал уже в сане кардинала. Однако в Москву Исидор не спешил. Он отправился в Венецию, а оттуда — через Венгрию в Польшу и Литву (в пути посольство находилось 342 дня)^[104]. В итоге митрополит отсутствовал в Москве около четырех лет.

19 марта 1441 года (преподобный Нил, наверное, хорошо запомнил этот день) жители столицы наблюдали необычную картину: в город въезжал русский митрополит, перед которым несли большой латинский «крыж» (в отличие от восьмиконечного православного креста он имел четырехконечную форму). В Успенском соборе Московского Кремля Исидор служил литургию не по обычаю Русской земли, на службе поминал папу Римского, а не патриарха Царьграда. После литургии митрополит зачитал буллу Евгения IV с изложением решений Ферраро-Флорентийского Собора. Митрополит поздравил свою паству с воссоединением Греческой и Римской церквей. В послании папы, вопреки учению Православной церкви, говорилось, что Святой Дух исходит от Отца и Сына, что хлеб «бесквасный» и «квасный» одинаково может претворяться в тело Христово. (Православная литургия совершается только на «квасном», то есть дрожжевом, хлебе; католики служат литургию на «опресноках», то есть «бесквасном» хлебе.) После чтения послания первым опомнился великий князь. Он отказался принять благословение Исидора, назвав его не пастырем, а волком.

Василий II передал «папино послание» на рассмотрение Собора русских епископов, которые его отвергли. Митрополит был арестован и заключен под стражу в Чудовом монастыре, откуда в ночь на 15 сентября 1441 года бежал в Тверь и дальше в Великое княжество Литовское. Его конечным прибежищем стал Рим. После изгнания митрополита-еретика Русь на семь лет фактически осталась без высшей церковной власти. Василий II отправил послания константинопольскому патриарху и византийскому императору, где объяснял, почему был отвергнут Исидор: «Не вемы же убо за кое дело (по какой причине. — *Е. Р.*) нашего естя прошения не приали, ни грамотам нашим, ни послу нашему... не внясте, того естя нам Иону епископа на мирополию не поставили... о ком к вам ни послахом, ни у вас кого просихом, ни требовахом, того естя к нам послали,

а реку сего Исидора»^[105]. Московский князь пытался получить разрешение на поставление собственного митрополита. Ничего не добившись, Василий II решил проблему сам. 15 декабря 1448 года в Москве, без санкции Константинополя, епископ Иона был возведен Собором русских епископов в сан митрополита Киевского и всея Руси.

О научении книжном

Начало премудрости страх Господень.

(Пс. 110, 10)

Воспитанный в семье московских дьяков, Нил еще в отрочестве получил глубокие знания Священного Писания, любовь к книжному учению. Он был блестяще одарен в области литературы. В Средневековой Руси отношение к книге было совершенно иным, нежели в современном обществе. Книга являлась не развлечением, не отвлеченным чтением, а путеводителем по жизни. Она давала человеку правильную систему координат, сообразуясь с которой он находил свое место в мире и оценивал происходящее. Возможно, именно в детство уходит корнями особенность Нила Сорского выражать свои мысли и переживания чужими словами. Эта черта не имеет ничего общего с бездарным подражательством. Мир Средневековья строился на принципе уподобления высшему Совершенству — Христу. В понимании мировой истории отсутствовало такое понятие, как прогресс. Наоборот, чем ближе к началу, к истокам, тем больше люди знали о Боге, лучше понимали смысл бытия. Апостолы, видевшие Христа, древние святые, знавшие апостолов либо их учеников, — вот кому надо подражать, чтобы уподобиться Христу.

Основной круг чтения составляли книги Нового Завета, жития и поучения святых, толкования на библейские книги и, конечно, Псалтирь. Странники — калики перехожие — пели так: «Псалтирь книга — всем книгам мати». А святой Василий Великий говорил: «Псалтирь болше бо и выше есть всех книг». Псалтирь давала ответы на главные вопросы бытия: как относиться к богатству, внезапной болезни, предательству бывших друзей, несправедливому суду и поношениям врагов. Она давала пример покаяния и дерзновенной молитвы к Богу, живого разговора с Богом. «Вдохновенный, порывистый, полный многообразных красок, интонаций голос царя Давида, обращенный к Богу, заражал своей верой и взыскующим порывом, своей болью и гневом, своим благодарным восхищением»^[106]. Строки и выражения из Псалтири превратились в русские пословицы и поговорки, прочно укоренились в обиходной речи людей.

Возможно, в доме Майковых была собственная небольшая библиотека,

хотя книги в то время стоили чрезвычайно дорого. До Москвы докатывались волны из эпицентра грандиозных событий мировой истории. Они ставили такие вопросы, на которые никто не мог дать однозначного ответа. Это вызывало интерес к древней истории. Книги открывали окно в другой мир, который хотелось увидеть собственными глазами.

Отрочество, проведенное в семье дьяков, значительно расширило кругозор будущего святого. Если обычные люди судили о чужих странах и народах по слухам, много раз пересказанным, то дьяки имели возможность многое видеть своими глазами либо беседовать с очевидцами. Вот такие, к примеру, рассказы доводилось слышать Нилу Сорскому в стенах государевой казенной палаты: «...а за Египтом людей живущих нет, а до Махметова гроба (гробницы пророка Мухаммеда. — *Е. Р.*) от Египта 50 день ити, пустым местом брести на вельбудех, толко небо да земля, а лесу нет, а сказывал се великаго князя казначей, Михайло Гиреев, был, скажет, в том граде Египте (Каире. — *Е. Р.*) сорок дней»^[107]. При всем своем стремлении к уединенности Нил был любознательным человеком. Трудно себе представить, чтобы человек, не привыкший смотреть дальше собственного двора, отправился бы в далекое паломничество.

В состоятельных семьях мальчиков отдавали учиться с семи лет. Возможно, будущий преподобный овладел грамотой дома. В то время учили читать по Псалтири. Грамотный отрок должен был уметь читать и петь псалмы, «стихословити зело добре и стройне»^[108]. Так, с детства Нил, видимо, уже знал большое число псалмов наизусть. Псалтирь сопровождала его по жизни, с каждой новой ступенью духовного возраста он открывал для себя по-новому ее глубины. Впоследствии ежедневное чтение всей Псалтири стало основой его монашеского правила.

Учеба давалась ему легко. Нил обладал замечательной памятью: в своих сочинениях он часто цитировал по памяти творения святых отцов. И этот вкус к учению, неиссякаемый интерес к книгам он сохранил на всю жизнь.

Авторы житий часто говорят нам о том, что святые в детском и отроческом возрасте не любили детских забав, избегали игр со сверстниками. Подобные рассказы принято считать общим местом житий, топосом, но скорее всего, это тонкое психологическое наблюдение. Сосредоточенность на своем внутреннем мире, свойственная подвижникам, берется не вдруг и не сразу, она присуща им изначально. Будущий святой больше любил книги и домашнее уединение, чем катания с высокого берега Москвы-реки. В зимних сумерках дети резвились во дворе,

катали огромные шары из снега, лепили замысловатые снежные фигуры. А юный отрок, задумчиво посмотрев в окно, снова вчитывался в вещице строки Псалтири. Детские картинки через десятки лет отзовутся в духовных сочинениях Нила Сорского. Впоследствии он будет сравнивать «нелепые идолы, во время зимы водруженные» (то есть снежные и ледяные фигуры), с нечистыми помыслами, возникающими у человека во время духовной зимы, когда он оставлен Божественной благодатью^[109].

Вскоре отрок начал постигать азы ремесла. С юности ему, как и брату, предназначалось «держать дьяческий чин». Не исключено, что первоначальное профессиональное образование он получил в книгописной школе-мастерской, которая, как предполагают исследователи, существовала при казне Василия Темного в Московском Кремле. Здесь овладевал навыками книгописца будущий государев дьяк Василий Мамырев. Нил Сорский был ровесником Василия, родившегося в начале 1432 года. Во всяком случае, свои первые шаги на дьяческом поприще они делали одновременно. Поэтому любопытно будет познакомиться с историей жизни этого выдающегося человека.

Свой первый делопроизводственный документ Василий Мамырев написал в 1447–1454 годах: это данная грамота мелкого радонежского землевладельца Ивана Афанасьевича троицкому игумену Мартиниану на его вотчинное село Старое^[110]. В это время Мамырев еще только писец, даже не подьячий. Как предполагает Е. Э. Шевченко, именно игумен Мартиниан, духовник великого князя, обратил внимание на каллиграфические способности молодого писца и способствовал его дальнейшей карьере^[111]. Уже в 1455 году Василий Мамырев подарил Василию Тёмному переписанную им книгу Октоих^[112]. Эта рукопись скромна по оформлению. «В ней нет пышных заставок, ни миниатюр. Тем не менее она привлекает красивым почерком, замысловатыми лигатурами, строго-геометрическим расположением письма на листах, прежде имевших широкие поля. Во всем этом сказалось мастерство Мамырева как писца-каллиграфа»^[113]. Василий выучил пермскую азбуку, умел писать по-гречески, владел редким искусством златописца. Такие разносторонние навыки книгописания он получил, изучая книги в казнохранилище великого князя. Исследователи говорят, что «подражать византийскому минускулу XV столетия, раскрашивать инициалы синим, а не киноварью, как было принято на Руси, рисовать в качестве указателей рыбок на полях Василий Мамырев мог в том случае, если был знаком с греческими, сербскими и болгарскими рукописями XIV–XV веков». Подобные книги

хранились в казне великого князя.

В 1467 году писец скрепил своей подписью первую великокняжескую жалованную грамоту: она предназначалась Троице-Сергиеву монастырю. А через четыре года, в феврале 1471 года, Мамыреву было официально пожаловано дьячество. С 1474 года он служил при казне великого князя и попутно исполнял множество важных и ответственных поручений.

Таковы были основные ступени карьеры, по которым восходили успешные дьяки Московской Руси. Их в свое время прошел Андрей Майко. Видимо, они же предназначались и Нилу: до пострига он был «книгочием судиям». Это известно из «Повести о Нило-Сорском ските» дьяка Ивана Плешкова. По какой-то странной закономерности именно дьяк первым записал краткие биографические сведения о Ниле Сорском и, проявив несомненную любознательность, составил описание его монастыря.

Обязанности «книгочиев» исполняли подьячие, которые подбирали необходимые документы для судей или прочитывали им готовые, уже написанные грамоты. Привычка к постоянному «книжному учению», точность и аккуратность в любом деле, целеустремленность и последовательность — эти яркие черты характера Нила были выработаны им еще в годы дьяческой службы. Он был усердным и способным книгочием, и «к приказному делу прочным», как говорили тогда. Но душа преподобного жаждала иного. Юный подьячий выбрал ступени монашеской «Лествицы».

Нил рано понял, что мир коварен и преходящ. Об этом он впоследствии напишет в своих посланиях к ученикам, убеждая их как можно раньше расстаться с мирскими привязанностями. Сначала мир, говорил преподобный, ласкает людей, привлекая их к себе своими видимыми благами. Но к концу земного бытия слава, честь и богатство «как сень мимо проходят и как дым исчезают». Одни люди быстро осознают пагубность жизни, проведенной в заботах о приобретении мирских благ. В их душе есть желание вести борьбу со страстями и оставить мир, но они не находят в себе сил избежать его коварства. Другие же, не чувствуя отвратительной (преподобный использует здесь даже эпитет «злосмрадной») сущности мира, думают только о своем телесном покое и о стяжании богатств. Нет безумнее тех людей, которые в земной жизни всё получили, а о будущем и нескончаемом блаженстве не постарались, считал старец Нил. Сам он еще совсем молодым, примерно в двадцатилетнем возрасте, оставил мир и принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

О падении Царьграда

*Боже, приидоша языцы в достояние Твое,
оскверниша храм святыи Твой.*

(Пс. 78: 1)

Бывают события в мировой истории, которые становятся фактами биографии каждого человека. Таким событием для русских людей стало падение в 1453 году под ударами турок столицы Византийской империи — Константинополя. На Руси его звали Царьградом. Вероятно, известие о падении Царьграда достигло Нила уже в монастыре.

Русские люди тяжело переживали это событие. С тех пор, как крестилась Русь, ее судьба была неразрывно связана с православной Византией. Читать и писать, строить храмы и рисовать иконы, совершать Божественную литургию, молиться и устраивать монастыри — всему Русь училась у Византии. Царьград был хранителем священных реликвий. Здесь находился престол византийских императоров, помазанных на царское служение в храме Святой Софии для защиты Вселенского Православия. Вся слава Константинополя, вся его неизреченная красота создавалась во славу величества Божьего, была отблеском на земле Его небесной славы и красоты. Паломник Стефан Новгородец так писал о Константинополе: «Много я видел в Царьграде, но не возможно всего описать. Так Бог прославил Святыя места, что невозможно расстаться».

Теперь, после падения Царьграда, необходимо было объяснить себе, как Господь мог допустить такое осквернение «двора и святилища своего». Ответ напрашивался сам по себе: измена Православию, Флорентийская уния стали причиной падения великой христианской империи.

После памятного Флорентийского Собора события развивались следующим образом. В мае 1452 года бывший митрополит Киевский и всея Руси Исидор был назначен Римским папой легатом (посланником) к императору Константину XI. Византия должна была подтвердить свою верность Флорентийской унии, за что понтифик обещал императору военную помощь в борьбе с турками. «По пути в Константинополь Исидор, задержавшись в Неаполе, нанял там на деньги папы двести лучников. Он остановился также на Митилене, где к нему присоединился архиепископ Хиосский Леонард, гонуэзец по происхождению. 26 октября Исидор

прибыл в Константинополь. Его военный эскорт был, несмотря на свою немногочисленность, символом того, что папа не оставит своими заботами народ, который признал его главенство, и этот жест не остался незамеченным»^[114].

Население Византии разделилось, большинство отказывалось принять унию. В Константинополе появились воззвания, призывающие народ не предавать веру отцов в надежде на призрачную помощь. Но 12 декабря 1452 года в соборе Святой Софии была отслужена униатская литургия в присутствии императора Константина и всего двора. В молитвах поминали имена патриарха и папы Римского, а кардинал Исидор провозгласил Флорентийскую унию. Однако предательство не принесло желанных плодов. 2 апреля 1453 года турки осадили Константинополь. Город остался один на один со своим могущественным врагом, без помощи Запада и без помощи Божией. «Против султанской армии примерно в 80 тысяч солдат, не считая орд ополченцев, великий город, окруженный стенами протяженностью 14 миль, должны были защищать менее 7 тысяч человек»^[115].

Интересно, что многие подробности осады Константинополя мы знаем со слов русского очевидца тех трагических дней. Некий Нестор Искандер, в молодости попавший в плен к туркам и обращенный в ислам, вел записки во время осады. Наиболее подробно Нестор Искандер освещает то, что происходило в турецком лагере, поскольку оттуда наблюдал за военными действиями. Его записки послужили основой Повести, которая вошла в состав русских летописей. Исследователи не раз отмечали ее достоверность. Повесть существенно дополняет сведения, сообщаемые другими свидетелями осады.

Понимая, что взять мощные стены города будет трудно, турки хорошо подготовились. Венгерского инженера Урбана с почетом приняли при султанском дворе. Под его руководством зимой 1452 года было отлито несколько пушек. Одна из них казалась современникам настоящим чудовищем — каждое ядро весило 1200 фунтов. Пушку тащили к Константинополю 60 быков, а 200 человек шли рядом, чтобы поддерживать повозку в равновесии. 2 апреля под стенами города показались первые вражеские солдаты. Самым слабым местом обороны был квартал Влахерны. Этот участок заметно выступал за общую линию сухопутных стен, к тому же стена здесь была одинарная. Под углом она соединялась с тройными стенами, возведенными при императоре Феодосии. Этот участок назывался Мириандрион. Именно здесь и на соседнем Месотихионе разыг-

рались основные события исторической драмы, название которой — падение Константинополя.

Мириандрион защищал знаменитый генуэзский кондотьер Джованни Джустиниани Лонго, который во главе отряда из семисот солдат по собственной воле прибыл в город в конце января 1453 года. Джустиниани был особо искусен в защите крепостей, поэтому император Константин назначил его командующим обороной сухопутных стен. Сам император защищал второй опасный участок — Месотихион, где городские стены пересекали реку Ликос. Кардинал Исидор с двумястами солдатами занимал позиции у мыса Акрополя. Причудливые зигзаги вычерчивала линия его жизни. Судьба была неизменно благосклонна к бывшему митрополиту всея Руси. Исидору удалось бежать не только из московской тюрьмы, но и из разгромленного Константинополя. Но события тех трагических дней обнажили некую червоточину его души. Когда город оказался в руках турок, Исидор отдал свое пышное облачение кардинала какому-то нищему в обмен на его лохмотья. Нищий был схвачен и обезглавлен, и его голову выставили как принадлежавшую кардиналу. А Исидор за гроши купил молчание узнавшего его купца из Перы. Впоследствии ему удалось переправиться в Италию и продолжить свою церковную и политическую карьеру^[116]. Но эти события были впереди. А 6 апреля началась первая бомбардировка города. К вечеру стена в районе Мириандриона уже была серьезно повреждена, но защитники за ночь сумели ее восстановить. 12 апреля бомбардировка возобновилась, основным ее объектом теперь стала низкая стена над руслом Ликоса.

Первый выстрел из пушки Урбана сразу разрушил стены на пять саженей, второй снес еще 7 зубцов. Но осажденные метким выстрелом своего орудия сумели повредить зелейник турецкой пушки, чем привели в ярость султана Мехмеда II. Он повелел починить пушку и отдал приказ о штурме города. 18 апреля после мощного артобстрела началось сражение. Под бой барабанов и звон цимбал янычары, экипированные крюками и лестницами, пошли на приступ стен Месотихиона. Защитники не слышали друг друга от грохота пушек и свиста пищалей, от криков и стонов раненых и умирающих. «И от множества огня и стрельяния пушек и пищалей обоих стран дымное курение, сгустився, покры град и войско все, яко не видети друг друга, с кем ся бьетъ, и с зелейнаго духу многим умрети» — так описывал штурм русский очевидец тех событий. Император повелел звонить в колокола, чтобы все, кто мог носить оружие, поспешили на помощь защитникам города. Глубокие рвы вокруг городских стен заполнились доверху трупами людей, так что турки пробивались к самым

стенам: «мертвыя бо им бяху мост и лестница ко граду». Наутро император Константин отдал приказ похоронить погибших, но некому было его исполнить: воины, утружденные тяжелым боем, спали прямо на своих постах. Тогда патриарх повелел священникам и диаконам собрать убитых. Понимая, что город продержится недолго, Джустиниани уговаривал Константина покинуть свою столицу. Но император решительно отказался.

7 мая начался новый штурм Месотихиона. Накануне всю ночь турки опробовали новую пушку, отлитую взамен прежнего монстра инженера Урбана. Они обстреливали полуразрушенные стены Месотихиона, не давая защитникам соорудить укрепления. На рассвете несметное число турок, вооруженных приставными лестницами и крюками за поясом, устремилось к стенам. Очевидец этого штурма описал подвиг греческого солдата по имени Рангавис, который разрубил надвое личного знаменосца султана Эмир-бея, но сам был окружен и убит.

Стремясь во что бы то ни стало разрушить стены Константинополя, турки пытались вести тайные подкопы, но эти работы заметили осажденные. Они предпринимали контрподкопы. Тайная война завершилась блестящей победой греков. Около рва были врыты сосуды с порохом, а на стенах приготовлены горючие смолы. Когда во время очередного штурма турки подступили к стенам, защитники подожгли горячей смолой взрывоопасные сосуды, и земля буквально взорвалась под ногами турок. На воздух взлетели люди, огромные деревянные туры, в которых нападавшие прятались от выстрелов осажденных. После взрыва начались переговоры о мире. Султан предложил императору сдать город и выехать беспрепятственно со всем двором, император настаивал на возобновлении прежде заключенного мирного договора. 23 мая было отвергнуто последнее предложение турок, сделанное Константину, — королевство на Пелопоннесе. Судьба города и империи была предрешена.

В эти майские дни жители Константинополя напряженно всматривались в ночное небо. Необычные атмо-сферные явления тревожили людей. 24 мая, в ночь полнолуния, произошло лунное затмение и в течение трех часов над городом царил полная темнота. На следующий день было решено обойти крестным ходом весь город: так всегда поступали в Константинополе в дни военных опасностей и моровых поветрий. Но 25 мая 1453 года над городом разразилась такая страшная гроза с градом, что крестный ход пришлось прекратить. «На следующий день, 26 мая, город окутал густой туман — явление, совершенно невиданное для этих мест в мае. Словно Богородица окутала себя облаками, чтобы не заметили, как она покидает город. Ночью вокруг купола храма

Святой Софии заметили какое-то странное сияние». Согласно описанию русского очевидца, из верхних окон храма вырвалось пламя и собралось в единый столп вокруг купола церкви. Так продолжалось долгое время. Затем огненный столп достиг небес и стал невидим. Об этом необычном явлении упоминает не только автор русской Повести, но и секретарь императора Константина — Георгий Франтца. Его воспоминания заслуживают самого серьезного внимания. Всю осаду он провел в городе рядом с императором. После падения Константинополя Франтца попал в плен к туркам. Впоследствии ему удалось выкупиться из плена, около 1462 года он постригся в монахи на острове Корфу. Франтца упоминает, что поначалу свет над Софией испугал больше турок, нежели защитников города^[117]. Лишь впоследствии, уже после падения Константинополя, это небесное явление в понимании людей, переживших катастрофу, приобрело свой символический священный смысл: в виде пламени от Святой Софии отошел ангел, охранявший Царьград со времен основания города.

В эти последние дни приближенные сделали еще одну попытку уговорить императора покинуть город, но он ответил: «Сколько великих и славных царей, бывших здесь прежде меня, пострадали за свое отечество; неужели я, последний, не поступлю подобно им? Нет, я умру здесь, с вами». Этот ответ был смертным приговором самому себе. Он потребовал от Константина такого напряжения душевных сил, что, произнеся эти слова, император упал без чувств.

Вечером 28 мая султан Мехмед II объезжал свои войска: он решил предпринять еще одну, решающую атаку, и если она не удастся, — отказаться от Константинополя. В осажденном городе узнали об ожидавшемся нападении. Вечером того же дня торжественный крестный ход прошел по улицам и площадям Константинополя. Он завершился литургией в храме Святой Софии. «Император молился с великим усердием. Покинув императорский трон и приблизившись к иконостасу, он распростерся перед иконами Христа и Богородицы... На глазах своего духовенства, своих солдат, своего народа он готовился в час этой смертной литургии предстать перед Богом. Когда последний христианский император Константинополя повернулся и отошел от алтаря, где на протяжении стольких веков совершали богослужение его предшественники и их народ, все, бывшие в церкви, разразились громким рыданием... Затем все вернулись на свои посты между внешними и внутренними стенами и заперли за собой ворота во внутренних стенах, так что никакое отступление уже не было возможно.

Позднее вечером Константин сам покинул дворец, сел на своего

арабского скакуна и в сопровождении своей свиты отправился в последнюю проверку. Ночь была темной и мрачной; падали крупные капли дождя, затем дождь перестал. Донеслись звуки с турецкой стороны — турки готовили лестницы по ту сторону крепостного рва. До пения первого петуха император уже занял свой пост у ворот Святого Романа... С первой полосой рассвета 29 мая началось наступление. Снова и снова атаковали турки под звуки литавр и флейт, под металлический лязг оружия, под грохот пушек и грохот снарядов; снова и снова отбрасывали их обороняющиеся, и они откатывались назад только для того, чтобы опять двинуться вперед под напором надвигающихся из тыла войск»^[118].

В критический момент, когда был смертельно ранен командир генуэзцев Джустиниани, небольшому отряду турок удалось прорваться сквозь потайную калитку в башне Керкопорта, которую осажденные забыли закрыть после очередной вылазки. Одновременно другой отряд янычар под командованием воина гигантского роста и силы по имени Хасан пробился наверх сломанного заграждения. Раздался крик: «Город взят!» И другие турецкие части стали через горы трупов пробиваться на улицы Константинополя, на нескольких башнях появились турецкие флаги. «„Город взят, а я все еще жив!“ — таковы были последние слова императора Константина XI Палеолога, с которыми он спешил, отшвырнул от себя знаки царского достоинства, вступил в бой с янычарами и навсегда исчез во время их последнего броска»^[119].

Защитники города сделали всё возможное, чтобы спасти империю. Они сделали даже невозможное: город долго и успешно оборонялся. «Но что мощно учинить противу таких силы, наипаче же противу гнева Божия грех ради наших?» — воскликнет потом автор русской Повести о падении Царьграда, комментируя эти события^[120].

Верный Франтца рассказал в своих воспоминаниях о судьбе тела последнего императора Византии. Султан приказал произвести розыск, среди обезглавленных трупов было опознано тело Константина по золотым орлам на туфлях, какие имели обычай носить греческие цари. Мехмед II передал тело христианам, и те погребли его с почестями^[121]. В конце XV века греки, жившие в Константинополе, возможно, еще могли показать могилу императора Константина. До сих пор в стене неподалеку от императорского Влахернского дворца существует тот самый пролом, через который турки прорвались в город. В стенах Семибашенного замка видны бреши от пушечных ядер, которые осажденные в перерывах между атаками заделывали всем, что попадалось под руку, в ход шли даже фрагменты

античных колонн. Когда преподобный Нил посетил город, следы недавнего штурма были повсюду. Вполне возможно, что через двадцать — тридцать лет после взятия Константинополя Нил мог еще беседовать с очевидцами тех трагических событий.

К вечеру 29 мая или на другой день в город вступил победитель в сопровождении своих визирей, пашей и янычар. Он подъехал прямо к храму Святой Софии. Спешившись, Мехмед II ступил на порог храма, зачерпнул горсть земли и высыпал себе на голову в знак смирения перед Богом, даровавшим ему победу^[122]. Затем он вошел в храм. В алтаре Святой Софии мулла провозгласил поклонение Аллаху. «Так великий храм, посвященный бессмертной мудрости Христовой, сердце христианского Константинополя, символ его глубочайших надежд и упований превратился в мечеть Айя-София мусульманского Стамбула»^[123]. Византийская империя пала. В обращении к потомкам ее жители могли повторить вслед за святым Ефремом Сириным такие слова: «Дело ясно, — сами видите, как наказывает нас Бог посредством нечестивых... Вместо того, чтобы быть пшеницею, мы стали пылью: и вот внезапный сильный ветер от востока развеял нас. Мы не искали убежища в едином убежище спасения; — и нас не спасли самые укрепленные города. Наши пастыри из суетной славы стремились к высшим степеням: и вот они лежат поверженные на земле, или отводятся в страну магов»^[124].

Русские люди буквально оплакали священный город. В Хронографе 1512 года сохранился лирический плач о падении Константинополя. Однако в душах жителей Руси осталась не только боль пережитой трагедии, но и страх. И кажется, из самых глубин сердца в тревожные дни 1480 года, когда татары стояли на реке Угре, у русского летописца вырвались такие слова: «О храбрии, мужествении сынове Русьстии! Потщитесь сохранить свое отечество, Русьскую землю, от поганых: не пощадите своих голов, да не узрят очи ваши пленения, и грабления святым церквем и домом вашим, и убиения чад ваших, и поругания женам и дщерем вашим. Якоже пострадаша инии велиции славнии земли от Турков, еже Болгаре глаголю и рекомии Греции, и Трапезон (Трапезунд, захвачен в 1461 году. — *Е. Р.*) и Амория (Морея, Пелопоннес, в 1460 году. — *Е. Р.*) и Арбанасы (Сербия, в 1459 году. — *Е. Р.*), и Хорваты, и Босна (Босния, в 1463 году. — *Е. Р.*), и Манкуп, и Кафа и инии мнози земли»^[125].

Часть 2. Монастырь

Послушник

Пути Твоя Господи, скажи ми, и стезям Твоим научи мя.

(Пс. 24, 4)

На берегах Босфора явно и грозно совершался Божественный Промысл о судьбах мира, а в далеком северном монастыре жизнь текла своим чередом. За Сиверским озером садилось солнце, окрашивая воду в нежные оттенки розового и лилового. Тихо и незаметно за буднями повседневности Господь вел каждого инока только Ему ведомыми путями.

Выбор обители чрезвычайно важен для человека, вступившего на монашеский путь. Ведь инок отдает себя в полное послушание настоятелю и братии обители, отныне он уже не властен в собственной жизни. От сделанного выбора во многом зависит, как сложится монашеская судьба. «С преподобным преподобным будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши. И со избранным избран будеши, и со строптивым развратишися» (Пс. 17, 26–27).

В середине XV века на Руси существовало много обителей, больших и малых, знаменитых и затерянных в лесной глуши. И почти в каждой из них можно было встретить святых в составе иноческого братства. Но монастырь должен был подойти молодому послушнику по тем методам духовного воспитания, которые были приняты у настоятеля и старцев обители. По словам Иосифа Волоцкого, игумен Тверского монастыря Савва бил нерадивых иноков жезлом. Кому-то такой принцип воспитания, возможно, покажется излишне жестоким, кому-то он будет просто необходим. Нил Сорский выбрал далекую, но знаменитую обитель на Белоозере.

Созерцательная природа, строгая жизнь братии привлекали в Кириллов монастырь многих подвижников. Здесь в свое время подвизались Савватий Соловецкий, Александр Ошевенский, Корнилий Комельский. Может быть, Нил побывал здесь и сам в памятном 1446 году, когда весь двор Василия Темного выехал вслед за князем в Вологду, и обитель тогда запомнилась ему. Возможно, он прислушался к совету своего брата.

Здесь снова наступило время вспомнить про друга Анд-рея Майко — Ивана Гавриловича Заболоцкого. Брат его деда, уже упоминавшийся

боярин Иван Дмитриевич Всеволож-Заболоцкий, был женат на дочери Микулы (Николая) Васильевича Вельяминова, погибшего на Куликовом поле. А Микула Вельяминов, в свою очередь, приходился родным племянником Тимофею Вельяминову, чьим родственником и домоуправителем был преподобный Кирилл Белозерский. Наверное, Всеволожи хорошо знали свою родословную. Им было известно, что благодаря давней женитьбе своего прадеда они породнились с великим русским святым.

О Кирилле Белозерском Нил Сорский знал с детства. Живя в Кремле, он часто проходил мимо дома у Тимофеевских ворот, где когда-то жил святой. Ворота получили свое название по имени владельца усадьбы — окольного Тимофея Вельяминова. Историки до сих пор точно не определили сущность этого придворного чина. «Этимологически термин восходит к слову „около“, а отсюда „окольный“ в смысле „приближенный“»^[126]. Окольное выполняли важные судебные и управленческие функции при князе. Косма (так звали Кирилла в миру) приходился, скорее всего, родственником не Тимофею, а его жене — Ирине^[127]. Родители святого скончались во время морового поветрия, оставив малолетнего сына на попечение Вельяминовых. После совершеннолетия Косма стал казначеем обширного имения Тимофея; он совершал также сделки, связанные с великокняжеской недвижимостью. Сохранилась меновная (обменная) грамота Дмитрия Донского и чернеца Симонова монастыря Саввы, в которой упомянут казначей Косма^[128]. Одни исследователи датируют ее составление временем между 1378 и 1383 годами, другие — периодом между 23 мая 1381 года и 23 августа 1382 года или промежутком между 1380 и 1382 годами^[129]. Если учесть, что Кирилл Белозерский родился около 1337 года (он преставился в 1427 году девяностолетним старцем), то становится понятно, что в 1378 году, то есть в возрасте сорока лет с небольшим, он был еще мирским человеком. Это вполне согласуется с рассказом Жития Кирилла Белозерского, где говорится о том, что Тимофей долго не хотел отпускать в монастырь своего управляющего, но тот не оставлял своей мечты.

Однажды в дом к Тимофею пришел игумен Стефан Махрицкий. Возможно, требовалось обсудить какие-то хозяйственные вопросы, ведь вотчины Вельяминова находились рядом с селами Махрицкого монастыря. Косма, который ждал прихода игумена, припал к его ногам, проливая слезы. Он умолял Стефана постричь его в монахи. Махрицкий игумен облек Косму в иноческие одежды — рясу и камилавку (то есть в

рясофор) и нарек Кириллом. Однако эти превращения еще нельзя было считать полноценным монашеским постригом, так как Кирилл не давал монашеских обетов.

Преподобный Стефан постучал в дом Вельяминова в полдень, когда хозяин собирался отдохнуть от мирских забот. Когда игумен вошел, Тимофей встал и поклонился ему, прося благословения. Тогда старец сказал: «Богомолец ваш Кирилл вас благословляет». Тимофей в недоумении переспросил: «Какой такой Кирилл?» Стефан ответил: «Косма, бывший ваш слуга. Ныне ему захотелось стать иноком, служить Господу и о вас молиться». Вельяминов пришел в ярость, наговорил игумену всяких нехороших слов. Но Ирина, испугавшись того, что ее муж оскорбил святого, уговорила Тимофея сменить гнев на милость. Тот вернул Стефана, принес ему извинения и сказал, что он «предоставил Косме, нареченному Кириллом, жить по своей воле, как тот хочет»^[130]. Так, Косма-Кирилл стал монахом Симонова монастыря, где архимандрит Феодор Симоновский, племянник Сергия Радонежского, постриг его в монашество уже полным чином. Пройдя долгий путь духовного возрастания и все виды монастырских послушаний, Кирилл в 1390 году стал архимандритом Симонова монастыря^[131]. Однако в 1396 году из-за неких распрей и нестроений удалился на Старое Симоново — в малый приписной монастырь Рождества Пресвятой Богородицы, а затем вообще покинул Москву и отправился в Белозерье. Согласно Житию, Кирилл пришел на берег Сиверского озера шестидесятилетним старцем, то есть около 1397 года. По исследовательской версии, это событие совершилось еще позже — в 1407 году^[132], то есть место своего духовного покоя подвижник обрел только в 70 лет.

Когда Нил был еще отроком, Кирилла Белозерского уже причислили к лику святых (в послании русского духовенства к князю Дмитрию Шемяке, написанном в декабре 1447 года, он упомянут как святой)^[133]. Кто-то из Оптинских старцев в свое время сказал, что святые, ушедшие на Небеса, внимательно наблюдают за своими родственниками и помогают им в их земной жизни. Нил, конечно, не был родственником преподобного Кирилла. Однако Вельяминовы, Заболоцкие, Майковы составляли общий круг людей, связанных между собой либо дружескими, либо служебными отношениями. Поэтому Нил шел в Кириллов монастырь, как идет к себе домой, уповая на молитвы и заступничество своего кремлевского земляка.

Самый короткий и удобный путь из Москвы на Белоозеро лежал через Дмитров, который стоит на реке Яхроме. Здесь садились в насады или

струи и по рекам Сестра, в которую впадает Яхрома, и Дубна попадали в Волгу, а далее по Шексне путь лежал на Белоозеро. Где-то в районе современных Горлиц путешественники покидали свои насады и шли пешком около семи верст до Кириллова монастыря. Им было не миновать той самой горы Мауры, с которой когда-то преподобный Кирилл увидел заветный холм над Сиверским озером.

Само место, где стоит монастырь, кажется, отмечено Свыше особою печатью, и каждый, побывавший здесь хотя бы однажды, несомненно, почувствовал душой его необыкновенную благодать. Сербский монах Пахомий Логофет, искушенный красотами Афона, пришел в восхищение, увидев Белозерскую обитель. «Место сие зело красно, ибо со всех сторон яко стенами окружено водами», — записал он в Житии святого Кирилла и поведал монастырский рассказ о чудесном основании обители.

«Когда преподобный Кирилл жил в безмолвии на старом Симонове, ему пришла мысль поселиться где-нибудь вдали от мирской суеты, в глубокой пустыне, и там пребывать одиноко. Много он боролся с этим желанием и постоянно молился Пресвятой Богородице: „Ты веси, яко всю мою надежду по Бозе на Тебе возложих от юности моя. Ты убо, якоже сама веси, настави мя на путь, в нем же возмогу спастися“. Раз он стоял перед образом Божией Матери „Одигитрия“ на обычной вечерней молитве, кончил уже правило и стал петь акафист Божией Матери. И вот, когда дошел в иконе до места: „Странно рождество видевши, устранимся мира и ум на небеса преложим“, вдруг слышит ясный голос, обращенный к нему: „Кирилле, изыди отсюда, иди на Белоозеро, там убо уготовах ти место, в нем же можещи спастися“. Вместе с чудным голосом явился яркий свет. В изумлении отдернул преподобный волоковое оконце кельи и видит: сияет великий свет от Белозерской полуношной страны. Тогда он понял, что услышаны его молитвы: целую ночь с радостью в молитве благодарил и славил Бога.

Около того времени пришел с Белоозера инок того же Симонова монастыря Ферапонт, посланный туда архимандритом ради монастырских нужд. Совершив благополучно дальнейшее путешествие, он поспешил увидеться с преподобным Кириллом, имевшим с ним одно пострижение. В беседе с ним преподобный Кирилл узнал, что в Белозерских краях есть немало мест, удобных для пустынножительства. Согласились и пошли туда оба вместе. После многих дней пути они, наконец, прибыли на Белоозеро и здесь долго ходили, отыскивая удобное место для поселения. Достигши горы Маура, возвышающейся в местности, где теперь стоит монастырь, они взошли на нее. Окинув взором открывшиеся окрестности, преподобный

узнал предназначенное ему место для безмолвия. Спустились с горы и остановились на небольшом пригорке, покрытом лесами и вдававшемся полуостровом в воды близлежащего Сиверского озера»^[134].

За полвека, прошедшие с того времени, на берегу озера уже отстроился довольно большой монастырь. Его опоясывала высокая деревянная ограда. В центре обители на холме возвышалась, как «некое око, взирающее на монастырь», Успенская церковь. Рядом с церковью стояла небольшая звонница, а неподалеку трапезная палата. Монашеские кельи огибали Успенский холм полукругом с восточной стороны, так, чтобы монах в оконце мог всегда видеть храм и его святой алтарь. Все кельи были деревянные. Они были так же просты, как первая келья основателя обители, построенная им на месте его первоначального поселения. До наших дней сохранилась точная копия часовни святого Кирилла, которую кирилловские монахи устроили в XVII веке вместо древней, истлевшей от времени. Николай Константинович Никольский, выдающийся знаток истории Кирилло-Белозерского монастыря, предполагал, что это строение первоначально было не часовней, а кельей основателя обители (поскольку Пахомий Логофет в Житии святого не упоминал о часовне, но говорил только о келье).

Жилище преподобного Кирилла — «это обычная незатейливая северно-русская клеть. Из сосны, четырехстенная, рублено в замок из бревен, обтесанных как снаружи, так и внутри. Покрытие сделано из досок, скрепленных гвоздями со скалою на два ската. Небольшая низкая дверь с окном в виде малого отверстия ведет в помещение, имеющее в длину 3 аршина 14 вершков, а в ширину 3 аршина и 4 вершка и в высоту до кровли 4 аршина. В южной стене прорублено небольшое „оконьцо“, закрывающееся изнутри деревянной задвижкой. Потолка строение не имеет, а пол, находящийся здесь в настоящее время, сделан позже построения всего здания»^[135]. В такой постройке мог поместиться только один человек. Впоследствии кельи стали делать более просторными, поскольку в них жили по два-три человека. К кельям пристраивали еще сени, в которых сооружали чулан и «предсение» — крытое крыльцо. Снаружи можно было расслышать, что говорили внутри. В верхней части стены делали волоковые окна (название происходит от слова «волочь»). Они были небольшими, чтобы сохранить в келье тепло во время сильной стужи, и в то же время достаточными, чтобы в них просунуть голову и поговорить с пришедшим братом. Рядом с кельями обычно стояли дровяники — сараи, где хранились дрова. Топили по-черному, дым

выходил через окна.

С западной стороны обители, там, где на берег озера можно выйти через Водяные ворота, находились хозяйственные службы: поварня, хлебни, ледники, амбары. По справедливому замечанию Никольского, так строили намеренно. Монахи общежительной обители питались только в трапезной, есть в кельях или где-либо еще, а также иметь свои припасы запрещалось. Чтобы оградить братию от соблазнов и искушений, все службы, где хранили продукты или готовили пищу, устраивали в противоположной от монашеских жилищ стороне монастыря.

Стены вокруг обители были выстроены четырехугольником, что имело не случайный, но символический характер. Небесный град Иерусалим, в котором будут жить спасенные народы, описан в «Откровении святого Иоанна Богослова» как «четвероугольник», «и длина его такая же, как и широта» (Откр. 21, 16). «Он имеет большую и высокую стену» и «ворота на все стороны света: с востока, с севера, с юга и с запада» (Откр. 21, 12). Монастырь как земной образ Царствия Небесного строился по плану Небесного Иерусалима. Главные ворота, через которые входили в обитель, назывались Святыми.

В один из дней 1453 года (Нилу исполнилось как раз 20 лет, это был традиционный возраст ухода в монастырь) к Святым воротам подошел юноша и постучал. Привратник открыл ему калитку, он показал письмо для игумена Кассиана. Монах молча впустил его внутрь. Калитка скрипнула и закрылась за спиной юноши. Много раз он будет отворять и затворять эту дверь, пересекая незримую границу между монастырем и миром. Но в тот день она закрылась для него навсегда. Он ступил на первую ступень лестницы монашеских добродетелей, которая именуется удалением от мира.

Византийский святой Симеон Студит, обращаясь к своему ученику, намеревавшемуся покинуть мир, говорил: «Брат, вот что считай совершенным удалением от мира: всецелое умерщвление своей воли, затем беспристрастие к родителям, родным и друзьям и отречение от них. Также и то, чтобы обнажиться тебе от всего имущества твоего... и совершенно забыть всех лиц, которых горячо любил... В помысле же твоём надлежит тебе положить такое убеждение, что после твоего вступления в обитель умерли все родители твои и друзья, и только Бога и предстоятеля считать отцом и матерью»^[136]. Мы не знаем, какой душевной болью досталась Нилу Сорскому эта непреодолимая для многих ступень, но любовь к Богу пересилила все.

Принимал Нила в монастырь игумен Кассиан. Пахомий Логофет так

отозвался о настоятеле, с которым был лично знаком: «...по достоинству называвшийся игуменом, муж, состарившийся за многие годы постнических трудов». О жизненном пути преподобного Кассиана известно немного. Свой монашеский путь он начал в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском острове, затем перешел в обитель Кирилла Белозерского, где застал «чюдотворца Кирилла» еще живым. 11 апреля 1448 года ростовский, ярославский и белозерский епископ Ефрем возвел Кассиана в сан игумена Кирилло-Белозерского монастыря^[137]. Источники сообщают, что он по благословению епископа Рязанского Ионы (будущего митрополита Киевского и всея Руси) и по велению московского князя Василия II дважды ходил в Царьград. Вероятно, Кассиан отвозил в столицу Византии грамоты великого князя, направленные константинопольскому патриарху в 1441 году и византийскому императору в 1443-м^[138]. Речь в них шла о возможности получения митрополией Русской церкви автокефалии, то есть независимости от Константинопольского патриархата. Мысль о том, чтобы самим избирать митрополита, укрепилась на Руси после печально известного Ферраро-Флорентийского Собора.

Переговоры об автокефалии были непростыми. Почему кирилловского монаха (а в эти годы Кассиан еще не был игуменом) выбрали для столь сложных переговоров, мы не знаем. Но на всё бывает своя причина. Вероятно, Кассиан был хорошо известен епископу Ионе и великому князю, образован, обладал дипломатическим талантом.

Источники сообщают, что Василий Темный щедро наградил Кассиана после его возвращения из Царьграда, много пожертвовал на обитель и отпустил на покой — на Каменный остров. Однако в этом сообщении есть хронологическое несоответствие. В любом случае вторая поездка Кассиана должна была состояться до 1453 года, когда был взят турками Константинополь. Но в это время Кассиан оставался настоятелем Кирилло-Белозерского монастыря. Вероятнее всего, что эти два эпизода его биографии: возвращение из Царьграда и уход на Каменный остров не были связаны. Кассиан на год покинул Кириллов монастырь в 1465 году, когда новый ростовский архиепископ Трифон самовольно поставил настоятелем обители своего родного брата Филофея. Тот вел себя неподобающим образом, и белозерский князь Михаил Андреевич, ктитор обители, изгнал его, вернув Кассиана. Последний оставался настоятелем Кириллова монастыря до 1471 года, какое-то время еще жил здесь на покое, а затем вернулся на место своего пострига — в Спасо-Каменный монастырь. Многие из постриженников игумена Кассиана были причислены к лику

святых: Александр Ошевенский, Нил Сорский, Иоасаф Каменский. И этот перечень говорит сам за себя: «С преподобным преподобным будеши...» Сам Кассиан был также прославлен Русской церковью в лике святых.

Если брат хотел поступить в монастырь, то он «бил челом» игумену наедине. В Житии преподобного Александра Ошевенского рассказывается, как святого Александра принимали в число кирилловской братии. Этот рассказ вполне подошел бы и для Жития Нила Сорского. Игумен спросил юношу: «Хочешь ли, чадо, иноком быть и Господу работать?» Тот же отвечал: «Ей, отче, воистину, желаю, но через некоторое время. А пока, если повелит твоя святыня, буду служить на святую братию, чтобы испытать свою юность». Игумен увидел смирение и душевную чистоту юноши, понял он и то, что пришедший изучал Божественные писания. И тогда настоятель спросил его: «Чадо, учился ли ты святым книгам?» По своему смирению тот ответил: «Мало, отче, немного с детства научился и пребывал в небрежении». Тогда игумен произнес: «И это тебе, чадо, будет на великий успех к твоему спасению».

После личной беседы игумен сообщал о новопришедшем соборным старцам, те испытующим взором оценивали брата. Если он им нравился, то игумен благословлял новичка ходить по кельям старцев и просить их принять его в обитель. Но если пришелец не нравился монастырскому собору, то его по кельям не посылали. А игумен вежливо отказывал ему в таких выражениях: «Довольно у нас, господин, ныне братии, число исполнилось»^[139].

Скромная и одновременно достойная манера держаться, спокойный и уверенный взгляд умных глаз, общее благородство облика юноши понравились монастырским старцам. Насельники Кириллова монастыря хорошо знали и брата пришедшего — Андрея Майко, не раз посещавшего обитель по государевым делам. И они ответили согласием.

Когда в монастырь принимали новичка, то над ним совершался чин, который не был посвящением в монашество — постригом, но содержал в себе особую молитву. Игумен и братия молились, чтобы Господь сохранил доброе намерение брата, защитил его от зависти и злобы, благословил все его «входы и исходы», научил, как потратить нажитое в миру богатство на благие дела. Намеревающиеся вступить в число братии обыкновенно приносили свой посильный вклад на обитель.

Поскольку послушники считались еще мирскими людьми, они жили в кельях, отведенных для монастырских работников. Будущие иноки трудились в хлебнях, поварнях и на других тяжелых работах, испытывая себя в добродетелях терпения и послушания. «А кто не знает кирилловские

хлебни!» — говорили тогда на Руси, имея в виду их огромный размер и тяжелый труд печь хлеб. «Многотрудна была работа эта, так как ядущих было множество. Кроме иноков и наемных работников кормились на трапезе те, которые приходили в монастырь пользы ради душевной, и, кроме того, нищие, странники и мимоходящие. Многие брали хлеб с собою»^[140].

Труд и послушание — это все, чем, по мнению старцев, должен быть занят послушник. Он получал от монастыря одежду (которая еще не была монашеской) и пропитание. Обычно иску послушания продолжался три года. Все это время игумен наблюдал за новичком, стараясь понять, к чему тот способен. Александр Ошевенский пробыл в послушании шесть лет. Он никак не мог преодолеть своей привязанности к родителям, которые противились постригу сына. Срок послушания Нила Сорского, скорее всего, не превысил трех канонических лет, ведь ему не требовалось дополнительного обучения, да и сомнения не тревожили его душу. Москва и родительский дом были далеко от него.

Постриг

*Искусил еси сердце мое, посетил еси нощию,
искусил мя еси, и не обретется во мне неправда.*

Пс. 16, 3

Через некоторое время юноша принял постриг с именем Нил. Не существовало и не существует строгих правил, по которым монахам дают имена. Согласно древней традиции инок получал имя того святого, память которого праздновалась в день пострига. В древнерусских святцах под 12 ноября значится память «преподобнаго отца нашего Нила». На Руси он был известен как Нил Постник, Нил Черноризец, Нил Чернец (иногда его отождествляли с другим святым — Нилом Синайским). Возможно, постриг Нила Сорского состоялся 12 ноября и потому он получил такое имя. Начиная с XV века, как уже говорилось выше, распространилась и другая практика — монаху давали имя, начинавшееся с той же буквы, что и его мирское имя, либо имя выбирали по созвучию с прежним. Но такая закономерность была необязательной. Более того, церковные иерархи считали наиболее правильным тот порядок, когда игумен, совершающий постриг, сам выбирал имя для нового монаха. Так, например, митрополит Киевский и всея Руси Киприан возражал против обычая давать имя по календарю либо исходя из мирского имени: «Егда же ли чернца пригодится стричи и имя ему нарицати, несть в том узаконоположено, еже или дни того святого имя нареци, или паки и с мирьского имени, но якоже игумен въсхоцет и повелит»^[141]. В конце концов, последнее правило не противоречило первому: игумен, желая дать монаху определенное имя, мог приурочить его постриг к соответствующему дню.

Мы не можем сказать определенно, по каким причинам игумен Кассиан выбрал имя Нил для молодого послушника. Но совершенно точно одно — оно не было случайным. Имя, полученное в монашестве, приоткрывает завесу тайны над Божественным Промыслом о человеке. Мистическим образом судьба древнего святого, во имя которого постригается новый монах, проецируется на его собственную судьбу.

Преподобный Нил Постник жил на рубеже IV и V веков. Кондак, прославляющий этого святого, говорит о том, что он стяжал душевную чистоту и бил бесов непрестанной молитвой, как копьём («Вышних

чистотою душевною божественно вооружився и непрестанную молитву яко копие в руце имы, крепко съпробол еси бесовская ополчения, Ниле отче наш, моли Христа Бога непрестанно о всех нас»^[142]. Святой подвизался в окрестностях города Анкиры (ныне Анкара, Турция). Здесь в горах было много монахов-отшельников. Житие святого не сохранилось. Известность Нилу Постнику принесли написанные им многочисленные аскетические сочинения. На Руси существовала давняя традиция их бытования. Русские читатели могли познакомиться с творениями Нила Постника еще в XI веке: некоторые «Слова» святого вошли в состав знаменитого Изборника 1073 года. Одно из сочинений Нила Чернеца в славянской версии называется «О восьми духах лукавства» и посвящено борьбе с греховными помыслами и страстями. Можно предположить, что Нил Сорский написал свои главы «О восьми помыслах», подражая труду святого, в честь которого был пострижен. Несмотря на то, что Нил Постник жил в самом начале истории монашества, он стал его критиком и реформатором. Нил Сорский так же пытался реформировать современное ему монашество, призывая иноков вернуться к древним традициям.

Нездешнее имя русского святого невольно вызывает в памяти и другие ассоциации. Так на заре человеческой истории была названа великая река, пересекающая Африканский континент с юга на север и подарившая жизнь египетской цивилизации. Русские паломники, путешествовавшие по Египту в XV столетии, полагали, что «златоструйный Нил» берет свое начало в раю. Течение этой вечной реки придает особую созерцательность египетскому ландшафту. Сейчас, как и тысячи лет назад, воды Нила текут спокойно и величаво, пустынные берега, неслышно качается тростник. Громадный сфинкс, обращенный в Вечность, стал символом созерцания. В IV веке нашей эры на берегах Нила началась история монашества. Монахи уходили в пустыню, поднимались в горы, прятались в пещерах ради созерцания Божественных тайн. На вершине высокой горы, в маленькой пещере, куда ведет такой узкий извилистый проход, что от тесноты даже сводит дыхание, поселился подвижник Антоний, впоследствии прозванный Великим. Христианская традиция называет его отцом вселенского монашества.

А в Ливийской пустыне (между нынешним Каиром и Александрией) другой великий святой, Макарий, основал первый в истории монашества скит. С коптского языка слово «скит» переводится как «вес сердца». Удалившись в страшную безводную пустыню, подвижники взвешивали перед лицом Бога свое сердце — свои помыслы и желания. Именно этот монастырь стал прообразом скита на реке Соре.

Прочные духовные нити связали русского святого с землей Египта. Похоже, что подобные ассоциации и размышления приходили на ум неизвестному книжнику, составившему вскоре после кончины Нила Сорского тропарь, кондак и икос святому. Средневековый поэт сравнил житие преподобного Нила с финиковой пальмой. Он заметил, что у этого дерева колючие и жесткие вайи («дерево остроговато»), но сладкие плоды. Жестким и неудобным было житие Нила Сорского, однако оно принесло богатые духовные плоды, — напоминает нам книжник. Существует предположение, что возможным автором этих литургических песнопений был ближайший ученик Нила Сорского — преподобный Иннокентий (Охлябинин). Он путешествовал вместе с Нилом на Восток, делил с ним тяготы первых лет в Сорском скиту. Вероятно, он больше, чем кто-либо, знал своего старца, его духовные привязанности и стремления. Нил Сорский всегда стремился к истокам, подлинности, к Началу. Великая река, название которой стало собственным именем преподобного, связала его с этим Началом.

В Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга среди бесчисленного множества уникальных рукописей хранится Требник (так называемый «Постригальник-Погребальник») преподобного Кирилла Белозерского (РНБ. Кир. — Бел. № 5/5). Часть книги написана на бумаге, часть — на пергамене, что указывает на ее древность. Прикосновение к этому кодексу всякий раз вызывает необъяснимый трепет: листы во многих местах прожжены горячим воском свечи и затем аккуратно зашиты, повсюду видны следы елея (масла) и воска. До сих пор рукопись, когда ее вынимают из футляра, издает сильный аромат церковных благовоний. Исследователи говорят, что именно эту книгу взял с собой святой Кирилл, когда уходил из московского Симонова монастыря на Белоозеро, чтобы основать новую обитель^[143]. В кодексе переписаны главные молитвенные последования, необходимые игумену на новом месте: чин монашеского пострига и чин отпевания. Множество иноков приняли монашество и покинули бренный земной мир под чтение молитв из этого «Постригальника-Погребальника». Возможно, именно эта книга находилась в руках игумена Кассиана, когда он совершал постриг будущего святого.

Во время чтения часов перед литургией экклисиарх («начальник церкви») вводил в церковь брата, намеревающегося принять постриг. Брат три раза падал ниц перед Царскими вратами, кланялся игумену, который благословлял его. Потом экклисиарх отводил его на паперть около западных дверей церкви. Здесь новоначальный снимал с себя свою

обычную одежду и стоял в одной рубашке без пояса, обуви и верхней одежды, что символизировало его отречение от мира и нищету перед лицом Бога. Как кающийся грешник, он стоял перед Раем и Небом, умоляя о входе в церковь, которая олицетворяет собой земное Небо.

После малого Выхода с Евангелием во время пения антифонов все иноки монастыря выходили навстречу к церковным дверям. Постригаемый брат в одной рубашке, покрытый мантиями иноков, медленно двигался к Царским вратам. В алтаре, внутри Царских врат, в полном облачении стоял настоятель. Постригаемый брат своим видом символизировал евангельского блудного сына, который в чужой стране расточил данное ему от Отца богатство и во время голода нанялся на работу к немилостивому господину, кормившему его свинными рожками. Измученный голодом, он, наконец, вернулся к своему Отцу.

Когда постригаемого вели к настоятелю, олицетворявшему собой Господа, братский хор трижды пел тропарь Недели о блудном сыне: «Объятия Отча отверзти ми потщися, блудно мое иждих житие, на богатство неизживаемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое да не презриши сердце. Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших на небо и пред Тобою». С каждым повторением тропаря постригаемый трижды падал ниц во свидетельство решительности своего намерения и трижды вставал в знамение восстания от падения. Пение тропаря заканчивалось, и брат подходил к аналою, на котором лежали Святое Евангелие и ножницы; игумен же выходил из алтаря и становился близ столпов иконостаса. Экклисиарх в это время раздавал братии свечи, возжжение которых, по толкованию святого Симеона Солунского, означало даруемые новому брату благодать, просвещение и радость духовную.

Встречая брата как бы в дверях Отчего дома, игумен говорил ему краткое поучение, чтобы он нелицемерно и без притворства исповедал истинное покаяние. После этого игумен спрашивал брата: «Что ради прииде, брате, припадая ко святому жертвеннику и к святей дружине сей?» Брат отвечал: «Желаю жития постническаго, честный отче»^[144]. Игумен снова спрашивал его: «Желаешь ли сподобиться ангельского образа и вчинену быти лику монашествующих?» — «Ей, Богу содействующу („Да, при помощи Божией“. — *Е. Р.*), честный отче», — смиренно отвечал послушник. Игумен одобрял его благое намерение такими словами: «Воистину добро дело и блаженно избрал еси, но аще сохраниши: добрая бо дела трудом снискаются и болезнь исправляются („Воистину доброе и благое дело ты избрал, но сможешь ли совершить его, ведь добрая дела трудом совершаются и в болезни совершенствуются“. — *Е. Р.*)».

Не довольствуясь первым согласием послушника, игумен более подробно испытывал его:

— Волею ли своею или от разума приходиши к Господеви, а не от некия беды или нужды?

На это постригаемый отвечал: «Ей, честный отче»^[145].

— Пребудешь ли в монастыре в пощении и в послушании игумену, а не в роптании; в покорении, а не в пререкании и унижении братии; не в тайноядении и не в любви к мирским, к родителям и к сродникам, и не в праздном хождении?

— И имеши ли любовь ко святей братии и пребудешь ли в пощении даже и до последнего издыхания?^[146]

И на все вопросы будущий инок смиренно отвечал: «Ей, Богу содействующу, честный отче», давая тем самым монашеские обеты целомудрия, нестяжания, послушания, отречения от мира.

После того как были произнесены обеты, начинался сам постриг, который совершал священник, а игумен был восприемником постригаемого. Удостоверившись в доброй воле послушника, священник произносил «оглашение малого ангельского образа», в котором объяснял образ новой, совершенной (ангельской) жизни. Он еще раз напоминал будущему монаху, что тот за исполнение своих обетов даст ответ на Страшном суде: «Блюди, брате, какова обетования даеши Владыце Христу. Ангели бо предстоят невидимо, написующе исповедание твое сие, его же хочещи истязан быти во Второе пришествие Господа Нашего Иисуса Христа...» Вслед за оглашением священник произносил три молитвы. Перед чтением второй молитвы постригаемый преклонял голову, и священник держал над ней молитвослов, произнося слова: «Господи Боже Наш! Достойна сотвори быти Тебе взаконившая (Тебе подчинившегося. — *Е. Р.*) и вся жития сего оставившая и другы (и оставившего все в этой жизни и друзей. — *Е. Р.*), и последовавшая Тебе (и последовавшего Тебе. — *Е. Р.*). Приими убо раба Своего [имя], отвергшася сих всех по божественным заповедям Твоим, и настави его на истину Твою...»^[147]

После молитв священник брал постригаемого за правую руку и вел к аналою, на котором лежало Святое Евангелие. Указывая на Евангелие, священник говорил ему: «Се Христос невидимо предстоит zde, яко никтоже тя нудит на образ сей (Здесь Христос невидимо стоит и видит, что никто тебя не принуждает принять монашеский образ. — *Е. Р.*); блюди, яко ты от предложения своего (смотри, ибо сам того желаешь. — *Е. Р.*)». И, наконец, иерей спрашивал в последний раз: «Волиши ли ангельскаго образа

обручению? (Хочешь ли принять на себя ангельский образ? — *Е. Р.*)». Постригаемый отвечал: «Ей, честный отче, от усердства (Да, честный отче, по собственному стремлению. — *Е. Р.*)». Священник приказывал ему подать ножницы. Послушник давал их игумену, а тот — священнику, который вновь обращался к постригаемому с такими словами: «Се от руки Христовы взимаеши, блюди, к Кому приходиши и Кому обещаеши и Кому отрецаеши!» Священник постригал волосы нового инока крестообразно со словами: «Брат наш Нил стрижет власы главы своея во имя Отца и Сына и Святаго Духа»^[148]. С постригом волос изменялось имя. При тихом пении всеми иноками «Господи, помилуй» священник облачал нового инока в монашеские одежды, объясняя при этом их духовное значение.

Сначала надевали рясу — «хитон вольной нищеты и нестяжания» — со словами: «Брат наш Нил облачится в ризу веселия, во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Ряса (современный подрясник) в древнерусском обиходе называлась еще «однорядкой», свиткой; изначально это был греческий хитон, передняя сторона которого разрезалась на полы для удобства движения.

После рясы на инока возлагался параман — четырехугольный плат с вышитыми на нем буквами: *І. С. Х. Н. К.* — «щит спасения». Параман крестообразно стягивал плечи и грудь посредством четырех шнурков. Он знаменовал собой Крест Господень, который монах принимал на свои плечи и никогда не снимал. Кроме того, стягивая свободную одежду, параман делал монаха способным исполнять любую работу. Затем иноку вручалась камилавка: «Брат наш Нил приемлет камилавку великаго ангельскаго образа». Название монашеского головного убора — «камилавка» — дословно переводится как «непомерный жар»: так в Средиземноморье называли шапку, защищавшую голову от солнца.

Монах перепоясывался кожаным поясом «в умерщвление тела»: «Брат наш Нил препоясует чресла своя силою Истинны во имя Отца и Сына и Святаго Духа». На монашеские пояса часто наносили священные изображения. Подпоясавшись, иннок обувался в сандалии. Тем самым он приготавливался благовествовать Евангелие всему миру («во уготовление Евангелия миру»). Монашеские сандалии служили духовной защитой иноку, чтобы он «не был уязвлен мысленными змиями в пяту помыслов», подобно мифологическому Ахиллесу, погибшему от укуса змеи в пятку (Святой Симеон Солунский)^[149].

Дальше монах покрывался мантией — «ризой спасения и броней

правды»: «Брат наш Нил приемлет мантию — обручение великаго ангельскаго образа и одежду (одежду. — *Е. Р.*) нетления и чистоты». Мантия символизировала собой «строгость, благоговение и смирение монашеской жизни» (Святой Симеон Солунский)^[150]. «Для чего мы носим мантию, не имеющую рукавов? — говорил святой авва Дорофей. — Рукава суть подобия рук, а руки принимаются для обозначения действия. И так, когда приходит нам помысл сделать что-либо руками ветхого нашего человека (то есть человека, не очистившегося от греховных привычек. — *Е. Р.*), как например: украсть или ударить... то мы должны обратить внимание на одеяние наше и вспомнить, что не имеем рукавов, то есть не имеем рук»^[151].

При ношении мантии инок должен был соблюдать особую осторожность: ни в коем случае не разрешалось садиться на мантию. В Кирилло-Белозерском монастыре монахи носили короткие и длинные мантии. Длинные были торжественной одеждой, в которую облачались на великие праздники: к утрени и вечерне на праздники Введения Пресвятой Богородицы во храм, Рождества Христова, Богоявления, Благовещения, Успения, в Вербное воскресенье и на память преподобного Кирилла Белозерского. На Пасху в длинных мантиях ходили всю неделю. В праздник Сретения Господня братия приходили к службе в коротких мантиях, а затем, готовясь к крестному ходу вокруг обители, переодевались в длинные.

В самом конце чина одевания на инока возлагался клобук с молитвой: «Брат наш Нил приемлет клобук — обручение великаго ангельскаго образа». Древний монашеский клобук имел форму куколя (капюшона) и символизировал собой монашеское смирение и незлобие. Согласно толкованиям святых отцов, «куколь есть также подобие благодати Божией, потому что как куколь покрывает и греет главу младенца, так и благодать Божия покрывает ум» монаха (Авва Дорофей)^[152]. Как выглядел монашеский клобук в XV–XVI веках, можно понять по изображениям русских святых на иконах. В одном «старческом поучении» сказано, что монах, прежде чем надеть клобук, должен поцеловать его «в крыльца», то есть этот монашеский головной убор имел нечто вроде ушей, как у шапки. Клобук надевался вместе с камилавкой (скуфьей), при этом клобук являлся верхним головным убором, а камилавка нижним. Перед причастием инок снимал камилавку и клобук и убирал их за левую пазуху.

После завершения чина одевания монашеской одежды священник произносил итоговые слова: «Брат наш Нил приял обручение великаго

ангельского образа и облекся во вся оружия, во имя Отца и Сына и Святаго Духа»[\[153\]](#).

Старец и ученик

Блажен, егуже избрал еси и приял, вселится во дворех Твоих.

(Пс. 64, 5)

Новоначальный инок жил в монашеской келье вместе с опытным монахом, который именовался старцем. Этим словом на Руси обозначали не возраст, а степень духовной мудрости.

Получив новичка из рук игумена, старец приводил его в свою келью и объяснял, как он должен себя вести, показывал его место в сенях и в келье, где ему сидеть и где спать. Ученик не должен был садиться на место старца или другого инока, переставлять предметы с места на место или брать чужое. А если все-таки случалось воспользоваться, например, чужой иголкой, то надо было немедленно попросить прощения: «Старец (или брат), господин, Бога ради прости, по грехам случилось».

Если ученик и старец вместе входили в келью, то сесть можно было только после того, как сядет старец. Спрашивать и отвечать на вопросы разрешалось только тихим голосом. Будущего монаха приучали к тому, что монашеский (ангельский) сан — это «безмолвное житие» и все «хождение, говорение и седение» должно быть тихим. Даже выходя или входя в келью, надо внимательно смотреть, чтобы не скрипнула дверь, дабы не побеспокоить (не смутить) брата в соседней келье. При входе в келью полагалось сначала трижды поклониться иконам, благословиться у старца и только после этого заниматься делами.

Первое, чему учил старец, — это послушание. Ученик не мог ступить и «перечнем ступени» ни на какое дело без благословения старца. Перед любой работой ученик спрашивал: «Отче, во имя Божие, прости меня и благослови». А выполнив всю работу, снова просил благословения. Святые отцы говорили, что послушание выше, чем пост и молитва. В древних патериках есть немало назидательных рассказов об иноческом послушании. Некий послушник по благословию своего старца ходил за водой каждый день по раскаленной пустыне за несколько поприщ от монастыря, хотя был источник неподалеку. Изнемогая, он стал роптать на старца, но увидел ангела, который считал его шаги. Ангел сказал ему, что сообщает Богу о каждом дне послушника, а капли его пота приравняются к крови

мученика.

Случалось, что старцы отдавали одно приказание нелепее другого, а ученики должны были, не рассуждая, выполнять их. Почему? «От послушания смирение», — говорили святые отцы. Симеон Новый Богослов считал, что послушание, оказываемое духовному отцу, освобождает человека от всех забот. Попечения и пристрастия являются причиной развлеченности на молитве, а гордость — причиной ожесточения сердца, при котором молитва мертва. Послушание же уничтожает и рассеянность, и ожесточение. В свой сборник, предназначенный для личного (келейного) чтения, Нил переписал отрывок из душеполезных бесед преподобного Зосимы «О ярости». Они написаны от лица Зосимы, который вспоминает в них о начале своего монашеского пути: «Когда я пребывал с отцом Захарией, тот иногда гневался и оскорблял меня. Я же только смотрел на него и ничего не отвечал. Однажды после приступа гнева я захотел показать ему, что ничего не имею на сердце против него, и сказал: „Я не скорблю из-за сказанного“. Он, удивившись, ответил: „Прости меня, радость моя и свет мой! Кто еще может вытерпеть меня, как ты терпишь!“»^[154].

Живя в келье со старцем, ученик служил ему: приносил дрова, щипал лучину, высекал огонь камнем и топил печь, старательно размешивая при этом дрова кочергой, чтобы они горели весело. Когда дрова прогорали, надо было их тщательно разворошить, чтобы не осталось головни. Несмотря на простоту, наставления старцев новоначальным инокам не были пустым делом, так как из житий известно немало случаев, когда незначительные оплошности приводили к страшным пожарам. Монастыри буквально выгорали дотла.

Предостерегая новоначальных, старцы понимали, что все происходит по воле Божией, но здравый ум и житейская осторожность никогда не мешают.

Управляясь с несложным келейным хозяйством, молодой инок Нил приносил воду, наливал ее в рукомойник, выносил лохань и подметал в келье. Монах должен был любить чистоту в келье, но и не проявлять ненужной ретивости.

Спали в монастыре всегда одетыми: в свитке и камилавке. Монаху не разрешалось обнажать своего тела, дабы не отгонять тем Ангела-хранителя, который охраняет человека во сне. Переворачиваясь во сне на другой бок, надо было перекрестить себя два раза крестным знаменем и прочитать Иисусову молитву. В бессонницу тихо лежали в постели, творя Иисусову молитву, и размышляли о Боге. Когда случалась болезнь, старец

не сразу благословлял ученика ложиться в постель. Полагалось сначала прочитать молитвы Богородице с тремя земными поклонами, молитвы разным святым и Иисусову молитву. «Направь свой разум от всех земных помышлений к Богу, вспомни Страшный Суд и ад и тогда ложись в постель», — наставлял старец свое духовное чадо.

Придя в келью после богослужения или трапезы, инок Нил всякий раз творил 12 земных поклонов (или поясных, если не полагалось в этот день земных). И если в монастыре умер кто-то из иноков, то столько же за него.

Обычно без дела в келье никогда не сидели: монахи читали Священное Писание, занимались рукоделием или выполняли другую работу. В келье проводили немного времени. Понятия отдыха в монастыре просто не существовало. Старцы говорили, что «истинному иноку нет на земле ни праздника, ни Пасхи. Пасха наступит тогда, когда он перейдет от суеты в вечный покой»^[155]. Более восьми часов монахи находились в церкви за богослужением, около двух часов — за трапезой. Немало времени уходило на попечения о монастырском хозяйстве. Наверное, никто из новоначальных не избежал послушаний в поварне и хлебне. В поварне Симонова монастыря долгие годы трудился Кирилл Белозерский. «И часто, глядя на огонь, говорил он себе: „Терпи, Кирилл, этот огонь, чтобы с помощью этого огня смог ты избежать огня тамошнего“ (то есть огня вечных мучений. — *Е. Р.*)»^[156].

Послушание в поварне и хлебне старцы считали настолько полезным и благословенным занятием для монаха, что советовали новоначальным инокам почаще трудиться там, особенно когда досаждают помыслы уныния^[157].

И еще одну важную науку должен был освоить новоначальный инок — искусство общения с братией. Привыкая жить в обители, он должен был осознать себя самым недостойным, а всех остальных почитать как святых. Встречая брата, инок Нил первый кланялся неразленным поклоном и смиренно просил его святых молитв: «Благослови, господин, помяни меня в молитве своей к Богу». На это другой брат отвечал: «Бог да спасет тебя своей благодатью». При встрече с игуменом по монастырским правилам полагалось сделать земной поклон и потом, со страхом взирая на игумена как на Самого Христа, стоять и мысленно произносить Иисусову молитву, пока игумен не пройдет. Разговаривать с игуменом, если тот сам не спросит, не разрешалось.

Уважение к личности другого монаха и уничижение своего «я» были основными правилами монашеского общения. Если кто-то хотел посетить

другого инока в его келье, то он, встав под окном, произносил Иисусову молитву. Еще на подходе к келье можно было кашлянуть, чтобы загодя предупредить о своем приходе. Брат в келье отвечал: «Аминь». Если ответа не было, то молитва повторялась, и так до трех раз. На третий раз разрешалось постучать тихонько в окошко. Если все-таки никто не отвечал, полагалось уйти, чтобы не искушать брата. В свою очередь инок, услышав, что к нему пришли, после первой или второй молитвы отвечал: «Аминь». Просунув голову в окно, но так, чтобы не было видно всего лица, он спрашивал: «Для чего ты пришел, господин?»

Входя в чужую келью, брат произносил молитву и кланялся, а если хозяин кельи был старше, то падал пред ним ниц и просил благословения. Только после этого можно было излагать свою просьбу или вопрос. Уходя, гость снова кланялся и просил благословения: «Господин, помяни меня, грешного в твоих святых молитвах Богу нашему, Господу Иисусу Христу и Пречистой Божьей Матери». На это хозяин кельи отвечал: «Бог, Который любит всех людей, научая и воспитывая их по своей воле, да помянет тебя и меня так, насколько посчитает полезным. Аминь».

Устав Кириллова монастыря, в котором инок Нил начал свою монашескую жизнь, был заповедан самим преподобным. Во всем соблюдалось строгое благочиние. В церкви никто ни с кем не беседовал и из церкви прежде окончания службы никто не выходил. На службе, подходя к Евангелию и при поклонении святым иконам, все соблюдали порядок, установленный монастырским сборником правил «Старчество». На трапезу тоже выходили в согласии с этим порядком, каждый сидел на своем месте, все молчали, и никого не было слышно, кроме одного чтеца.

На трапезе, кроме постных дней, всегда подавали три блюда. Устав о посте строго соблюдался, и не могло быть причины, способной разрушить его. Однажды, еще при жизни преподобного Кирилла, в монастырь Великим постом приехала княгиня Агриппина, жена белозерского князя Андрея Дмитриевича. Она привезла много рыбы, которой хотела угостить братию. Но устав запрещал есть рыбу в Великий пост. Казалось бы, чтобы не обидеть княгиню, можно было уступить. Но преподобный ответил: «Аще сице сотворю, то сам аз уставу манастырскому разоритель буду по реченному: „Еже созидаю, сиа сам и разоряю“. Паче же имут и по моем преставлении глаголати, яко Кирилл повеле в пост рыбу ясти»^[158]. Этот рассказ сохранил нам прямую речь старца Кирилла. Она очень похожа на стиль его посланий: Кирилл Белозерский обычно говорил о себе в третьем лице, что придавало некоторый оттенок пренебрежения по отношению к собственной личности.

Никаких хмельных напитков в монастыре не употребляли и не хранили. «Мед же или ино питие, елика пиянства имут, никакоже в монастыри обретатися повеле». Таким образом, говорит Пахомий Логофет, преподобный Кирилл «сим уставом змиеву главу пианства отреза и корень его прочее исторже». Вставая после трапезы и помолившись, монахи расходились по своим кельям, не вступая по дороге ни в какие разговоры друг с другом. Стоять на монастырском дворе и разговаривать строго запрещалось, также и заходить в келью к другому брату без важного дела.

Монахи хранили строгое послушание настоятелю. Был и такой обычай: если кто-то присылал некоему брату письмо или подарок, то инок, не распечатав, приносил его настоятелю. Так же, если кто хотел из монастыря отправить послание, то не смел этого делать без благословения настоятеля. Устав обители был строго общежительным. Иноки в кельях ничего своего не держали и своим не называли, но всё имели общее. Драгоценной утвари и посуды, кроме монастырской казны, не было нигде. Даже хлеба и воды в кельях не держали. Если кто-то испытывал жажду, то шел в трапезную палату и там ее утолял. В кельях были только иконы и книги. Умеющие что-либо делать своими руками, всё свое рукоделие относили в казенную палату, себе не оставляя ничего. Одежду, обувь и всё необходимое для жизни братия получала из казны.

Общежительный устав был призван установить между иноками полное равенство, несмотря на происхождение, возраст и характер. Однако в духовной жизни монахов существовало большое различие, ибо каждому образ и меру правила давал настоятель.

Монастырский день

Блажени живущие в дому Твоем.

(Пс. 83, 5)

Сердцевину и главный смысл монастырского бытия составляло церковное богослужение. На молитве в храме или в келье монах проводил большую часть времени. Но церковная молитва почиталась святыми отцами неизмеримо выше молитвы келейной. Преподобный Евфросин Псковский говорил так: «Если и всю ночь прстоишь в своей келье на молитве, это не сравняется одному общему „Господи, помилуй“»^[159]. В большинстве монастырей службы были вседневными, то есть совершались каждый день. Из них складывались три круга богослужений: суточный, недельный и годовой. Центром этих трех своеобразных орбит стало главное священное событие мировой истории — Распятие и Воскресение Спасителя. Именно события Страстной пятницы определяли смысл и порядок суточных служб. Время взятия Спасителя в саду Гефсиманском и осуждения Его архиереями и старейшинами на страдания и смерть Церковь ознаменовала богослужением утрени; время ведения Спасителя на суд к Пилату — богослужением первого часа; время осуждения Христа на суде у Пилата — совершением третьего часа; время крестных страданий Христа — шестым часом; а снятие тела Христова со креста службой девятого часа и вечерней^[160].

В монастырях обычно совершалось семь богослужений в сутки, которые разделялись на три времени: богослужение вечернее (им начинается новый день, поскольку при Сотворении мира вечер предшествовал дню (Быт. 1, 5), утреннее и дневное.

Время каждого богослужения определялось часами, установленными самой природой. Первый час дня наступал с восходом солнца, последний — с заходом, после захода начинался отсчет ночного времени, но в сутках обязательно считалось, как и сейчас, 24 часа.

Вечерня начиналась в монастырях с заходом солнца. Объясняя смысл этого богослужения, святой Василий Великий писал: «Отцы наши не хотели принимать в молчании благодать вечерняго света, но тотчас, как он наступал, приносили благодарение»^[161]. С древнейших времен христиане выражали свою благодарность Богу за прожитый день и дивный вечерний

свет в словах одного из песнопений вечерни — «Свете тихий». Когда солнце начинало садиться, пономарь приходил к игумену, а если его не было, то к экклесиарху, и просил благословения на службу. Получив его и поклонившись игумену, он шел оповестить братию о службе, медленно, с интервалами, звонил в колокол или било (деревянную или металлическую доску). В древности в монастырях предпочитали било, считая колокола «латинским» изобретением.

Услышав благовест, монахи должны были все оставить, как будто их укусила змея или случился пожар, и идти в церковь. Поучая новоначальных иноков, старцы говорили так: «Если к тебе пришел брат или даже келарь, а в это время возвестили к службе, оставь беседу и другие дела, не боясь никого обидеть». В церковь шли сосредоточенно, покрывшись клобуком, не озираясь по сторонам и не останавливаясь для разговоров. Руки держали прижатыми к груди, монашеская походка, как учили старцы, должна быть «ни сурова, ни ленива». Входили в церковь со страхом и трепетом, как на земное Небо. У каждого инока в храме было свое место, определенное настоятелем, на чужое становиться запрещалось. В Кирилло-Белозерском монастыре игуменское место находилось справа перед иконостасом Успенского храма, соборные старцы и священники размещались неподалеку от него, а рядовая братия — на левой стороне храма.

Монастырский устав, а также духовные наставления старцев требовали, чтобы монах в храме стоял так, как стоял бы перед земным царем: сосредоточенно, с благоговением, не озираясь по сторонам, не кашляя и не сморкаясь. Однако старцы всегда предупреждали монахов, что одного чинного стояния на службе недостаточно. Можно исполнять все внешние правила, говорили они, но если ум будет занят мыслями о собственных или монастырских делах, такой монах не получит никакой пользы от своего присутствия в храме. Наоборот, он будет осужден, ибо Господь видит сердце каждого человека. Лучше было бы ему тогда совсем не приходить в церковь.

После вечерни до ужина было полчаса; ужин тянулся «час большой». Когда ужина не было, этот час проводили в кельях, но спать не разрешалось. Если одолевали немощь или болезнь, можно было немного отдохнуть. Через час после вечерни снова шли в церковь к «нефимону» («повечернице»), который продолжался немного больше часа^[162]. Подводя итог минувшему дню и готовясь ко дню грядущему, монахи обязательно за вечерним богослужением исповедовали свои согрешения. После повечерия монахи обычно ходили «прощаться» (благословляться) ко гробу основателя монастыря. Здесь у раки преподобного Кирилла читали после обычных

начальных молитв кондак и тропарь Успению Пресвятой Богородицы — главному празднику обители — и кондак и тропарь святому Кириллу. Подойдя ко гробу святого, творили три земных поклона с молитвой: «Прости мя, отче святыи преподобный Кирилл, благослови и помолись о мне грешнем» и прикладывались к раке. Отступив от нее, опять читали ту же молитву, клали земные поклоны, кто сколько хотел, и в молчании расходились по кельям. До сна уже не ели и не пили, даже воды; исключение делалось только для больных и немощных.

Монастырский устав строго запрещал после повечерия собираться вместе в келье либо стоять «на монастыре» и беседовать, ибо «навечерница — ключ и исполнение (итог. — *Е. Р.*) всего дня». У преподобного Кирилла был обычай обходить монастырь после повечерия. И если он слышал, что иноки беседовали в келье, то ударял пальцем в окно, сообщая о своем посещении, и уходил. Каждый инок имел еще свое келейное молитвенное правило, которое он вычитывал после повечерия. Ночная молитва, когда стихали все тревоги и заботы минувшего дня, считалась самой дорогой.

Перед восходом солнца звон колоколов вновь призывал братию в церковь к заутрени. Если звон заставал инока еще на постели, то он, «от одра вставая», должен был произнести «Душе моя, востани, что спиши» и другие утренние молитвы. Когда одевался, то по обыкновению также творил молитвы. Заутреня продолжалась четыре или четыре с половиной часа. Накануне воскресных дней, а также некоторых великих и больших праздников великую вечерню соединяли с утреней и служили всенощное бдение. Оно могло продолжаться около семи часов. Святитель Игнатий (Брянчанинов), оценивая духовное воздействие этой долгой и трудной службы на монаха, говорил, что «проведший в молитве значительную часть ночи с должным благоговением и вниманием ощущает на следующий день особенную легкость, свежесть, чистоту ума, способность к богомыслию»^[163].

Служба утрени была построена так, что с первым проблеском утренней зари священник, повернувшись лицом к алтарю, торжественно возглашал: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Начиналось «Великое славословие», древнейшая, как и «Свете тихий», христианская песнь. «Вид рождающегося из ночной тьмы утреннего света настраивал молящихся к созерцанию Бога как несозданного света („во свете Твоем узрим свет“)^[164]. «В этом прославлении... мысль уже... всецело погружается в благодарное созерцание всей высоты Божией и всего ничтожества и недостойнства нашего перед Ним». Великое славословие является зенитом

утрени, во время его пения все монахи, как и во время чтения Евангелия, стояли с зажженными свечами и гасили их, когда заканчивалась песнь.

В конце первого часа утрени совершалось елеопомазание, к которому подходили в обычном порядке: сначала целовали праздничную икону, потом помазывались — святым маслом начертывался крест на челе (на лбу). Служащий священник первым помазывал игумена, затем игумен помазывал священника и остальную братию, через некоторое время священник менял игумена. Помазывая иноков, игумен называл их имена и говорил молитву: «Благословение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, на рабе Божиим Ниле на здравие и на спасение, на оставление грехов»^[165].

После окончания утрени монахи расходились по кельям или на послушания. Спать после всенощного бдения или заутрени в монастырях не разрешалось. Только в случае крайней немоги, если инок был болен или утрудился на тяжелом послушании, он мог немного отдохнуть после заутрени. Отдыхали обычно после обеда (один-два часа), да и то только летом. Зимой, поскольку день и так короток, спать после обеда не полагалось. Распорядок в монастыре зависел от дневного и ночного количества часов, которое сильно различается в зимнее и летнее время года. Так, например, в Кирилло-Белозерском монастыре 9 декабря на дневное время приходится 6 часов и 18 на ночное. А 7 июня, наоборот, 18 часов продолжается день и 6 часов ночь.

Летом, когда день долог, через четыре часа после заутрени братия собиралась к обедне, зимой обедню служили через два с половиной или три с половиной часа после заутрени. Обедня завершала круг суточного богослужения, обыкновенно она продолжалась два часа, а если службу возглавлял игумен, то два с половиной. За обедней служили литургию — самое важное христианское богослужение, ибо за литургией совершается таинство Евхаристии — приношение Богу таинственной жертвы Тела и Крови Христовой под видом хлеба и вина в воспоминание совершенного Им искупления мира.

После литургии братия всегда ждала, когда вынесут Панагию. «А доколе Панагии не вынесут, и ты с места своего не мози ступати», — сказано в уставе Кирилло-Белозерского монастыря^[166]. Этот чин иноку не следовало оставлять даже во время путешествия. Слово «панагия» в переводе с греческого языка значит «Всесвятая», так именуется обычно Богородица, но в чине Панагии это название относится к просфоре, из которой на литургии была изъята частица в честь Пресвятой Богородицы.

По окончании литургии эта просфора переносится из храма в монастырскую трапезу, где ее полагают на особом блюде в «устроенном месте» — на аналое под иконами. Чин Панагии соединяет трапезу с только что окончившейся литургией настолько, что литургия передает свою благодать трапезе. Благодаря этому монастырский обед превращается в настоящее богослужение^[167].

Первым из храма в трапезу шел священник, служивший литургию, он нес на особом блюде Панагию; за ним следовали игумен и вся братия строго по одному («един по единому») с пением 144-го псалма (не умеющие грамоте читали про себя Иисусову молитву). Псалом пелся так, чтобы его можно было закончить со входом в трапезу. Вынутую частицу полагали на панагиаре и ставили в трапезной на аналое. Затем читали молитвы перед вкушением пищи и начиналась трапеза.

По окончании обеда следовало краткое благодарение за трапезу, все вставали и молились, прося благословения на совершение чина Панагии^[168]. После заключительных молитв игумен благословлял братию и благодарил всех, служивших за трапезой. Обычно обед продолжался час-полтора. После обеда все расходились по кельям. Примерно через три — три с половиной часа после трапезы вновь следовала вечерня. Начинаясь новый день. Так совершался круг монастырской жизни.

Конечно, новоначальные иноки не сразу входили в этот трудный цикл служб и работ. Нил постепенно обучался жизни в монастыре. Он усердно трудился на послушаниях, его ночные молитвы становились все протяженнее, а короткие часы отдыха и сна инок тратил на книги. Он много читал, делал выписки, копировал. Монастырская библиотека была уникальна: книги для северной обители переписывали в монастырях Константинополя и Афона. Невидимые духовные нити связывали далекий монастырь в лесном Заволжье с византийской столицей. Свидетельством тому является древнейшая икона Кирилло-Белозерской обители «Успение», в иконографии которой угадывается фреска знаменитого константинопольского монастыря Хора.

В монастырской библиотеке с особой бережностью хранились рукописи, принадлежавшие ранее Кириллу Белозерскому. В них монах Нил обнаружил сочинения святого, во имя которого был пострижен, — Нила Постника. Все в них было удивительным и отвечало собственным мыслям молодого монаха. Нил Постник определял монашескую жизнь термином «философия», что значило, по его мнению, жизнь «по Богу». Такую жизнь, говорил святой, вели апостолы. Как только они были призваны Христом, то

отказались от удовольствий, презрели родину, семью и собственность. Нил Постник считал, что в его время монахи уже начали забывать этот идеал и что необходимо к нему вернуться, а именно уйти из городов, порвать все родственные и дружеские связи, жить в добровольной нищете и подвизаться в меру телесных сил. По мнению святого, идеалы монашеской жизни были преданы из-за небрежности тех, кто скопировал только внешний облик, но полностью отказался от первообраза. Святой обличал монахов, которые не стеснялись приобретать столько земли, сколько могли, скупать стада овец, волов и ослов, заниматься торговлей. Сребролюбие и жадность, вызванные чревоугодием, порождали зависть, а та, в свою очередь, побуждала иноков вести судебные процессы, отнимавшие у них драгоценное время, предназначенное для созерцания и молитвы. Поглощенные земными заботами, монахи надеялись на самих себя и перестали уповать на Бога и Его благой промысл. Нил Постник призывал своих собратьев вернуться к добровольной бедности и жить посредством собственного ручного труда. Однако не только имущество, по мнению святого, отвлекало монахов от их главного делания, но и общение с мирянами. Он считал, что монахи должны забыть о родственниках и друзьях и стараться даже не вспоминать о них. Внутреннее безмолвие невозможно без одиночества и отшельничества.

Говоря о личных сокровенных взаимоотношениях монаха и Бога, Нил Постник советовал научиться терпению и смирению. «Молясь, — писал он в своем „Слове о молитве“, — просил я часто себе того, что мне казалось хорошим, и упорствовал в прощении, неразумно принуждая Божию волю и не предоставляя Богу устроить лучше, что Сам Он признает полезным, но, получив просимое, впоследствии крайне скорбел, зачем просил я, чтобы исполнилась лучше моя воля, потому что дело оказывалось для меня не таким, как думал я... Не домогайся немедленно получить просимое, как бы приобретая это силою. Богу угодно, если долго пребудешь в молитве, оказать тебе большее благодеяние» [\[169\]](#).

Нил Постник критиковал тех монахов, делание которых заключалось лишь во внешних аскетических подвигах (постах, продолжительных молитвах). Святой говорил, что, прежде всего, надо научиться вести внутреннюю духовную борьбу и понимать, как помыслы зарождаются и проявляются в уме человека. Бесы соблазняют монаха через страсти и помыслы, через мысленные образы и воспоминания. Чтобы противостоять этим искушениям, подвижник должен постоянно наблюдать за своими мыслями и за действиями духов злобы в своей душе. Святой не отрицал, что некоторые монахи могут достичь бесстрастия путем телесных

подвигов, однако относился к такому подходу весьма скептически, отмечая, что духовная победа, достигнутая подобным образом, оказывается временной, неустойчивой и в конечном счете бесполезной. Главным делом монаха, по мысли святого, должно быть трезвение, то есть состояние «непрекращающейся кропотливой бдительности», внимание к тончайшим движениям души.

Особенно внимательным следует быть на молитве. «Когда бесы увидят в тебе расположение истинно помолиться, тогда влагают в тебя мысли о чем-нибудь даже нужном и вскоре потом оживляют памятование об этом, побуждая ум к разысканию; и он, не находя искомого, сильно печалится и унывает», — говорил святой^[170]. И добавлял: «Подвизайся поставить ум свой во время молитвы глух и нем и возможеша помолитесь». Этот совет святого, усвоенный еще в первые годы пребывания в монастыре, Нил Сорский впоследствии повторит в собственном сочинении — «О мысленном делании»: «И подвизатися подобает поставить ум глух и нем во время молитвы, якоже рече Нил Синайский...»^[171]

Главная забота монаха, по мнению древнего святого, — постоянно наблюдать, чтобы дурная мысль не проникла в его сознание. При «первом нападении зла» он должен постараться немедленно его отразить, чтобы сохранить чистоту ума. Если же он проявит беспечность и уступит «безобидному удовольствию», оно может стать привычкой и перерасти в страсть. В трактате «О восьми духах лукавства» Нил Постник описал восемь главных страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Он считал, что помыслы взаимосвязаны друг с другом, так что послабление одной страсти влечет за собой другую. Например, сребролюбие, гнев и уныние являются порождением чревоугодия. Нечистота может возникать как от чревоугодия, так и от гордости, когда монах теряет бдительность и забывает о хранении ума от помыслов. Древний святой показал, какими средствами надо бороться со страстями, противопоставляя каждому пороку добродетель. Для описания состояния, в котором монах оказывается свободным от страстей, Нил Постник использовал слова «безмолвие» или «спокойствие». Истинное спокойствие наступает тогда, когда не только действия страстей, но и воспоминания о них не задерживаются в уме. В таком состоянии наступает созерцание духовных реальностей. Трактат о восьми помыслах получил широкое распространение и стал важнейшей книгой для многих поколений монахов.

Помимо этого сочинения в рукописи Кирилла Белозерского находилась

небольшая поэма, авторство которой славянская традиция также приписывала Нилу Постнику, — «О бесстрастии души и тела». Ее переписали в своих личных сборниках знаменитый кирилловский книжник Евфросин и друг Нила Сорского Герман (Подольный)^[172]. Возможно, такой интерес к этому сочинению древнего святого был вызван необычной формой произведения и красотой его слога. В поэме содержится призыв к покаянию и стяжанию добродетелей, а также описывается состояние человека, достигшего бесстрастия.

В таковой души
река дарований наводняется
и источник живота истекает,
солнце праведное сияет,
звезды блистают,
луна светит,
ангели дивятся,
архангели чюдятся,
серафими дивьством сдержими суть,
начала и власти
сладостию объемлются
и с таковою душею глаголют:
«Свят, свят, свят Господь Саваоф,
исполнь небо и земля славы Его».
И еже: «Слава въ вышних Богу,
и на земли мир, и въ чловецех благоволение»^[173].

Именно такой желал видеть свою душу молодой кирилловский инок по имени Нил, за тем он и пришел в монастырь. Теперь он был готов не пожалеть трудов и самой жизни для достижения этой заветной цели.

Монастырские встречи

Уста праведнаго поучатся премудрости, И язык его возглаголет суд.

(Пс. 46, 40)

В обители, где трудился инок Нил, все напоминало о ее святом основателе — Кирилле Белозерском: устав, книги, вещи. Еще были живы ученики преподобного. В 1462 году в монастырь прибыл Пахомий Логофет. Великий князь Василий Темный поручил ему написать Житие Кирилла Белозерского. Беседы писателя с братией, несомненно, оживили монастырскую память о том, каким человеком был святой.

Кирилл имел довольно высокий рост, но к концу жизни немного ссутулился от старости. Длинная седая борода обрамляла благородное лицо. И казалось, невозможно было спрятаться от его живых, пронизательных глаз. «Когда кто-нибудь из странников приходил в ту обитель, окидывал их прозорливым взглядом, когда они еще только входили в монастырь, и сообщал: „Этот брат будет жить с нами вместе, а этот уйдет прочь“»^[174].

Кирилл часто скрывался за завесой юродства, чтобы не обидеть человека своим порицанием. Однажды, увидев в оконце кельи красное, лоснящееся от сытости лицо монаха Зеведея (а инок был подвержен чревоугодию), он спросил его: «Что, брат, случилось с тобой?» Тот не понял, о чем идет речь. И тогда святой сказал ему: «Вижу, брат, что не постническое у тебя лицо, а мирское, хуже, чем у объедающихся». Сам преподобный всегда соблюдал установленную для себя меру поста. За трапезой Кириллова монастыря всегда, кроме постных дней, подавали три блюда. Кирилл вкушал от двух, и то не до сытости, пил только воду. Довольствовался малым. Одежда его была самая простая, поношенная, многократно зашита. Состоятельные люди того времени обыкновенно носили легкие и теплые шубы из пуха. Старая шуба преподобного Кирилла, сохранившаяся до наших дней, сшита из черных овчин, вывернутых мехом внутрь^[175]. Богослужебные одежды преподобного — фелонь и стихарь — также чрезвычайно просты. Они сшиты из бледно-серого мухояра (бумажной ткани с примесью шерсти), подкладка фелони сделана из серого льна, а крест — из синей камки. Даже для своего

времени эти вещи были простыми и дешево стоили.

Преподобный Кирилл учил своих монахов никогда не просить милостыню у мирских людей. Несмотря на почтенный возраст святой старец на церковной службе никогда не прислонялся к стене и раньше времени не садился. Монахам казалось, что «ноги его были словно столпы».

Многие эпизоды Жития несут на себе отпечаток живой разговорной речи: Пахомий Логофет записал их со слов участников событий. Вот рассказ преподобного Мартиниана. Однажды случилось ему «пойти после трапезы к некоему брату по какой-то надобности. Увидев, что тот повернул к другой келье, святой подозвал его к себе и спросил: „Куда ты идешь?“ Тот ответил: „У меня есть дело к живущему там брату, и потому я захотел зайти к нему“. Святой же, как бы укоряя, сказал ему: „Так ли соблюдаешь ты монастырский чин? Разве ты не можешь пойти сначала в свою келью и прочесть там положенные молитвы, а затем, если тебе нужно, идти к брату?“ И тот, чуть улыбнувшись, ответил: „Когда я прихожу в келью, выйти оттуда я уже не могу“. Святой же сказал ему: „Так поступай всегда: первым делом иди в келью, и келья всему тебя научит“»^[176].

Когда Нил подвизался в Кирилловой обители, игумен Мартиниан возглавлял Ферапонтов монастырь. Святой (в миру его звали Михаил Стомонахов) родился около 1400 года в деревне Березники Сямской волости (ныне Березник Вологодской области). В отроческом возрасте Михаил пришел в Кириллов монастырь. Первое впечатление от встречи со старцем Кириллом было настолько ярким, будто отрок впервые увидел солнце. Пораженный красотой духовного облика преподобного, мальчик упал на колени и смог только сказать: «...возьми меня, господине, к себе». После пострига Мартиниан жил в келье святого Кирилла, служил ему, вместе с ним совершал Божественную литургию. У преподобного не было ученика ближе, чем его келейник. Когда старец завершил свой земной путь, Мартиниан покинул обитель и ушел на озеро Воже. Здесь он поселился на пустынном острове и стал безмолвствовать. Впоследствии на месте его уединенной кельи возник монастырь, который Мартиниан освятил в честь Преображения Господня. Не позднее 1437/38 года он по приглашению братии Ферапонтова монастыря стал ее игуменом^[177]. События осени 1446 года сблизили Мартиниана с Василием Темным. Житие преподобного говорит о том, что именно он, а не кирилловский игумен Трифон, благословил великого князя на борьбу с Шемякой. Именно здесь, в маленькой заволжской обители, Василий II нашел для себя утешение и

поддержку. Пребывая в слепоте и не видя лица игумена, великий князь, возможно, острее, чем окружающие, почувствовал притягательную силу благодати, которая исходила от святого. Он смог открыть Мартиниану свое сердце и говорить о пережитом.

Едва великий князь вернулся в Москву, как в Ферапонтов монастырь прибыл гонец. Княжеская грамота, которую он привез, повелевала игумену прибыть в столицу. В декабре 1447 года Василий II поставил Мартиниана игуменом Троице-Сергиева монастыря и избрал его своим духовным отцом. Известно послание русского духовенства от 29 декабря 1447 года, направленное Дмитрию Шемяке, в котором в числе первых упомянуто имя троицкого игумена Мартиниана^[178].

В Троице-Сергиевом монастыре, где постригались в основном князья и бояре, Мартиниан со своим крестьянским происхождением почувствовал себя неуютно. О том, с чем пришлось ему столкнуться в Троице, свидетельствует рассказ о чуде преподобного Сергия Радонежского. Жил в монастыре инок Дионисий, в миру его звали Дмитрием Ермолиным, он был знатным и богатым купцом. Первое время после пострига Дионисий соблюдал общежительный устав, а затем монастырские порядки стали ему в тягость. Он ел в келье собственную снедь, а монастырскую пищу выбрасывал вон со словами, что такого хлеба у него в доме даже собаки не ели. «То же говорил и о рыбе, и о всякой другой приготовленной пище, и о питии — и о меде и пиве»^[179]. Монах по каким-то неясным причинам отвергал монастырскую поминальную практику, когда за пожертвования богомольцев в обители служили панихиды или молебны об упокоении и здравии их близких и родственников. Дионисий не верил даже в святость преподобного Сергия и в подлинность его чудес. Пытаясь образумить гордого и самоуверенного монаха, игумен Мартиниан внушал ему, что слава о чудесах преподобного Сергия достигла даже Белоозера и других отдаленных земель. Тем более ему было странно слышать такие кощунственные речи от монаха, чей отец постригся у Троицы еще при игумене Никоне, ближайшем ученике святого Сергия. «Но ныне молю тебя: поменяй свирепство свое на кротость, и неверие на веру, а ропот на благодарение», — увещевал игумен строптивного монаха^[180]. Однако все было тщетным: Дионисий давал обещания, затем снова принимался за старое. Однажды в обитель пришла знатная женщина по имени Ксения, вдова Ивана Сурмы, чтобы отслужить панихиду по своему мужу. Дионисий, который в миру был хорошо знаком с покойным, откровенно смеялся над ее благочестивыми намерениями. «Чем прельщаетесь, —

говорил он вдове, — привозя или присылая в Сергиев монастырь милостыню — или хлеб, или рыбу, или мед? Я тебе говорю: лучше бы ту милостыню татарам дать, нежели сюда»^[181]. Наступила суббота — день поминовения, в который перед литургией всегда служили панихиды по усопшим. Во время службы монаху Дионисию внезапно стало плохо. У него отнялись вся правая сторона тела и язык. Вдобавок он еще ослеп. Вероятно, с ним случился инсульт. Дионисия отнесли в притвор Троицкого собора, в церковь Похвалы Пресвятой Богородицы, где находилась рака преподобного Сергия. Здесь он пролежал на полу, как кладь, до окончания Божественной литургии. Затем больного перенесли в келью. В преддверии скорой кончины монастырские старцы постригли Дионисия в схиму. Вскоре в монастырь прибыли родственники монаха: его братья Петр и Афанасий и сын Василий (будущий знаменитый московский архитектор Василий Ермолин). Дионисий плакал и жестами просил помолиться о нем. Больше всего его угнетала вынужденная немота: несчастный все время касался языка пальцами действующей руки. До болезни он отличался красноречием и любил поговорить, к тому же знал несколько языков: греческий, половецкий. Родственники умоляли игумена Мартиниана отслужить молебен о здравии больного. Тот согласился. Дионисия принесли в храм и положили у раки преподобного Сергия. После молебна совершилось чудо: парализованный больной стал лепетать, как младенец. Его речь была неразборчивой, но сыну удалось расслышать отдельные слова. Это были слова покаяния. Еще монах просил игумена помолиться о том, чтобы Господь вернул ему зрение. Он хотел совершать келейное правило по молитвослову. «А обо всем здоровье телесном он и вовсе не осмеливался помолиться, „потому что, — сказал, — недостойн“». Преподобный Мартиниан исполнил просьбу страждущего, и Дионисий прозрел. Он обрел также возможность двигать правой рукой, но речь его осталась «косной», «чтобы вновь не возносился и не возводил на Бога неправды»^[182].

В Троице игумен Мартиниан скучал по своей родине — краю голубых озер. Он беспокоился за иноков, оставленных им в Ферапонтовом монастыре. Первое время Мартиниан даже совмещал игуменство в двух обителях: «...и словно копьё постоянно колола его совесть». Василий Темный называл своего духовника «болотным чернецом» за его стремление к простоте, уединению, за неумение вести придворную беседу. Однако простой по виду монах обладал несговорчивым характером. Между великим князем и духовником начались конфликты.

«Наблюдения над жалованными грамотами Троицкому монастырю показывают, что после 3 июля 1453 года Василий Темный перестает называть в своих грамотах Троицкого игумена по имени, — отмечает Н. С. Борисов. — В этом явно проявляется его недовольство Мартинианом. Примечательно, что охлаждение отношений между Василием II и его духовником наблюдается с тех самых пор, как в Москве узнали об отравлении Дмитрия Шемяки. По-видимому, Мартиниан осудил это злодеяние и назначил Василию строгую епитимью»^[183]. Летом 1454 года великому князю опять пришлось объясняться со своим духовным отцом. Некий боярин оставил двор Василия и уехал служить к тверскому князю. Василий Темный попросил Мартиниана вернуть беглеца. Он обещал опальному не только жизнь, но почет и богатую награду. Мартиниан исполнил просьбу Василия и уговорил боярина вернуться. Но великий князь «не сдержал ярости и гнева» и велел его заковать. Родственники сообщили об этом игумену. Сев в возок, он немедленно отправился в Москву. Приехав, Мартиниан быстро прошел в покои великого князя. Подойдя, постучал в двери. Привратники сказали князю о приходе святого, и тот повелел его немедленно впустить к себе. Игумен, войдя, помолился Богу, а затем вдруг подошел близко к Василию и сказал: «Тако ли, самодержавный князь великий, и ты праведно судити научился еси, Господи? Почто еси душу мою грешную продал и послал еси в ад? Почто еси боярина того, иже мною призваннаго и душею моею, оковати повелел и слово свое преступил? Не буди мое, грешнаго, благословение на тебе, ни на твоём великом княжении!» «И, повернувшись во гневе, быстро ушел из покоев»^[184]. Покинув дворец, Мартиниан сразу уехал в монастырь. Великий князь призвал к себе бояр и, будто гневаясь на игумена, рассказал о его визите. Пока бояре осторожничали и думали, как им реагировать, великий князь сам решил принести покаяние. «Виноват есмь пред Богом, согреших к Богу: преступих слово свое», — сказал он^[185]. Чем в действительности закончилась история с боярином, неизвестно, но Мартиниан вскоре (между 3 марта и 22 сентября 1454 года) оставил игуменство в Троице и вернулся в Ферапонтов монастырь, где до конца своих дней подвизался в должности строителя (то есть «строил», «устраивал» жизнь монастыря)^[186]. Никакое перечисление добродетелей преподобного Мартиниана не смогло бы рассказать о нем лучше, нежели этот эпизод о боярине из Жития святого. Таков был ферапонтовский настоятель, с которым, несомненно, встречался Нил Сорский среди будней монастырской повседневности.

Старец Нил всегда искал людей, имевших дар разума Божественных писаний и проводивших добродетельную жизнь. Одним из них был монах Паисий (Ярославов). Он происходил из ярославского боярского рода Ярославовых (мирское имя Паисия неизвестно). Его отцом был боярин ростовского архиепископа Ефрема Моисей, последовательный сторонник Василия Темного. После присоединения Ярославского княжества к Москве в 1463 году некоторые представители Ярославовых переехали в столицу, где служили дьяками. Двоюродный брат Паисия дьяк Леонтий Алексеев с середины 1460-х годов занимал важное место в управлении Русским государством и входил в узкий круг доверенных лиц Ивана III.

Паисий, как и Нил Сорский, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре при игумене Кассиане. Вероятно, после ухода настоятеля в Спасо-Каменный монастырь он покинул северную обитель. Документы свидетельствуют о том, что при троицком игумене Спиридоне (1467–1474) Паисий находился в числе братии этой обители. Благодаря поддержке брата Леонтия Паисий был приближен к великокняжескому двору. Иван III «держал его в великой чести». Паисий крестил двух сыновей великого князя — Василия и Георгия. Обласканный государем он остался при этом смиренным монахом.

В 1478 году Иван III уговорил Паисия стать игуменом Троице-Сергиева монастыря. Однако жизнь здесь не пришлась по душе старцу, возросшему в заволжских обителях. Отчасти Паисий повторил судьбу ферапонтского игумена Мартиниана. Как и прежде, постриженники из родовитых боярских и княжеских семей не стремились подчинить свою жизнь строгому монастырскому уставу и возненавидели игумена. Летопись сообщает, что они даже «хотеша его убить». Поняв, что он не может «чернцов превратити на Божий путь, на молитву, и на пост, и на воздержание», Паисий оставил игуменство. В 1482–1484 годах он жил в Москве, в одной из столичных обителей.

Осенью 1480/81 года, во время нашествия хана Большой Орды Ахмата, Паисий вместе с митрополитом Геронтием и архиепископом Ростовским Вассианом I Рыло обратился к великому князю с призывом выступить навстречу ордынцам, стоявшим на реке Угре, для решительного сражения. В эти тревожные дни старец пытался примирить великого князя с его младшими братьями Андреем и Борисом. В 1484 году великий князь предложил Паисию стать митрополитом, но тот решительно отказался. Во второй половине 1480-х годов он, видимо, перебрался в Белозерье. В 1490 году Паисий был приглашен в Москву для участия в церковном Соборе,

призванном осудить еретиков «жидовская мудрствующих». О дальнейшей жизни старца мы ничего не знаем. Из краткого летописца Кирилло-Белозерского монастыря известно, что он преставился в Москве 22 или 23 декабря 1501 года.

В одном из произведений русской публицистики — «Повести о нелюбках», написанном уже после преставления Нила Сорского и Паисия (Ярославова), сказано, что Нил был учеником старца Паисия. Однако, скорее всего, они принадлежали к одному монастырскому поколению. Между июнем 1488 года и февралем 1489 года архиепископ Новгородский Геннадий (Гонзов) написал письмо к бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу (Оболенскому), в котором просил по возможности отпустить к нему Нила и Паисия. В своем послании новгородский владыка назвал обоих монахов старцами. Видимо, для него они были равновеликими духовными величинами.

В памяти современников Паисий (Ярославов) остался выдающимся подвижником, обладавшим даром видеть человеческую душу и врачевать ее. На духовном пути монаха ожидает множество опасностей, от которых может уберечь послушание старцу. К чему приводит своеволие и упование на собственную мудрость, Паисий как-то при случае рассказал монаху Досифею (Топоркову), племяннику Иосифа Волоцкого. «Рядом с одним монастырем жил инок-отшельник, и спустя время он начал говорить старцам так: „Является мне апостол Фома“. Они же сказали ему: „Не воспринимай это наваждение, но твори молитву“. Он же отвечал им: „Когда я молюсь, и тот со мной молится“. Старцы долго наставляли его, он же не слушал их. Длительное время прельщенный монах не причащался Божественных Тайн, крови и тела Христова. Старцы и отец Паисий корили его за это; он же, побежденный кознями дьявола, отвечал монахам: „Апостол Фома не велел мне причащаться“. Старцы и отец Паисий говорили ему с великим осуждением: „Безумный инок, ты прельщен бесовским наваждением“, — и многими жестокими словами укоряли его, и наставляли не верить козням дьявола. Прельщенный же монах говорил старцам: „Как придет ко мне апостол Фома, я у него спрошу, велит ли мне причащаться“. Спустя немного времени прельщенный инок сказал старцам: „Апостол Фома велел мне причащаться и говеть неделю, с пятницы до субботы“. Но на заутрене среди монастырской братии не оказалось этого монаха. Игумен послал проведать его в келию: может быть, заболел и потому не пришел на службу. Пришедшие нашли его мертвым...»^[187] Несчастный монах умер от удушья. Преподобный Нил, видимо, знал эту трагическую историю, как и другие, подобные этой. Он всегда советовал

своим ученикам не жить в уединении и избегать самочинства.

Последняя грамота Кирилло-Белозерского монастыря, в которой упоминается старец Нил, датируется 1471–1475 годами. Но если он прожил здесь еще несколько лет — до 1479 года, тогда именно в стенах Кирилловой обители произошла знаменательная встреча двух святых — Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. В исторической литературе и публицистике их часто бесосновательно противопоставляют друг другу.

Иосиф Волоцкий был на шесть лет младше Нила Сорского. Он родился в семье волоколамского вотчинника Ивана Санина. Прадед Иосифа Александр Саня в 1408 году выехал на Русь из Литвы в свите князя Свидригайло. Санины отличались благочестием: дед и бабушка святого, а также отец и мать приняли в конце жизни монашеский постриг. Сам Иосиф в двадцатилетнем возрасте стал монахом в обители Пафнутия Боровского и прожил здесь 19 лет. Это была суровая школа. Несговорчивости и принципиальности старца Пафнутия побаивались даже великие князья и митрополиты. Боровский игумен, например, отказался анафематствовать Дмитрия Шемяку, был за упорство посажен в темницу, но от своих убеждений не отказался. Мятежный князь не был еретиком и самоубийцей, поэтому старец Пафнутий не отказал его душе в последней милости — заупокойной молитве. Более того, он освятил каменный Троицкий собор своего монастыря 26 октября 1466 года — в день памяти великомученика Димитрия, патронального святого Дмитрия Шемяки^[188].

Преподобный Пафнутий навсегда остался для Иосифа примером мужественного сопротивления всякой неправде, от кого бы она ни исходила. После преставления своего учителя он стал настоятелем обители. «Старец не по годам, а по чину, Иосиф не достиг еще тогда сорокалетнего возраста»^[189]. Современники отмечали его ясный практический ум, любовь к порядку и к соблюдению устава. Он был знатоком Священного Писания: держал его «памятью на краи языка»^[190]. Преподобный Иосиф ценил красивое и чинное богослужение. Обладая красивым голосом, сам часто пел на церковной службе и читал псалмы. Став игуменом, Иосиф решил ввести в монастыре строгое общежитие и «ограничить частную жизнь монаха в келье»^[191]. Житие святого говорит, что братия воспротивилась новому настоятелю. И он уступил. Иосиф позволил монахам избрать «любимого игумена» — того, кого они хотели. Сам преподобный в одном из своих посланий назвал другую причину, по которой оставил обитель. Это был конфликт с великим князем из-за «монастырских сирот». По распоряжению Ивана III монастырских крестьян избивали и продавали в

холопы^[192]. Игумен ездил к великому князю для объяснений, но ничего не добился. Он покинул монастырь в сопровождении единственного спутника — старца Герасима (Черного).

Скрываясь от всех, в одежде простого послушника преподобный посетил Троице-Сергиев монастырь, тверские обители и, наконец, пришел в Кирилло-Белозерский монастырь. Здесь он не сказал никому, что имеет сан священника и игумена. Его как простого трудника благословили печь хлеб. Поскольку работа была ночной, то он спал в хлебне за дощатой перегородкой. В Кирилловом монастыре бывший боровский игумен не терял времени даром, он наблюдал, запоминал, расспрашивал старцев о древних, исконных порядках обители. Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным писателем, говорит, что никем не uznанный Иосиф пробыл в обители не менее семнадцати месяцев. Согласно же известию племянника Иосифа Досифея (Топоркова), святой провел в белозерском монастыре «едино лето»^[193].

Все открыл случай. Однажды ночью, когда Иосиф, выполняя свою обычную работу, пел псалмы, его услышал инок, исполнявший в соседней клетки такое же послушание. Его удивило, что трудник пел красивым поставленным голосом, нигде не ошибаясь. Он посмотрел в щель и удивился еще больше: Иосиф читал Евангелие и Апостол наизусть, не имея книги в руках. Наутро об этом знал весь монастырь. Иосифа сразу отставили от послушания в хлебне, поселили в келье и пригласили на монашескую трапезу. Но он вскоре покинул Белозерье. Возможно, преподобный получил тогда от князя Бориса Волоцкого приглашение основать монастырь в его уделе^[194]. Уходя, он уже точно знал, что хочет видеть свой будущий монастырь строгим общежитием по подобию Кирилловой обители. Нил, напротив, в это же самое время еще только искал ответ на вопрос, каким должен быть монастырь, удобный для спасения души. Желание учиться безмолвию разгоралось в нем все сильнее, а драгоценное время, именуемое словом «жизнь» и данное Творцом на приобретение духовных богатств, растрачивалось среди повседневных монастырских забот. В 1479 году преподобные Нил и Иосиф находились в начале пути к собственным обителям. Пройдет почти четверть века, когда они встретятся вновь, — на Соборе 1503 года.

Об отшествии из монастыря

*Блажени испытующие свидения Его, всем сердцем
взыщут Его.*

(Пс. 118, 2)

О своей жизни в монастыре Нил рассказал в посланиях к ученикам. В них преподобный давал наставления инокам, как вести себя в монашеском общежитии. Но старец всегда учил только тому, что в точности исполнял сам. Он советовал «избирать всегда последнее место и на трапезах, и на собраниях среди братии; худшую одежду носить; не приносящие чести дела любить; предварять, не ленясь, низким поклоном при встречах братию; и молчание любить, и не заноситься в беседах, и не быть любителем словопрений и не бесстыдным, и не любить выказывать себя, и не желать сказать свое слово, хотя бы оно и казалось хорошим»^[195].

Нил все творил с терпением и тихим «пожданием» (ожиданием). Если что-либо ему нужно было от настоятеля, то сначала размышлял, полезно ли это, потом спрашивал у игумена. Если желаемое не исполнялось, то он не огорчался и не ожесточался.

Вся жизнь в монастыре устроена так, чтобы научить монаха смирению — главной монашеской добродетели. «Монах, — говорил святой Симеон Студит, — должен чувствовать себя ничтожным, безвестным и словно бы вовсе не существующим»; он должен жить, будто «иноязычный среди иноязычного народа»^[196]. Сохранять эту спасительную дистанцию советовал впоследствии и старец Нил. Он не любил слушать недуховные разговоры среди братии, обсуждать чужие тайны и поступки. Из собственного опыта преподобный знал, что это опустошает душу и приучает видеть чужие грехи, но не замечать своих. Если случалась беседа с кем-либо из иноков, то он говорил с любовью духовной и истинным смирением, стараясь ничем не обидеть брата. «Нетакowych» инок Нил старался избегать, сохраняя себя при этом от осуждения и укорения.

Послушания, которые ему поручали, он исполнял с таким старанием, как будто служил самому Христу. Со временем игумен стал давать ему ответственные поручения, касающиеся монастырского хозяйства. Грамота времени игуменства Кассиана (1448–1465, апрель 1466-го — 1470/71) свидетельствует о том, что старец Нил участвовал в разделе земельных

владений Кириллова и соседнего Ферапонтова монастырей, а значит, в это время он уже входил в число соборных старцев, управлявших монастырем вместе с игуменом.

Старец Нил старался избегать всяких забот и разговоров об умножении монастырских богатств. Но не всегда это удавалось. Покинув мир и придя в монастырь, его обитатели продолжали заниматься обычными мирскими делами. Больше всего они заботились о приобретении различных имений, гордясь богатством своей обители, и при этом думали, что творят благие, добродетельные дела. Все это, считал Нил Сорский, происходит от «неразумия» — непонимания Божественных писаний. «Ибо Господь и сам, если бы захотел, мог бы сделать нас богатыми, но иноку достаточно и малых потреб», — говорил он.

Когда Нил понял, что жизнь в монастыре перестала приносить духовную пользу, то задумал покинуть его. Это решение он принял не вдруг, тем более что преподобный Кирилл не благословлял инокам покидать место своего пострижения. Старец Нил тоже не любил самочинства, то есть своеволия, когда человек поступает, сообразуясь только с собственным мнением. Этот грех он считал едва ли не самым тяжелым из монашеских грехов. Впоследствии, когда Нил стал настоятелем скита, он готов был простить своим инокам многое, но за самочинство изгонял без колебаний.

В монастыре преподобный выработал главное правило своей жизни: он ничего не делал без свидетельства Божественных писаний. Если собирался совершить какой-либо поступок, то сначала обращался к житиям святых. Если в них не находил подтверждения своим желаниям, то до времени откладывал дело. Жития были для Нила не просто назидательным чтением, но непререкаемым в своей авторитетности образцом для собственной жизни. Такое отношение к житийным текстам было присуще и древним святым. Так, Симеон Новый Богослов говорил, что на Страшном суде люди будут осуждены, если они не подражали святым и не читали их жития: «Богатых будут судить те святые, которые в жизни были богаты, бедных — те, что были бедны, женатых — женатые, а безбрачных — те, что не состояли в браке». Короче, «каждый человек грешный в страшный день Суда напротив себя в жизни вечной и в неизреченном том свете увидит подобного себе и будет осужден им»^[197].

Старец Нил много времени посвятил переписыванию житий. Эту работу он продолжил впоследствии в своем скиту на Соре. В результате многолетнего кропотливого труда появились три объемных сборника текстов. В Житии Саввы Освященного Нил прочитал о том, что святой

Савва долгое время жил в Лавре Евфимия Великого. Однако через некоторое время он покинул монастырь, потому что святой Евфимий и его старцы скончались, а устав постепенно стал изменяться. История всех монастырей развивается сходным образом. Основатель обители — это всегда яркая харизматичная личность. Он, как магнит, притягивает к себе людей и способствует их духовному росту. В его присутствии все конфликты и недоразумения быстро гасятся, а чужое и случайное по духу отсекается само собой. Но наступает неотвратимый и печальный день, когда основатель обители завершает свое земное поприще. На иконах изображается, как иноки рыдают, собравшись у одра духовного отца. Те же сцены описываются в житиях. И это не общее место, а реальная драма, переживаемая насельниками. Некоторое время после кончины святого жизнь в обители определяют его сподвижники, ученики. Но со временем уходят и они. Остается только память о прошлом, монастырский устав. Однако письменное слово не имеет такой силы воздействия, как живой пример. Появление пришлого игумена часто сопровождается тяжелыми конфликтами.

Преподобный Кирилл заповедал своим инокам строгое нестяжание. Если в обители чего-либо недоставало, то святой не позволял просить милостыню у мирских людей. Но не все могли согласиться с такой строгой жизнью в нищете и скудости. Через шесть лет после преставления Кирилла один за другим преставились его ученики Иннокентий и Христофор. И вот в обитель, как говорили очевидцы, пришел чужой игумен. Он нарушал устав преподобного Кирилла. Монастырские старцы Симон (Картомазов), Михаил (Трепарев), Иринарх (Сухой), Феогност (Обобуров), Феодот (Проскурник) не стали молчать. Особенно рьяно выступал старец Досифей (Неведомицын). Настоятель в ярости неоднократно бил его своим жезлом. Однажды (а дело происходило в трапезной) игумен ударил старца так, что тот упал с помоста и потерял сознание. Но придя в себя, несгибаемый Досифей сказал своему обидчику: «...Аще восхощешь мя и смерти предати, аз же не престану глаголати о сих тебе»^[198].

Н. К. Никольский считал, что эти драматические события разворачивались в обители при игумене Трифоне (1434–1448). Причиной недовольства братии стало увлечение игумена стяжательством. Он принимал земельные вклады, держал монастырские деньги не в казне, а у себя в келье, покупал на них земли лично для себя, перестраивал монастырь, «не дорожа стариной Кириллова времени»^[199]. В свое время преподобный Кирилл не принял село, которое хотел подарить обители

боярин Роман Иванович. Село находилось далеко от монастыря, и монахам пришлось бы надолго отлучаться из обители, чтобы наблюдать за монастырской собственностью. Такое близкое и долгое общение с миром могло повредить духовной жизни иноков, подвергнуть их соблазнам. А именно от этого старался оградить свою братию святой настоятель. Взамен села игумен Кирилл попросил боярина присылать в монастырь хлеб. В другой раз святой отказался принять село как заупокойный вклад боярина Даниила Андреевича. Эти сообщения Жития некоторые исследователи считали недостоверными, указывая, что вотчина монастыря сформировалась еще при жизни преподобного Кирилла. Однако, хотя грамоты и свидетельствуют о большом количестве приобретений, речь в них идет о небольших покупках: пожнях, нивах, наволоках, пустошах, отдельных деревнях. Все эти угодья располагались непосредственно вокруг обители, по обоим берегам Шексны, к востоку до Уломского озера и к югу до реки Славянки^[200].

Преподобный Кирилл знал меру доходов, необходимую для поддержания жизни монастыря, и не стремился к излишнему. Однако святой не оставил никаких письменных указаний о том, где проходит граница между стяжанием и нестяжанием, полагаясь на духовный опыт своих преемников. Так получилось, что игумен Трифон принял ту самую Васильевскую слободку, от которой в свое время отказался святой Кирилл. Несомненно, что вся братия помнила об этом отказе. Возможно, слободка стала последней каплей, переполнившей чашу терпения монастырских старцев. Но это только предположение. Иосиф Волоцкий, описавший конфликт в монастыре, всячески подчеркивал, что игумен-нарушитель был пришлый, не знавший кирилловских обычаев, а Трифон, как известно, являлся постриженником Кириллова монастыря.

Описываемые события произошли в обители задолго до того, как в ней постригся Нил Сорский. Мы уделяем им столь значительное внимание потому, что именно здесь, в самом начале монастырской истории, завязался тот узел противоречий, который впоследствии попытался развязать преподобный Нил. К тому же в этой истории замечательным образом проявились суровые и независимые характеры кирилловских старцев. Перед нами предстают подлинные исторические персонажи. Их имена упоминают монастырские документы того времени. О старце Симоне (Картомазове) рассказывается даже на страницах летописи, которая сообщает, что именно с Симоном советовался игумен Трифон, прежде чем избавить Василия Темного от клятвы, данной Дмитрию Шемяке. «...а игумен Трифон и ин старец свят, именем Симан Карлсмазов, и со всею

братъею, благословиша князя великаго поити на великое княжение на Москву, а ркуще: „буди твой грех на нас, еже еси целовал неволею“»^[201].

Конечно, подобное стояние за свои убеждения вызывает уважение. Но если бы Нил Сорский был свидетелем конфликта, мы бы вряд ли нашли его имя в списке тех, кто поднялся на борьбу с настоятелем. Будучи человеком твердым и принципиальным во всем, что касалось монашеского поведения, он отвергал путь вражды. «На нетаковых не подобает речми наскакивать, но предоставить Господу исправить дело, силен бо Господь исправить их» — такой была его позиция во всех конфликтных ситуациях.

По словам Иосифа Волоцкого, игумен не выдержал накала борьбы с кирилловскими старцами и покинул монастырь. На его место пришел другой, но он также был чужаком. Этот настоятель любил поговорить на церковной службе и за трапезой, причем отнюдь не на духовные темы. Тогда старцы Илия Чапей и Игнатий Бурмака указали ему на недостойное поведение. И тот попробовал побоями привести непокорных к смирению. Но кирилловских старцев, как известно, не запугать. Да и сам настоятель, думается, по природе своей был человеком незлым. Он понял, что поставил себя в незавидное положение. В общем, устыдившись своей жестокости, игумен покинул Кирилло-Белозерскую обитель. Н. К. Никольский считал, что этим настоятелем был игумен Кассиан. Но и это маловероятно. Скорее всего, в воспоминаниях Иосифа Волоцкого речь идет о Филофее, родном брате игумена Трифона. Последний, став в 1462 году архиепископом Ростовским, в 1465 году поставил настоятелем обители своего ближайшего родственника, чтобы держать монастырь под неусыпным контролем. Он посылал в монастырь приставов, которые взимали с обители разные пошлины и поборы.

Согласно древнему обычаю и завещанию преподобного Кирилла настоятеля утверждал удельный князь, на земле которого стояла обитель. Архиепископ Трифон нарушил древний обычай. Первое время белозерский князь Михаил Андреевич мирился с этим, но через год он «того игумена Филофея» «велел поимати и оковати, да и монастырь велел у него отняти, а игуменити ему не велел»^[202]. В общем, Филофея выдворили из обители, а на его место князь, по «челобитью и по прошению всей братьи», поставил игумена Кассиана. Вскоре после изгнания Филофея в 1467 году архиепископ Трифон оставил ростовскую кафедру.

Новый конфликт разгорелся в монастыре в 1478/79 году при игумене Нифонте. Вполне вероятно, что в это время Нил Сорский еще находился в обители. Монастырь оказался втянут в серьезную распрю между

архиепископом ростовским Вассианом I (Рыло) и митрополитом Геронтием. Преемник Трифона на ростовской кафедре архиепископ Вассиан продолжил его политику: он захотел судить кирилловского игумена и братию, а также брать пошрины с монастыря. Нифонт, следуя древней традиции, не пожелал ему подчиниться. Его поддержал князь Михаил Андреевич. Вражда набирала обороты, иногда доходило до смешного. Однажды мимо кирилловской обители на Белоозеро ехал десятинник ростовского архиепископа. По дороге у него сломалась дуга. Подъехав к обители, он попросил у игумена новую. Но Нифонт отказал ему в таких выражениях: «Дати мне тебе дуга — и мне тебе и иное давати» (то есть если дам тебе дугу, придется и другое давать)^[203]. Эта история не вымысел, поскольку рассказана ее свидетелем — Иосифом Волоцким, проживавшим тогда в обители под видом трудника.

Понимая, что собственными силами начавшегося штурма не отбить, игумен Нифонт и князь Михаил Андреевич обратились за помощью к митрополиту Геронтию. Тот назначил суд, в котором участвовали обе стороны. Правда кирилловского игумена была очевидна, и у дьяка Федора Пулуханова, представлявшего ростовского архиепископа, не нашлось веских аргументов. Поэтому митрополит Геронтий выдал князю Михаилу Белозерскому грамоту в том, что ему подобает игумена Кириллова монастыря «судити по старине, как было при его отце, при князе Андрее Дмитриевиче, опричь духовных дел; а игумен судит свою братью старцов сам»^[204]. Грамота запрещала ростовскому архиепископу вмешиваться в дела монастыря и собирать какие-либо пошрины. Но здесь коса нашла на камень. Архиепископ Вассиан отличался решительным характером. Он был духовником великого князя и знал, что тот его поддержит. Вассиан бил челом Ивану III и просил у него суда с митрополитом. Великому князю, в свою очередь, не хотелось отдавать богатый монастырь под управление Михаила Андреевича, у которого он стремился отобрать и само княжество.

Государь отправил своих послов к митрополиту Геронтию, но святейший не захотел их слушать. Тогда Иван по праву великого князя отнял у Михаила Андреевича митрополичью грамоту и повелел созвать церковный Собор. Митрополит Геронтий благоразумно не стал доводить дело до суда и отказался от принятого решения. А великий князь повелел ростовскому архиепископу Кириллов монастырь «ведати по старине». Только «старина» эта оказалась совсем иной: ростовский владыка получил право судить игумена с братией и взимать с монастыря пошрины в свою пользу. В Иоасафовской летописи, составитель которой явно был на

стороне великого князя, сказано, что конфликт в Кирилловой обители произошел из-за «игумена новоначального Нифонта», «новоначальных черньцов» и из-за «прихожих чмутов». По версии летописца, «старые старцы их святые, их монастыря постриженники, вси со слезами молились», «чтобы Бог укротил брань»^[205].

В 1478–1482 годах состоялся новый суд, теперь уже между Троице-Сергиевым монастырем, игуменом которого тогда был Паисий (Ярославов), и Кирилловым монастырем по вопросу о владении деревнями и землями в Белозерье. По правой грамоте князя Михаила Андреевича спорные владения достались Кириллову монастырю^[206].

Прошло совсем немного времени, и в монастыре снова вспыхнул конфликт. В конце июля 1483 года, после празднования дня пророка Ильи, 15 кирилловских «больших старцев» в знак протеста против действий своего игумена покинули монастырь. Вероятной причиной новой войны стало то, что настоятель Серапион принял от великого князя вклад, состоявший из тридцати деревень и починков в Вологодском уезде. Иван III был вынужден убрать Серапиона из обители. Новый игумен Гурий (Тушин), ученик старца Нила, попросил великого князя взамен деревень давать монастырю ежегодно хлеб из государевых житниц. Так в свое время поступил и преподобный Кирилл, отказавшись от подаренного села. Великий князь согласился, и на третьей неделе Великого поста старцы вернулись в монастырь. Трудно сказать, какая конфликтная ситуация — 1478/79 или 1483/84 года — повлияла на окончательное решение Нила Сорского покинуть монастырь, но ясно одно: обстановка в монастыре в это время не располагала к созерцательному житию.

Если внимательно перечитать строки послания Нила Сорского, в котором он вспоминает о своем уходе из обители, складывается впечатление, что причиной его послужило нарастающее стяжательство. «Развращенное творим и думаем, что добродетельно живем», — горько заметил он. Внутреннее несогласие старца с монастырскими порядками совпало с его давним стремлением посетить Царьград и Святую Гору Афон.

Афон

Гора, юже благоволи Бог жити в ней: ибо Господь вселится до конца.

(Пс. 67, 17)

Что такое Афон? Небольшая полоска суши на восточной оконечности греческого полуострова Халкидики. Ее протяженность составляет около 60 километров, а ширина местами достигает всего семи километров. Над полуостровом возвышается пирамида горы Афон. Предание гласит, что после Распятия Иисуса Христа эту землю выбрала себе в удел Пресвятая Дева. Вернее таким был жребий, выпавший Ей. На горе в то время находилось языческое капище, где приносили жертвы Аполлону. Когда Богородица ступила на берег Афона, идолы упали и разрушились.

Благодать, дарованная этой земле, притягивала к себе монахов. Первыми насельниками Святой Горы были отшельники, знаменитые подвижники египетских и палестинских монастырей и скитов, которые оставили свои обители, спасаясь от нашествия арабов. В 883 году византийский император Василий I своим хрисовулом (указом) освободил живущих на Афоне монахов от уплаты налогов на обрабатываемые ими земли и запретил жителям окрестных селений пасти свой скот на земле Святой Горы. В 942 году император Роман I Лакапин провел границу Афона по перешейку «от моря и до моря». Так образовалась территория монашеской республики. Само существование Афона — православного монашеского государства (Афон имеет автономию в составе Греции) — на современной карте мира является чудом. Давно уже нет Византийской империи, под покровом которой отстраивались афонские монастыри, а твердыня Святой Горы все так же незыблема.

Безмолвная молитва афонских иноков имеет колоссальную силу воздействия. В XIV веке в поле ее магнетизма попали Константинополь, Балканы, Русь. Одним из делателей и проповедников умной молитвы был святой Григорий Синаит, чьи творения впоследствии многократно цитировал Нил Сорский. Григорий Синаит (около 1275–1346) начинал свой монашеский путь среди отшельников Кипра, затем многие годы подвизался в монастыре великомученицы Екатерины на Синае, где принял постриг. Из-за зависти некоторых монахов ему пришлось оставить синайскую обитель

и перебраться на Крит. Здесь Синаит встретил монаха Арсения, который совершил настоящий переворот в его жизни. Старец дал ему почитать одну «священную и божественную книгу» и объяснил, что есть хранение ума, трезвение и чистая молитва. Эти понятия были связаны с практикой молитвы, сопровождаемой определенными психофизическими упражнениями, о которых молодой монах до того дня не ведал. На Синае, где прежде подвизался преподобный Григорий, монахи традиционно занимались только деланием: совершали длительные молитвенные бдения, несли суровые посты, упражнялись в аскетических подвигах. Старец Арсений дал Григорию Синаиту несколько практических советов по поводу того, как очистить ум и «как человеку стать „всецело световидным“». Таинственная книга, которую прочитал на Крите Григорий Синаит, представляла собой, как говорят современные исследователи, трактат «Метод священной молитвы и внимания», написанный святым Симеоном Новым Богословом.

После встречи со старцем Арсением Григорий Синаит отправился на Святую Гору. Здесь он посетил различные монастыри и пустыни. В них он встречал монахов, преуспевших в разных добродетелях, и расспрашивал их об «умной молитве» (другое ее название — «исихия», «безмолвие»), хранении ума и созерцании. Они же, направив все свои силы на аскетические подвиги, ничего об этом не знали и даже не слышали таких слов. Григорий Синаит был разочарован результатами поиска. Помолившись, он пришел в скит Магула, где обрел то, что искал: там жили три монаха — Исаия, Корнилий и Макарий, которые занимались не только деланием, но и созерцанием. Григорий Синаит поселился неподалеку, вместе со своими учениками он воздвиг кельи для обитания, на небольшом расстоянии от них построил себе исихастирий (келью для безмолвия), в котором мог предаваться в одиночестве общению с Богом. Он побуждал заниматься умной молитвой всех: пустынников и монахов, живших в общих монастырях. Смысл исихии Григорий Синаит видел в познании Бога: «Ибо знать единого Бога, по Писанию есть корень бессмертия; и разуметь силу Триипостасной Единицы, есть полное совершенство»^[207].

После грехопадения, учил Синаит, человек и ум его отдалились от Бога, с той поры человечество пытается познать все только внешнее и преходящее, в то время как истинное знание остается сокрытым от него. В состоянии безмолвия ум освобождается от помыслов и попечений, тогда в сердце, уже предварительно очищенном от страстей, действует Божественная благодать, ум и сердце человека озаряет Свет, который видели апостолы на горе Фавор во время Преображения Христа. Человек

достигает обожения. Он вступает в общение со своим Творцом уже здесь на земле и созерцает Божественные тайны, постичь которые не может никакое рациональное человеческое мышление. Ум, «когда очистится и придет в прежнее достоинство, зрит на Бога и из него получает божественные мысли подобно тому, как чувственное око смотрит на буквы и от них получает чувственные впечатления»^[208]. При этом, «соединяясь тогда неизреченно в один дух с Богом», он делается «световидным».

Как ум земного человека может обрести подобное качество, образно пояснил другой афонский подвижник Максим Кавсокаливский. Воск, как ни растирай его руками, говорил святой, без воздействия огня не течет. «Между тем, когда вложишь в огонь, воск прежде растопляется, потом объемлется пламенем, вспыхивает и, сливаясь с ним, объемлется светом и делается сам светом, так что не возможно ему оставаться в своем собственном виде, но напротив, разливается в пламени как вода. Так бывает и с нашею душою: без содействия благодати она оставляется силе собственного разсуждения, но когда огонь Божественный или благодать Святаго Духа объемлет ее, тогда уже она остается под влиянием и действием Его света, делается сама светом»^[209].

Подобные молитвенные состояния описаны в житиях монахов-исихастов. Однажды монах Евфимий, ученик болгарского святого Феодосия Тырновского, отправился навестить своего старца и еще издали подал условный знак о своем приходе, однако не услышал ответа. Посчитав это недобрый признаком, он поспешил к келье и припал к маленькому оконцу. Ему представилось необычайное зрелище. Он увидел, что старец стоит прямо и неподвижно, объятый с головы до ног пламенем с воздетыми вверх руками. Ужаснувшись этому видению, Евфимий оставил старца в покое и вернулся в монастырь^[210].

Умная молитва, по свидетельству исихастов, погружает человека в райское состояние уже на земле. Вот почему подвижники неудержимо стремились к ней, претерпевая жестокою духовную брань со страстями и превозмогая собственную немощь. «Кто посредством разума соделал свою физическую природу светозарным и огненным изображением божественной красоты, тот почти стал сожителем ангелов и бестелесным, как нетленный», — говорил Синаит^[211].

Исихия — редкий дар. Она не может совершаться только усилием человека, но достигается при помощи Святого Духа. Однако силу свою Святой Дух дает не всем. «Как лица наши отражаются и видятся не во всех веществах, а только в гладких и прозрачных: так и энергия Духа действует

не во всех душах, а только в тех, кои не имеют никакой кривизны и угловатости», — писал другой знаменитый исихаст, святитель Григорий Палама^[212]. Для того чтобы выпрямить все «кривизны и угловатости», подвижник должен проделать огромный аскетический труд, освобождаясь от греховных помыслов и страстей. Поэтому большая часть сочинения Григория Синаита посвящена борьбе со страстями. «Мы же непотребные повинны многим грехам и исполнены страстей, потому нам недостойно и слышать о таких предметах», — говорил по своему смирению Нил Сорский.

Все свободное от монастырских послушаний время он отдавал изучению Божественных писаний. «В том живот (жизнь. — *E. P.*) мой и дыхание имею», — говорил святой о себе. Чтение Божественных писаний было его насущной потребностью. В Кирилло-Белозерском монастыре Нил познакомился с сочинениями Григория Синаита и Симеона Нового Богослова^[213]. Сборник сочинений Григория Синаита был и у старца Паисия (Ярославова): он сохранился в составе библиотеки Троице-Сергиева монастыря^[214].

В творениях исихастов старец Нил находил подробные разъяснения о том, как достичь умной молитвы. Однако в искусстве исихии важна практика, непосредственная передача навыков и приемов от учителя к ученику. Исихии надо учиться, говорил святой Григорий Синаит и добавлял: «...редкие без учения могли принять этот дар от Бога, благодаря старательному труду и теплоте веры». Когда-то в обители Кирилла Белозерского существовала собственная исихастская школа. Ее основатель всю свою жизнь старался достичь безмолвия. Перед смертью святой Кирилл почти не выходил из кельи, «крайнее безмолвие любомудрствовати хотяше», а на устах его всегда была Иисусова молитва. Однако похоже, что через десятки лет после преставления святого традиция безмолвного жития в конце концов оскудела среди монастырских споров и нестроений.

Старец Нил постоянно искал себе учителя безмолвия. «Немал же подвиг... обрести этому чудному деланию наставника непрельщенного», — повторял он за святыми отцами. И продолжал: «И если это сказали святые, что и тогда едва находился непрельщенный учитель таковым вещам; в наши же скудные времена подобает искать трудолюбиво (люботрудне)»^[215]. Верный себе — всегда в поиске идти до конца — он решил увидеть монастыри Афона, где сохранялась и процветала практика «умной молитвы».

Часть 3. Паломничество на восток

Русские путешественники

В мори путие Твои, и стези Твоя в водах многих.

(Пс. 76, 20)

Путь из русских земель в Константинополь был давно и хорошо известен. Во времена Античности все дороги вели в Рим, ибо он был центром мира. Для русского человека эпохи Средневековья все дороги вели в Константинополь. После татаро-монгольского нашествия налаженные прежде паломнические и культурные связи с Византией ослабели, но со второй половины XIV века они вновь стали укрепляться. В 1348 или 1349 году Константинополь посетил знатный новгородский паломник Стефан. В 1419–1422 годах из Москвы в Константинополь, а оттуда на Афон и в Палестину путешествовал иеродиакон Троице-Сергиева монастыря Зосима. В 1456 году в Сирию и Палестину совершил паломничество иеромонах Варсонофий, а в конце ноября 1461-го — середине января 1462 года он предпринял второе путешествие — в Египет и на Синай.

В XIV–XV веках существовало пять направлений для путешествия из Москвы в столицу Византийской империи: «первое — путь „по суху“ до Крымского побережья (вероятно, до Кафы); второе — путь вниз по Дону до Азова (Таны); третье — путь вниз по Волге до Сарая (затем, вероятно, либо до Тамани, либо по Дону до Азова); четвертое — путь через Литовские земли и через Киев (вероятно, до Олешья и Днепровского лимана); пятое — сухопутный маршрут из Москвы через земли Молдавского княжества и Белгород-Днестровский к Константинополю»^[216].

Именно последний маршрут выбрал для себя иеродиакон Зосима. Он оставил подробное описание этого путешествия. Воспользуемся им, чтобы представить себе, как совершал свое паломничество Нил Сорский.

Выйдя из Троице-Сергиева монастыря, иеродиакон Зосима добрался до Киева, а оттуда вместе с купцами и какими-то именитыми спутниками — до города Браславля (Переяславля) на реке Южный Буг. Дороги были небезопасны. В свое время во время путешествия к Гробу Господню в Иерусалим был убит татарами старший брат боярина Ивана Владимировича Головы-Ховрина^[217]. Во избежание подобных происшествий паломники старались передвигаться вместе с большими торговыми караванами. В Браславле путники отдыхали неделю, а далее их

путь лежал через степи татар Белгородской орды к Днестру. Паломники вышли к Днестру в районе Митиревых Кишин, здесь был перевоз через реку. Отсюда, следуя уже по Волошской земле, они за три дня добрались до Белгорода-Днестровского. Подготовка к морскому путешествию заняла у них две недели. Отсюда было девять верст до устья Днестра, «где столп стоит, еже зовется Фонарь, и ту бяше пристань корабленая». Здесь паломники обычно грузились на корабли, отплывавшие в Константинополь.

Какие средства передвижения использовали средневековые путешественники? Летом ехали на телегах, зимой на санях. Внешний облик русских телег и саней сохранился в миниатюрах Лицевого свода XVI века, которые частично восходят к оригиналам XIV–XV веков. Много санных полозьев археологи обнаружили при раскопках в Новгороде. Полозья саней были высоко подняты, длина некоторых из них превышала три метра. Колеса у телег делали как сплошными, так и со спицами. По рекам сплавливались на стругах (плоскодонных и низкобортных судах), насадах и лодках. Корабль был более надежным судном и использовался для морских путешествий. Его корпус обшивали досками, которые крепились дубовыми гвоздями («нагелями») и животным клеем, а также укрепляли распорками — шпангоутами; поверх однодревной основы насаживали дощатые борта (так получались «древнерусские насады»). На крупные суда, помимо весел, ставили мачту с парусом, которую фиксировали канатами, протянутыми к носу и корме^[218].

Вот примерно на такой корабль сел иеродиакон Зосима со своими спутниками. Путешествие от пристани Фонарь до Царьграда заняло у них три недели.

Черное море редко бывает спокойным, и плавание по нему протекает довольно тяжело. Даже шторм в четыре балла способен довести до полного изнеможения — и это на борту современного лайнера, а что говорить о средневековых насадах. На Черном море часто случаются смерчи. Даже издали наблюдать за тем, как взвихренный поток воды гигантским столпом поднимается к небу, образуя при этом гигантскую воронку, очень тревожно. Для средневекового мореплавателя попасть в эпицентр смерча было равносильно гибели. Митрополит Киприан, возвращаясь из Константинополя, едва не погиб во время шторма на Черном море. «Бысть гром и треск от стражения волн», — в ужасе описывал он свое морское плавание. Корабли, на которых плыли его спутники, раскидало в разные стороны, так что они не видели друг друга. К счастью, всем удалось благополучно добраться до Белгорода-Днестровского. Плавание Зосимы

тоже не было безмятежным. При входе в Босфор на море поднялась буря, и высокие волны не давали кораблю войти в пролив.

Купцы плыли в Царьград, чтобы закупить драгоценный товар или продать свой, иерархи Церкви — для получения должностей или решения церковных проблем. А ради чего преодолевали опасности простые паломники? О притягательном, зовущем свете Святой Софии и Царьграда поэтично сказал византийский историк Прокопий Кесарийский: «Священный свет приободряет любого: даже моряка, ведущего свой челн по волнам, оставившего позади недоброжелательные волны бурного Понта и прокладывающего извилистый путь среди заливов и скал, чье сердце исполнено страхом при мысли об опасностях, подстерегающих его в ночном путешествии. Возможно, он покинул Эгейское море и ведет свой корабль против течения в Геллеспонте, опасаясь возможного шквала с берегов Африки, — он правит свой корабль не на свет Полярной звезды или Медведицы, но на божественный свет самого храма. И храм не только ведет ночью купца, подобно лучам Фаросского маяка, но он также указывает путь к живому Богу»^[219].

Накануне заговенья на Филиппов пост, то есть 13–14 ноября, русские путешественники прибыли, наконец, к желанной цели своего паломничества, и их взору предстал «единственный в мире силуэт Константинополя». Огромный купол Святой Софии до сих пор царит над городом. Потрясающая по красоте панорама открывается каждому, кто прибывает в этот вечный город морем. И если сердце путешественника любит христианское прошлое Константинополя, его сокровенную суть и затаенную печаль, оно не останется равнодушным.

Находясь в чужой земле в течение продолжительного времени, паломники должны были как-то общаться с местным населением. Для этих целей составлялись разговорники, лексика которых была специально приспособлена к нуждам путешественника. Например, в «Часослове» конца XV — начала XVI века, принадлежавшем некоему старцу Паисию из Троице-Сергиева монастыря (возможно, Паисию Ярославову), находится такой русско-греческий словарь, известный под названием «Речь тонкословия греческого». Он содержит примерно 2500 слов, словосочетаний или целых фраз^[220]. Подобную книгу мог взять с собой и Нил Сорский, когда отправился в Царьград. Разговорник является настоящей энциклопедией жизни русского путешественника. Если читать его подряд, то получатся любопытные короткие рассказы и письма о путешествии: «Тяшко им было на мори, много блудили по морю, хлеба не

достало, земля далече, купить негде, пристанища несть, страх был велик, отчаялися и живота их, боялися и смерти, а попа не было — покаяться некому, причаститися не у кого; но Бог не презре своего создания, не забы руку свою, печаль их на радость премени, и бысть им свой ветер, и возрадошася велми и дошли пристанища, и товар свои испродали, а иные покупили, и пошли паки в свою землю, радующесе и благодаряще Бога»^[221].

А вот образец письма, которое паломник мог отправить с чужбины: «Бога ради, господине мой, не прогневайся на мя, что не успел тебе много писать, понеже убо имам иная дела, болше сих; а когда найду время, тогда хочю тебе много послужити»^[222]. Самой большой трудностью для русских путешественников, судя по разговорнику, было плохое знание языка. Несколько раз повторяются фразы такого типа: «не умею, что ему отвещати»; «а на мене о том не диви (а ты на меня не удивляйся. — *Е. Р.*), понеже несмь гречин, но русин есмь»^[223]. О сложности освоения греческого языка свидетельствует следующий диалог. Вопрос: «Не тяжко ли им, языка не знают?» Ответ: «Не тяжко, научатся». В итоге первый собеседник делает заключение: «Много время учиться гречьская».

Если паломники не устраивались жить в какой-нибудь обители, они были вынуждены сами заботиться о своем пропитании. Значительная часть лексики в разговорнике подобрана так, чтобы путешественник смог объясниться с продавцами на рынке: «хочю купити», «чего достоин?» (сколько стоит?), «дешево», «сего дни дороже», «имаше ли добру рыбу да куплю»^[224]. Далее перечисляется рыба всех сортов и способов приготовления: «свежая рыба», «просольная рыба», «сухая рыба». Среди необычных продуктов, которые русский паломник мог увидеть на пестром и шумном восточном базаре, были кокосы, виноград, орехи разных видов, перец, шафран и другие душистые пряности. Здесь встречались люди разного цвета кожи, говорившие на непривычных для славянского уха языках, одетые в яркие необычные одежды. Все было незнакомо и удивительно. И только церковная служба ставила паломника на твердую почву, была понятной и вселяла надежду, что Господь не оставит в этом разноязыком мире.

Впечатления от чужой земли были противоречивы. Иногда греки казались русским людям хитрыми и неприветливыми: «Земля чюжа, язык чюж, человеци сут иным обычаем, грекы тяжкы сут, непривеливи (неприветливы. — *Е. Р.*), не любовни, не братолюбци»^[225]. Но иногда выпадало счастье обрести друга среди греков, и тогда русский человек

готов был подтвердить, что любой народ состоит из разных людей: «Не все един имут нрав, обретаются и добри человеци, а зли мнози, тако тии обретаются в всяком языке».

За все тяготы своего пути Зосима был вознагражден с лихвой. Ему удалось увидеть Константинополь во всем его великолепии. Зосима слушал литургию в Святой Софии. Русские паломники всегда стремились побывать в этом храме. Современные исследователи обнаружили на стенах, колоннах и балюстрадах Софии более 70 надписей — граффити, оставленных нашими соотечественниками в XII–XV веках: «Стефанос русинь диякъ», «Данилос из Новагорода из Нижняго», «Матфеи попь галичьскийи» и другие^[226]. Легко заметить, что многие из них писали свои имена на греческий манер. Есть коллективные надписи, говорящие о том, что паломники путешествовали целыми группами, поскольку так было дешевле и безопаснее. Практиковались и семейные паломничества: исследователи нашли граффито, оставленное супружеской парой. Примерно половина надписей в храме относится к домонгольскому периоду, такое же количество — к более позднему времени. Всеобщее разорение в годы татарского плена, опасности передвижения не смогли ослабить стремление русских людей увидеть Константинополь. Те же, кому не удалось здесь побывать, просили запечатлеть образ Софии. Феофан Грек по настойчивой просьбе монаха Епифания Премудрого нарисовал легендарный храм, а тот поместил его изображение в качестве заставки к четырем переписанным им Евангелиям.

Своей красотой Святая София поражала всех, кто ее видел. Многие путешественники, историки, поэты оставили о ней свои восторженные отзывы. Они уверяли, что их сердца покидала печаль, когда они вступали под своды храма. При строительстве Софии император Юстиниан I (527–565) не пожалел никаких средств, чтобы превратить это здание в «совершенное сочетание камня, света и воздуха». «Когдаходишь в храм через одну из трех дверей (напоминающих о Святой Троице), ведущих от нартекса, главное помещение храма открывается глазу, образуя огромное пространство, столь просторное, что оно могло бы вместить тысячи тел, столь высокое, что заставляет повернуть голову и смотреть вверх, как на солнце в зените. Это пространство и все стены выложены плитами мрамора, так нарезанными, что прожилки каждой плиты сливались с прожилками соседних плит, перемежаясь полосками другого мрамора».

Этому описанию Прокопия Кесарийского вторит греческий придворный поэт Павел Силенциарий, очевидец освящения Софии в 537 году. «Найдется ли кто, — восклицает он, — кто хотя бы стихом Гомера

воспел мраморные пастбища великолепных стен и просторного пола этого славного храма?!» И далее поэт подробно описывает все сорта мрамора, украсившего храм: «...многоцветье фригийского мрамора, где розовый румянец смешан с белым или сияет глубоким красным цветом и серебром. Здесь также много порфира, усыпанного яркими звездами, который был доставлен на лодках по широкому Нилу. Вы увидите и изумрудно-зеленый мрамор из Спарты, и блестящий мрамор с волнистыми прожилками, который добыт из груди Ясских гор, где чередуются косые полосы кроваво-красного и белоснежного. Из лидийских ущелий пришел яркий камень с красными полосами. Есть здесь и камень, который ливийское солнце согрело своим золотым светом, вскормило в глубоких расщелинах гор, камень цвета крокуса, и дитя кельтских утесов, камень со множеством кристаллов, как молоко вкрапленных там и сям на блестящем черном фоне. Здесь есть драгоценный оникс, такой, словно сквозь него светится золото; и мрамор, который дает земля не в горных ущельях, но в долинах; местами яркий зеленый цвет — словно цвет моря или изумруда, а тут — будто васильки в траве, а местами — словно свежесыпавший снег — сладостные контрасты на блестящей темной поверхности»^[227].

Так стоит ли удивляться, что послы киевского князя Владимира, побывавшие в Святой Софии на Божественной литургии, возвратившись в Киев, сказали князю: «Не знаем, где мы были, на небесах или на земле; нет на земле нигде такой красоты и благочиния, и не можем рассказать о том: воистину Бог там с ними пребывает. Мы же ни рассказать, ни забыть не можем такой красоты». Иеродиакон Зосима даже не пытался упражняться в красноречии, он просто записал: «А о Святой Софии Премудрости Божией ум человеческий не может ни сказать, ни похвалить достойно».

Скупые строки древнерусских «хожений» превратил в яркий эмоциональный текст Иван Бунин: «Шестьдесят окон пробили купол, и никогда мне не забыть радостного солнечного света, который столпами озаряет из этой опрокинутой чаши всю середину храма! И светлая, безмятежная тишина, чуждая всему миру царит кругом»^[228].

Константинополь был местом, где хранились величайшие христианские святыни. Раз в году, на Страстной неделе, в храме Святой Софии совершался особый чин «Святых Страстей». Во время вечерней службы накануне Великого четверга из монастыря Святого Георгия в Манганах приносили для поклонения орудия «Страстей Христовых». Они полагались на особый престол и уже в середине пятницы возвращались обратно^[229]. Это были главные реликвии христианской Церкви: часть

Истинного древа Господня; багряница, в которую стражники облекли Христа, насмехаясь над Ним; хитон Христа (по преданию, он был выткан Самой Богородицей «нешвенным», поэтому воины не смогли его разделить и метали жребий); терновый венец Спасителя; лентий — полотенце, которым был препоясан Христос; трость, которой били Его по голове; камень столпа бичевания Христа; губа, при помощи которой Его напоили; копье, пронзившее бок Распятого; гвозди с Кровью Спасителя и сама Кровь, истекшая из ребра Его на кресте; волосы из бороды Христа. В монастыре Святого Георгия «Страсти» хранились перед алтарем в драгоценном ковчеге, запечатанном царской печатью. Поклонение этим святыням было важнейшим религиозным событием в жизни византийской столицы, в нем принимали участие император и патриарх. Стефан Новгородец, посетивший Константинополь в 1348–1349 годах, при посредничестве «царева боярина» смог приложиться к святыням: «...видехом множество народа, целующе Страсти Господни, и возрадовахомся велми, зане бо без слез не мощно приити ко Стростем Господним»^[230]. Другой паломник, побывавший в Софии в самом конце XIII — начале XIV века и оставшийся неизвестным, засвидетельствовал, что от этих реликвий «велико исцеление бывает больным, и приходящим бывает прощение грех и от бед избавление»^[231].

С V века в церкви Богородицы во Влахернах хранился мафорий Пресвятой Богородицы. Паломники, молившиеся в храме, говорили, что здесь «излечиваются любая болезнь, любое горе, любая печаль, а радость, ликование, надежда на лучшее укрепляются»^[232]. В Житии Андрея Юродивого, составленном в X веке, описано чудесное явление Богородицы во Влахернском храме. Святой видел, как, встав у алтаря, Пречистая Дева сняла с Себя мафорий и распростерла над молящимися. В память об этом событии в XII веке князь Андрей Боголюбский установил на Руси праздник в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Иеродиакону Зосиме посчастливилось прикоснуться к «ризе» и «поясу» Богородицы.

В Царьграде паломник пробыл ползими. Он успел познакомиться с греческими монахами, освоился с торговцами. Приходя на рынок, узнавал последние новости. «Что за вести слышал еси?» — спрашивал он у знакомого продавца рыбы. Тот отвечал: «Слышах добру весть. Дал Бог повсюду мир, по земли и по морю».

Наступила весна, Зосима с нетерпением ждал, когда восстановится навигация, чтобы плыть дальше — на Афон. И однажды на рынке услышал, как продавцы говорили друг другу: «Кораблей пришло много», и

поспешил в порт. Он сел на корабль, который через пролив Дарданеллы следовал к Великому (Средиземному) морю. Попутно Зосима обратил внимание на то место, где когда-то стояла великая Троя. Русские паломники, монахи и миряне, с интересом относились к знаменитым памятникам древности.

В Средиземном море морские дороги расходились на две стороны: направо — к Афону и Солуни (современные Фессалоники), далее можно было добраться до Италии; налево — через греческие острова к Иерусалиму и Египту. Зосима сначала посетил Афон, а затем по суше добрался до Солуни. Оттуда, минуя острова Лемнос, Хиос и Патмос, он достиг Иерусалима. Путь от морского порта Рамле (ныне город Рамла в Израиле) до Иерусалима оказался невероятно опасным и стоил больших денег, «злых ради арапов» (арабов). «Чтобы поклониться Гробу Божьему, надо дать семь золотых денег, венецианских флорин, да еще надо давать арабам, откупая путь, а по дороге от Рамле до Иерусалима надо страже давать, 15 сторожевых постов поставлено у Гроба Божьего лютых сарацин», — записал Зосима для будущих путешественников [\[233\]](#).

Ему не удалось посетить другие места Святой земли — опять же из-за «злых арапов»: «бьют бо без милости». Но в Иерусалиме он встретил Пасху: был свидетелем схождения благодатного огня и принял участие в пасхальном богослужении у Гроба Господня. В Яффе (современный порт Хайфа) Зосима со своими спутниками сел на корабль, идущий на Кипр. Здесь он пробыл полтора месяца. А затем через острова Родос и Лесбос паломники вернулись в Константинополь. Плавание по Средиземному морю едва не закончилось для иеродиакона трагически. Корабль захватили венецианские пираты, они изрубили капитана на части и выбросили в море. «Меня же, убогого, ударили ратовищем копья в грудь, говоря мне: „Калугере, поне дуката корса!“ („Монах, давай деньги“), — дукаты — это золотые монеты. Я заклинался Богом Вышним, что у меня нет. Они же взяли все мое состояние. А меня убогого, в одном домотканом кафтане оставили» [\[234\]](#).

Надо заметить, что морские путешествия стоили тогда, как и сейчас, довольно дорого. «Способность оплатить дальнейшее морское путешествие и тот факт, что в Иерусалиме на Пасху Зосима был принят самим патриархом Феофилом, позволяют предположить, что иеродиакон происходил из знатной семьи» [\[235\]](#). Вероятно, семья московских дьяков, выходцем из которой был Нил Сорский, также была состоятельной и смогла оплатить столь дорогостоящее путешествие. Возможно, святой сберег некое

фамильное «сокровище» и на вырученные за него деньги осуществил свою мечту побывать в Константинополе и на Афоне.

В Константинополе Зосима пробыл еще одну зиму, поскольку плавание в это время года было практически невозможно. А в мае 1422 года благополучно вернулся на Русь, проведя в паломничестве, в общей сложности, три с половиной года. В Средние века путешествовали подолгу. Паломники о многом успевали передумать и многое понять. «Различными оказывались причины путешествий, неодинаковыми стали жизненные судьбы самих путешественников после возвращения на Родину, но посещение заморских стран, прикосновение к святыням христианского мира для всех оказалось серьезной вехой на жизненном пути»^[236].

О посещении Царьграда

*Блажени непорочнии в путь, ходящие в законе
Господни.*

(Пс. 118, 1)

В конце 1470-х или, что скорее всего, в начале 1480-х годов старцы Нил и Иннокентий прибыли в Константинополь. Им не довелось увидеть тот великолепный город, который так восхищал паломников во все времена. Константинополь был разорен турецким завоеванием, многие храмы стояли разрушенные, либо их превратили в мечети. Но Царьград был по-прежнему дорог православному сердцу уцелевшими святынями и монастырями, где когда-то спасались великие подвижники.

Город раскинулся на семи холмах, за что его в древности прозвали «Седмохолмым». Путь паломников сначала лежал к храму Святой Софии. Он возвышался на вершине первого холма. Еще совсем недавно Святая София была главной церковью православного Востока. Когда старцы Нил и Иннокентий стояли перед ней, вместо креста на куполе возвышался полумесяц, а рядом с храмом виднелись два пристроенных минарета. Православных в Софию не пускали. Вслед за русским летописцем, описавшим падение Константинополя, старцы Нил и Иннокентий могли воскликнуть: «О велика сила греховного жала! О сколько зла творит преступление! О горе тебе, Седмохолмый, яко поганые тобой обладают!»

Взяв себе Софию, Мехмед Завоеватель оставил для богослужения православным жителям города церковь Святых Апостолов. До завоевания это был самый красивый и знаменитый храм после Святой Софии. Здесь покоились мощи апостола Андрея Первозванного, апостола Луки, ученика святого Павла апостола Тимофея. По обе стороны здания находились саркофаги византийских императоров и императриц, начиная с Константина Великого и его матери равноапостольной царицы Елены. Как писал святитель Иоанн Златоуст (который, кстати, тоже был похоронен здесь вместе с другими патриархами), «императорам подобала великая честь лежать как бы в преддверии могил великих рыбаков — апостолов»^[237]. «Однако 29 мая 1453 года покой этих жилищ был осквернен словно с цепи сорвавшимися солдатами Мехмеда II, которые провели здесь четырнадцать часов, разбивая саркофаги железными

болванками, чтобы потом использовать их осколки для возведения какой-нибудь печи для обжига или стен неприметного турецкого дома»^[238]. Уже через год патриарх Геннадий был вынужден оставить этот разоренный храм и перенести свою резиденцию в собор женского монастыря Паммакаристы в квартале Фанар. Здесь же он поместил уцелевшие святыни.

О чем могли думать русские монахи у стен разоренного храма? Быть может, о том, что даже обладание великими святынями не может спасти тех, кто предает свою веру?

Далее путь паломников лежал к знаменитой Студийской обители. Они не миновали Порфирную колонну императора Константина Великого, которая находилась в самом центре города на ипподроме. Колонна была установлена основателем Константинополя 11 мая 330 года. Надпись на ней гласила: «Христос, правитель и господин мира, Тебе я посвящаю этот город и эти скипетры, и мощь Рима. Спаситель, сохрани город от всех бед!» В древние времена колонна представляла собой пурпурный столб из египетского камня, поставленный на белом мраморном основании. Ее венчала гордая статуя императора. В правой руке Константин держал скипетр (символ власти), в левой — шар (символ мира — вселенной) с крестом; голову императора обрамляли солнечные лучи, сделанные из гвоздей, которыми был распят на Кресте Господь Иисус Христос. В самой статуе был заключен кусочек Животворящего Креста, привезенного матерью Константина святой императрицей Еленой из Иерусалима. В основании колонны находился грандиозный реликварий, где хранились христианские и римские реликвии. Константинополь, по замыслу императора, был столицей христианской империи, но в то же время наследовал мощь и величие Древнего Рима. В числе этих реликвий древние авторы называют мощи святых; крошки хлеба, которыми Христос накормил пять тысяч голодных в пустыне; кресты, на которых вместе со Спасителем были распяты два разбойника; тесло, с помощью которого Ной строил свой ковчег; палладиум, вывезенный из Трои после ее падения. Ныне от этой колонны сохранилась только часть пурпурного столба.

Колонна императора Феодосия I возвышается по сей день на вершине третьего холма Константинополя. Этот тридцатиметровый египетский гранитный обелиск, высеченный во времена фараона Тутмоса III, был привезен в столицу по приказу императора, который хотел таким образом увековечить свою победу над готами и скифами в 388 году.

Теперь в Царьграде причудливо сочетались символы былого византийского величия и мусульманского владычества. Над городом, на

четвертом холме, высились гробница Мехмеда Завоевателя и мечеть. Уже почти за пределами столицы, на шестом холме, находилась древняя Студийская обитель. Завоеватели жестоко разрушили ее. Однако древний храм Святого пророка Иоанна Предтечи еще поражал своим величавым видом: эта обширная базилика не уступала по своей ширине древним базиликам Рима^[239]. В церковной истории Студийский монастырь навсегда остался символом верности Православию. Древние колонны обители напомнили русским паломникам о времени игумена Феодора Студита (798–816), его Житие старец Нил неоднократно переписывал в своих сборниках.

Феодор Студит родился в Константинополе в богатой и знатной семье. Родители святого, Фотин и Феоктиста, отличались христианским благочестием. На нижнем поле листа, где излагается рассказ о родителях святого, Нил Сорский сделал пометку с переводом греческих имен на русский язык: «Фотин — свет, Феоктисти — Божие здание, Феодор — Божий дар»^[240]. По мысли преподобного, эти пояснения должны были помочь русским читателям лучше понять смысл житийного текста, повествующего о том, что имена родителей и их сына точно соответствовали их жизни: «Имя же отцу бе Фотин, матери же — Феоктисти: именам же подобно и житие стяжаста». Феодор получил хорошее образование, он изучал грамматику, риторику, философию. Однако его любимыми занятиями были чтение Божественных писаний и посещение протяженных церковных служб. Время возрастания Феодора совпало с началом иконоборческой смуты при императорах Константине V и Льве IV. Иконоборцы, называя иконы идолами, запрещали их почитать, уничтожали священные изображения. После смерти Льва IV на престол взошла его супруга — императрица Ирина, принеся мир в церковную жизнь. Ирина повелела созвать Собор, который вошел в историю как 7-й Вселенский, восстановивший почитание святых икон. Собор состоялся в Никее в сентябре — октябре 787 года. На нем присутствовало 350 человек, в том числе дядя Феодора Студита — преподобный Платон, игумен монастыря Саккудион в Вифинии.

Немногим ранее, около 780 года, родители и почти все родственники Феодора (братья Иосиф и Евфимий, а также сестра) приняли монашество. Перед тем как покинуть мир и Константинополь, они отпустили на свободу рабов и слуг, раздали имущество нуждающимся. Феодор с двумя братьями поселился в монастыре своего дяди. Преподобный Платон постриг его в монахи и стал духовником новонаначального инока. «Воспитанный в мягкости и в покое», Феодор выполнял в монастыре самую тяжелую

работу, которую обычно делали рабы: рубил дрова, носил воду и камни для монастырских нужд, копал землю под огороды.

Соблюдая пост, начинающий монах придерживался средней меры. Он не отказывался от пищи на продолжительное время, как иные аскеты, но и не отягощал себя яствами: «...толико плоти нужная подаваше, елико ей на оживление токмо довольно» (здесь и далее цитируется Житие Феодора Студита из сборника Нила Сорского)^[241]. Впоследствии Феодор советовал ученикам не раздражать своих собратий чрезмерными аскетическими подвигами, употреблять в пищу хлеб, масло и даже «вина мало в благопотребное время», а также «прочие брашна в меру». Некоторым особо ревностным монахам, предпочитавшим ходить в любое время года босыми, он говорил, что нет вреда для души носить обувь, особенно зимой.

Видя духовный рост племянника, игумен Платон поставил его благочинным обители. Феодор начал борьбу с монашескими «стяжаниями». Прежде всего, он запретил рабский труд в обители. «Не истинные иноки», как называет их Житие, не соблюдали данный ими при постриге обет нестяжания. Они имели рабов для личных услуг, предметы роскоши. В монастырском хозяйстве также использовался рабский труд, благодаря которому торговля излишками продуктов и ремесленными изделиями приносила монахам значительный доход. Все это не согласовывалось с правилами древнего монашества, служило соблазном для мирян. Исследователи считают, что реформа, проведенная Феодором в монастыре, повлияла на жизнь и других обителей. Этот рассказ Жития наверняка привлек внимание Нила Сорского, который сам покинул Кириллов монастырь из-за стремления иноков к приобретению богатств и «стяжаний». Если в эпоху Феодора Студита (IX век) святые игумены считали, что современное им монашество отступило от предписаний древних отцов, то что говорить о времени Нила Сорского! Оно представлялось ему как величайший упадок.

Деятельность Феодора вызвала недовольство части братии, однако порядок был восстановлен. Затем дядя и племянник отправились в Константинополь, где патриарх Тарасий рукоположил Феодора в иерея. В 794 году, во время тяжелой болезни Платона, монахи выбрали Феодора игуменом обители.

Святой был принципиальным человеком и имел довольно резкий, несговорчивый характер. Эти черты его личности проявились, прежде всего, в период так называемого михианского («прелюбодейного») раскола в Церкви. Его причиной стал второй брак императора Константина VI: в начале 795 года правитель принудил свою супругу Марию Амнийскую

постричься в монастыре, чтобы жениться на фрейлине императрицы Ирины — Феодоте. Святой резко выступил против этого брака, тем более что Феодота приходилась ему двоюродной сестрой по отцу. Патриарх Тарасий устранился от проблемы. Но всегда найдется тот, кто поможет обойти закон. Игумен монастыря Кафаров Иосиф, эконоом Великой церкви (храма Святой Софии), венчал прелюбодейную чету^[242]. Константин пытался обильными дарами успокоить недовольных монахов. Феодота послала в монастырь Саккудион много золота и «ины некия дары», но святой Феодор их не принял. Тогда император, «яростию улютися мноною», подвергнул Феодора и его иноков пыткам (их бичевали кнутом), а затем сослал игумена в Фессалонику. Однако мучения ревнителй благочестия были не напрасны. Житие говорит о великой пользе обличения неправды: «...и тако удерживается злоба и отсекается, яве обличена бывши»^[243]. Святой смог вернуться в свой монастырь только в 797 году после свержения Константина VI. Игумен Иосиф, «сочетатель прелюбодеев», как его называл Феодор Студит, был запрещен в служении.

В 798 году Феодор стал игуменом Студийского монастыря, самого влиятельного в столице. Игумен ввел в нем общежительный устав, предполагающий обязательный для всех труд, совместные богослужения, общую трапезу, ношение одинаковой одежды и обуви. Монахи занимались рукоделием и ремеслами, чтобы питаться от труда своих рук. «Работайте, — внушал Феодор инокам, — чтобы довольствоваться себя, немощных собратий и посторонних, нуждающихся в помощи»^[244]. И добавлял сурово: «Мне ненавистен лентяй»^[245]. Святой был решительным противником использования рабов и труда наемных рабочих. Поэтому он заботился о том, чтобы монахи могли получить в обители какую-нибудь специальность: они обучались строительному и кузнечному делу, ткачеству, обработке камня и другим ремеслам. Сам игумен переписывал книги и сочинял собственные. На Руси наиболее известным его творением стало «Малое оглашение», состоящее из 134 глав. «От них же, — заметил славянский переводчик, — три Слова на всяку неделю в церквах у нас почитаются воспоминания ради добродетелей, многу ползу в житии нам приносяще»^[246].

Когда число братии увеличилось до тысячи человек, игумен ввел в обители должности «чиноначальников» («наставников», «соблюдателей»): они определяли послушания инокам и наблюдали за их исполнением. В обители появились также должности экклисиарха, эконома, келаря, казначея и др. Провинившимся монахам назначались епитимьи (наказания).

Инок мог получить епитимью за пропуск богослужения, за оскорбления, нанесенные своим собратьям, за невоздержанность языка и даже за разбитый сосуд. Несмотря на то что все монахи работали не покладая рук, обитель была небогатой. Средств едва хватало на поддержание жизни самой общины и больницы. Игумен учил братию строжайшей экономии и бережливости. «Чада мои, — говорил он в одном из огласительных поучений, — покажите аккуратность во всем, даже в мельчайших делах... Не бросайте зелень, как попало; не давайте гнить овощам, не брезгайте даже лоскутком или каким-либо старым обрезком в пядь (размером в ладонь. — *Е. Р.*), каков бы он ни был, тем более одеждой... Мало этого... Не бросайте и не жгите попусту ни куска дерева, годного на какую-либо поделку, ни отрезка доски, хотя бы с собачью челюсть. Равным образом пристойно ли хоть малейшее пролитие вина, разбрызгивание масла?.. Да не будет так, ибо в телесном и духовном богатеют с малого»^[247]. Житие говорит, что сам игумен не имел личного имущества, но в монастырской «портохранительнице» наравне со всеми получал одежду.

Феодор Студит не благословлял братию покидать монастырь под разными благовидными предлогами, так как общение с миром неизбежно приводило к «слышанию и видению» бесполезных вещей. Студийский устав и обычай распространился далеко за пределами Константинополя и стал для многих обителей в разных странах образцовым монастырским уставом.

Тем временем, 31 октября 802 года, к власти в Византии пришел император Никифор I, изгнавший Ирину. По его повелению в 806 году Собор из пятнадцати епископов под председательством патриарха Никифора (патриарх носил то же имя, что и император) снял запрещение с игумена Иосифа, венчавшего императора Константина VI, а Феодора Студита обвинил в расколе Церкви. Житие говорит, что после Собора святой Феодор и его братия стали уклоняться от церковного общения с патриархом. Студиты не посещали литургию в храме Святой Софии, где служил игумен Иосиф. По приказу императора непокорный Студийский монастырь был окружен войсками, а Феодор, его брат и еще двое монахов заключены в монастырь Святого Сергия. Затем святого отправили в ссылку на Принцевы острова близ Константинополя. «Но тут, — говорит современный исследователь, — случилось непредвиденное. Император Никифор, еще не старый человек, блестящий полководец и прекрасный администратор, прочно державший власть в своих руках, оказался первым восточноримским императором со времен Валента (378 г.), павшим в бою с внешним врагом»^[248]. Он погиб в июле 811 года в сражении с болгарами во

Фракии, а из его черепа победители сделали чашу для вина. Новый правитель Михаил I Рангаве (811–813) вернул святого Феодора и других монахов из ссылки. Злополучный игумен Иосиф был снова извержен из сана. Так закончился михианский раскол. Но Церковь недолго наслаждалась тишиной и миром.

Следующий византийский император Лев V Армянин (813–820), свергнувший Михаила Рангаве, оказался иконоборцем. Он объявил патриарху, что «народ соблазняется относительно почитания икон, и говорит, что из-за этого язычники побеждают ромеев»^[249]. По какой-то странной закономерности императоры-иконопочитатели терпели поражения в сражениях с внешними врагами Византии, что вызывало недовольство и ропот в армии. При попустительстве двора солдаты забросали грязью и камнями икону Спасителя над парадными воротами императорского дворца, называемыми Халки (Медные). Лев V приказал снять священный образ. В Рождественский сочельник 814 года патриарх Никифор собрал в патриаршей резиденции 270 епископов, клириков, монахов и мирян. Здесь был и Феодор Студит, а также его брат Иосиф, архиепископ Фессалоники. Все присутствовавшие подписали клятву умереть за веру. После заседания участники собора проследовали в храм Святой Софии и отслужили молебен о ниспровержении замыслов иконоборцев^[250]. Тогда император вызвал патриарха и его сподвижников к себе во дворец под предлогом того, что хочет обсудить с ними богословские вопросы почитания икон. Когда дискуссия достигла кульминации, слово взял Феодор Студит. «Не разрушай, — обратился он к императору, — о государь, церковное устройство — ведь сказал апостол: И поставил Бог в Церкви, во-первых, апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, пастырей и учителей (ср. Еф. 4, 11–12 и 1 Кор. 12, 28), а о царях не сказал. Тебе, о государь, вверено устройство государства и войско — о них и заботься, а Церковь оставь пастырям и учителям, согласно апостолу. Если же не захочешь, то если даже ангел с неба будет благовествовать нам извращение нашей веры, и его не послушаем, не то что тебя»^[251]. Мысль студийского игумена была сформулирована предельно ясно: император не должен вмешиваться в дела Церкви. После этих слов Лев V пришел в ярость и выгнал всех из «златокрытых» императорских палат. Началась реакция.

Император запретил поклонение иконам, священные образы сжигались и уничтожались, а их почитателей — православных епископов, монахов и мирян — преследовали и подвергали пыткам. Патриарх

Никифор был низложен и отправлен в ссылку, его место занял иконоборческий патриарх Феодот. Запугиваниями и посулами император склонил на свою сторону большинство клира. Видя все это, Феодор Студит повелел братии в праздник Входа Господня в Иерусалим обойти крестным ходом обитель. Студиты шли, высоко подняв иконы, и пели: «Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благий!»

Этот дерзкий поступок стал известен императору. Он повелел созвать иконоборческий собор, куда Феодор Студит направил свое обличительное послание. Игумена удалили из Константинополя и отправили в ссылку. Несмотря на то что император строжайше запретил святому проповеди и переписку, он повсюду рассылал послания, призывая своих учеников, рассеянных по разным обителям и тюрьмам, быть твердыми в защите святых икон. О себе Феодор говорил: «А еже молчати ми и не учити правей вере (православной вере. — *Е. Р.*), сие недостойно есть»^[252]. Он обращался также за помощью к патриархам Иерусалимскому, Антиохийскому, Александрийскому и к папе Римскому.

Многие сомневающиеся люди посещали святого в темнице, желая услышать его духовный совет. Первое время стражники, проникшиеся симпатией к узнику, допускали их беспрепятственно. Однако затем из-за доноса условия содержания пленников ужесточились. Три года они находились в смрадной темнице среди нечистот, страдая от «блох и прочаго малаго гада». Пленников лишали необходимой одежды, дров для обогрева. Зимой они замерзали от холода, летом изнывали от зноя. Раз в день, да и то не всегда, стражники с ругательствами и издевательствами бросали узникам «укрух хлеба». Раны святого гноились и не заживали. К тому же Феодор сильно страдал от болезни желудка («сырище ему бе нездрав») ^[253].

Однажды императору попало в руки обличительное послание игумена. Взбешенный, он отправил в тюрьму, где содержался святой, своего стратига с приказом наказать святого. Феодора избили так, что сломали ему кости, потом оставили лежать на морозе, а был февраль. После этой пытки преподобный 90 дней находился между жизнью и смертью, он едва дышал, не ел и не пил. Его ученик Никола Студит выпросил у стражников ячменный отвар («хулос») и им смачивал язык святого, теплой водой промывал раны больного и обрезал ножом омертвевшие и гноившиеся куски кожи, висевшие на теле. Когда Феодор немного поправился, император повелел перевести его в тюрьму города Смирна (Измир). Весь путь святой прошел пешком, на ночь его ноги забивали в деревянные

колодки, чтобы он не убежал. В темнице Смирны святой провел год и восемь месяцев.

В ночь на Рождество 820 года император Лев V был убит заговорщиками в алтаре дворцовой церкви (Житие говорит, что император погиб на том самом месте, где прежде находилась икона Спасителя, то есть в воротах дворца). На престол взошел Михаил II Травл («Заика»), который прекратил гонения и предоставил ссыльным свободу. Однако сам он был противником почитания икон. Епископские кафедры и игуменские посты по-прежнему занимали иконоборцы. Современники тех событий говорили, что «огонь погас, но дым остался», «зима прошла, но не наступала совершенная весна». Святой Феодор обратился с письмом к императору. Он призывал его дать мир Церкви, но не имел успеха. Наконец Михаил II согласился на аудиенцию. К нему явилась делегация православных игуменов и епископов, в их числе был и Феодор Студит. В ответ на пламенные призывы святого восстановить церковную традицию император раздраженно сказал: «Ты имеешь в обычае противиться державной власти»^[254]. Он не разрешил святому жить в Студийском монастыре, так как иконопочитание было в столице под запретом. Феодор Студит странствовал, жил в разных местах. Везде его встречали как исповедника и чудотворца. Наконец он обосновался в монастыре на полуострове Святого Трифона напротив Принцевых островов. В последние годы святой страдал от сильных болей: обострилась его хроническая болезнь желудка. Почувствовав близость кончины, игумен причастился Святых Таин, несколько раз повторил инокам свое завещание, назначил преемника и простил всех, находившихся под монастырским запрещением. Феодор Студит преставился 11 ноября 826 года в возрасте 67 лет. Восемнадцать лет спустя, при императоре Михаиле III, восстановившем иконопочитание, нетленное тело святого перенесли в столицу и положили в Студийском монастыре.

Все эти события, описанные в Житии святого Феодора, вспоминались, видимо, старцу Нилу у стен Студийской обители. Но не мог он еще знать тогда, что смута, подобная иконоборческой, уже тлеет в его Отечестве и ему очень скоро придется напомнить русским людям твердые слова Студийского игумена в защиту святых икон.

За свою долгую историю обитель прославилась многими известными подвижниками. В своем сочинении «О мысленном делании» Нил Сорский упомянул и другого студийского монаха — Симеона Благоговейного. Более всего старца Нила восхищало в Житии этого святого то, что жизнь в таком большом и «многочеловечном» городе, как Константинополь, не помешала

ему стать великим подвижником. Симеон Благоговейный воспитал великого святого — Симеона Нового Богослова, творения которого преподобный Нил очень любил и часто цитировал в своих сочинениях.

Однако не только прошлое православного Константинополя интересовало паломников Нила и Иннокентия. Они искали в уцелевших монастырях города старцев, опытных в духовной жизни. Монашеская жизнь не была до конца уничтожена завоеванием. В городе и его окрестностях продолжали существовать малые монастыри — скиты. Они и привлекли к себе особенное внимание русских монахов. Все скиты были устроены по одному правилу. Вокруг опытного старца собиралось несколько его учеников — два или три. Каждый монах жил и безмолвствовал наедине, но всегда мог прийти к старцу на исповедь и за духовным советом. У иноков скита не было общих монастырских послушаний. Рукоделием в келье они зарабатывали себе на дневное пропитание, и никакие другие заботы не отвлекали их от молитвы. Жилищем безмолвия назвал преподобный Нил скиты. Такие монастыри показались ему наиболее удобными для спасения.

Пробыв некоторое время в Царьграде, паломники отправились на Афон.

О пребывании на Афоне

*Господи, кто обитает в жилище Твоем?
Или кто вселится во Святую гору Твою?
Ходяй непорочен, и делаяй правду,
Глаголяй истину в сердце своем.*

(Пс. 14, 1–2)

После падения Константинополя Афон находился под покровительством турецких султанов, благодаря чему сохранил относительную независимость. Монахи не интересовались политикой, и Афон по-прежнему оставался совершенно обособленным от остального мира.

Порядки на Святой Горе с древних времен определяет Типикон императора Иоанна I Цимисхия, так называемый «Трагос» (что значит «козел» — устав имеет такое название, поскольку написан на пергамене, выделанном из козлиной шкуры), составленный в 971–972 годах. «Трагос» запрещает женщинам ступать на землю Афона, и этот запрет не нарушался даже для дочерей и жен византийских императоров. Предание рассказывает, что дочь императора Феодосия I Галла Пладиция († 450), прибыв на Святую Гору, собиралась совершить поклонение в храме Ватопедского монастыря, но у входа в собор была остановлена гласом свыше: «Стой, не иди далее, да не пострадаешь зло». Императрица в слезах взмолилась о прощении и покинула Афон. Согласно другому правилу, в афонских монастырях запрещено принимать и постригать безбородых юношей и евнухов. Кроме того, афонские монахи не могут вступать в побратимство с мирянами, крестить детей, гостить у мирян, если они по каким-то причинам находятся за пределами Афона. Монахи не должны продавать свои участки земли, лес, торговать вином. Им разрешена только продажа изделий, сделанных своими руками. Все эти правила были установлены для того, чтобы изолировать Афон от мира, а его иноков сохранить от искушений и тяжелых пороков. Основные афонские правила впоследствии повторил в уставе своего скита Нил Сорский.

На Святой Горе русские паломники прежде всего посетили Карею, ее административный центр. Здесь старцы получили благословение прота. Так именовался игумен, который председательствовал в протате — совете

настоятелей афонских монастырей. Прот распоряжался всеми земельными владениями Святой Горы, поскольку они принадлежали не отдельным монастырям или общинам, но всем афонским насельникам. Он же представлял Афон перед гражданскими и церковными властями Византии (потом Турции), следил за сохранением мира и порядка, утверждал избрание настоятелей и вручал им игуменский посох. Первый игумен давал новоприбывшим на Афон кельи для жительства.

В Карее находится древний храм, освященный в честь Успения Пресвятой Богородицы. Незадолго до прибытия Нила и Иннокентия его стены были украшены фресками. На проходящих паломников взыскательно смотрели суровые лики афонских святых. В алтаре Успенской церкви до настоящего времени хранится древняя икона Божией Матери «Достоинство есть», которая считается покровительницей Афона. Помолившись Небесной Игумении Святой Горы, русские странники отправились посещать монастыри и скиты.

Пышная средиземноморская растительность и живописные виды Святой Горы вызвали восхищение путешественников из Северо-Восточной Руси. Не имея никакой возможности когда-либо посетить Афон, я воспользуюсь одним из тех поэтических описаний, которые сохранились в воспоминаниях многочисленных паломников:

«Несмотря на более чем тысячелетнее существование иноческих поселений, на Афоне и поныне сохранилось много девственных мест, непроходимых дебрей и неприступных утесов, куда не проникал еще человеческий глаз и где не ступала человеческая нога... Почти вся поверхность горы, ее склоны долины покрыты вековыми, высокими деревьями и мелким кустарником различных пород. Густолиственные, поднимающиеся до небес кедры, украшенные вьющимися по их стволам и ветвям стеблями и цветами омелы (из породы плюща), благоухающие певги, стройные кипарисы, крепкие буки и дубы, тенистые платаны, черные тополи, плакучие ивы, громадные каштаны, маслины, миртовые, миндальные, апельсиновые и лимонные деревья, вишня, виноград, розы, яблони и груши — вот обычные представители афонской флоры. Прекрасный вид восполняется многочисленными источниками воды... Живой голос редко слышится на Афоне — ни рев зверей, ни мычание и блеяние стад не нарушают глубокого безмолвия местности, — везде тихо и пустынно. Только ветер просвистит в горных ущельях или поднимет шелест листьев в сплошных здешних рощах, да неугомонное море глухо и монотонно зашумит у прибрежных скал, — и снова повсюду воцарится тишина и водворится безмолвие. А над всем господствует яркое

тропическое солнце»^[255].

Живописные красоты скоро стали привычными для русских путешественников, однако особое умиротворение природы, царящее на Афоне, способствовало молитвенному настроению его обитателей. Вид с горы устремляет ум к Горнему миру, не случайно многие монастыри и храмы построены на возвышенных местах. Путь духовного восхождения, которым шли иноки Нил и Иннокентий, находился в гармонии с земным пейзажем. Неподалеку от Кареи находился скит, который основал в 1199 году святой Савва Сербский. Он имел много названий: Великая Карейская келлия, Савина молчальница, исихастирия. Скит был рассчитан на двух-трех человек. Савва Сербский построил здесь небольшой храм, который освятил во имя своего святого покровителя — Саввы Освященного. Эта церковь намеренно создавалась очень скромной, без каких-либо архитектурных и декоративных излишеств, чтобы у монахов во время молитвы не возникало мыслей ни о чем суетном. Алтарь храма был совсем мал и узок, как и каменная трапеза, прислоненная к крошечной алтарной апсиде. В храме иноки скита собирались только раз в неделю — на всенощную службу с субботы на воскресенье. Все остальное время они уединенно молились в своих жилищах. Скит существовал совершенно независимо. Никто не имел права надзора за жизнью этих монахов: ни прот, ни игумен сербского Хиландарского монастыря, никто другой из братства обители. Карейской келлии принадлежали небольшой виноградник, пасека и сад плодовых деревьев. Здесь было много родниковой воды. Место оказалось очень благоприятным для того, чтобы посвятить себя молитве и не думать о хлебе насущном, хотя подвижникам его много и не требовалось. Согласно уставу о посте, иноки Карейской келлии с понедельника по пятницу вкушали пищу один раз в день; в субботу и в воскресенье — дважды в день, ради воскресного дня разрешались рыба и сыр. Во вторник и в четверг, если не было многодневного поста, на трапезе благословлялись мед и вино, в постные дни они исключались из рациона; Великим постом мед и вино разрешались только в субботу и в воскресенье^[256].

Молитвенное правило иноков Карейского скита заключалось в ежедневном чтении целой Псалтири, которое сопровождалось молитвами, покаянными стихирами и поклонами. Воскресное бдение вместо вечерни начиналось службой, по составу напоминающей панихиду. Святой Савва часто повторял слова из погребальной стихире преподобного Иоанна Дамаскина, перефразируя их: «Путь этот краток, которым идем, дым —

житие это, пар, пыль и пепел, на малое время дается и быстро проходит»^[257]. Эти же слова процитированы и в уставе Нила Сорского. С большой долей вероятности можно утверждать, что старец Нил посещал исихастирию Святого Саввы, ведь скит находился совсем рядом от Кареи. К тому же Савва был известен как исихаст, а такие подвижники вызывали большой интерес русского монаха.

На Афоне было множество отдельных келий, в которых иноки, предоставленные сами себе, имели особое молитвенное правило. Каждый день они вычитывали половину Псалтири и по 600 молитв «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Сверх того полагалось от трехсот до пятисот поклонов. Если кто хотел прибавить, то это не возбранялось. Это правило афонских келлиотов известно из описания архимандрита нижегородского Печерского монастыря Досифея, посетившего Афон в конце XIV века, на столетие раньше преподобного Нила. По свидетельству Досифея, в современных ему русских обителях вся Псалтирь вычитывалась только Великим постом. «Но святогорцы, — заметил архимандрит, — живут не так: они одно правило держат во всю жизнь»^[258]. Нил Сорский мог познакомиться с правилом Досифея в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря: здесь хранился богослужебный сборник с этим текстом^[259]. Теперь, находясь на Афоне, Нил имел возможность своими глазами наблюдать жизнь келлиотов.

Старец наверняка побывал и в монастыре Афанасия Афонского, а также посетил пещеру отшельника Петра, ведь жития этих святых он переписал в свой сборник. Древняя история имеет свойство оживать, когда странник прикасается к ее безмолвным памятникам, а давние события приобретают резкость и обнажают свой сокровенный смысл.

Святой Афанасий родился в период между 925–939 годом в Трапезунде. Отец умер еще до рождения мальчика, мать вскоре последовала за мужем, успев крестить сына. Авраамий (так звали святого в миру) воспитывался в семье родственницы матери. В детстве он проявил необыкновенные способности к учению, поэтому его отправили в Константинополь, где он поступил в школу к известному ритору Афанасию. Вскоре Авраамий превзошел своего наставника и был назначен учителем. Прежние воспитанники Афанасия пожелали перейти к молодому и талантливому учителю, чем вызвали негодование у заслуженного ритора. Тогда Авраамий, чтобы не усугублять вражды, оставил преподавание. Однажды он сопровождал в поездке своего родственника на остров Лемнос. Так будущий святой впервые оказался у берегов Афона «и

велми возлюби место сие»^[260]. Вернувшись в столицу, Авраамий познакомился с преподобным Михаилом Малеиным, игуменом Киминского монастыря в Вифинии (провинция в Малой Азии), и военачальником Никифором II Фокой. Встреча с этими выдающимися людьми определила всю его последующую жизнь. Он покинул Константинополь вместе с Михаилом Малеиным и принял постриг в его обители, где прожил четыре года. Преподобный Михаил благословил любимому ученику носить власяницу (подобие короткой туники, связанной из колючей шерсти; она надевалась на голое тело под монашеский подрясник), хотя монахи Киминского монастыря не имели такого обыкновения. Постоянное ношение власяницы было аскетическим подвигом, поскольку на теле образовывались кровоточащие раны. Духовные старцы называли власяницу самым тяжелым («тяжчайшим») оружием в духовной битве с невидимым врагом. Молодой монах спал на земле, подстелив «рогозину» (циновку), вкушал пищу раз в три дня, при этом исполнял послушания в храме, переписывал по благословению старца книги. Научившись монашескому житию, Афанасий устроил себе на расстоянии одного «поприща» от обители небольшую хижину, куда удалился безмолвствовать. Святой Михаил изменил своему ученику правило поста: отныне тот вкушал сухой хлеб и немного воды раз в два дня, а во время многодневных постов — только на пятый день. Накануне двенадцатых праздников и воскресных дней Афанасий совершал длительное молитвенное бдение, которое продолжалось с вечера до третьего часа дня (то есть до восьми-девяти утра по современному счету времени). В отшельнической келье будущего святого навестил Никифор Фока. Он открыл Афанасию свое желание оставить когда-нибудь военное поприще, создать монастырь и пребывать в нем монахом до конца своих дней. Когда Михаил Малеин, достигший преклонных лет, решил поставить Афанасия игуменом, тот, считая себя недостойным, скрылся из обители. Покидая Киминский монастырь, преподобный взял с собой две написанные им книги: Евангелие и Апостол, а также куколь своего наставника.

В 958/959 году он прибыл на Афон. Здесь Афанасий встретил отшельников, которые жили в хижинах («колибах») из травы. Они не имели никаких житейских попечений. Если хотели обосноваться на новом месте, то, взяв нехитрую поклажу, переходили туда и быстро создавали себе жилище подобно прежнему. В то время афонские монахи не занимались земледелием, торговлей, не держали скот. Их пищей было «верьшие дубное и инех древес плоды», а также овощи с огородов^[261]. Изредка, когда к

Афону приставали купеческие корабли, они выменивали овощи на пшеницу или просо. Раз в три года, на праздник Рождества Христова, все иноки являлись на общее собрание (синаксис), совершали общее богослужение, причащались Святых Христовых Таин, общались за братской трапезой. В середине X века синаксис проходил в лавре Великая Меса в центральной части полуострова (впоследствии она получила название Карея).

Поселившись на Святой Горе, Афанасий стал учеником одного благочестивого старца, сказав ему, что он простой «корабельник», а его судно потерпело крушение у берегов Афона. Зная, что Никифор Фока будет его искать, Афанасий назвал себя Варнавой. Смирясь, он скрыл, что грамотен, и попросил старца обучить его чтению и письму. Тот, не зная, кто в действительности перед ним, дал ученику восковую табличку и велел переписывать Псалтирь. Афанасий старательно изображал нерадивого и бестолкового ученика, за что старец жестоко ругал его. Так продолжалось некоторое время. Наступило время синаксиса. Все монахи собрались по традиции в лавре на праздничное богослужение. Прот повелел новому иноку читать на службе. Афанасий-Варнава послушно принялся растягивать слоги. Но прот быстро понял, что это некая игра. Он приказал иноку читать так, как тот умеет. Когда старец услышал чтение своего неразумного ученика и вспомнил те наказания, которые тот безропотно терпел, то едва не оцепенел, а из глаз его потекли слезы. В Житии так и сказано: «...вмале не оцепене, и очи его слез исполнистесе»^[262]. Он понял, каким смирением обладал его Варнава. Когда все открылось, Афанасий уговорил прота не сообщать полководцу Никифору о его местонахождении. Начальник Афона согласился и дал монаху келью близ лавры, где тот мог безмолвствовать. Себе на жизнь Афанасий зарабатывал рукоделием: он писал книги. Некий монах помогал ему выменивать их на хлеб. За шесть дней Афанасий успевал переписать всю Псалтирь, не сокращая при этом своего молитвенного правила, а оно было большим.

Думаю, что Нил Сорский, как никто другой, по достоинству оценил сообщение Жития об этом таланте Афанасия. Будучи профессиональным книгописцем, Нил знал, сколько труда и умения требовала такая работа. В современном каталоге датированных выходных записей, оставленных русскими писцами на книгах XVI века^[263], есть несколько упоминаний о переписывании Псалтири: работа над одной из них продолжалась шесть месяцев^[264], над другой — десять месяцев^[265], еще одну Псалтирь книжник переписал за 13 месяцев^[266]. Самый короткий период времени,

потраченный на переписывание книги (служебной Минеи на март), насчитывает 25 дней^[267]. Понятно, что у всех писцов были разные обстоятельства, от которых зависела скорость их работы. Однако в любом случае книгописание требовало большой сосредоточенности и трудолюбия, поэтому многие книжники, закончив работу, оставляли на полях книг такие радостные восклицания: «Рад заец, из тенета (ловчей сети, ловушки. — Е. Р.) убежав, так рад писец, Псалтырю дописав»^[268].

Тем временем слава инока Афанасия распространялась по Святой Горе; вскоре к его келье стали приходить монахи, чтобы спастись рядом с ним. Не желая нарушать свое безмолвие, святой отправился искать новое место. Он основал новый монастырь на безлюдной и безводной стороне Афона в месте, именуемом Мелана, «иже по российскому языку», как заметил Нил Сорский, «черный нарицается»^[269]. Это уточнение русский книжник вставил в Житие не случайно: он хотел подчеркнуть, насколько мрачное и неживописное место выбрал Афанасий Афонский. Временами на подвижника нападало такое уныние, что он едва справлялся с желанием бежать без оглядки. Как заметил автор Жития, Господь учил Афанасия искусству духовной брани, чтобы святой, научившись сам, смог потом помогать другим.

Год продолжалось это тяжелое испытание. Тем временем Никифор Фока, который не оставил мечту о постриге, разыскал друга и прислал ему значительные средства на новую обитель. Афанасий приступил к работам: он построил храм во имя пророка Иоанна Предтечи, келью («молчалницу») для самого Никифора, начал возведение церкви в честь Пресвятой Богородицы на месте своей бывшей отшельнической «колибы». Однако 16 августа 963 года Никифор Фока был провозглашен императором. Огорченный Афанасий покинул Афон, но император убедил его продолжать строительство и дал новой обители ряд грамот (хрисовулов). В одной из них он утвердил Афанасия игуменом монастыря. Вернувшись на Афон, преподобный освятил уже достроенный монастырский собор в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, возвел братский корпус, трапезную, больницу с баней для лечения иноков, устроил мельницу и пристань, провел водопровод. Вокруг горы расположились отдельные кельи и «молчальницы» для иноков, желавших предаваться уединенной молитве^[270]. Образовался большой общежительный монастырь, который впоследствии называли Великой Лаврой.

Деятельность Афанасия вызвала раздражение у афонских отшельников. Они говорили, что Афанасий нарушает обычаи Святой Горы,

где никогда не было больших многолюдных монастырей. Воспользовавшись тем, что 10 декабря 969 года покровитель преподобного Никифор Фока был убит, они отправили в столицу делегацию с жалобами на Афанасия. Однако новый император Иоанн I Цимисхий не только подтвердил все прежние хрисовулы, но приказал еще ежегодно выдавать Лавре по 244 золотых номисмы.

При жизни Афанасия в его Лавре жили 80 человек. Среди них были выходцы из Италии, Грузии, Армении, и никого в обители Афанасия не называли чужестранцами. Если же кто-то все-таки дерзал выказать презрение к своему собрату или даже смел поднять на него руку, то такой наказывался церковным отлучением (три недели он не мог приступать к причащению Святых Христовых Таин) и ужесточением поста (провинившемуся за трапезой подавали пищу, приготовленную без масла; вино также исключалось из рациона)^[271]. Если монах не исправлялся, то изгонялся из обители. Афанасий установил правило, чтобы в церкви и на трапезе за порядком наблюдали иноки, поставленные игуменом. Святой не разрешал монахам собираться в кельях, разговаривать на монастырском дворе. Если монах терял какую-либо вещь (полотенце, иголку, нож или другое), он не должен был ходить по кельям и искать ее. Все потерянное обыкновенно помещали в церковном притворе на медной вешалке («поверзале»)^[272].

Для своей многочисленной братии преподобный ввел правило ежедневного исповедания помыслов. На утрени, после последнего чтения, иноки по одному входили в маленький церковный придел Сорока мучеников Севастийских и открывали на исповеди свои греховные помыслы за прошедшие сутки. В течение дня монахи также могли приходиться в келью к духовному отцу для исповеди и наставления. Неграмотные монахи обучались чтению и письму под руководством учителя, назначенного игуменом. После повечерия наступало время их занятий. Святой считал, что незнание Божественных писаний является серьезным препятствием для духовного роста монахов. Стоит отметить, что эта тема чрезвычайно беспокоила и Нила Сорского: в своих сочинениях он неоднократно обращал внимание учеников и братии скита на необходимость постоянного изучения Божественных писаний. В его скит неграмотных вообще не принимали.

Преподобный Афанасий в течение всей своей жизни не оставлял книгописания. Однажды во время строительных работ он сломал ногу и долго тяжело болел. Чтобы не оставаться в праздности, игумен за 40 дней

переписал патерик — сборник кратких рассказов о жизни святых подвижников и их изречений. Игумен часто обращался к своим ученикам с краткими духовными наставлениями: «Братия и чада, внимаем себе и язык удержим: лучше бо от высоты пасти (упасть. — Е. В.), неже от языка»^[273]. Однажды монах Феодорит обратился к игумену с вопросом, почему Господь не дает современным инокам таких дарований, каких сподоблялись древние подвижники. В качестве примера он привел Житие преподобной Евпраксии, где рассказывалось о том, что святая отроковица постилась (оставалась без пищи и питья) 45 дней. В ответ преподобный Афанасий улыбнулся и сказал: «Не глаголи, брате, яко не дает Бог ныне такова дарования. Яко не хоцем ныне тако себе нудити, яко же святии...»^[274] Думаю, что эти слова из Жития Афанасия Афонского Нил Сорский мысленно подчеркнул для себя, так как они полностью совпадали с его собственным внутренним убеждением. Он неоднократно повторял эту мысль, обращаясь к своим ученикам и читателям.

Житие Афанасия Афонского рассказывает, что святой обладал даром исцеления и предвидения. Так, он предсказал свою трагическую кончину. В один из дней игумен осматривал свод и купол строившейся церкви, которую сам спроектировал. Внезапно каменная кладка рухнула и святой вместе с шестью монахами оказался под обломками. Пятеро иноков погибли сразу. Молитвы преподобного монахи слышали в течение трех часов, пока разбирали завалы. Выжил только инок Даниил. Святого Афанасия нашли уже умершим с крестообразно сложенными на груди руками. Тело игумена было цело, только раздроблена правая нога. На третий день, когда отпевали Афанасия, из ноги святого сочилась кровь, как у живого человека^[275].

Мощи святого находятся под спудом в приделе Севастийских мучеников главного храма Великой Лавры. Рядом стоит металлический жезл преподобного Афанасия. Сохранился массивный крест святого (весом около трех килограммов), который он не снимал даже когда спал^[276].

Великая Лавра, созданная святым Афанасием, стала наиболее известным и влиятельным монастырем Афона. Состав ее братии традиционно оставался интернациональным. В первой трети XV века, задолго до прихода старцев Нила и Иннокентия, здесь трудились русские книжники. Это Авраамий Русин, который переписал в 1432 году сборник житий святых^[277], принесенный в 1437 году в тверской Саввин монастырь, и Афанасий Русин, давший в Лавру в качестве вклада плащаницу русской работы^[278].

Недалеко от Лавры святого Афанасия старцы Нил и Иннокентий нашли пещеру Петра Афонского. Он был первым святым, имя которого сохранило предание Святой Горы. Самым ранним свидетельством об этом отшельнике является канон, составленный в его честь преподобным Иосифом Песнописцем в середине IX столетия. Согласно Житию, в мирской жизни Петр был военным и служил в пятой схоле (воинском подразделении) в Константинополе. Вместе с войском его послали в Сирию. В одном из сражений будущий святой попал в плен. Его отправили в столицу Аббасидского халифата Самарру. Там Петра заковали в кандалы и посадили в тюрьму. Находясь долгое время в плену, воин осознал, что не случайно оказался в таком печальном положении. Ранее он не однократно давал обеты посвятить себя Богу, стать монахом, но не исполнял их. Теперь он взмолился об освобождении святителю Николаю. Через неделю строгого поста ему явился Николай Чудотворец, велел пленнику вкушать пищи и немного подождать. Явившись Петру во второй раз, святитель Николай сказал, чтобы тот обратился с молитвой к святому Симеону Богоприимцу. Петр был удивлен: неужели кто-то больше, чем святитель Николай, мог заступиться за узника? «Твоими молитвами и предстательством мир весь спасается», — сказал пленник святому. Однако Николай Чудотворец ответил, что Симеон Богоприимец, который в день Сретения принял на свои руки у Божией Матери младенца Христа, теперь предстоит престолу Господа вместе с Пресвятой Богородицей и со святым пророком Иоанном Предтечей. Тогда Петр обратился с горячей молитвой к старцу Симеону. Святой явился ему и коснулся жезлом оков пленника, которые тотчас упали на землю. Затем праведный Симеон провел Петра мимо стражников и вывел из темницы. Петру показалось, что все это происходит во сне. Однако святой Симеон строго сказал ему: «Тако несть сон зримое»^[279]. Он поручил Петра заботам святителя Николая и стал невидим. Николай Чудотворец сопровождал Петра до Константинополя, а потом оставил его. Не заходя в свой дом, Петр сразу отправился в Рим, чтобы принять постриг у мощей апостола Петра. Ночью папе Римскому явился святитель Николай и повелел незамедлительно постричь в монашество пришельца из греческой земли по имени Петр. Наутро папа служил литургию в соборе Святого Петра. Был воскресный день, и множество людей находились в храме. Но первосвятитель сразу узнал необычного посетителя и, подзвав к себе, рассказал ему о чудесном повелении. Приняв постриг, Петр сел на корабль и отправился искать место, удобное для спасения. Во время плавания ему явились Пресвятая Богородица и его давний покровитель — святитель Николай. Тот спросил у Пречистой Девы, где находится место,

предназначенное Петру. Пресвятая Богородица ответила: «В Афоньстей горе будет покой его»^[280]. Петр запомнил эти слова. Когда корабль проплывал мимо берегов Афонского полуострова, корабль неожиданно остановился, хотя глубина под днищем была большой. Несмотря на все усилия команды, судно не сдвинулось с места. Тогда Петр окончательно понял, что это некое знамение для него. Святой сказал капитану: «И аще на месте сем мене не оставите, на другое преити не сможете»^[281]. Он сошел на пустынный берег, а корабль продолжил свой путь.

Обойдя полуостров, Петр нашел темную мрачную пещеру, заросшую колючим кустарником. Здесь гнездились множество змей. Это мрачное жилище стало местом покоя воина Петра. Однажды, рассказывает Житие, он проснулся от страшного крика. Выйдя из пещеры, подвижник увидел безобразных бесов, стоявших вокруг его жилища. Святой взмолился Богородице. Услышав Ее имя, страшные чудища исчезли. 53 года Петр прожил в пещере в совершенном безмолвии, не видя человеческого лица. Бес, принимая обличье ангела или знакомого отрока-слуги, не раз искушал преподобного. Он говорил: «Оставь пещеру, иди в мир на утверждение многим и будешь наставником для ищущих спасения». Но исчезал после молитвы Петра. Сама Божья Матерь явилась святому и пообещала, что ангел будет приносить ему пищу раз в 40 дней. Однажды некий охотник, преследовавший оленя, наткнулся на пещеру отшельника. Увидев ее обитателя, он сильно испугался. Перед ним был нагой человек с густой длинной бородой и волосами, достигавшими чресл. Решив, что это бесовское привидение, охотник бросился бежать. Но Петр крикнул ему: «Что боишься мене и бежиши, брате. Аз убо человек есмь...»^[282] Петр рассказал охотнику историю своей жизни и попросил навестить его через год. Когда охотник пришел к пещере в назначенное время вместе со своим братом и двумя иноками, то нашел подвижника уже усопшим: он лежал на земле в саване, приготовленный невидимыми руками к погребению.

Любопытное свидетельство о пещере Петра Афонского оставил русский писатель Борис Константинович Зайцев, побывавший на Афоне весной 1927 года: «Около пещеры, где он жил, откуда видно море, скалы да великая гора Афон, теперь стоит часовня, и живут два иеромонаха. Но в самой пещере жить не дозволяется: слишком холодно зимой, а у „ревнующих“ подражать святому не хватает сил, и они гибнут»^[283].

Житие Петра Афонского является яркой апологией отшельничества. Его герой решительно отвергает помыслы идти спасать мир, исправлять заблудившихся на греховных путях, быть наставником для других монахов.

Его подвиг — одинокая молитва в пещере. Выбранный путь диктует крайне нестяжательный образ жизни: отшельник питается раз в 40 дней, спит на голой земле, не имеет даже обычной одежды. Именно в этом Житии, написанном в ранний период истории монашества, мы видим, пожалуй, первое противопоставление идеологии нестяжателей и стяжателей. Автор Жития называет стяжателями тех монахов, кто имеет различные ценные сосуды, села и иные «стяжания» (движимое имущество). Два афонских Жития, переписанные рукой Нила, — святых Афанасия и Петра, — демонстрируют диаметрально противоположные пути монашеской жизни. На небольшом пространстве Афона Нил Сорский имел возможность наблюдать жизнь больших общежительных монастырей и встречать одиноких отшельников. Он выбрал для себя третий, средний, путь — скитское житие.

Некоторые исследователи предполагают, что Нил Сорский во время своего пребывания на Афоне подвизался в русском Пантелеимоновом монастыре. Эта обитель, в древности именуемая монастырем Фессалоникийца и освященная во имя святого целителя Пантелеимона, возникла примерно в то же время, что и Лавра святого Афанасия, — в X веке. Уже в следующем столетии монастырь передали русской монашеской общине, однако в те годы, когда Афон посещал старец Нил, его населяли сербские монахи. Больше всего русских иноков было в этнически смешанных скитах и келлиях греческих монастырей.

В южной части Афонского полуострова, в пустынной и труднодоступной местности Каруле, находились жилища монахов, проводивших самое суровое и аскетичное житие. Их кельи напоминали одинокие орлиные гнезда, прилепившиеся к скалам. В свое время их жизнь поразила святого Савву Сербского. Кельи пустынников представляли собой хижины из веток деревьев или пещеры. Они были настолько тесны, что в них можно было встать только одному человеку с распростертыми руками. Здешние монахи отличались крайним нестяжанием: в жилищах не было ничего, кроме рогожек, деревянных изголовий и орудий для рукоделия. Они употребляли пищу, не требующую приготовления: сухари, оливы, бобы, зелень, сухие плоды. Иногда пропитание отшельникам приносили прохожие монахи. Но путь в карульские кельи по узким тропинкам над отвесными пропастями был настолько труден и опасен, что паломники их посещали редко. Поэтому монахи часто питались лишь дикой капустой, которая росла среди камней, а для питья использовали дождевую воду.

Наблюдая, как безмолвствуют монахи Святой Горы, русские иноки учились уставу афонских скитов, образу «умной молитвы». Их

повседневную жизнь можно отчасти представить себе по русско-греческому разговорнику. Паломник, его составивший, несомненно, был монахом. Находясь на чужбине, он долго жил в келье со старцем-греком. Из разговорника мы узнаем, как монахи общались друг с другом, какими были правила монашеского этикета. Навещая монаха или старца в его келье, инок должен был взять благословение и спросить о здоровье: «Благослови, отче мой святыи, добре ты обретохом, да увемы, како имат святыни ти, еси ли добре в здравии твоём»^[284]. Прощаясь, инок просил святых молитв старца: «Моли Бога, отче святыи, о мне грешнем». Будучи посланным от своего старца к другому монаху с каким-нибудь поручением, инок должен был передать поклон: «Прислал мя старец к твоей святыни; старец, господине, метание творит святыни ти». В ответ его могли спросить: «Добре ли старец твой?» Живя в келье у старца, монах выполнял всякую работу, получая, например, такие веления: «принеси воды», «склади огонь», «положи хлебы», «приготови вино» и т. д. Спрашивал: «Что варити?», а когда заканчивал работу, говорил: «Все готово». Правила гостеприимства требовали накормить гостя, проследить, чтобы ему было удобно. Угощая пришедшего, по этикету требовалось сказать: «Не дивите (не удивляйтесь. — *Е. Р.*), что дал Бог»; или: «Что есть у нас, то пред вами». Старец строго наблюдал за жизнью своего ученика и делал такого рода замечания: «много спишь», «не ленися», а докучливому ученику мог сказать: «не стужай ми». Как и все живые люди, старцы и монахи болели, испытывали разные душевные состояния. В монашеском общении присутствовало искреннее человеческое участие. Брат спрашивал другого инока: «Что тя болит?» Тот отвечал: «глава мя болит» или: «все ми тело не здраво», или «душею не здравею», «скорбен есмь»^[285]. Свое душевное состояние характеризовали так: «тошно ми», «радость ми днесь», «печален», «нездрав»^[286].

Монах-паломник ходил на церковные службы, причащался. В словаре перечислены названия служб: «пред вечернею», «пред обеднею», «начали ли обедню?», «проскомидию творит» и т. д. Несомненно, что русским инокам нравилось греческое богослужение, вся лексика, служащая для описания этой темы, исключительно похвальная: «церковь велика, красна; попове добри, поют красно». Бывало, что греческие монахи сами приглашали паломников посетить свой монастырь или келью: «побывай в нашем монастыре, познаешь нашу келью»^[287]. И, указывая рукой вверх на гору, греческий монах показывал русским паломникам тропинку к своему жилищу: «видишь, монастырь». Когда чужой монах приходил в обитель, то его ожидали такие расспросы: «что ради пришел еси?», «своим ли делом

или послан еси?», «кто послал?», «много ли имаши пребыть zde? (долго ли пробудеши здесь? — Е. Р.)»^[288].

Много лексики посвящено теме исповеди. Русский путешественник знал, как будет по-гречески: «что суть помышления твоя?» и мог ответить старцу на его языке: «бес числа согреших». В разговорнике перечислены основные грехи с переводом на греческий язык, начало и завершение исповеди. Случались на исповеди и такие беседы: «Прости мя, отче мой, но диавол прелстил мя, таити велит, еже не исповедати твоей святыни». На это духовник отвечал монаху: «Брате возлюбленный! Не бойся мене, но Бога бойся и заповеди его соблюди; аще мене утаишия, а Бога како утаишия?»^[289] Завершение подобной беседы могло выглядеть так: «Молю же тя, добри старче, прости мя грешнаго, яко преизлише лгах ти! И моли Бога за мя!»^[290]

Среди духовных советов, помещенных в разговорнике, главный посвящен послушанию: «Не твори ничто без благословения, да не порадуется диаволь о падении твоём». И еще один совет должны были запомнить паломники: «Добро жити с старцем; полезно в опщем житии посреди многиа братьи; не полезно единому жить: впадет в уныние, в леность»^[291]. Так рассуждал и Нил Сорский. Именно с Афона он вынес убеждение, что лучшая форма монашеского жития — это скит, то есть жизнь нескольких монахов рядом со старцем.

Нил умел писать свое имя по-гречески: его греческую подпись («грешный Нил и неразумный») скопировал кирилловский монах Гурий (Тушин), переписавший житийные сборники старца^[292]. Для этого Нил мог воспользоваться помощью разговорника. Как заметил Н. К. Никольский, его составитель «сохранил следы близкого знакомства с греческой графикой», греческие слова он записывал на слух греческими буквами.

В житиях святых Нил старался переводить с греческого языка непонятные для русского читателя слова и писал перевод на полях листов: «ксенодохсион» — «странноприимница», «епистолия» — «послание», «киновия» — «общежитие», «схоластика суца» — «от первых боляр суца». Он также переводил греческие имена там, где это было важно по смыслу. Например, напротив рассказа о том, как императрица Ирина восстановила иконопочитание, он написал перевод ее имени: «греч. Ирини — рус. мир». Таким образом, Нил сделал для читателя максимально понятным текст Жития, в котором говорилось, что императрица полностью оправдала свое имя, принеся мир в церковную жизнь^[293]. Кстати, именно переводом греческих имен на русский язык заканчивается разговорник

«Речь тонкословия греческого»^[294]. Правка, выполненная преподобным, дала возможность некоторым исследователям предположить, что Нил Сорский знал греческий язык в таком объеме, что сам переводил греческие жития на русский язык. Но, скорее всего, он знал его в объеме разговорника. Во всяком случае, еще ни одному исследователю не удалось показать, что Нил использовал при редактировании текстов греческие списки житий либо переводил с греческого оригинала. Все тексты, использованные им, — исключительно переводные. Находясь долгое время «в странах Царьграда», старец Нил совершенствовался не только как делатель Иисусовой молитвы, но и как филолог. Знания, приобретенные им на Востоке, несомненно, помогли ему в дальнейшем при редактировании житийных текстов.

Для биографа Нила Сорского существенным остается вопрос, посещал ли преподобный Палестину. Строго говоря, это было не самое лучшее время для паломничества в данный регион. Исследователи называют его «темным веком» в истории палестинского монашества^[295]. К концу XV века многие монастыри Иудейской пустыни были покинуты их обитателями под давлением различных внешних и внутренних причин: на монашескую жизнь не лучшим образом повлияли набеги бедуинских племен, регулярные жестокие гонения мусульманских властей, пандемия «Черной смерти», депопуляция, общий экономический застой в регионе и другие обстоятельства. В 1420–1421 годах иеромонах Зосима нашел уже заброшенным монастырь святого Герасима Иорданского, еще раньше — около 1370 года архимандрит Агрефений увидел только руины на месте монастыря преподобного Феодосия Великого. Последние упоминания об обителях Евфимия Великого и святого Харитона как о действующих монастырях относятся к 1230-м годам. «Дольше всех сопротивлялась натиску Пустыни лавра св. Саввы. Число ее насельников во время Зосимы составляло тридцать человек. В начале 1480-х гг., когда монастырь посещал Ф. Фабри, там жило всего шесть монахов»^[296]. Впоследствии лавра была полностью оставлена. Синайский монастырь был на порядок мощнее и многочисленнее, поэтому сумел сохраниться, хотя неоднократно разорялся окрестными бедуинами. Если паломничество Нила состоялось не позднее 1480–1483 годов, он мог побывать в Лавре Саввы Освященного и отправиться дальше на Синай, как сделал другой паломник — немецкий пилигрим Феликс Фабри, посетивший в это время Святую землю, чтобы поклониться Гробу Господню и горе Синай. Несмотря на то что целей своих он достиг, его паломничество было сопряжено с большими

трудностями. «По прибытии паломнических кораблей в Яффу там прошел слух, что бедуины вырезали синайских монахов и опустошили монастырь, в связи с чем паломничества на Святую Гору в этом году не будет. Потом, правда, выяснилось, что слух был ложным: его распустили венецианские капитаны — организаторы паломничества, чтобы отвадить желающих идти на Синай и уменьшить тем самым расходы на организацию передвижения богомольцев»^[297]. Такова была реальность.

В своих сочинениях Нил Сорский вспоминает о Царьграде и Афоне, но о посещении Иерусалима нет ни слова. Однако размышляя в своем уставе о распорядке дня скитского инока, Нил Сорский говорит о том, что свое монашеское правило нужно соотносить с теми конкретными условиями, в которых живешь. Он пишет буквально следующее: «Летом ведь и зимой в северных странах день и ночь значительно увеличиваются в часах, — не как в Средиземноморье, в Палестине или в Константинополе». Преподобный упомянул Палестину, а он всегда говорил о том, что знал наверняка. Возможно, воспоминания о паломничестве в Иерусалим оказались глубоко спрятаны в его сердце. Нил вообще не любил рассказывать о себе. Даже о Царьграде и Афоне он обмолвился лишь для того, чтобы сделать более доказательной свою мысль о том, что скит является наилучшим типом монастыря для желающих безмолвия. В этом случае ему нужно было сослаться на непререкаемый авторитет Царьграда и Афона.

В начале XVII века среди сорских монахов еще сохранялось устное предание о том, что старец Нил «живал... много времени с великими отцы и досточюдными и во странах Палестинских, иже окрест Иерусалима, и в Раифе (на Синае. — *Е. Р.*)»^[298]. Об этом рассказал монахам Соловецкого монастыря старец Дионисий (Ярышкин), по прозвищу Крюк, который был в 1612 году уставщиком и строителем Нило-Сорского скита^[299]. Дискуссия о том, посещал ли преподобный Нил Палестину, неожиданно остро разгорелась в конце XIX века. Тогда архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иаков (Поспелов) заказал известному духовному писателю Андрею Федоровичу Ковалевскому написать акафист Нилу Сорскому. Тот с большим энтузиазмом принялся за дело, но текст не понравился цензору Новгородской духовной консистории архимандриту Корнилию (в миру Александру Матвеевичу Орлинкову). Нарекание вызвал икос, в котором говорилось о паломничестве Нила Сорского в Иерусалим. В письме от 24 октября 1883 года, адресованном архимандриту Иакову, Ковалевский обиженно писал: «Но ведь в житии не сказано прямо, что он (Нил Сорский.

— *Е. Р.*) там не был, а только одно предположение позднейшего биографа. Я же грешный, придя в недоумение по этому поводу, попостился и помолился по силе, и очень явственно почувствовал вслед за тем побуждение писать в Акафисте, что был в Иерусалиме преп. Нил, в чем и теперь убежден, в чем вся моя вина. Пусть архимандрит Корнилий попостится и помолится по-моему, и я убежден, что тоже не будет сего отрицать. Есть история письменная, есть история и духовная, в душе невидимо, но убедительно вещаемая. Не достоин сего, но не раз ее ощущал»^[300]. Сопоставив все приведенные выше исторические факты, мы можем оставить в силе предположение А. Ф. Ковалевского о том, что Нил Сорский видел своими глазами солнце над Палестиной.

Обратный путь русских паломников домой был долгим и опасным. Созерцание безбрежной морской стихии порождало у монахов множество размышлений. Святые отцы часто использовали образ моря в своих сочинениях. Море предстает в них как таинственная и враждебная человеку среда. Оно напоминает земную жизнь человека, наполненную бесконечными желаниями и искушениями. Преподобный Нил Постник в своих сочинениях сравнивал бушующие морские волны с губительными человеческими страстями. Корабль, на котором можно добраться до надежной пристани, — единственное спасение путешественника. Но для этого корабль должен быть устойчив на волнах, не иметь пробоин и малейших трещин. Так и монах, говорили святые отцы, сам для себя является надежным кораблем, если постоянно сосредоточен на молитве и не обременяет себя ненужными заботами. «Многостыжательный монах — перенагруженный корабль, легко потопляемый в мятущихся от бури волнах. Как кораблю, в котором открылась течь, прибавляет опасности каждая волна, так многостыжательный больше и больше утопает в заботах», — рассуждал Нил Постник^[301]. И продолжал: подобно тому как море не переполняется, принимая в себя множество рек, так и сребролюбивый человек не насыщается деньгами, сколько бы их он ни получил. Блудная страсть также накрывает человека с головой, парализуя его волю к спасению. «Корабль убегает от морских волн, угрожающих опасностью, а душа — от женских лиц, причиняющих гибель. Вид нарядной женщины потопляет хуже волны. Из волн по любви к жизни можно еще выплыть, а обольстительный вид женщины убеждает пренебречь и самой жизнью»^[302]. Зато спокойное море ассоциировалось у святых отцов с бесстрашием души: «В тихом море плавают дельфины, а при мирном состоянии духа возникают боголепные помышления»^[303].

Однако это состояние души и стихии весьма непродолжительно, а потому путешественники должны спешить к надежной пристани: «Обуреваемый корабль поспешает в пристань. И целомудренная душа ищет пустыни»^[304]. Именно в спасительную лесную пустынь стремились теперь сердца иноков Нила и Иннокентия.

Часть 4. Скит на реке Соре

Пустыня

Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни. Чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури.

(Пс. 54, 8–9)

После долгого странствования монахи Нил и Иннокентий вернулись в Кирилло-Белозерский монастырь, но не остались в нем, а поставили себе келью неподалеку и некоторое время жили в ней^[305]. Желая совершенного безмолвия и уединения, они пришли на речку, именуемую Сора. Время прибытия иноков на Русь и основания скита неизвестно, но совершенно точно, что все эти события случились до июня 1488 года — февраля 1489 года. Таким периодом датируется грамота, в которой новгородский владыка Геннадий просил бывшего архиепископа Ростовского Иоасафа прислать к нему старцев Нила и Паисия (Ярославова), чтобы посоветоваться с ними по поводу ереси «жидовствующих»^[306]. Очевидно, что к этому времени Нил Сорский не только вернулся с Востока, но и обустроил свой скит. Епархиальным архиереем, у которого он должен был получить благословение на основание монастыря, скорее всего, был тогда еще действующий архиепископ Иоасаф.

Монахи поселились на великокняжеских («черных») землях. Вплотную к скиту подступали ферापонтовские деревни, располагавшиеся по берегу Сороярского (Соровского) озера, и деревни Кириллова монастыря. Не так давно, в 1482 году, монастырь поставил здесь деревню Пенькову. Преподобный Нил хорошо знал границы и межи всех владений, поскольку сам, будучи кирилловским старцем, присутствовал на отводе земель близ Сороярского озера. Тогда по приказу белозерского и верейского князя Михаила Андреевича княжеский слуга Афанасий Внуков отвел Кириллову монастырю вновь пожалованные земли: деревню Погореловскую с пустошами Бренковой, Кондратовой и Судоковой. Пустошь Кондратова вместе с лесами и пожнями примыкала к владениям Ферапонтова монастыря, поэтому Афанасий Внуков проложил между (условную границу). Она шла «от Кнутовы деревни от Мякишевские... от Сороярского озера по Крутой враг (овраг. — *Е. Р.*), да вверх по Крутому врагу к Жабью озерку; от Жабья озерка по ручей, да вниз по ручью к Щопкову озеру»^[307]. Но этот отвод не урегулировал всех спорных

вопросов, следствием чего стал новый развод земель. Кирилловский игумен Кассиан и игумен Ферапонтова монастыря Филофей, «поговоря промеже собой о Сороярских лесах», послали старцев развести «себе межи»^[308]. Среди этих старцев был и преподобный Нил.

Деревня Кнутово существует до сих пор. Ее немногочисленные жители рассказывают о том, что свое название она получила из-за помещика, имевшего обыкновение сечь своих крестьян кнутом. Однако это, конечно, не так. Деревня была вотчиной Ивана Александровича Кнутова (Монастырева), который подарил ее кирилловскому игумену Игнатию (1471–1475)^[309]. Так получилось, что именно в этой деревне, около Вознесенской церкви, нашли свой последний приют в 1930-е годы монахи Ниловой пустыни, изгнанные из своей обители. Некоторые из них похоронены где-то рядом с храмом. Замкнулся еще один жизненный круг. Эти грустные мысли приходили мне в голову, когда мы под морозящим дождем спускались по скользкому глинистому косогору к полуразрушенной церкви.

Место, выбранное старцем Нилом для скита, было низкое, болотистое. Только человек, ищущий духовного подвига, мог обосноваться в такой непривлекательной для глаза и неудобной для жизни местности. «Среди... различных угодий, которыми изобильна здешняя светлая, счастливая природа, трудно отыскать убежище более грустное и уединенное, чем эта пустынь», — написал русский литератор С. П. Шевырев, посетивший Сорский скит в 1849 году. Добраться сюда даже в XIX веке было трудно: «...малопроезжая дорога, по хворосту, проложена чрез болото в чащу леса по течению смиренной речки Сорки... Осенью и весной не проходима эта дорога, а в прежние времена одни только пешеходы могли тут пробираться по мосткам, да и теперь от частых дождей местами почти невозможно было проехать». Это наблюдение принадлежит другому русскому писателю, А. Н. Муравьеву. Удивление русских путешественников, привыкших видеть иноческие обители на прекрасных возвышенностях, в окружении озер и рек, можно понять. Окрестности Ниловой пустыни отнюдь не живописны. Но преподобный и не искал красот: он шел по стопам святого Макария Великого, основавшего свой Скит в самом сердце каменистой Ливийской пустыни.

На лесной поляне старец Нил построил келью, неподалеку от нее выкопал колодец питьевой воды и пруд для полива огорода, а на реке Соре поставил мельницу. На почтительном расстоянии от кельи преподобного находилась келья монаха Иннокентия (по скитскому обычаю это

расстояние измерялось брошенным камнем или возможностью расслышать человеческий крик). Впоследствии уединение иноков в Сорском скиту соблюдалось неукоснительно: рубить лес вблизи монашеских жилищ строго запрещалось. На некотором расстоянии от келий (примерно в 250 метрах), на болотистую низину между речками Сорой и Бродью старцы наносили своими руками небольшой холм земли. Здесь и поставили в конце жизни святого первую церковь.

Место, найденное Нилом на Соре, больше всего нравилось ему своей недоступностью, «маловходностью» для мирских людей: непроходимые болота и мхи подобно безводным пескам египетской пустыни укрыли скит от мира. Старец считал крайне вредным для монахов любое общение с мирянами: «Ибо когда человек придет к Богу заключить с Богом договор, не только бежать всего этого он должен, но и не видеть всякого чина мирян, не слышать ни слов их, ни о них»^[310]. Затворившись в скиту, Нил и Иннокентий могли, как и древние подвижники, не отвлекаясь на житейские попечения и мирскую суету, посвятить всё свое время молитве.

Однако жизнь в пустыни сопряжена со многими тяготами и лишениями. Поселяясь здесь, иноки подвергали себя яростным нападениям всех темных сил. В Евангелии дикие, необитаемые места представляются местопребыванием злых духов: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя» (Лк. 11, 24; Мф. 12, 43). «Духовная брань», которую подвижники выдерживали в пустынном месте, считалась самой жестокой — «лютой», по выражению Нила Сорского. Поэтому он, как и древние святые, носил власяницу. Жизнь на Соре старец Нил лаконично назвал «терпением». Иноки укреплялись молитвой и примерами из житий святых, в том числе подвижников египетской Фиваиды.

Древняя Фиваида

Дивен Бог во святых своих.

(Пс. 67, 36)

На рубеже III–IV веков пустынная местность вокруг древнего города Фивы в Египте, получившая название Фиваиды, стала колыбелью христианского монашества. Его основателем почитается Антоний Великий (около 251 — около 356). Конечно, он не был первым монахом: сам Антоний учился у некоего подвижника, который жил близ соседнего села. Однако святой стал первым, кто ушел в пустыню. Египтяне боялись пустыни. Они считали, что эта непригодная для жизни местность населена злыми демонами. Антоний не побоялся бросить им вызов.

Святой родился в селе Кома (ныне Киман-эль-Арус, близ города Эль-Васта) в зажиточной семье египтян-коптов. Когда юноше исполнилось 18 лет, скончались его родители. На попечении Антония осталась младшая сестра. Однажды юноша пришел в церковь и услышал чтение из Евангелия: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое, и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною» (Мф. 19. 21). Он понял, что слова Спасителя обращены лично к нему. Антоний унаследовал от родителей земельный надел в 300 арур (свыше 80 гектаров) и множество голов скота. Все это он продал и раздал деньги неимущим, оставив немного на содержание сестры. В следующий раз в храме на богослужении прозвучала заповедь Спасителя не заботиться о завтрашнем дне: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем...» (Мф. 6, 34). Тогда Антоний раздал остаток средств, сестру определил в девическую общину, а сам поселился на окраине родного села. Первые навыки монашеской жизни ему преподал старец из соседней «веси», избравший отшельничество с юности. По его совету Антоний трудился руками (плел корзины, веревки) и обменивал свои изделия на хлеб. Он посещал богослужения в храме, внимательно слушал и запоминал чтения из Евангелия и Апостола. Впоследствии, когда Антоний ушел в затвор, эта живая память заменила ему книги.

Враг рода человеческого нередко пытался смутить молитвенный покой Антония целой бурей разных помыслов: он внушал иноку беспокойство за оставленную сестру, пытался посеять сожаление о распроданных имениях,

о прежней сытой и спокойной жизни, вызывал в памяти вкус и аромат аппетитных яств, пугал различными болезнями, телесной немощью и непосильными тяготами добродетельного пути. Но все было тщетно. Тогда бес стал искушать юного отшельника «похотными стрелами», внушал ему ночью скверные мысли, преображаясь в некую развратную женщину. Антоний вооружался молитвой, усиливал пост и так гасил «угли прелести». Подвижник часто проводил ночи без сна, пищу принимал раз в день после захода солнца, часто оставался голодным два, а то и четыре дня подряд. В его рационе были только хлеб, соль и вода; мяса и вина он не употреблял с тех пор, как стал отшельником. Спал Антоний на земле, подстелив «рогозину».

В таком пребывании прошли годы, и Антоний решил усилить свой подвиг. Далеко за пределами села находилось старое кладбище. Антоний попросил односельчанина изредка приносить ему хлеб и затворился в одной из каменных гробниц. Что происходило внутри, доподлинно неизвестно, но однажды знакомый Антония, отворив двери «гробница», нашел подвижника страшно избитым. Антоний не подавал признаков жизни. Односельчанин на руках принес страдальца к сельской церкви. Вокруг собрались родственники и местные жители, они оплакивали Антония как мертвого. Однако ночью он пришел в себя и попросил друга отнести его назад в гробницу, сам идти он не мог. Тот исполнил просьбу и запер за Антонием двери. Лежа на полу, затворник бесстрашно произнес, обращаясь к невидимому противнику: «Я здесь». Ночью, как рассказывает Афанасий Великий — автор Жития святого Антония, гробница заходила ходуном, и подвижник увидел множество зверообразных существ и всяких гадов, надвигавшихся на него: медведей, рысей, волков, львов, змей и скорпионов. Бесы скрежетали зубами, пугали, но не могли к нему подступить. Так продолжалось довольно долго. Вдруг Антоний увидел луч света, прорезавший тьму, и тотчас исчезли все безобразные видения, тело перестало болеть от побоев. Антоний почувствовал, что Господь где-то близко, и сказал: «Господи, где Ты был? Почему не явился сразу, чтобы исцелить болезнь мою?» В ответ он услышал: «Антоний, Я был здесь, но хотел видеть подвиг твой. Поскольку ты все вытерпел и не был побежден, отныне Я буду твоим помощником и прославлю имя твое повсюду»^[311].

После испытания в гробнице Антоний стал физически еще крепче, чем был прежде. Подвижнику к тому времени исполнилось уже 35 лет. И тогда он решил уйти в пустыню. Антоний предложил своему наставнику отправиться вместе с ним, но старец отказался, сославшись на то, что не имеет подобного опыта. Тогда Антоний пошел один.

Подвижник взошел на гору Писпир и затворился в пещере, взяв с собой хлеба на полгода; вода в пещере накапливалась естественным образом. Так провел Антоний 20 лет. Дважды в год он принимал через оконце хлеб, который приносили ему знакомые. Всякий раз, посещая отшельника, они опасались найти его умершим, но неизменно слышали доносившееся из пещеры молитвенное пение. Наконец в один из дней жаждущие духовного общения люди отвалили камень, заграждавший вход в пещеру, и вывели подвижника к народу. Те, кто знал его прежде, были изумлены: Антоний нисколько не изменился, хотя все эти годы почти не видел солнечного света. Он даже не ослабел от поста. Антоний был спокоен и радостен. Множество больных и бесноватых исцелились в тот день по молитве святого. Известие о поразительном явлении Антония миру быстро распространилось по окрестным местам. Монахи, вдохновленные его примером, бесстрашно последовали вслед подвижнику. И наполнилась тогда пустыня иноками, говорит автор Жития святого, и возникли первые монастыри.

Около 305 года вокруг Антония образовалась монашеская община. Другая находилась на противоположном берегу Нила, в Арсиное. Однажды Антоний отправился навестить иноков, но увидел множество крокодилов, плавающих в реке. Помолившись, он бесстрашно вступил в воду и без вреда переправился через реку. Монахи-отшельники приходили к Антонию, чтобы послушать его наставления. Он учил их искусству духовной борьбы: «Враги бо имамы люты и лукавы проныривыи беси, и к ним нам есть брань»^[312]; «Сети же их суть скверьни помысли»^[313]. Русский читатель и переписчик этого Жития — Нил Сорский мог бы назвать Антония Великого своим учителем. Он так же считал борьбу с помыслами главным делом монаха. Антоний убеждал иноков не оставлять ни на один день своего подвига, не уповать на прошлые труды и заслуги и не бояться длинного пути, ведущего к спасению. Он говорил: «Жизнь человеческая коротка в сравнении с будущим веком. И все время нашей жизни ничто по сравнению с вечной жизнью. Всякая вещь в мире имеет свою цену, за которую можно получить нечто равноценное. Но вечная жизнь мало чем покупается»^[314].

Все общение Антония с братией было исключительно духовным. Он стыдился есть на людях и не участвовал в общих трапезах. До конца жизни святой носил одну одежду: снаружи она была сделана из козлиной шкуры, а подкладка связана из колючей шерсти. Антоний никогда не мылся, даже не омывал ноги и вообще вступал в воду только лишь в случае крайней необходимости. Для молитвы у подвижника было отведено определенное

время: в эти часы он никуда не выходил и не принимал посетителей. Они благоговейно сидели рядом с пещерой и ждали. Многие из них получали исцеление во время ожидания. Святого называли «врачом Египта».

Поскольку страждущих становилось все больше, Антоний решил скрыться от людей. Однажды он сидел у пристани и ждал корабль, чтобы плыть в неопределенном направлении. И тут раздался Божественный голос, повелевающий ему идти во внутреннюю пустыню с караваном кочевников — сарацинов. Антоний шел три дня и три ночи и наконец нашел высокую гору. Вода здесь была холодная, сладкая и прозрачная, вокруг росло много финиковых деревьев. Подвижник понял, что Господь заботливо приготовил это место именно для него: «...и аки свой дом познав имееше место то»^[315]. Сарацины и ученики, узнавшие о месте пребывания Антония, приносили ему хлеб. Чтобы не отягощать никого заботами о себе, Антоний попросил принести ему «рыло двоезубно» (лопату, кирку), «теслу» (особый вид топора) и семена пшеницы. Он нашел около горы небольшой участок земли, пригодный для земледелия, и стал самостоятельно выращивать хлеб. Подвижник также возделывал огород. Монахи приносили ему раз в месяц маслины и оливковое масло. Несмотря на строгий пост, Антоний не имел изможденного вида и не страдал от болезней. К старости святой даже не потерял ни одного зуба, они только стерлись до десен. Афанасий Великий, лично общавшийся с Антонием, свидетельствовал: «...и очи бо имееше цели и здравы и видя добре, и от зуб ему ни един же не испаде, точию же в деснах притрены быша, стары версты ради, и ногама же и рукама здрав бысть»^[316].

Однажды до Антония дошла весть, что в тюрьмах Александрии, по приказу императора Максимиана II Дайи, томится много христиан. Отшельник отправился туда, чтобы облегчить их страдания и самому пострадать за Христа. Он омывал в темницах раны мучеников, утешал и укреплял их. Антоний жаждал мученического подвига, но Господь хранил его. Когда прекратились гонения, Антоний вернулся в свой монастырь.

Около 313 года святой с двумя учениками — Макарием и Аматасом — переселился в горный район Восточной пустыни, к подножию горы Кульзум (в 30 километрах от Красного моря, в настоящее время здесь находится монастырь, названный в честь святого Антония, — Дейр-эль-Каддис-Антван). Святитель Афанасий в Житии назвал это место «внутренней горой», а Писпир — «внешней горой». Антоний часто навещал оставленных там монахов. Император Константин Великий и его сыновья Констанций и Констант обращались с посланиями к подвижнику.

Тот в ответных посланиях убеждал их более всего заботиться о справедливом суде и об «убогих» и сохранять христианскую веру. Своим ученикам святой говорил: не удивляйтесь, что царь к нам пишет, ведь он — человек, но удивляйтесь тому, что Господь нам, людям, как своим сыновьям, написал свой закон. По словам епископа Серапиона Тмуисского, знавшего святого лично, Антоний признавался ему, что иногда, занимаясь рукоделием, он видит то, что отстоит далеко от него во времени и в пространстве. В день смерти святого Аммона Антоний, находившийся в 30 днях пути от него, сказал своим инокам, что Аммон преставился. Через 30 дней пришли иноки из монастыря святого и подтвердили слова Антония.

Посещая мирские селения, Антоний никогда не задерживался там. Когда его пытались удержать, он отвечал: «Яко же рыбы, медлящие на суше (на суше. — *Е. Р.*), умирают, тако же и иноци, косняще zde с вами и у вас пребывающе, разъслабляют. Подоба убо есть, яко же рыбе в море, тако и нам в гору отходити, еда како умедливше, забудем внутреннее»^[317]. Антоний Великий прожил во «внутренней горе» 40 лет. Он не хотел, чтобы его погребали по египетскому обычаю (бальзамировали и хоронили внутри помещения), и завещал своим близким ученикам похоронить его тайно под землей, обязательно в гробе, закрытом крышкой, а на могилу положить камень. Напоследок Антоний заповедал братии не общаться с еретиками, подвизаться в терпении: «И яко по вся дни, умирающе, живите!» Епископу Афанасию он завещал овчину, на которой спал, и «котыгу» (монашескую ризу), а епископу Серапиону — другую овчину, своим ученикам — «одеяло власяное». Устное завещание он закончил словами: «Будьте здравы, чада. Антоний уходит и более его с вами не будет»^[318].

Всю свою жизнь святой Антоний прожил отшельником, а его современник Пахомий Великий (около 292 — около 346) стал основателем девяти общежительных монастырей Фиваиды. В отличие от Антония, который был христианином от рождения, Пахомий рос в семье египтян-язычников и участвовал вместе с родителями в языческих культах. В двадцатилетнем возрасте его призвали в армию. В то время шла война правителя Египта Максимиана II Дайи против императора Лициния (312–313). После утомительного плавания по Нилу новобранцев привезли в один из фиванских городов и разместили в полутюремных условиях. Христиане, узнав об этом, принесли молодым воинам пищу, напитки и всячески заботились о них, поддерживая и утешая. Пахомий был потрясен теплым и искренним отношением к себе совершенно незнакомых людей. Узнав, что они христиане, решил принять их веру. К счастью, в эти дни закончилась

война (30 апреля 313 года состоялось последнее сражение, в котором Максимин II потерпел поражение), и новобранцев распустили по домам. Но Пахомий не вернулся к родителям. Он отправился в горы, нашел христианскую церковь в селе Шенесет и остался при храме. Здесь он крестился и впервые причастился Святых Христовых Таин. Услышав рассказ об отшельнике Паламоне, Пахомий разыскал его келью на границе села и пустыни. Подойдя к двери, робко постучал. Обитатель кельи, слегка приоткрыв дверь, спросил: «Что хочешь, кого ищешь?» Тот ответил: «Бог мя посла к тебе да сотвориши мя инока». На это подвижник ответил, что многие хотели жить в этом месте, но не стерпели трудов и лишений. Отшельник рассказал Пахомию, что питается хлебом и солью, никогда не употребляет масла и вина, совершает молитвенное бдение до полуночи, иногда проводит в молитве всю ночь. Но Пахомий не отступал, и тогда Паламон отворил для него двери своего жилища. Подвижник дал пришедшему иноческое одеяние. В течение дня молодой инок пряд шерсть и ткал «вретища» (мешки или одежду), чтобы иметь возможность на деньги от проданных изделий покупать хлеб и оделять им нищих. По ночам он совершал молитвенные бдения со своим наставником. Если Паламон видел, что сон побеждает ученика, то они вместе отправлялись в пустыню. Ученик шел с тяжелой корзиной песка в руках. По благословению старца он высыпал ее в одном месте, а в другом наполнял снова, и они шли дальше под черным небом, испещренным звездами.

От святого Паламона Пахомий научился трем образам молитвы. Первый — молиться до полуночи и до утра почивать, другой — спать до полуночи и молиться до зари, третий — немного спать, потом молиться и снова спать, и так чередовать до утра.

Часто старец отправлял ученика собирать дрова в пустыню. Здесь росло много колючек, но Пахомий всегда ходил босым и радовался, когда терпел боль, вспоминая раны Спасителя на кресте. Однажды он оказался близ села Тавенниси. Во время молитвы Пахомий услышал Божественный голос, повелевающий остаться здесь и создать монастырь для множества иноков. Тотчас ему явился ангел и вручил «пинакиду» (медную дощечку), на которой был записан устав будущей обители. Пахомий вернулся к Паламону и рассказал о чудесном явлении. Старец сразу собрался в дорогу. Они пришли на избранное свыше место и поставили кельи. Через некоторое время старец и ученик расстались, обещая часто навещать друг друга. В одно из таких посещений Пахомий нашел своего старца уже усопшим и совершил его погребение.

Теперь пришел черед Пахомия стать наставником для иноков. Вскоре к

монаху пришел родной брат Иоанн и остался с ним. Совершая аскетический подвиг, Пахомий носил колючую власяницу в течение пятнадцати лет, отдыхал только сидя на лавке, которую ставил посреди кельи, чтобы невзначай не прислониться спиной к стене. Он всегда молился с высоко поднятыми прямыми руками. Пахомий подолгу не сгибал их, подражая мучительному положению рук Спасителя на Кресте. Подвижник просил у Господа отнять у него сон, чтобы день и ночь пребывать в молитве. Бесы напрасно старались устрашить или прельстить подвижника. Пахомий бесстрашно наступал на змей и скорпионов, часто переправлялся через реку на крокодилах.

Однажды ему явился ангел, который трижды произнес, что настало время принимать к себе иноков. Пахомий расширил место, предназначенное под монастырь, перестроил келейный дом, поставил ограду. Стена стала важной психологической защитой для монахов: она ограждала от мира, его опасностей и соблазнов. Всем, приходящим в обитель, Пахомий давал иноческие одежды и наставлял решительно отвергать мирские помыслы и привязанности: «Подобает убо иноку неполезных мирских бесед бегати, а иже уды Христовы братию верующим вся равно любити и приобщатися. Аше ли же кто пристрастием мирским одержим, глаголетъ, яко плоть ми есть, и люблю и, да слышит Писание глаголющее: имже кто побеждается, тому и поработится»^[319].

Братии он советовал учить псалмы, постоянно читать Божественные книги, особенно Евангелие. Вскоре число монахов достигло ста человек, Пахомий ввел должность «строителя о телесней потребе», то есть эконома. Настоятель разделил братию по роду занятий на три «дома»: одни готовили еду, другие заботились о больных, третьи занимались воспитанием новичков. Если кто приходил к Пахомию из другого монастыря, святой не сразу позволял ему жить со своими иноками. Новопришедший пребывал в отдельном здании у монастырских ворот и находился под руководством живущих здесь опытных монахов. Не всем нравились такие порядки. Святого укоряли в том, что он неодинаково относится к инокам. На это он отвечал, что в общем житии объединены люди разного возраста и разных обычаев, некоторые из них, как дети, поэтому каждый должен жить на определенном ему месте, иметь свое правило и послушание.

В монастыре был и такой порядок, установленный святым: в один из дней вся братия причащалась Святых Таин. Для этого Пахомий приглашал священника из соседнего села, так как в обители не было иерея и сам Пахомий не имел священнического сана. Святой не хотел рукополагать в иерейский сан никого из братии, чтобы в корне пресечь среди иноков

страсть честолюбия. Он сравнивал грех властолюбия с искрой, которая, попав в гумно, в одночасье уничтожает плоды целого года тяжелого труда, и говорил: «Подобает же паче... въ смиреннии Таинам Божиим причащатися, се бо полезно есть иноком»^[320].

По вечерам вся монастырская братия собиралась вместе и слушала поучения из Божественных писаний или проповеди старцев. Однажды Пахомий благословил своего ученика Феодора, которому едва исполнилось 20 лет, сказать душеполезное слово братии. Древние старцы не захотели слушать молодого монаха и демонстративно покинули собор, говоря: «... новоначальный сей нас учит, не послушаем его»^[321]. Когда закончилась проповедь, Пахомий послал за старцами. Те пришли. Святой вздохнул и сказал им: «Весте ли (знаете ли вы. — *Е. Р.*), откуда начало злым в мир вниде?» Они спросили: «Откуда?» Он же ответил: «От превозношения! Мати бо и начало всем злым — превозношение. Не Феодора бо, оставльше, отидосте, но словесе Божиа бежавше, Святаго Духа отлучистесь»^[322].

Сам святой был чрезвычайно скромным человеком. В 329 или 330 году епископ Александрийской церкви святитель Афанасий посетил Фиваиду и Тавеннисийский монастырь, но Пахомий скрылся от него в толпе иноков. В то время он уже был известен как чудотворец: люди исцелялись, прикоснувшись к куколю Пахомия.

Несмотря на возраст и болезни, святой не переставал трудиться: сажал огород, ухаживал за больными. Он наставлял монахов никого не осуждать, быть милостивыми и щедрыми друг к другу. Преподобный приучал их к простоте в быту и в пище: «Не внимати красоте и доброте века сего, ни брашну добру, ни одежи, ибо истинная доброта в заповедех показуется Божиих»^[323]. Иноки в монастыре святого спали на «рогозинах» (подстилках из листьев тростника).

Однажды у Феодора, ученика Пахомия, сильно разболелась голова. От невыносимой боли он обратился за помощью к старцу. Пахомий сказал ученику: «Терпи, чадо! Ведь ничто не происходит без попущения Божия. И если Господь захочет, то исцелит тебя. Ты же будь совершен как Иов и благодари: он, скорби терпя, благословлял Бога, за что получил большее воздаяние, чем за свои прежние труды». Завершил свое наставление Пахомий следующими словами: «Хороши и воздержание ради Бога, и пост, и молитва. Но больной может большую получить награду за свое ожидание и долготерпение»^[324]. Эпизод с болезнью Феодора и поучение святого, видимо, так тронули сердце Нила Сорского, что он отдельно выписал этот фрагмент в свой сборник для келейного чтения.

Другой монастырь, основанный Пахомием, находился в местности Пабау. Святой написал устав для иноков обители («правила житию») и преподал им «образ молитвы»^[325]. Он часто посещал обитель, зорко наблюдая за жизнью братии. В одно из своих посещений святой обратил внимание на высокую смоковницу (инжировое дерево), растущую при входе. На ней сидели юные иноки и лакомились плодами. Своим духовным зрением Пахомий разглядел на дереве «чревообъясativaго беса». Тотчас он призвал садовника обители Иоанна и приказал спилить смоковницу. Тот сильно опечалился, так как дерево приносило много сладких плодов. Увидев его печаль, святой не стал настаивать, но наутро дерево засохло, и его пришлось спилить.

Жизнь учеников Пахомия также запечатлена в его Житии. Упомянутый садовник Иоанн 75 лет провел в монастыре. Все эти годы он кормил братию овощами и фруктами, которые заботливо выращивал в саду и на огороде, но сам не вкушал их. Он ел только суровое «дробное зелие» с уксусом и не употреблял никакой вареной пищи. Весь день Иоанн работал в саду, на закате приходил в келью и после скромной трапезы занимался плетением веревок до времени ночной молитвы. Обычно он сидел на стуле посреди своего жилища, не зажигая огня. Здесь же на стуле Иоанн спал недолгим сном. Монах ходил в одной одежде зимой и летом, отдельную ризу имел только для причащения. Причастившись Святых Таин, Иоанн снимал ее и аккуратно складывал, таким образом она оставалась чистой на протяжении всей его жизни. Почившего старца иноки нашли сидящим на стуле с веревкой в руке. Они не смогли разогнуть его оцепеневшие ноги и руки и снять ветхие кожаные одежды. Старого садовника обвили мантией и похоронили; при этом его скрюченное тело напоминало вязанку дров.

В конце жизни святой Пахомий увидел в чудесном видении свою братию: одни находились в огненном кольце и не могли вырваться из него; другие стояли босыми ногами на тернии, которое крепко оплетало их своими побегами, и монахи никак не могли высвободиться из колючего плена; третьи находились на краю пропасти и не знали, куда им деваться, так как внизу протекала широкая река, кишущая крокодилами. Со слезами старец рассказал о видении инокам. Они спросили его, что все это значит. Святой ответил, что после его кончины у братии не будет хорошего наставника, который сможет научить благим заповедям и утешить в печалях. Пахомий Великий не обладал крепким здоровьем и прожил недолгую жизнь. Он преставился в возрасте 54 лет, однако оставил после себя целую страну, населенную монахами.

Третьим крупным центром монашества в Фиваиде стала Нитрийская

пустыня. Она получила свое название из-за открытого месторождения соды, которое активно разрабатывалось здесь уже в древние времена. Поскольку смесь натра с маслом служила моющим средством для одежды, слово «Нитрия» стало обозначать место, где смываются человеческие грехи.

Около 330 года в этой пустыне обосновался святой Аммон. По свидетельству западного паломника Руфина Аквилейского, на Нитрийской горе располагались 50 монастырей. В 338 году Аммон по совету Антония Великого основал в 12 милях от Нитрии еще одно монашеское поселение, состоявшее из множества келий, рассеянных по пустыне. Его так и назвали — Келлии.

Пустыня Келлий занимала громадную территорию — более 100 квадратных километров. «Если бы в девятом часу (дневное богослужение, посвященное воспоминанию смерти Христа на Кресте; соответствует, по нашему исчислению времени, трем часам дня. — *Е. Р.*) вы оказались в центре Келлий, вы услышали бы пение псалмов, доносящееся изо всех обителей, и решили бы, что находитесь в Раю», — писал паломник^[326]. Средоточием монашеской жизни была «экклесия» — так называлась вся совокупность церковных строений: сама церковь, трапезная и другие помещения. По субботам и воскресеньям на общее богослужение и общую трапезу сюда сходились все монахи. Остальное время они проводили в своих кельях за молитвой и рукоделием. Монахи плели канаты, ткали лен. Современные археологические раскопки показали, что монашеские жилища были рассчитаны на одного, двух или трех насельников; при каждой келье имелись колодец и небольшой сад. За монастырской оградой стояли три пальмы, с которых свисали плети для наказания провинившихся иноков, грабителей и других нарушителей. Здесь же находился странноприимный дом, в котором страннику позволялось неделю жить «без дела», после чего он получал работу в саду, пекарне или поварне.

На расстоянии суток пути, в 40 милях от Келлий, находился Скит Макария Великого, где подвизались люди большого духовного мужества. Пустыня вокруг была малопригодна для жизни и труднодоступна для посетителей. «Один вид этой страшной местности уже навел глубокую тоску на душу», — вспоминали паломники, побывавшие там. Даже вода была горька, хоть и пригодна для питья. Дорогу в Скит путники находили по звездам.

В период расцвета в Скиту находились около трех с половиной тысяч монахов, которые распределялись по четырем малым монастырям. В каждом из них была своя церковь. Настоятели (пресвитеры) четырех

церквей осуществляли духовное руководство братией и налагали наказания. Высшее руководство Скитом принадлежало собранию старцев. По их выбору из монахов, уважаемых по возрасту и святости жизни, назначался эконо́м.

Все подвижники, кроме престарелых и больных, содержались трудом своих рук. Рукоделие было очень простым, оно не требовало усиленного труда от людей, изнуренных постом, и не отвлекало ум от молитвы. Трудились не только для дневного пропитания, но и чтобы не пребывать в праздности. Так, инок Павел, не имевший нужды в продаже своих изделий, постоянно плел корзины, а потом их сжигал. Все, что превышало насущные нужды, не одобрялось. Нищета и нестяжание почитались выше многих других добродетелей. Некий монах однажды спросил Макария Великого: «Вот у меня три книги, и сам я получаю от них пользу, и братия получает назидание. Что мне полезнее сделать: оставить их у себя или продать и полученное раздать нищим?» Святой ответил: «Первое хорошо, но нестяжание всего лучше»^[327].

Почему старцы Скита придавали такое большое значение нестяжанию? Исаак Скитский говорил: «Чтобы молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, необходимо всякую заботу о земных вещах отсесть, отстранить не только попечение о чем-нибудь, но и само воспоминание»^[328]. В Скиту принимались приношения от богомольцев, но они уходили на содержание больниц, в которых помещались больные и престарелые иноки. Когда поступало большое пожертвование, устраивались общие монашеские трапезы.

Скитские кельи были так просты, что их сооружали за один день. Археологические исследования, проводившиеся на территории Скита, позволяют представить повседневную жизнь первых монахов. «Чаще всего монахи выкапывали себе пещеры в рыхлом пласте пород, образующих низкие холмы Скита, или строили кельи из местного камня. В Скитской пустыне воды почти не было, и поэтому колодцы и сады там встречались редко»^[329]. В келье было «по крайней мере, две комнаты: в одной монах работал, а в другой молился. В этой домашней часовне находилась на восточной стене ниша с изображением триумфального креста. В некоторых кельях археологи нашли еще ниши для книг»^[330].

Все монахи Скита жили в кельях по одному или с учеником. Кельи отстояли друг от друга и от церкви примерно на три-четыре мили, чтобы насельники не видели и не слышали друг друга. Некоторые подвижники кроме основных жилищ имели дальние тайные пещеры. Так, под кельей

Макария Великого был прорыт подземный ход, который соединялся с пещерой, располагавшейся за пределами Скита. Этим тайным ходом святой пользовался, когда уставал от посетителей.

Все вместе монахи Скита собирались в церкви только раз в неделю — на воскресную службу, тогда же устраивались общие собрания. Для многих выход в церковь был единственным за всю неделю. Некоторые подвижники не покидали свою келью даже ради церковной службы. Например, Марк-египтянин не выходил из своего жилища 30 лет, к нему приходили священники и причащали его. Святой Моисей, поучая новоначальных иноков, говорил так: «Сиди в своей келье, она научит тебя всему, что тебе должно делать»^[331].

Монахи принимали пищу раз в день после девятого часа дня (от восхода солнца), вкушали только хлеб и невареные овощи и фрукты^[332]. Варено разрешалось лишь по воскресным дням. Считалось грехом чревоугодия, если кто вкушал вареные овощи в обычные дни. «Если хочешь хлебать похлебку, то ступай в Египет», — говорили в Скиту^[333]. Пост ослаблялся или мог быть нарушен только ради гостя. Монахи Скита славились строгостью жизни и духовной мудростью. Древние писатели отмечали, что среди жителей Скита «наблюдалась великая любовь и строгое воздержание, и дар разумения». Скитский патерик, содержащий повести о жизни монахов Скита и их афористичные высказывания, стал настольной книгой для многих поколений монахов.

Одним из знаменитых подвижников Скита был Арсений Великий. Его Житие Нил Сорский переписал в свой сборник. Арсений (около 354–449) принадлежал к сенаторскому сословию и был наставником сыновей императора Феодосия I Аркадия и Гонория. По словам Жития, император выбрал его за то, что он соединял в себе добродетели философа и настоящего христианина. Арсений жил в императорском дворце, носил лучшие одежды, сыновья Феодосия стоя выслушивали его наставления. Однако через некоторое время Арсений был вынужден спешно покинуть императорский двор. Говорили, что он за какую-то провинность так «приложил» Аркадия («дать ему рану люту своею рукою»), что у наследника престола навсегда осталась отметина на лице. Аркадий затаил злобу и, выбрав момент, приказал своему «мечнику» (оруженосцу) убить Арсения, но тот предупредил царского наставника и посоветовал ему бежать. В эти тревожные дни Арсений услышал небесный голос, который произнес: «Арсение, бежи от человек, и спасен будеши»^[334]. Он сел на корабль и отправился в Александрию, где принял монашеский постриг. В

394 году Арсений пришел в Скит. Первым делом монахи решили испытать его смирение. Во время трапезы Арсения не пригласили за общий стол. Он стоял и смотрел в пол. Тогда ему к ногам бросили кусок хлеба, как псу. Он понял этот жест, послушно опустился на четвереньки и съел свой хлеб. Настоятель скита Иоанн Колов в беседе с пресвитерами Скита так отозвался о пришедшем: «Это будет искусный инок». Тогда Арсений получил келью в Скиту.

В самом начале своего пребывания здесь святой услышал с Небес совет, которому неукоснительно следовал всю жизнь: «Арсение, бегай, молчи, умолкни — си бо суть коренна безгрешию»^[335]. Если раньше в царских палатах Арсений носил самые дорогие одежды, то теперь, в иночестве, никто хуже его не одевался. Никому из тех, кто не был знаком с историей его жизни, не пришло бы и в голову, что Арсений — бывший придворный философ. Его ученик Даниил вспоминал, что старец «никогда не хотел говорить о каком-либо спорном месте из Писания, хотя и мог, если бы захотел. Даже и письма редко писал. Когда же приходил по временам в церковь, то становился за столбом, чтобы никто не видел его лица и чтобы самому также не смотреть на других»^[336].

Все свое время подвижник проводил за рукоделием: плел веревки и делал корзины из пальмовых листьев. Полагалось предварительно вымачивать ветви в воде для того, чтобы они стали более эластичными. Арсений только раз в году менял воду в корыте, и она ужасно пахла. Даниил однажды спросил старца: «Почто не изменяеши воду прутную, понеже смердит». На это Арсений ответил, что он терпит зловоние вместо тех благоуханных ароматов, которыми наслаждался, живя в миру.

Рядом с Арсением всегда лежал платок, которым он вытирал слезы, непрестанно текущие из глаз. Так плакал подвижник от молитвенного умиления и от осознания своих грехов. К концу жизни от постоянного плача у него выпали все ресницы. Вид у Арсения был ангельский, как у праотца Иакова; он имел седую длинную бороду до пояса, был высокого роста, строен, но к старости сгорбился.

Подвижник провел в Скиту более сорока лет, его пустынная келья находилась в 32 поприщах от монастыря, и это спасло ему жизнь во время нападения кочевников на Скит. Покидая монастырь, Арсений Великий со слезами сказал: «Мир погубил Рим, а иноки — Скит»^[337]. В 434 году подвижник перебрался в Трою Вавилонскую (в окрестностях современного Каира), где оставался до 444 года. После многих лет отшельничества он снова оказался в миру, поэтому еще внимательнее наблюдал за своими

помыслами. Однажды знатная римлянка попросила Арсения поминать ее в своих молитвах. На это подвижник ответил: «Я молю Бога о том, чтобы память о тебе изгладилась из моего сердца»^[338]. В конце жизни, в связи с набегами кочевников, Арсений переселился в окрестности Александрии (Житие говорит, что он возвратился в Скит). Когда наступило время кончины, святой призвал учеников и попросил похоронить его. Те в растерянности сказали, что не знают, как совершать чин погребения. Арсений ответил: нет ничего проще, привяжите к моим ногам веревку и волоком оттащите тело в горы, там и оставьте без погребения. И еще строго-настрого наказал: «На суде же Христове стану с вами, аще кому дадите тело мое»^[339].

Эти слова великого египетского подвижника Нил Сорский повторил в своем «Завещании».

Настоятель

Лучше малое праведнику, паче богатства грешных многа.

(Пс. 36, 16)

Понемногу в Нилов скит собралась братия: священноигумен Корнилий, иноки Пимен, Дионисий, Протасий, Парфений, Евстафий и др. Эти имена первыми называет синодик Пустыни. Вскоре они попросили старца Нила стать настоятелем скита. Он долго отказывался, не желая нарушать своего безмолвия и брать на себя тяготы начальства. Не позволяло сделать это и великое смирение старца. О себе Нил говорил: «Какой разум у грешника? Только грехи». Но чем больше он отказывался, тем больше его просили. И он уступил.

Точно неизвестно, имел ли Нил сан иерея. Скорее всего, нет. В предисловии к особой редакции текста его «Предания», предназначенной для использования на богослужении, старец назван иноком, а не священноиноком, как полагалось бы его именовать, если бы Нил был иереем: «Опасно иночествующаго въ времена сиа, и подражателя древних святых отецъ, постника и отшелника, господина и отца нашего инока Нила...»^[340] Существует список «Завещания» Нила Сорского, в котором названо имя завещателя: «Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, завещаваю азъ, инок Нил, моим присным...» (в остальных списках этот текст анонимен)^[341]. Все это позволяет заключить, что преподобный не был священником.

Объяснить отсутствие иерейского сана можно смирением старца Нила и его следованием отеческой традиции. Жития древних святых рассказывают, что многие из них либо долго отказывались принимать священство, либо не принимали его вовсе. Подвижник Фиваиды Пахомий Великий запрещал своим монахам искать иерейского сана. Русские святые Антоний Печерский, Евфросин Псковский, Ферапонт Белозерский также не имели его. Епифаний Премудрый, автор Жития Сергия Радонежского, свидетельствовал, что преподобный, возглавлявший монашескую общину в течение десяти лет, не был священником, считая себя недостойным. Из-за этого в Троицком монастыре возникли нестроения. Иноки грозили преподобному Сергию покинуть обитель, так как не имели возможности

регулярно причащаться. Когда ситуация стала критической, Сергей, взяв с собой двух монахов, отправился в Переславль-Залесский к епископу. Владимир-Волынский владыка Афанасий рукоположил Сергия в иерея и поставил игуменом.

Скит имел ряд особенностей, отличавших его от монастырей других типов. Скитское всенощное бдение могло совершаться без священника, а инокам как отшельникам и пустынноикам разрешалось причащать себя запасными Святыми Дарами. Преподобный Нил выписал это правило святителя Василия Великого в свой сборник и, вероятно, руководствовался им в то время, когда в его пустыни не было храма и священника. Существовал также особый чин самоисповеди, который позволял скитским инокам подготовиться к причастию. Поэтому настоятелем скита мог быть монах, не имевший иерейского сана^[342].

Приходящим к нему инокам Нил Сорский предлагал жить по Писанию. Довольно часто ему приходилось слышать от своих современников, что в их времена уже невозможно последовать святым отцам. Преподобный отвечал: «Но, хоть и немощны мы, а сколько есть силы, надо уподобляться и подражать приснопамятным и блаженным отцам, хоть и равенства с ними нам достичь невозможно»^[343]. Тех, кто не хотел жить по Писанию, старец отправлял из скита. «К таковым не я прихожу, желая начальствовать, — говорил преподобный, — но они, приходя ко мне, принуждают меня на это. Если же и пребывающие у нас не стараются соблюдать это и не послушают слова нашего, что я говорю им от святых Писаний, то я за это ответ дать не хочу — за их самочиние — и нет в том моей вины»^[344]. Вслед за святым Иоанном Лествичником он считал, что лучше изгнать из монастыря, чем оставить творить свою волю. Тех же, кто был тверд в своих намерениях жить по Писанию, преподобный принимал с любовью.

Для своего скита старец Нил написал устав, который назвал «Преданием»^[345]. Часть правил осталась за его рамками и сохранялась в устной традиции. Устав и обычай были такими.

Иноки жили по одному в своих кельях. Рано утром все жилища обходил скитский сторож. Если кто-то из монахов был болен, то сторож сообщал об этом настоятелю. Все свое время обитатели скита посвящали молитве и рукоделию. Они не работали на общих послушаниях, как иноки общежительных монастырей. В скиту трудились наемные люди, которым настоятель платил за работу. Пустынная обитель не владела деревнями и селами, населенными зависимыми крестьянами. Старец Нил

предупреждал, как яда смертного, избегать приобретений, полученных от присвоения чужого труда. Мирским людям, работавшим по найму в скиту, он всегда давал больше, чем полагалось, и отпускал с миром. Старец учил братию, что при продаже своих изделий или покупке необходимого нельзя никого вводить в убыток: «...паче же самем тщету (убыток. — *Е. Р.*) приимати»^[346].

Другим отличием Сорского скита от общежительного монастыря было отсутствие общей трапезы. Иноки сами готовили себе пищу в кельях и питались каждый отдельно. Возможно, как и в египетском Скиту, общие трапезы устраивались по большим праздникам (престольным или двенадцатым) либо в случае, если поступало большое пожертвование на монастырь. Понятно, что наличие собственной трапезы предполагало какой-то личный достаток и доход каждого монаха. Во всяком случае, первые насельники скита, скорее всего, были выходцами из состоятельных семейств, так как прокормиться рукоделием в условиях Русского Севера достаточно трудно. Известно, что в XVII веке сорские иноки переписывали на продажу книги, среди братии были иконописцы. Но подобные «заработки» не могли обеспечить стабильный доход.

Соблюдать скитский устав в условиях Русского Севера оказалось намного сложнее, нежели на Афоне, в Египте или Палестине. На Афоне огородничество и садоводство приносит хорошие урожаи, здесь много дикорастущих плодов и орехов. Да и мягкий теплый климат позволяет довольствоваться малым. В Египте подвижники съедали горсть фиников на закате солнца, и этого было достаточно для поддержания жизнедеятельности. Однако в Вологодском крае финики не растут, более полугодом продолжается зима, а морозы достигают сорока градусов. Скорее всего, в монастыре имелся какой-то общий продуктовый запас, из которого нуждающиеся иноки могли получить помощь.

Вплоть до XIX века Нилова пустынь не имела пахотной земли, следовательно, — собственного хлеба. Удаленность от людских поселений лишала иноков поддержки мирских людей, хотя Нил не запрещал принимать немного милостыни от богомольцев. Возможно, первое время какая-то помощь поступала из Вологды, ведь ее наместником в 1489–1491 годах был Иван Гаврилович Заболоцкий, друг Андрея Майко. Через семь лет после преставления Нила Сорского скиту было выделено ежегодное государево жалованье — руга.

Такая жизнь на грани выживания полностью соответствовала главному принципу преподобного — принципу нестяжания. Отсутствие излишнего в монастыре дополнялось личным нестяжанием каждого инока. Самое

необходимое, дешевое и простое — то, что везде можно было купить, полагалось иметь в монашеских кельях. Не только золота, серебра и имений подобает нам избегать, учил старец братию, но и всяких ненужных вещей. Это касается и одежды, и обуви, и устройства кельи, и посуды, и всяких других предметов. Монашеское нестяжание, по мнению Нила, заключается не только в том, чтобы не иметь излишнего, но и в том, чтобы беспристрастно относиться к своим вещам. Даже незначительная привязанность к ним делает душу несвободной. В подтверждение своих слов Нил приводил поучение Антония Великого. Наставляя учеников, Антоний брал в руки гвоздь и говорил: «Если кто из-за этого ссорится, огорчается или обиду держит, тот воистину уже погубил ум свой». Бесстрастное отношение к вещам, утверждали святые отцы, является необходимым условием победы в духовной борьбе, которую непрестанно ведет монах: когда бесы видят человека, который не смущается и не скорбит из-за потерянной вещи, то понимают, что такой человек только по земле ходит, но о земном уже не мыслит^[347].

Монаху, говорил Нил Сорский, не стыдно ответить, что у него ничего нет. Милостыня иноческая — помочь брату словом во время нужды и утешить в скорби рассуждением духовным. «Аще ли странен кто придет, упокоити его елико по силе нашей и по сих, аще требует, дати ему благословение хлеба и отпущати его» — так звучит завет странноприимства старца Нила^[348]. Он считал излишним иметь в скиту больницу или странноприимный дом. Благотворительность требует средств, а их поиск ввергает монахов в бурное море житейских попечений.

Правило личного нестяжания не распространялось на книги. Преподобный не возбранял монахам иметь книги, сам он постоянно переписывал жития и поучения святых и напоминал инокам о необходимости изучать Божественные писания. Неграмотных в Сорский скит, как уже говорилось, не принимали. Вероятно, это правило было установлено самим Нилом. Во всяком случае, оно не встречается в других уставах: его не содержат египетские патерики, палестинские и афонские уставы. Только в уставе Карейской кельи святого Саввы Сербского есть требование, чтобы братия всегда избирала себе грамотного игумена: «Такую заповедь даю игумену и вам, да не поставите (на игуменстве. — *Е. Р.*) человека, который служит ради телесного покоя или неграмотный, или торгует вином, но, да изберите того, кто хочет идти прискорбным путем, где узки врата; того, кто соблюдает тот устав, который я написал для этой Келии; того, кто любит Божественное Писание, будь он стар или млад, а

такой найдется между вами»^[349]. «Скитский устав», составленный для южнославянских скитов в XIV веке и послуживший руководством для старца Нила, включает келейное правило для неграмотных иноков. Однако в данном случае Нил ему не следовал.

В Сорской пустыни никого не постригали. Сюда принимали только тех, кто уже прошел монашескую выучку в общежительных монастырях. Монаху, желавшему жить в скиту, сначала рассказывали основные правила устава. Потом все вместе — настоятель, братия и пришедший инок — собирались в общей келье, где испытывали новичка, подходит ли он для безмолвия. Как проходило это знакомство, остается только догадываться. Известно, что в древних скитах также традиционно испытывалось смирение прибывшего. Какое-то время за ним наблюдали. «Не сладце же брату тому исперва будет. Не бо се от злобы творяще, но яко да познают терпение брата того», — читаем мы в «Повести о Нило-Сорском ските»^[350]. Безмолвие требовало от монаха чистоты души и подлинного смирения. Сам Нил строго предупреждал: гордым не касаться безмолвия. И был прав. Некоторые иноки, дерзнувшие без должной духовной подготовки поселиться в Пустыни, лишались рассудка, — об этих трагических происшествиях рассказывают монастырские документы XVII века.

Правила скитской жизни, изложенные в «Предании» старца Нила, направлены на то, чтобы уберечь монахов от падений, влияния мира. В Сорский скит не принимали юных («голоусых и безбрадых») иноков, устав запрещал входить в монастырь женщинам и держать скот «женьска рода на послужение». В монастыре не дозволялось никому ничего делать по своей воле, а также покидать его без благословения настоятеля. Монах мог отлучиться из скита для своих нужд в непостные дни, то есть во вторник, четверг, субботу и воскресенье, Великим постом — только в субботу и воскресенье. Келья считалась скитской собственностью. Новые иноки, приходя в скит, получали келью со всем необходимым для жизни: иконами, книгами, посудой, «орудиями келейными». Если монах покидал обитель, то терял все права на келью и келейное имущество. Если даже возвращался, то не мог требовать назад ту же келью, это решалось по воле настоятеля.

«Предание» Нила Сорского ничего не говорит о монастырских наказаниях за проступки. Если кому из монахов случалось впасть в согрешение, он шел к настоятелю на исповедь. «И тако — аще в келии лучится согрешение, или вне где изшедшему — исповеданием исправити сия»^[351]. «Скороглаголивых» (пустых) бесед настоятель не любил. Но если брат нуждался в помощи, то старец всегда был готов ему помочь. Он имел

особый дар духовного рассуждения. Если же монах упорствовал в своем самочинстве, то есть в своеволии, то изгонялся из обители. Раскаявшихся принимали обратно.

Жизнь в Пустыни была суровой: унылый пейзаж, изолированность от мира, постоянный недостаток пропитания, страшная сырость. Кельи строились на высоком подклете, однако и это мало помогало, их приходилось постоянно ремонтировать и перекладывать заново. Царь Иоанн Грозный, посетивший Нилову пустынь в 1565 году, был поражен тем, насколько «уныло и плачевно» это место. А дьяк Иван Плешков, описавший жизнь сорских иноков в XVII веке, заметил: «А елика им бе скорбь случается от уныния и человеческого ради нивидения, сего словом сказати немощно есть или познати от плотская мудръствующих»^[352].

О построении церкви

*Возвеселимся о рекших мне: в дом Господень
пойдем.*

(Пс. 121, 1)

Когда умножилась братия, приступили к строительству церкви на холме, насыпанном руками старцев Нила и Иннокентия. Судя по тому, как Нил подробно, вплоть до гвоздя, перечислил все то, что нужно было найти или купить для освящения храма, в скиту не хватало самого необходимого. Вот список, скрупулезно составленный старцем: два листа бумаги, воск, ладан, песок чистый белый, сера с ели белая, веревки тонкие крепкие, греческое мыло, пористые губки (три или четыре штуки), оливковое масло, привозившееся из стран Средиземноморья, а также платы белые да четыре гвоздя.

Первый храм Ниловой пустыни был освящен в честь Сретения Господня, а сам скит отныне стали звать «Святым Сретением». Возможно, церковь имела придел во имя преподобного Ефрема Сирина: по крайней мере, в середине XVI века он уже существовал^[353]. Сретенский храм был небольшим и очень простым по своим архитектурным формам. Нил неоднократно напоминал братии слова святых отцов о том, что еще никто не был осужден за не украшение церкви, и в подтверждение своих слов приводил в пример историю из жития Пахомия Великого.

Когда в обители святого, находившейся в Мохосе, строили церковь, то привезли для нее столбы из плинфы. Увидев их замечательную красоту, Пахомий повелел привязать веревки к столбам и наклонить их так, чтобы они стали «нелепы». В назидание братии он сказал: «Не восхищайтесь красотой изделий ваших рук, чтобы диавол лестью не уловил в свои сети ваш ум. Лучше молитесь, чтобы ваши добрые дела оставались с вами, благодатию Христовою и даром Святаго Духа»^[354]. Этот эпизод Жития Пахомия и наставление святого старец Нил включил в текст своего «Предания».

В Ниловой пустыни иноки собирались на общую службу в храме два раза в неделю: со среды на четверг и с субботы на воскресенье. Если на неделе случался праздник Господень или Богородичный, или великого святого, то служба со среды на четверг отменялась. Каждое воскресенье

полагалось служить «всенощное скитское, молебен и обедню», на двенадцатые праздники и в дни памяти великих святых, отмеченные в уставе, совершали «всенощное скитское и обедню».

От службы общежительных монастырей всенощное бдение в скиту отличалось своим составом и продолжительностью. Около шести вечера иноки собирались в храме и служили вечерню, после чего ставилась общая трапеза, если день был непостный. Тот, кто хотел воздержаться от пищи (кому это было по силам), мог отказаться. После трапезы иноки проводили время в беседах духовных или читали творения святых отцов. Это было время духовного общения монахов скита. Кому «требовалось вкусити сна», мог немного отдохнуть в своей келье. В первом или втором часу ночи (считая от захода солнца) начиналось всенощное бдение и продолжалось всю ночь до утренних зорь.

На скитской службе все молитвы, тропари, кондаки читались, пели только «Достойно есть» и «Великое славословие». Эта традиция уходит своими корнями в богослужебную практику древних египетских скитов. В патерике есть такой рассказ. Однажды подвижник Скита Павма послал ученика в Александрию, чтобы там продать свои изделия. Ученик был вынужден ночевать на церковной паперти. Увидев церковную службу в главном соборе Александрии, он вернулся в Скит смущенным. Инока так поразила красота церковного пения, что он сказал своему старцу: «Воистину, отец, в лености проводим дни свои в этой пустыни, ни канонов не поем, ни тропарей». На это старец ответил ему, что монахи Скита, в отличие от мирских людей, должны вкушать твердую духовную пищу, а не развлекаться красотой песнопений. «Но должны мы со страхом и трепетом, со слезами и воздыханиями, благоговением, умилением и смирением голосом молитвы Богу приносить»^[355].

Во время всенощного бдения скитские иноки вычитывали десять кафизм, то есть половину Псалтири, много времени отводилось на чтение творений святых отцов. После обычных начальных молитв следовали подряд три кафизмы, канон Пресвятой Богородице. После молитвы «Достойно есть» иноки садились на лавки и слушали Божественные писания. Чтение продолжалось час или два (по усмотрению настоятеля). Читали внятно, не торопясь, как бы рассказывая, чтобы все было понятно. Если кто из монахов что-то не понимал, то спрашивал и слушал объяснения. В это время проходила исповедь. Затем вновь следовали три кафизмы из Псалтири, канон Иисусу Христу или тот, который повелит настоятель. И опять читали три кафизмы, стихиры празднику, в канун которого собралась братия. Если это была воскресная служба, то читался

канон Святой Троице. После канона пели молитву «Достойно есть», служили литию (общее моление, совершаемое в притворе храма), далее следовали молитвы: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко», «Богородице Дево, радуйся» (три раза), «Буди имя Господне» (три раза). Далее продолжалось чтение Божественных писаний. Потом звонили к заутрени. Читали «Трисвятое», тропарь «Спаси, Господи, люди твоя», Шестопсалмие, тропарь Воскресению или предстоящему празднику и 17-ю кафизму. После тропарей «Ангельский собор» совершался выход с Евангелием. Затем следовал канон, на седьмой песни канона читали Пролог, в это время можно было сидеть. Службу продолжала «Песнь Богородицы»: «Величит душа моя Господа» (ее также не пели, а произносили), канон, «Великое славословие». Молитвы первого часа завершали всенощное бдение. После отпуска иноки благословлялись у настоятеля и расходились по кельям. Повечерие и полунощницу они вычитывали в кельях.

Нетрудно догадаться, что такая служба была под силу далеко не всем и требовала определенного навыка. Описание скитского всенощного бдения мы находим в Житии преподобного Евфросина Псковского, в монастыре которого богослужение совершалось по скитскому обычаю. Однажды в обитель пришел некий священник из Великого Новгорода. В глубине души он считал себя крепким подвижником. Преподобный Евфросин принял его с радостью и выделил ему келью для отдыха. Весь день священник трудился вместе с братией, а как село солнце, пошел на службу. Уже было глубоко за полночь, когда прочитали почти половину Псалтири, каноны и закончилось «великое чтение» (видимо, чтение Божественных писаний) и половина «прочего пения». Это перечисление состава службы в Житии говорит о том, что служили именно скитское всенощное бдение. Кроме того, если бы совершали обычное богослужение, оно бы не вызвало удивления у священника. А тут он, не понимая состава странной службы и утомившись от дневных трудов, стал впадать в малодушие. Сон валил его с ног, глаза закрывались сами собой. Незадачливый подвижник шатался как пьяный, прислонялся к стене, часто кивал головой, которая падала ему на грудь. Наконец, не видя ни конца, ни края службе, он подошел к одному из клириков и спросил его: «Уже далеко за полночь. И что это за пение (то есть служба. — *Е. Р.*): то Псалтирь, то каноны, то продолжение чтения. И будет ли этому конец, или мне конец придет?»^[356] Клирик ответил: «Когда час дня начнется (то есть в седьмом часу утра. — *Е. Р.*), тогда закончится служба».

Ничего не сказав, священник достал полотенце, опоясался им, связал

концы вместе и накинул их на спицу, торчавшую из стены. Так, на полотенце священник провисел до конца бдения, так как стоять он уже не мог, а в церкви, видимо, не было даже лавок. В монастыре священник прожил еще десять дней, «едва скоротав» их. Когда вернулся в Новгород, к нему собрались домашние и знакомые и спросили, какое впечатление на него произвели иноки обители Евфросина. Помолчав немного, он ответил: «Видите ли вы это дерево? Оно не требует ни сна, ни дремания, никакого покоя. Так и он (Евфросин. — *Е. Р.*) пребывает там с братией: железный с железными». Они же услышав такой ответ, спросили его: «Ты еще пойдешь туда, где такие многие духовные труды совершаются?» Он же ответил им: «Не могу я, плотской человек, перестоять дерево и превзойти бесплотных в трудах»^[357].

Келейное правило

*Господи Боже спасения моего, во дни воззвах, и в
нощи пред Тобою.*

(Пс. 87, 2)

Все время, кроме общих служб, монахи скита находились в своих кельях. Большая часть суток была отдана молитве. Восстав от сна, инок, прежде всего, благодарил Бога за дарованный день и приносил исповедание перед Господом. Затем следовали молитвы, чтение и рукоделие. До времени трапезы полагалось читать Евангелие, Псалтирь, святоотеческие книги, совершать положенные молитвы из келейного правила. Трапеза наступала в час девятый, соответствующий в осеннее и весеннее время двум часам после полудня. В непостный день разрешалось принимать пищу пораньше и, если требовалось, немного вкусить в полуденное время. В постные дни полагалась только одна трапеза. После трапезы наступал отдых — «час един». Далее инок занимался рукоделием и всякими хозяйственными делами. Но что бы монах ни делал, он не должен был оставлять Иисусову молитву. Подвижник египетского Скита старец Исаак так говорил ученикам: «Цель всякого монаха и совершенство заключается в постоянной непрерывной молитве, сколько возможно для немощи человеческой. Для достижения сего мы употребляем все труды и все сокрушение сердца»^[358]. Управившись с хозяйством, инок вновь возвращался к чтению Божественных писаний, затем наступало время вечерни.

Келейное правило сорских монахов было большим: каждый день полагалось вычитывать половину Псалтири, совершать шестьсот или тысячу Иисусовых молитв, триста или шестьсот поклонов. Но мера для каждого монаха устанавливалась настоятелем — «противу силы своя». «Да аще кто... не может совершати весь преданный устав, а он — половину сего. Аще ли ни сей — и он третью часть или четвертую». «Но елико кто может вместити да вместит»^[359]. Желаящий мог увеличить свое молитвенное правило. Однако Скитский устав предупреждал соблюдать осторожность: «Но всяко дело мера украшает, яко вся, иже выше меры начинаете, от бесов суть таковая»^[360].

«Молитва усты» (то есть молитвы, которые поют и читают), а также

«телесное делание» (поклоны) составляли только часть молитвенного правила. Главным деланием инока, ради которого он затворялся в пустыни, была «умная молитва», исихия. Тогда «не молитвою молится ум, — писал в своих главах преподобный Нил, — но превыше молитвы бывает. И в обретении лучшаго молитва оставляется»^[361]. «Молитва усты», по учению святых отцов, является только необходимой подготовкой к «умной молитве». «Телесное делание — только лист, внутреннее же, то есть умное, это плод»^[362].

Время безмолвия наступало после захода солнца. «Сиди в келлии, безмолвствуя, и собрав си ум, держи молитву, имей же с ней и память смертную», — сказано в руководстве для скитского инока. К молитве можно было приступать только со смиренным сердцем, осознавая себя самым грешным из людей и представляя себе будущие мучения, которые ждут каждого за совершенные грехи. Если удавалось настроиться себя на молитву, необходимо было удерживать ее час. Затем следовало молитвенное делание: монах совершал повечерие, которое полагалось завершать «умной молитвой». Хотя бы полчаса нужно было постараться удержать чистую молитву, без всяких помыслов и размышлений, даже душеполезных. О молитве должно «прилежно попечение имети, — напоминал старец Нил наставления святых отцов, — всех помысл ошаяся (избегая. — *Е. Р.*) в ней, аще мощно, не точию злых, но и мнимых благых... и искати в сердци Господа, еже есть „умом блюсти сердце в молитве и внутрь сего всегда обращаться“»^[363].

О технике психосоматической молитвы Нил Сорский предпочитал рассказывать своим ученикам словами из творений святых Григория Синаита и Симеона Нового Богослова. «И поскольку сказано, что, благим помыслам последуя, лукавые входят в нас, — того ради подобает стараться молчать мыслью и в отношении помыслов, кажущихся правыми, и постоянно смотреть в глубину сердечную и говорить: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“ — полностью, иногда же половину: „Господи Иисусе Христе, помилуй мя“. И, опять изменив, говори: „Сыне Божий, помилуй мя“, — что и удобнее новоначальным, сказал Григорий Синаит. „Не подобает же, — сказал он, — часто делать перемену, но — изредка“. Ныне же отцы прибавляют к молитве слово: сказав „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“, тут же говорят: „грешного“. И это допустимо. Особенно же подходит нам, грешным. И так говори прилежно, будь то стоя, или сидя, или и лежа, ум в сердце затворяя и дыхание сдерживая насколько возможно, чтобы часто не дышать, как

говорит Симеон Новый Богослов». «А тому, о чем сказали эти святые, — задерживать дыхание, то есть не часто дышать, — и опыт скоро научит, так как это очень полезно для сосредоточения ума»^[364].

После вечернего правила полагался краткий сон, затем инок вставал на полунощницу, и снова наступало время «умной молитвы», «чистой без парения час един». Понятно, что келейное правило — это только руководство. Не всегда удавалось его соблюдать, так как молитва — состояние, безусловно, творческое. Святые отцы не случайно сравнивали молитву с музыкой. Бесплодные усилия могли повергнуть монаха в состояние тяжелого уныния. Поэтому духовники советовали в таком случае оставить «умную молитву» и петь псалмы или читать молитвы по собственному усмотрению. Но иногда молитва приходила сама по себе, как вдохновение. Природа этого состояния до конца не изучена, как неизвестно все, что связано с человеческой душой. Однако святые отцы знали, что молитвенное вдохновение посещает инока, если его сердца касается благодать Святого Духа. В такие моменты монах, даже если он совершал поклоны или молитвенное правило, должен был всё оставить ради чистой молитвы. «Ибо если... ты видишь, что молитва действует в твоём сердце и не прекращает движения, да не оставишь ее никогда и не встанешь петь, если только, по смотрению Божию, она не оставит тебя», — повторял Нил Сорский вслед за святыми^[365]. Молитвами первого часа дня (около семи часов утра, по нашему исчислению времени) заканчивалось келейное ночное бдение.

Из келейного сборника Нила Сорского

Из Жития преподобного Феодора Сикеота

Однажды святой Феодор пришел в некую церковь. К нему подошел слепой пономарь. Его мучили сильные головные боли, как будто змеи опоясывали голову и сжимали ее в кольцо. Пономарь с вечера узнал о приходе святого и с нетерпением ждал его. Когда Феодор вошел в храм, то слепой увидел яркий свет в дверном проеме. Он обратился к святому с просьбой помолиться за него, чтобы Господь избавил его от жестокой болезни. Феодор Сикеот спросил пономаря: Сколько лет ты страдаешь от этого? Тот ответил: 50 лет, владыко. Тогда преподобный ему сказал: И ты хочешь погубить 50 лет труда своего и не получить полагающегося тебе

воздаяния? Лучше отойди от меня и потерпи еще немного. Вскоре увидишь Бога, и тогда Господь сотворит милость Свою с тобою. С этими словами святой покинул храм. Через четыре дня пономарь скончался.

Вопрос к святому Варсонофию

Некий больной старец спросил Варсонофия Великого: Боюсь дать своему телу больше необходимого, потому что не смогу тогда служить (молиться) из-за пресыщения, но также боюсь дать ему и меньше, чтобы оно совсем не обессилело. Как должно поступить?

Ответ святого Варсонофия: Не потребует Бог от болящего телесного делания, но — духовного, то есть молитвы. Непрестанно молитесь! О пище же телесной скажу так: держи среднее, да исполнится Писание, глаголющее: «Не уклоняйся ни направо, ни налево». Дай телу своему нужное «без мала» (с небольшим недостатком). Это есть путь святых отцов, чтобы не отягощать себя в телесной потребности.

Святые отцы называли болезнь «мнимой праздностью» и советовали усиливать молитву.

Редактор

Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом.

(Пс. 2, 11)

Редактор — вполне современная и распространенная ныне профессия, без которой невозможно представить себе ни одно издательство или издание. Ее название происходит от латинского слова «redactus», что значит «приведенный в порядок». Редактор — это самый внимательный и вдумчивый читатель. Он исправляет ошибки и неточности авторского текста, старается сделать его лучше, точнее и выразительнее. Он почти соавтор. В то же время он человек-невидимка. Редактор всегда остается «за кадром». Все его труды не должны быть видимы читателю и не должны мешать автору.

Когда возникла редакторская профессия? Казалось бы, ответ очевиден — с началом книгопечатания. Однако это не так. Редактор появился ровно тогда же, когда был написан первый текст. Первое исправление, внесенное переписчиком в авторский текст, означало рождение редактора. Современный справочник так описывает его задачи: подбор увлекательных и актуальных тем; отслеживание тематического наполнения; корректировка содержания в соответствии с требованиями определенного жанра; правка и доработка готового материала.

Вся книжная деятельность Нила Сорского вполне соответствует этим критериям. Живя в скиту, преподобный много времени посвятил переписыванию житий древних святых. Из огромного числа агиографических текстов он выбрал по своему усмотрению 24 жития — те, которые считал наиболее актуальными. Однако старец Нил не был простым копиистом. За многие века в текстах накопились ошибки и несообразности. Чтобы исправить их, Нил брал сразу несколько списков, сверял, восстанавливал правильный текст и восполнял лакуны. Если не находил верное чтение, то оставлял на листе пропуск. Иногда с обратной стороны листа он делал подклейку, на которой впоследствии можно было вписать найденный фрагмент. При чтении житий, отредактированных Нилом Сорским, создается впечатление «фильтрации текста»: каждое слово осмыслено, убраны грамматические, стилистические, синтаксические и

смысловые ошибки и неточности, благодаря чему тексты становятся максимально доступными для понимания. При этом Нил никогда не менял содержание житийных рассказов. Даже то, что, казалось бы, могло противоречить его взглядам, в точности сохранено в его списке. Иногда преподобный делал пояснения, оставлял на полях свои оценочные знаки и примечания.

Одним из любимых житий Нила Сорского было Житие палестинского святого Илариона Великого. Над этим текстом старцу пришлось серьезно потрудиться, чтобы привести его в должный порядок. Когда Нил обратился к этому Житию, то обнаружил, что в тексте много пропусков, последовательность частей стала неправильной, из-за чего нарушилась логика повествования. Почему старец уделил так много внимания этому произведению? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем прочитать Житие глазами преподобного Нила.

Оно сообщает, что святой Иларион (около 291–371) родился в Палестине в селе Фавафа, неподалеку от Газы. Родители его были язычниками. Агиограф сравнивал святого с цветком, выросшим среди терний. Состоятельные родители отправили сына в Александрию обучаться наукам. Отрок имел добрый нрав, но оказался непохожим на своих сверстников. Он сторонился принятых в языческом обществе развлечений: не любил конные состязания на ипподроме, гладиаторские бои. Зато посещал христианскую церковь. Здесь он услышал о святом Антонии и устремился к нему в пустыню. Илариону исполнилось тогда 15 лет. Великий подвижник принял его, крестил и дал ему иноческие одежды: власяную ризу и мантию из кожи. Он разрешил молодому иноку жить рядом с ним два месяца, чтобы научиться монашескому деланию. Оно заключалось в непрестанной молитве и пении псалмов, рукоделии и строгом посте без малейших послаблений даже во время болезни. Когда Антоний принял решение уйти во Внутреннюю пустыню, то благословил Илариона и нескольких учеников вернуться в Палестину. На родине инок обнаружил, что родители его уже умерли. Тогда он раздал свое имение и покинул Фавафу.

Иларион поселился в разбойнической пещере в семи милях от города Маюма, на пути из Газы в Египет. В своей повседневной жизни юный подвижник подражал египетским инокам: возделывал огород, плел корзины («пленницы») и все время пел псалмы. Инок разрешал себе вкушать 15 смокв после заката солнца. Несмотря на отшельнический образ жизни и строгий пост, плотские помышления, свойственные юношескому возрасту, тревожили Илариона. Но он был жесток к себе. Обращаясь к собственной

плоти, молодой подвижник говорил: «Я тебя как скота замучаю, чтобы ты не рождала скотские помыслы. Не дам тебе хлеба, но травой пустынной и жаждою утомлю тебя, еще и трудами многими замучаю тебя, зноем и холодом истончу тебя»^[366]. Он усилил пост: уменьшил количество смокв, заменив их травой, росшей в пустыне, ел только на третий день. Его тело высохло, он стал похож на скелет, обтянутый кожей. Плотские искушения сменились страшными видениями. Однажды ночью отшельник услышал львиный рык и вой гиен и шакалов около своей пещеры. Он вышел из убежища. Светила яркая полная луна. В лунном свете ему представилась страшная картина: множество чудовищ двигались прямо на него. Тогда Иларион воззвал к Богу: Господи Иисусе Христе, помоги мне. И тотчас расступилась земля, поглотив зверообразных существ. В другой раз пещеру подвижника навестили разбойники, прежде жившие в ней. Они очень удивились, обнаружив здесь монаха. Иларион не смутился их появлением, ибо нагой, как известно, «не боится разбойников». Морские пираты покинули свое бывшее убежище и больше не возвращались.

Святой провел в пещере 22 года и стяжал дар чудотворения. Молва об отшельнике распространилась по всей Палестине. К Илариону потянулись люди со своими просьбами, приводили бесноватых, от одного вида которых ученики преподобного разбегались в разные стороны. Обращаясь к монахам, святой говорил: «Если мы сами не дадим повод нечистым бесам, то они ничего не смогут нам сделать. Только из-за нашей небрежности попускает им Бог нападать на нас»^[367]. Святой исцелял не только людей, но и бесноватых животных. Он говорил, что «диавол горит такой ненавистью к людям, что желает уничтожить не только их самих, но и то, что принадлежит им».

В благодарность больные, получившие исцеление, приносили подвижнику немалые средства, но он всегда решительно отказывался от них, говоря, что нельзя продавать благодать за деньги. Однажды телохранитель императора Констанция II (в Житии он назван императором Константином), имевший тайный недуг беснования, пришел к святому. После молитвы Илариона он исцелился. В благодарность вельможа принес святому 10 литр золота. Показав ему ячменный хлеб, подвижник ответил: «Иже таковую кормлю имуть, тии злато яко кал вменяют»^[368]. Не взяв ничего, святой отпустил телохранителя.

Другой исцеленный со слезами на глазах стал настаивать, чтобы святой принял его дар и раздал нищим. Тогда Иларион ответил: «Лучше, чадо, своими руками раздай нищим. Я ради милостыни не хочу брать

чужое. Многие, взяв милостыню на убогих, погубили свою душу: милостыня не может иметь лукавства»^[369]. Для Нила Сорского эти слова Илариона Великого, переданные агиографом, имели основополагающее значение. В его время многие оправдывали накопление монастырских богатств целями благотворительности. Однако Нил считал это неприемлемым.

Палестинские иноки, проживавшие в окрестностях Газы, просили святого Илариона, чтобы он научил их монашескому образу жизни («образ жития уставити им»). В то время в Палестине еще не было организованных монастырей, монахи подвизались в отдельно стоящих пустынных кельях или в монашеских поселениях с неопределенным уставом. Посещая иноков, святой всегда приносил с собой все необходимое для жизни, чтобы не быть никому в тягость. Однажды братия попросила Илариона исправить некоего скупого и жестокого инока. Тот, имея собственный виноградник, никогда не угощал своих собратий и странников: был «до конца чюж страннолюбиа». Святой отказался, так как не имел обыкновения укорять грешника и понуждать его исправляться помимо собственного желания («нудити чрес его произволение»). Однако потом уступил просьбам. Иларион наедине побеседовал со скупым иноком, а затем решил навестить его вместе с братией. Это было время сбора винограда. Святого обычно сопровождали около трех тысяч монахов. Узнав, что Иларион собирается проследовать мимо его усадьбы, скупой нанял стражников и расставил их по периметру виноградника. Предвидя «теплый» прием, Иларион остался в обители, а монахи направились к винограднику, но охрана принялась бросать в них камни. На следующий день святой с улыбкой спросил братию: «Как вас, чада мои, вчера принял брат тот?» Выслушав их рассказ, он заключил: «Я об этом и говорил вам: если не хорошо произволение, то что может наставление? Все будет тщетно и не пойдет на пользу»^[370].

Житие Илариона Великого, как ни одно другое, наполнено примерами и рассуждениями о монашеской скупости и милостыне. На нижнем поле листа 63 в «Соборнике» Нила Сорского, где переписана история о винограднике скупого инока, стоит красный (киноварный) крестик и рядом — комментарий, оставленный Нилом: «зрите, немилостивии». Очевидно, что русского святого чрезвычайно волновала тема монашеской стяжательности, и он весьма эмоционально откликался на подобные сюжеты.

Святой Иларион был крайне нетерпим к любому проявлению алчности среди монахов. Он учил их иметь в своих кельях только необходимое,

излишнее отдавать нищим. Однажды Иларион с братией пришел к иноку по имени Ива. После утренней воскресной молитвы святой благословил монаха и его виноградник. Тот радостно принял многочисленных гостей и пригласил отведать уже созревшие ягоды. Обычно Ива собирал 100 мер винограда, а то и меньше. Но в этот раз, несмотря на то что около трех тысяч человек побывали в его саду, Ива наполнил ягодами в три раза больше корзин, чем обычно. А скупой инок, не пустивший к себе собратий, был разочарован своим скудным урожаем. Тогда все поняли, почему это случилось.

Похоже, что грех сребролюбия был довольно распространен в монашеской среде. В другом поселении иноков Иларион вновь услышал о скупом. Внешне тот был благоговейным монахом, исправно посещал службы и непрестанно молился, но терпеть не мог нищих и попрошаек. Инок имел огород, но никогда не угощал братию овощами. Узнав об этом, Иларион отлучил брата от общения с собой. Скупой монах очень страдал из-за уязвленной гордости. Приходя в монастырь, он просил сострадательного инока Исихия, чтобы тот умолил старца принять его. Однажды скупой даже принес братии овощ со своего огорода («слануток зелен»). За вечерней трапезой приготовленный «слануток» поставили перед святым, но тот отвернулся от него и повелел унести. Исихий стал уговаривать старца попробовать варево, говоря при этом: «Некий брат плод своего огорода с верою принес». В ответ святой спросил: «Разве не чувствуешь, что он „несытством“ воняет?» Недоумевая, Исихий спросил: «Какой запах „несытства“ могут иметь „сланутки“?» Не вдаваясь в долгие объяснения, Иларион приказал положить овощ в кормушку для волов. Те же от смрада сбежали из стойла.

Жизнь среди многочисленной братии тяготила святого. Все чаще он вспоминал годы своего отшельнического пребывания в пещере, и обильные слезы текли из его глаз. Иноки спрашивали его: «Что тако скорбиши и плачещи, отче?» На это он отвечал: «Того ради, чяда, плачю и скорблю, понеже паки в мирь возвратихся и приахъ зде мьзду свою и славу свою». Святому был открыт день преставления его учителя Антония Великого. После кончины святого он стал собираться в дорогу. Иларион не мог тайно покинуть обитель, так как нуждался в посторонней помощи. К тому времени ему уже исполнилось 65 лет, он страдал многими болезнями и немощами, поэтому попросил одного из близких учеников запрячь ему осла («клюся»). Тотчас эти приготовления стали известны братии, монахи собрались все вместе и умоляли не покидать их. Преподобный же уговаривал их отпустить его: «Что вы творите, чада мои! Зачем рвете мне

сердце! Знайте, что не без воли Божией я хочу так поступить, но иду по пути, который устраивает мне Господь. Я молился об этом Богу. И Он повелел мне уйти. Так, не держите меня, чада, умоляю вас!»

Видя его непреклонное решение, иноки проводили старца в путь. Он взял с собой четырех монахов, нанял верблюдов и через знойную безводную пустыню отправился в Египет, на могилу Антония. Через три дня караван достиг обители святого. Здесь жили Исаак и Плусиан, ученики Антония. С благоговением Иларион обошел монастырь своего старца, здесь все еще дышало его присутствием. Ученики показали места, где молился святой, где любил сидеть и плести корзины, где он отдыхал от трудов и спал. Иларион посетил виноградник и сад, возделанный святым. Здесь он увидел «леху» (грядку) и «водоважу» (небольшой акведук), которую Антоний смастерил своими руками для поливки огорода, на земле лежала его мотыга. Ни одна мелочь не ускользнула от внимательного взгляда Илариона, все для него имело большое значение. Бродя вдоль грядок, Исаак и Плусий рассказали ему незатейливую и вместе с тем удивительную историю. Дикий осел приходил на источник, расположенный близ огорода Антония. Однажды святой пришел работать и увидел, как целое стадо ослов поедает возделанные овощи. Взяв прут, отшельник легонько ударил по ребрам вожака со словами: «Почему мне пакости творите, я же вам не сделал никакого зла? Едите то, что сами не растите!» С той поры животные приходили на источник, но не трогали огород святого.

С благоговением возлег Иларион на одр Антония, где тот имел обыкновение отдыхать. На вершине горы находились две каменные пещеры, к которым вели высеченные в скале ступени. По ним поднимался старец, когда хотел остаться в одиночестве.

Проведя целый день в воспоминаниях о святом, Иларион, наконец, попросил учеников показать ему могилу старца. Был уже вечер. Исаак и Плусиан, не желая опечалить гостя, повели его на место погребения Антония. Однако пройдя немного, сказали, что не могут найти в темноте могилу. Тогда Иларион понял, что святой не хотел, чтобы почиталось место его погребения. Некий богатый христианин по имени Пергамий хотел построить красивый храм над могилой Антония. Но ученики не сказали ему, где похоронен святой. Теперь же, боясь, что Пергамий каким-то образом узнает о месте погребения святого, не показали его и Илариону.

Посетив обитель Антония, подвижник вернулся в Палестину. Еще несколько лет он скитался по свету, жил в Ливии, близ Александрии, на Сицилии. Последним его пристанищем стал Кипр. Везде Иларион искал

уединения и безмолвия. Но невероятные чудеса, которые творил святой, открывали людям место его пребывания. Чувствуя наступление смерти, он распорядился, чтобы его похоронили сразу после кончины. Как и Антоний Великий, Иларион боялся, что его мощи станут предметом поклонения. Исихий, узнав о смерти старца, прибыл на Кипр и, обманув бдительность местных жителей, увез тело Илариона в Палестину, где оно и было погребено в бывшей обители святого.

Великий старец

Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое.

(Пс. 118, 32)

Каким нам видится сквозь строки своих творений Нил Сорский?

Он любил среднюю разумную меру во всем — в посте, телесных подвигах, образе монашеской жизни. «Средний путь непадателен есть», — повторял старец за святыми отцами. В истории монашества можно найти немало примеров аскетических подвигов, которые находятся уже за пределами возможностей человеческого естества. Одни мучили себя веригами и гнили заживо, другие отдавали себя на съедение комарам. В Синайском монастыре Иоанна Лествичника была темница, где иноки затворялись для покаяния. «У иных видны были языки воспаленные и выпущенные из уст, как у псов. Иные томили себя зноем, иные мучили себя холодом. Некоторые, вкусивши немного воды, переставали пить, только чтобы не умереть от жажды. Другие, вкусив немного хлеба, далеко отвергали его от себя рукою, говоря, что они недостойны человеческой пищи»^[371].

У преподобного Нила мы нигде не найдем наставлений или назидательных примеров по аскетике. Главное его оружие в борьбе со страстями — это молитва и работа над помыслами. Говоря о телесной потребности, старец советовал прислушиваться к собственному организму: «Общее же правило для новоначальных — прекращать есть немножко голодным. Если же до полной сытости наестся, и это безгрешно. А если иногда немного пресытится, да укорит себя и так, благодаря падениям, одерживает победу»^[372]. «Если же кто-то из-за труда путешествия или какого-то тяжелейшего дела снизойдет немного к телу и чуть добавит к обычно потребляемому, это не зазорно — и в пище, и в питии, и во всяком покое, — потому что поступил, сообразуясь со своей силой»^[373].

Старец Нил во всем придерживался средней меры. Из этого можно заключить, что по своему характеру он был ровным, спокойным человеком. Однако сам о себе преподобный говорил, что не принадлежит к числу тех людей, кто пребывает в благодушном состоянии, но, напротив, постоянно страдает от множества душевных ран, наносимых страстями. Конечно, так

говорил Нил Сорский по своему великому смирению. Но доля истины, вероятно, в этом признании есть. Бесстрастия он достиг в тяжелой борьбе, о чем свидетельствуют написанные им главы «О мысленном делании». Стиль, присущий писателю, так же как стиль художника, свидетельствует об особенностях его душевного склада. Если прочитать главы Нила Сорского не выбором, а сразу, от первого и до последнего листа, то можно почувствовать скрытую внутреннюю экспрессию и динамичность за внешним спокойствием. И только двойные обороты «не так это! не так!» выдают иногда ту горячность и пламенность, которая была свойством его натуры. Двойное отрицание Нил употребляет там, где тема, о которой он пишет, особенно волнует его, трогает за живое. Создается впечатление, что он переходит с письменного языка на устную речь и мысленно спорит с неведомым нам собеседником.

Прежде всего, старец Нил категорически не принимал никаких разговоров о том, что в его время достичь «равности» святым отцам уже невозможно. «И из-за лености же и любви к миру и небрежности нашей говорим, что древним отцам это было свойственно, нам же не нужно и невозможно это. Но не так это, не так!» Он стремился сам и звал своих учеников к молитвенным высотам великих древних святых. И твердо верил в милосердие и помощь Божию каждому, кто борется со своими грехами. «Когда те жестокие волны восстанут на душу, не надеется человек в тот момент получить от них когда-нибудь избавление, но такие мысли насылают ему враг, — что сегодня так плохо, а потом, в прочие дни, будет еще хуже, и подсказывает ему, что оставлен он Богом, и не имеет Тот попечения о нем, или что помимо промысла Божия такие случаи происходят, и с ним одним только это, с прочими же не было и не бывает. Но не так это, не так! Не только ведь нас, грешных, но и святых Своих, от века благоугодивших Ему, как чадолюбивый отец чад своих, Бог так наказывает духовным жезлом по любви — ради преуспевания в добродетелях. Вскоре же непременно бывает изменение этого, и посещение, и затем милость Божия, и утешение. Как ведь в тот злолютный час не думает человек, что сможет вытерпеть в подвиге жительства благого, но все благое мерзостным показывает ему враг, так опять же по изменении этого все представляется ему благоугодным и все бывшее скорбным — как ничуть не бывшим, и усердным он оказывается во благом, и удивляется изменению к лучшему, и никак не хочет отступить от пути добродетели, и уразумевает, что Бог по милости Своей устраивает ему это на пользу и от любви приносит таковое для наставления... Когда же случается эта страшная рать, крепко тогда подобает вооружаться против духа

неблагодарности, бояться же и хулы, ибо всеми ими в то время орудует враг»^[374].

Каждый, кто когда-либо говорил с преподобным Нилом, чувствовал особое благородство его души, свойственное только подлинно смиренным людям. Со смирением он предстоял перед Богом, со смирением общался с людьми. Монахов скита он наставлял никогда, особенно в минуты духовной победы, не забывать о греховности своей натуры: «Ибо способность стоять в добродетелях не от тебя зависит, но есть дело благодати, носящей тебя на ладонях рук своих, сохраняя от всего сопротивного»^[375]. «Если же кто-то когда-то начнет нас хвалить... достойными представляя нас чести... тут же множество и тяжесть наших согрешений в уме своем поскорее вспомним, или какое-то одно, наихудшее». Нил говорил, что все человеческие совершенства ничто перед Богом, подобно тому, «как малая купель против величины моря»^[376]. Однако, оставаясь смиренным человеком, преподобный умел быть жестким там, где речь шла о защите догматов веры, о соблюдении Божественных заповедей, о спасении заблудшей человеческой души. Об этом говорят строгие слова его «Предания» и посланий.

Преподобный любил пустыню, одинокое предстояние перед Богом и сторонился всякого человеческого общения. Он избегал лишних бесед не только с мирянами, но и с монахами. Разговоры, даже на первый взгляд и полезные, разрушали тихое и мирное расположение души, необходимое для молитвы. Это состояние внутреннего равновесия, «умертвия от всего», старец Нил ценил превыше всех благ, потому что оно было залогом всякого духовного делания. «Когда мы, как будто бурею и волнами носимые, нисходим от доброго расположения к лукавым мыслям и не можем прийти в тихое и мирное расположение, — это больше всего случается от слухов и от многих и бесполезных бесед»^[377]. Но при этом старец всегда был готов помочь духовным советом. Если близкие люди находились далеко от него, то он помнил о них и молился за них. «Также, — говорил он, — и к ближним нашим мы должны, по Господней заповеди, иметь любовь и, если они оказываются поблизости от нас, показывать это словом и делом, если сможем сохранить при этом и любовь Божию. Если же они далеко от нас, в уме любовью соединяться с ними и всякое злопамятство по отношению к ним от сердец наших отогнать и со смирением подчинить им душу и добрым намерением им благоугодить»^[378].

Нил Сорский был заботливым настоятелем для своих иноков. «Горестную невозможность постоянно пребывать на высотах молитвенного

блаженства преподобный Нил объясняет экономией любви: „Да имут время и о братии упражняться и промышляти словом служения“. Эта братская любовь, хотя и на низшей духовной высоте, составляет другую, к миру обращенную сферу его души, которая лишает его образ всякой суровости...»[\[379\]](#)

Часть 5. Ересь

О ереси «жидовствующих»

Рече безумен в сердце своем: несть Бог, растлеша и омерзися в беззакониих.

(Пс. 52, 2)

Уединение старца Нила в Сорском скиту было прервано повелением великого князя Ивана III прибыть на церковный Собор в Москву.

Вернувшись на Русь из своего странничества, старец вскоре стал получать тревожные известия о том, что ранее невиданная на Руси ересь «жидовская мудрствующих» (то есть мыслящих по-иудейски) распространяется среди священников, мирян и даже при великокняжеском дворе. О происходящем в столице Нилу, возможно, сообщал брат Андрей, который все эти годы оставался дьяком великого князя. Новгородский владыка Геннадий через бывшего ростовского архиепископа Иоасафа также просил у старцев Нила и Паисия совета и поддержки в борьбе с ересью.

Еретические семена были посеяны на Русской земле в 1470 году, когда в Новгород в свите литовского князя Михаила Александровича (в русском произношении — Олельковича), приглашенного на новгородскую службу, прибыл из Киева некий Схария. До сих пор среди историков идут споры о личности этого человека. Некоторые считали его мифической фигурой, другие отождествляли с Захарией Скаррой Гуил Гурсисом, упомянутым в «Послании на жида и на еретики». В нем инок Савва предупреждал боярина Дмитрия Васильевича Шеина, отправлявшегося с посольством в Крым (или в Литву), чтобы тот был осторожен в беседе с «жидовином с Захарию Скаррою»^[380]. Не так давно израильский исследователь М. Таубе представил серьезные аргументы в пользу тождества новгородского ересиарха Схарии с Захарией бен Ароном га-Когеном, который жил в Киеве до разорения города татарами в 1481 году. Исследователь обнаружил переписанные Схарией книги, содержание которых говорит о философско-религиозных интересах членов киевской иудейской общины и самого переписчика^[381].

Иосиф Волоцкий в своем «Сказании о новоявившейся ереси» сообщает о том, что Схария был обучен чернокнижию и астрологии. Не следует недооценивать это свидетельство, ибо во все времена «запретные науки» неизменно привлекают к себе людей. Неизвестно, какие фокусы

показывал Схария новгородским священникам Денису и Алексею, но тайно приняли иудаизм. Они даже хотели обрезать, но наставники уговорили их не делать этого в целях конспирации. Алексей тайно принял имя Авраам, его жена получила имя Сарра. Алексей вовлек в ересь своего зятя Ивашку Максимова и его отца попа Максима и многих других людей из духовенства и мирян. Денис привлек протопопа Софийского собора Гавриила, своего зятя Васюка Сухого и некоего Гридю Клоча. Большинство членов новгородского еретического кружка (их имена называют «Анафематствования» XVI–XVIII веков) составляли священники, их ближайшие родственники, диаконы, клирики (27 человек из 33 известных лиц, по подсчетам Ю. К. Бегунова)^[382].

Новгородские «жидовствующие» называли ложным Рождество Иисуса Христа от Бога Отца, говоря, будто у Бога Вседержителя нет ни Сына, ни Святого Духа, а Тот, Которого христиане называют Христом Богом, — простой человек, а не Бог, он был распят иудеями и истлел в гробнице. Еретики отрицали христианские таинства, молитвы, почитание креста, икон, мощей святых. Называя иконы идолами, они бросали их в скверные и нечистые места, разбивали, сжигали и творили всякие кощунства. Обо всех этих событиях мы знаем из «Сказания о новоявившейся ереси», самый древний текст которого переписан рукой Нила Сорского. «О кто достойно восплачет о той беде? Чей язык расскажет содеянное, какой слух кротко воспримет такую повесть», — со скорбью переписывал старец у себя в скиту эти слова «Сказания».

На собраниях «жидовствующих» совершалось богохульство, осквернялись вино и просфоры для таинства Евхаристии: в вино вливали «скверную воду»^[383]. Священники, обратившиеся в «жидовство», не соблюдали постов, недостойно совершали литургию: «Ядуще же и пьюще до пьянства, и блудом сквернящися, в святую церковь вхожаху и Божественную службу совершаху»^[384]. Они легко прощали грехи своим духовным детям, а затем склоняли их к ереси.

Многие историки XIX века ставили под сомнение антихристианский характер ереси. Их удивляло, как быстро от пропаганды нескольких еретиков распространилась и прочно укоренилась ересь в Новгороде и Москве. «...Если учение еретиков было чистое, грубое иудейство, — спрашивали они, — то каким образом оно могло привиться и глубоко пустить свои корни в православно-христианском обществе, и притом первоначально в той среде, интересы которой самым близким образом связаны были с интересами веры и церкви?»^[385] Исследования русских

филологов Н. С. Тихонравова, А. И. Соболевского, И. Е. Евсеева, М. И. Сперанского помогли ответить на этот вопрос. Анализируя состав русских рукописей, исследователи пришли «к довольно выразительному выводу, что у нас в старинном переводе с еврейского (до XVI века) существовал... круг важнейших синагогальных праздничных и будничных чтений»^[386]. К тому же иудейские переводы опережали переводы православной традиции. Только к 1499 году усилиями архиепископа Геннадия на русский язык была полностью переведена Библия. Столкнувшись с еретиками, владыка понял необходимость такой работы. «Жидовствующие» пользовались своими переводами библейских книг, в которых отсутствовали все пророчества о Христе. Псалмы, найденные у еретиков архиепископом Геннадием, оказались еврейским молитвенником «Махазор». Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Варлаам (Денисов), опубликовавший часть этой «Псалтири», заметил: «Ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе»^[387]. Н. С. Тихонравов пришел к выводу, что это не Псалтирь Давида, а иудейские молитвы, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивает неприятие учения о Святой Троице^[388]. В XV веке по еврейскому тексту было исправлено «Пятикнижие» Моисея, в иудейской традиции переведена книга пророка Даниила. Иудейский перевод «Есфири» появился вообще в конце XIV века. И. Е. Евсеев отметил, что он свидетельствует о «высоком и исключительном уважении переводчика к еврейской истине, в местах христологических пророческих внесено понимание раввинское»^[389]. Здесь мы имеем, заключили исследователи, вековую литературную традицию перевода с еврейского^[390]. Астрологическое сочинение Эммануила бен Якоба «Шестокрыл» с иудейским летоисчислением, трактат «Логика» иудейского философа и законоучителя XII века Моисея Маймонида, атеистические сочинения Раймонда Луллия были широко распространены в русских рукописях XV–XVI веков. Длительное существование иудейской книжной традиции на Руси объясняет в немалой степени успех пропаганды Схарии и его последователей. Неудивительно, что ересь начала распространяться именно из Новгорода. Большинство «отреченных» (еретических книг) обнаруживают следы западнорусского происхождения, то есть были переведены в Великом княжестве Литовском, с которым граничила Новгородская земля.

Тех, кого еретики знали как благоразумных и сведущих в Священном Писании, они не смели обращать в «жидовство» (иудаизм). Но предлагали им свои переводы книг Ветхого Завета вместо подлинных. Людей же менее

ученых они обучали астрологии, а Священное Писание учили презирать как пустое и ненужное людям. «А они ся зовут христиане, да человеку разумному — и они ся не явят. А глупого — и они съели», — писал архиепископ Геннадий о лицемерии еретиков^[391].

Посеять сомнения, основываясь якобы на канонической книге, было основным способом обратить в ересь. Этот механизм обращения наглядно показан в сочинении инока Зиновия Отенского, разоблачающем ересь монаха-расстриги Феодосия Косого, осужденного на церковном Соборе 1554 года (как и «жидовствующие», он отвергал почитание икон и мощей, церковные таинства и догматы).

Некие «крылошане» (церковные чтецы и певцы) пришли к иноку Зиновию спросить, истинно ли учение Феодосия Косого. Сами же они, как видно из их рассказа, склонялись к тому, что оно соответствует православной догматике. «Косой посему истинна учителя сказует, понеже в руку имеет книги и тыя разгибая, комуждо писаная дая самому прочитати, и сея книги рассказывает. А попы и епископы православные — ложные учителя, потому что когда учат, книг в руках не имеют»^[392]. Как видно из приведенного текста, еретики производили на людей впечатление истинных проповедников, потому что апеллировали к книжному знанию и цитировали книги.

Осенью 1479 года Новгород посетил великий князь Иван III. Образованные священники Денис и Алексей так сумели понравиться ему, что он взял их в Москву, где Алексей стал настоятелем Успенского собора, а Денис — Архангельского собора в Кремле. Благодаря этому еретики получили доступ ко двору великого князя и большие возможности влияния на него. Вероятно, самодержец оценил искушенность священников в «тайном знании», особенно в астрологии. Но Алексей и Денис были не единственными еретиками при великокняжеском дворе. Впоследствии в личной беседе с Иосифом Волоцким Иван III признался, что он знал о еретиках. Причем он различал, «которую дръжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Феодор Курицын», его государев дьяк^[393]. Религиозные убеждения Федора Курицына носили, надо полагать, более «интеллектуальный» характер.

Для русского человека всегда большим искушением была встреча с Западом. Во времена Ивана III значительно активизировались внешнеполитические связи с западноевропейскими странами. Если в княжение Василия Темного Русь была поглощена собственными усобицами, то при Иване III гонцы и посольства, казалось, не успевали

отдыхать и менять лошадей. Великий князь был умным, любознательным и прагматичным человеком. Он живо воспринимал новые необычные увлечения европейских монархов. «Вспомним, что короли и князья европейских государств, меценаты ученых гуманистов, как раз интересовались их „тайными занятиями“, в том числе занятиями астрологией, алхимией, некромантией и криптографией. Они при этом руководствовались не только желанием показать себя меценатами и знатоками науки и искусства. Им хотелось воспользоваться „тайными науками“ для целей власти и государственной практики, открыть новые источники обогащения при помощи алхимического золота, планировать политические акции в соответствии с астрологическими прогнозами, с помощью некромантии беседовать с умершими героями всемирной истории о причинах исторических событий»^[394]. Московский правитель тоже не хотел отставать. Известно, что он держал в великой чести дьяка Федора Курицына: «...того бо державный во всем послушаше».

«Лаодикийское послание» Федора Курицына — самый загадочный источник по истории ереси. Как заметила немецкая исследовательница Ф. фон Лилиенфельд, занимавшаяся его расшифровкой, оно обнаруживает занятия Каббалой всеильного дьяка. Федор Курицын фактически осуществлял внешнюю политику Русского государства: все важнейшие дипломатические переговоры конца 1480-х — 1490-х годов проходили при его деятельном участии. Интерес к Каббале мог первоначально возникнуть у него из желания овладеть методами криптографии — зашифровки. «Системы зашифровки становились всё более важными для дипломатической практики конца XV века. Князья и властители повсюду стараются завербовать на службу людей, которые были бы в состоянии создавать шифры и применять их в тайной дипломатической переписке»^[395]. Но «все писавшие о криптографии авторы упоминают Каббалу как источник криптографических методов»^[396].

Прояснить содержание «Лаодикийского послания» и причины интереса к подобным сочинениям помогает содержание гадательной книги «Рафли», которой пользовались еретики. В ней находится таблица, имеющая определенное сходство с той «литореей в квадратах», которая следует за «Лаодикийским посланием».

Книга «Рафли» представляет собой трактат по гаданию, снабженный практическим руководством. «В основе геомантического гадания, которое первоначально производилось на земле (песке), но в дальнейшем могло производиться на бумаге... лежит многократно повторяемая операция

простейшего гадания по типу чет-нечет. Результаты подобных операций определенным образом группировались, затем над ними производились дополнительные операции математического характера. В начале гадания гадающий проставлял, не считая, бессознательно шестнадцать рядов точек. Далее он выяснял, четное или нечетное число у него получилось в каждом ряду. Для этого предписывалось попарно соединить соседние точки чертой. Первые четыре ряда точек сводились в первую геомантическую фигуру (израз)»^[397]. В результате дальнейшего повторения этих операций получался гадательный рисунок весьма характерного вида. «И в Западной Европе, и на мусульманском Востоке геомантия выступала как сложный вид гадания, связанный с астрологией»^[398]. Вспомним, что Иосиф Волоцкий неоднократно говорил об увлечении еретиков астрологией, а также упоминал, что Схария был обучен астрологии и чернокнижию. Полученные в результате гадания геомантические фигуры и «дома» чисто условно вводились в систему астрологических понятий и связывались со стихиями, планетами, зодиакальными созвездиями и «домами гороскопа». Гадаю по книге «Рафли», можно было получить ответ на широкий круг вопросов: об исходе судебного поединка, военного сражения, об успехе торговых операций. Книга отвечала на вопросы о судьбах гадающих в таких выражениях: «Не быть в попех, в диаконех и умрет»; «Не бывать попом, будет у места сидети дьяком»; «Поп будет честен, а жить в монастыре»^[399]. Встречаются и совсем мрачные пророчества: «Ох, горе тебе, брате бедному, будет скончатися от огня палящего в струбе». Многие предсказания посвящены хозяйственным и семейно-бытовым вопросам, например, гадающий мог спросить: «Не будет ли сей год белки?»

Такой широкий охват разных сторон жизни в гадательных книгах приводил к тому, что они увлекали разные слои населения. Другой еретический трактат — «Аристотелевы врата, или Тайная тайных» — содержал руководство для гадания об исходе судебного поединка^[400]. Если гадание со временем сбывалось, то человек попадал в состояние сильной психологической зависимости. А дальше посеять в нем сомнения в истинности Священного Писания оставалось только делом времени.

Государь тоже хотел получать предсказания об исходе предстоящего сражения или дипломатических переговоров. На этом интересе «державного» и сыграл свою партию выдающийся специалист по гадательным книгам — Федор Курицын.

По словам архиепископа Геннадия, вся беда началась с той поры, как дьяк вернулся из «Угорской» земли. В 1481/82 году Курицын с посольством

был отправлен в Буду к венгерскому королю Матьяшу Хуньяди (Матвеем Корвину) с целью заключения союза против польских Ягеллонов. Дьяк посетил также молдавского господаря Стефана III Великого, отца невестки Ивана III Елены Волошанки, затем — Крымское ханство. В Москву Курицын вернулся только в августе 1485 года. На какое-то время великий князь вообще потерял его из виду и сильно тревожился о судьбе дьяка. Наконец он получил сообщение, что на обратном пути Курицын был задержан турками в Белгороде-Днестровском (Аккермане). После продолжительных переговоров, которые велись при посредничестве крымского хана, посольство было отпущено из плена.

Что произошло с великокняжеским дьяком за три года на чужбине, покрыто мраком неизвестности. Возможно, с тайными науками он познакомился при дворе венгерского короля, во всяком случае, в Москву Федор Курицын вернулся другим человеком. С ним был некий Мартынок, позже обвиненный в ереси. При деятельном участии Курицына при великокняжеском дворе составилась кружок влиятельных лиц, поддерживавших еретиков. В него входили невестка Ивана III и мать наследника русского престола царевича Дмитрия Елена Стефановна, бояре великого князя, священники кремлевских соборов. Под влиянием протопопа Алексея великий князь после отставки митрополита Геронтия поставил на московский святительский престол тайного еретика Зосиму.

Некоторые современные исследователи считают, что Зосима не разделял религиозные взгляды «жидовствующих», но использовал еретический придворный кружок для продвижения по карьерной лестнице. О том, что стремление к мирским благам стало для многих людей главной причиной присоединения к ереси, свидетельствует и Иосиф Волоцкий: «Снаходи бо прескверный сатана и обрете многих имущих землю сердечную възорану (вспашену. — *Е. Р.*) и умягчену сластями житейскими, тщеславием, и сребролюбием, и сластолюбием, и неправдою, и посея в них скверныя своя плевелы»^[401]. По словам волоцкого игумена, Зосима был невоздержан, сластолюбив и подвержен содомскому греху.

Медленно, но верно еретики укрепляли свои позиции в Москве. Осенью 1487 года архиепископ Геннадий совершенно случайно обнаружил ересь в Новгороде: семеновский священник Григорий и никольский священник Герасим, сын Григория диакон Самсонко и борисоглебский диакон Гридя в пьяном виде открыто надругались над святыми иконами. Раскаявшийся поп Наум отдал новгородскому владыке «тетрати, по чему они молились по-жидовскы», и астрологическое сочинение «Шестокрыл». Архиепископ сообщил о ереси великому князю и митрополиту Геронтию, а

еретиков и их «тетрадки» отправил в Москву.

Владыка обратился также за поддержкой к русским епископам. Так, в январе 1488 года он писал епископу Суздальскому Нифонту: «...еретикам ослаба пришла, уже ныне наругаютца христьянству — вяжут кресты на вороны и вороны. Многие видели: ворон деи летает, а крестъ на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино каквово наругание: ворон и ворона садятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат!»^[402] В Новгороде то там, то здесь находили «резаные», оскверненные иконы. «Да здесь Алексейко подьячей на поместье живет да напився пьян, влез в чясовну, да сняв с лавици икону — Успение Пречистые, да на нее скверную воду спускал, а иные иконы вверх ногами переворочал», — сообщал архиепископ в послании к церковному Собору^[403].

В 1488 году изобличенные еретики были осуждены на Соборе, который проходил с участием великого князя, митрополита и епископов в Москве. Трех еретиков подвергли «градской казни» (били кнутом на торгу) за надругательство над святыми иконами, после чего отправили в Новгород на покаяние.

Собор 1488 года осудил конкретных преступников, но не обличил ересь. Некоторые из еретиков принесли покаяние архиепископу Геннадию, а затем сбежали в столицу, где у них были влиятельные покровители. Архиепископ Геннадий требовал решительных мер, но Москва молчала. С горьким недоумением владыка замечал, что теперь «Новгород с Москвою не едино православие»^[404]. Никто не мог тогда с уверенностью сказать, чью сторону примет великий князь.

Иван III, без сомнения, был человеком большой внутренней силы и свободы. И эта свобода простиралась, в том числе, на церковные правила и установления, отсюда проистекали его постоянные конфликты с митрополитом Геронтием и архиепископом Геннадием. Приступив к перестройке Кремля, великий князь повелел вынести за его стены древние церкви и Спасский монастырь, а старые кладбища — на Дорогомилово. Архиепископ Геннадий обвинил Ивана III в «гробокопательстве»: «...ино кости выносили, а телеса ведь туто остались, в персть разошлись; да на тех местех сад посажен»; «Писано, что будет въскресение мертвых. Не велено их с места двигати, опроче тех великих святых, коих Бог прославил чудесы»; «А церкви Божии стояли колико лет? А где священник служил, руки умывал, и то место бывает непроходно же; и где престол стоял да и жертвенник, и те места не проходны же. А ныне те места не огорожены,

ино собаки на те места ходят и всякой скот», — возмущался владыка^[405]. Но похоже, что эти канонические аргументы мало заботили великого князя. Видимо, так же обстояло и с ересью. Увлеченный тайными науками, Иван III в какой-то момент заигрался. Иосиф Волоцкий, с тревогой наблюдая за ситуацией при дворе, призывал к неподчинению царю, если он еретик и не является защитником Православия. «Тот царь не Божий слуга, но диавол, не царь, а мучитель. Такого царя ради его лукавства Господь наш Иисус Христос назвал не царем, а лисом». «Царский венец во ад низведет, а заповеди Господни в жизнь вечную» — эти слова преподобного Иосифа Волоцкого старец Нил переписал для себя, полностью соглашаясь с ними.

В такой тревожной обстановке архиепископ Геннадий сделал все возможное, чтобы был созван новый церковный Собор. Митрополиту Зосиме он переслал список собственного расследования. Побуждая митрополита к активным действиям против еретиков, новгородский владыка приводил в пример испанского короля, который с помощью инквизиции «свою очистил землю»^[406]. Одновременно Геннадий обратился с посланием к Собору епископов: «Да не плошится (не оплошайте. — *Е. Р.*), встаньте крепко, чтобы гнев на нас не пришел, да не будем человекоугодниками, со Иудой Христа предающими». Отцам Собора архиепископ наказывал не вести никаких споров с еретиками о вере: «Да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо для того учинити собор, что их казнити — жечи и вешати!»^[407]

Немногим ранее, в период между июнем 1488-го — февралем 1489 года владыка Геннадий обратился к бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу (Оболенскому) с просьбой прислать к нему, если возможно, Нила Сорского и Паисия (Ярославова). На основании того, что ответное послание архиепископа Иоасафа неизвестно, некоторые историки сделали вывод, что Нил Сорский уклонился от обсуждения ереси. Но ведь через год старцы Нил и Паисий пришли в Москву для участия в Соборе на еретиков. Очевидно, это и был ответ на просьбу владыки Геннадия.

О Соборе 1490 года

Да возвратятся грешницы во ад, вси языцы забывающие Бога.

(Пс. 9, 18)

По повелению великого князя Ивана III 17 октября 1490 года в Москве собрались ростовский архиепископ Тихон, суздальский и тарусский епископ Нифонт, сарский (сарайский) и подонский епископ Прохор, рязанский епископ Симеон, тверской епископ Вассиан (Стригин-Оболенский), пермский епископ Филофей, архимандриты и игумены, в том числе игумен Троице-Сергиева монастыря Афанасий. Присутствовали на Соборе старцы Нил Сорский и Паисий (Ярославов), а также представители белого духовенства. Священный Собор проходил в палатах митрополита Зосимы. Великого князя представляли бояре князь Иван Юрьевич Патрикеев, Юрий Захарьич Кошкин, Борис Васильевич Кутузов и дьяк Андрей Майко. Предварительно великий князь велел всем участникам изучить списки и грамоты, присланные новгородским архиепископом, а в Москве провести собственное расследование о ереси и собрать показания свидетелей.

На Соборе перед еретиками зачитали грамоты архиепископа Геннадия. Обличаемые не признавали своей вины. Обращаясь к еретiku монаху Захару, митрополит Зосима спросил: «Захария, чего ради престаупаешь закон Божий и почему не велишь кланяться святым иконам?» Тот в ответ произнес ругательства. Свои показания на Соборе предъявили свидетели. Когда расследование было завершено, в палаты пришел Иван III. Однако он с неохотой признавал очевидное.

В завершение был составлен соборный приговор. Еретикам вменялись в вину поругание икон, хулы на Иисуса Христа, Пресвятую Богородицу, святых, отрицание вероучения семи Вселенских соборов, нарушение постов, почитание субботы более воскресенья, неверие в Воскресение и Вознесение Христа^[408]. По мнению исследователей, «особую важность имеет указание приговора, что решительно все новгородские еретики почитали ветхозаветную субботу, „паче воскресения Христова“, и что они не веруют ни Воскресению, ни Вознесению Христову. Эти особенности вероучения еретиков прямо указывают на их отступничество от веры

христианской к „обычаю жидовскому“»^[409].

Далее требовалось решить судьбу еретиков. «Летопись Татищева» рассказывает, что Собор, рассмотрев все вины еретиков, пришел к выводу, что их «сожещи достоин», как и требовал архиепископ Геннадий в своем послании. Но митрополит Зосима, «яко волк в овечьей одежде», воспротивился этому решению: «...достоит я (еретиков. — Е. Р.) проклятию предати и сослати в Новгород на покаяние под стражу, зане мы от Бога не поставлени на смерть осуждати, но грешныя обращати к покаянию». И еретиков «от церкви отлучиша, из сана извергоша и проклятию предаша их». Владыка Геннадий, узнав о таком решении Собора, ужаснулся: «Некто бысть на соборе согласник сему злу»^[410].

На Соборе осудили девять человек, почти все — новгородцы. Еретики-священнослужители были извергнуты из сана, все обвиняемые отлучены от Церкви и разсланы в заточение. Часть осужденных отправили для наказания в Новгород. За 40 верст от города их в вывернутой на-изнанку одежде посадили на лошадей лицом к хвосту, «яко да зрят на запад уготованный им огонь». На головы еретикам надели берестяные шлемы с мочальными хвостами и веники из соломы. На каждом осужденном была табличка с надписью: «Се есть сатанино воинство»^[411]. В таком виде процессию провели по Новгороду, затем на головах у еретиков сожгли берестяные шлемы^[412].

Старца Нила пригласили на Собор не случайно. Столкнувшись с ересью, ранее небывалой на Русской земле, иерархи Церкви боялись ошибиться. Преподобный Нил хорошо знал жития святых и творения святых отцов. Он был точен как юрист и в то же время обладал большим духовным опытом. Что говорил старец на Соборе, неизвестно. Но мы знаем его мнение по главным вопросам, обсуждавшимся там. В «Сказании о ереси новгородских еретиков», переписанном рукой старца Нила, говорится: «Почитая церковь, икону, святые мощи или Честной и Животворящий Крест и божественные вещи, ты почитаешь того, чья церковь, или иконы, или мощи, а кроме того — почитаешь самого Бога. Если же ты бесчестишь церковь, или икону, или святые мощи, ты бесчестишь самого Бога и Его истинных служителей. Ведь если кто обесчестит образ царский, подлежит главной казни. Тем более тот, кто обесчестит Небесного Царя или образы Его святых, или Церковь, — какой муки он достоин? По Божественным правилам в этой жизни он должен быть казнен главной казнью и предан вечному проклятию, по смерти же осужден в огонь вечный, с дьяволом и с распявшими Христа иудеями,

сказавшими: „Кровь Его на нас и на детях наших“ (Мф. 27, 25)»[\[413\]](#). И мы знаем, что Нил переписывал только то, что находил согласным со своим разумом.

О борьбе старца Нила с ересью

Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу.

(Пс. 113, 9)

Собор 1490 года стал началом борьбы с ересью. Его решения затронули только новгородский кружок. Однако московские еретики оставались в силе. Некий Самсонко на допросах рассказал новгородскому наместнику Юрию Захарьевичу Кошкину, что они все собирались в Москве у дьяка Федора Курицына: «...приходит, деи, к нему Алексей протопоп, да Истома, да Сверчек, да Ивашко Чръной, что книги пишет, да поучаются, деи, на православных»^[414]. Об этом архиепископ Геннадий сообщил в послании к епископам.

Однако дьяки Федор Курицын, Истома и Сверчок даже не были названы на Соборе. Напротив, в 1490-х годах положение Курицына при дворе только упрочилось. Иван Максимов, зять протопопа Алексия, который, по позднему признанию самого Ивана III, обратился в еретичество его невестку Елену Стефановну (Елену Волошанку), сразу после Собора сбежал из Москвы, но затем снова появился в столице и чувствовал себя здесь в полной безопасности. 4 февраля 1498 года был венчан на царство и стал соправителем Ивана III его внук Дмитрий Иванович, что значительно усилило позиции придворной партии «жидовствующих».

Сложная ситуация складывалась и в Новгороде. Вскоре после Собора 1490 года архимандритом Юрьева монастыря, который первенствовал в Новгороде, был поставлен еретик Кассиан, и владыка Геннадий оказался бессилён сместить его. Сам же он в 1503 году стараниями своих врагов был сведен с новгородской кафедры. Еще до Собора 1490 года при непонятных обстоятельствах ушел в отставку архиепископ ростовский Иоасаф, а в 1493 году покинул кафедру епископ Сарский Прохор. Возможно, что эти владыки пострадали за свое несогласие с политикой государя^[415]. Некоторые благочестивые люди пытались напрямую обличать митрополита и высокопоставленных еретиков, за что митрополит Зосима лишал их Божественного причастия, священников и диаконов отлучал от сана, говоря, что нельзя осуждать ни еретика, ни отступника. Великий князь ссылал невиновных в изгнание; защитников веры сажали в тюрьмы,

наказывали конфискацией имущества.

Главным центром борьбы с ересью в эти годы стал Иосифов Волоколамский монастырь. Историческая наука до сих пор не оценила по достоинству личный подвиг преподобного Иосифа. В то время, когда великий князь и его двор покровительствовали еретикам, а защитники Православия преследовались, волоцкий игумен, не думая о собственной безопасности, создал настоящий фронт по борьбе с ересью. Он повсюду рассылал свои послания, обращался к епископам, прося у них поддержки. Иосиф Волоцкий старался найти доступ к великому князю, но только в 1502 году он, наконец, встретился с Иваном III. Вот как рассказывал об этой встрече сам преподобный в письме княжескому духовнику архимандриту Митрофану:

«Коли, господине, был есмь на Москве, ино, господине, государь... говорил со мною наедине о церковных делех. Да после того почял говорити о новгородцких еретикех. Да молвил мне так: „И яз, деи, ведал новгородцких еретиков, и ты мя прости в том, а митрополит и владыки простили мя!“ И аз ему мольвил: „Государь! Мне тебя как пращати?“ И он молвил: „Пожалуй, прости мя!“ И яз ему молвил: „Государь! Только ся подвигнешь о нынешних еретикех (если начнешь преследовать нынешних еретиков. — *Е. Р.*), ино и в прежних тебе Бог простит“»^[416].

В следующее свидание с государем Иосиф Волоцкий опять просил его послать в Новгород и другие города своих людей для выявления еретиков. «И князь великий молвил: „Пригоже тому быти, а и яз, деи ведал ереси их“. „А однолично, деи, пошлю по всем городом, да велю обыскивати еретиков, да искоренити“»^[417]. Государь пригласил преподобного на обед, во время которого задал ему вопрос: «Како писано, нет ли греха еретиков казнити?» Волоцкий игумен стал по памяти цитировать послание апостола Павла к евреям: «Аще хто отвръжется закона Моисеева при двою или при трех свидетелех, умирает». «Колми паче, — продолжил он, — иже Сына Божиа поправ и дух благодати укорив»^[418]. На этих словах великий князь велел ему замолчать, но тем не менее подтвердил решительность своих намерений: «Пошлю, деи, чяса того, да того обыщу; а толко, деи, яз не пошлю, да не попекуся о том, ино, деи, кому это зло искоренити?»^[419]

Как показало время, Иван III не очень торопился с исполнением своего обещания, о чем Иосиф Волоцкий с горечью писал через год в письме духовнику великого князя: «И яз чаял тогды же государь пошлеть, ино уже тому другой год от велика дня (Пасхи. — *Е. Р.*) настал, а он, государь, не посылавал, а еретиков умножилось по всем городом, а хрестиянство

православное гинет от их ересей»^[420]. Только тяжелая болезнь великого князя, начавшаяся 28 июля 1503 года, заставила его покончить с еретиками^[421]. В декабре 1504 года он решился на новый Собор и на казни московских еретиков.

В течение тех долгих четырнадцати лет, что прошли между Соборами 1490 и 1504 годов, у противников ереси оставалось единственно возможное средство противостояния ей — богословское обличение и опровержение еретических учений. В 1489 году дьяк Василий Мамырев заказал на свои средства икону «Символ веры», которую подарил в Благовещенский собор Московского Кремля^[422]. Этот храм был домовою церковью великого князя и стоял на его дворе. Дьяк, скорее всего, был хорошо осведомлен о ереси, расцветавшей под крышами великокняжеских теремов. Именно по инициативе Василия Мамырева иконописцы разработали сложную иконографию нового образа. Его название говорит само за себя. Икона безмолвно свидетельствовала об истине Православия перед очами державного государя. По указанию новгородского архиепископа Геннадия были выполнены переводы не только библейских книг, но и латинских полемических сочинений против иудаизма. Благодаря усилиям владыки библиотеки Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого монастырей пополнились сочинениями Дионисия Ареопагита, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского и других отцов Церкви.

В самом начале 1490-х годов преподобный Иосиф приступил к сочинению богословского трактата против еретиков. Он состоял из отдельных «Слов». По мнению А. И. Алексеева, к 1504 году трактат уже существовал в составе четырнадцати «Слов»; 15-е и 16-е были написаны в 1505 году. Позже этот знаменитый сборник получил название «Просветитель».

О цели своего труда волоцкий игумен написал так: «Этой беды ради и я выбрал из Священного Писания и святоотеческих творений некоторые обличения против речей еретиков. И хотя я невежествен и неучен, но и я, по силам моим, должен позаботиться об обличении еретиков»^[423]. Возможно, что в работе над «Просветителем» принимал участие и Нил Сорский. Во всяком случае, он переписал своей рукой начало «Сказания о новоявившейся ереси», 1-е, 2-е, часть 7-го, 8-е, 9-е и 10-е «Слова» «Просветителя» (список с автографами старца сохранился до наших дней)^[424]. Как текст памятника мог оказаться в Ниловой пустыни?

Из Жития Иосифа Волоцкого известно, что в скит к старцу Нилу, который «как солнце сиял тогда в стране Белоозера», преподобный Иосиф

прислал своих учеников Нила (Полева) и Дионисия (Звенигородского Лупу). (Некоторые источники говорят, что они покинули монастырь Иосифа самовольно; однако, если учесть то уважение, которое Нил (Полев) и Дионисий всегда выказывали по отношению к своему духовному отцу, то эти сведения вряд ли можно посчитать достоверными.) Между 1505 и 1507 годами они привезли в Белозерье рукопись новой книги. Можно предположить, что волоцкий игумен просил дополнить или отредактировать текст. Большую часть сборника старец Нил переписал сам, остальные главы — еще три писца. «Просветитель», составленный в Сорском скиту, состоит из одиннадцати «Слов». Книга украшена красочными заставками неовизантийского стиля, киноварными инициалами и заголовками. Парадное оформление рукописи однозначно свидетельствует о том, что Нил Сорский поддерживал Иосифа Волоцкого в его борьбе с ересью.

Нил жил в Заволжье, где находили себе убежище многие еретики, спасавшиеся от расправы. Некоторые из них были сосланы в Кирилло-Белозерский монастырь. Скорее всего, именно в этой обители был написан знаменитый «Ответ кирилловских старцев», осуждающий Иосифа Волоцкого за его отношение к еретикам. Исследователи считают автором «Ответа» низложенного митрополита Зосиму, который находился в Кирилловской обители в ссылке и всерьез опасался за свою дальнейшую судьбу^[425]. Все эти обстоятельства впоследствии дали возможность некоторым историкам утверждать, что в числе тех, кто разделял взгляды автора «Ответа», был и Нил Сорский. Однако вряд ли одновременное проживание разных лиц в соседних монастырях может служить доказательством сходства их идейных позиций. К тому же «Сказание о новоявившейся ереси», переписанное Нилом, содержит наиболее острые обвинения против бывшего митрополита Зосимы: он назван здесь «Иудой предателем», «головней содомской», «скверным злобесным волком» (впоследствии эти красочные эпитеты были изъяты из текста «Просветителя»).

Борьба Нила Сорского с ересью не была столь очевидной, как деятельность Иосифа Волоцкого. Все это время старец уединенно жил в своем скиту на Соре. Но он не остался равнодушен к той беде, в которой оказалось его земное отечество. Первый храм Ниловой пустыни был освящен в честь Сретения Господня, а это довольно редкий выбор^[426]. В посвящении монастыря всегда сказывается духовный поиск его основателя. Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры — выразительное свидетельство

о богословии Сергия Радонежского. Кирилл Белозерский посвятил свой монастырь, основанный на месте, определенном Богородицей, празднику Успения Божией Матери. Постараемся же понять скрытые духовные мотивы, побудившие сорского отшельника выбрать Сретение главным праздником своего скита.

Древнерусское слово «сретение» означает «встреча». Праздник был установлен Церковью в воспоминание встречи праведного старца Симеона и Младенца Христа, которого по исполнению сорока дней от Рождества Дева Мария и Иосиф Обручник принесли в храм на посвящение Богу. Принимая в этот день на свои руки Христа, старец Симеон (которого так и прозвали — Богоприимец) засвидетельствовал перед всеми, что Младенец, которого он держит в своих объятиях, — сам Господь.

Трудно с уверенностью сказать, почему преподобный Нил, думая о скитской церкви, вспомнил о Сретении. Возможно, какое-то важное событие в его жизни пришлось на этот день. Возможно, именно в Сорской пустыни состоялась его собственная встреча с Богом, и он увидел тот Божественный свет, о котором читал в книгах святых-исихастов. Но важно помнить и другое: из истории Церкви известно, что к сретенской молитве прибегали во времена тяжелых испытаний и бед. Она считалась сугубой молитвой за отечество. Торжественное празднование Сретения как двенадцатого праздника было установлено при императоре Юстиниане после целого ряда трагических событий. В 541 году в Константинополе распространилось моровое поветрие, в некоторых местах оказалось такое запустение, что некому было погребать мертвых. В Антиохии в это время начались сильные землетрясения. Совершая литургию, погиб во внезапно обрушившемся храме епископ Евфрасий. По откровению свыше, были совершены всенощное бдение празднику Сретения и крестный ход, после чего бедствия прекратились ^[427].

Нилу и его современникам было известно и о другом «сретенском чуде», которое случилось в Новгороде. В 1462 году здесь чудесным образом явилась икона Симеона Богоприимца. Ее нашли у огромной братской могилы (скудельницы), в которой погребали умерших от моровой язвы «жиавы». Смертоносная болезнь унесла тогда сотни жизней и продолжала свирепствовать. На месте явления иконы, по откровению свыше, новгородцы за один день поставили храм во имя святого Симеона Богоприимца, и мор прекратился. Старец Симеон издревле почитался как святой, молитва которого за весь мир имеет большую силу перед Богом. В Житии Петра Афонского говорится о том, что именно заступничеством святого Симеона Петр был освобожден из плена. Николай Чудотворец,

явившийся Петру в его тюремной камере, сказал: «Молись Симеону Богоприимцу, он силен у Господа, так как предстоит престолу Вседержителя вместе с Пресвятой Богородицей и святым Иоанном Крестителем».

В то время, когда Нил Сорский освящал свой скит, на Руси, подобно моровому поветрию, распространялась ересь, грозившая разрушением самому Русскому государству. На каждой службе в Сорском скиту пелся кондак празднику Сретения, в строках которого заключена усиленная молитва за государя: «И ныне спасл еси нас, Христе Боже, но умири во бранех житие и укрепи Царя, их же возлюбил еси, Человеколюбче».

Богословие стихир и канона Сретению сосредоточено на главном христианском догмате — о Боговоплощении. Святитель Кирилл Иерусалимский в своей «Беседе на Сретение Господне» говорит, что в этот день сокровенная тайна Боговоплощения была открыта богоизбранному народу Израилю и всем языкам (народам). При всей своей многозначности праздник всегда воспринимался как уверение в истинности Боговоплощения подобно уверению Фомы в чуде Воскресения Христова. Церковное предание рассказывает о том, что на рубеже II–III веков до Рождества Христова Симеон Богоприимец был в числе 70 толковников, переводивших Библию с древнееврейского языка на греческий (этот перевод получил название Септуагинта). Во время работы над текстом он усомнился в словах пророка Исаии: «Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис. 7, 14), но получил откровение от ангела, что собственными глазами увидит исполнение этого пророчества. В день Сретения он засвидетельствовал перед миром, что Младенец на его руках — сам Господь, единосущный и соприисущный Богу Отцу. «Услышите сия вси языцы (Пс. 48, 1), слушай Израиль. Тот, Которого я, твой священник Симеон, в объятиях ношу и великим гласом в храме народу проповедаю и свидетельствую, есть Господь Бог твой»^[428]. Стихира праздника утверждает, что в Иерусалимский храм был принесен Господь, давший некогда Моисею скрижали Завета на горе Синай. Об этом отроке предвозвещали пророки Ветхого Завета — Исаия, Иеремия, Аввакум, Давид. Своей проповедью на пороге храма старец Симеон, по словам стихир, разрушил «омрачение неверия» в древние слова пророков и обличил «евреям неверные сердца», возвещая грядущее Распятие Спасителя и Его Воскресение.

«Сделавшись младенцем, — говорится в каноне празднику Сретения,

— Создатель явил человеческое естество сообразным Божеству»^[429]. Богословие праздника не только утверждает истину, но и обличает ее противников. В праздничных стихирах слышны отзвуки той напряженной борьбы, которую вела Церковь за чистоту исповедания Богочеловечества Христа. Одна из сретенских стихир говорит, что Господь явился миру «не мнением, не привидением, но истиною, чтобы Божественное соединилось с человеческим». Стихира призывает христиан «испытывать», то есть изучать, Божественные писания, ибо в них они обретают истинное знание о Боговоплощении^[430].

Всем, кто искал спасительного пути, Нил Сорский так же советовал «испытывать» Божественные писания; для себя он видел в этом «живот и дыхание». Этот духовный совет старца Нила звучал особенно актуально в конце XV века, когда повсюду от Новгорода до Москвы распространилось еретическое учение, считавшее Христа не Сыном Божиим, а простым человеком. «Како может Бог на землю снити и от Девы родитися, яко человек?» — говорили еретики, сея это сомнение рационального человеческого мышления^[431]. Отрицая Боговоплощение, они последовательно отрицали все христианское вероучение. Незнание Божественных писаний даже в среде священников и иконописцев помогало ереси укорениться. В этой обстановке шатаний и сомнений Нил Сорский посвятил свой скит Сретению, обратив внимание своих современников на богословие праздника.

На Соре Нил составил три объемных сборника житий святых. Подбор текстов в них свидетельствует о том, что, переписывая рассказы о борьбе с древними ересями, старец имел в виду и современную ему ересь.

Как известно, в Новгороде ересь «жидовствующих» сопровождалась надругательствами над иконами и крестом. В Москве иконоборчество не принимало таких грубых форм, но тоже давало о себе знать. «Есть серьезные основания полагать, в частности, что в последние годы XV века в окружении великого князя получили преобладание иконоборческие настроения. Об этом можно судить по целому ряду фактов. Во-первых, по вероятному предположению большинства исследователей, в этот период в Москве приостанавливаются предприятия по росписи новопостроенных соборов, а артели выдающихся мастеров перемещаются на окраины страны, в частности на Белоозеро»^[432].

Ближайшей аналогией ереси по своим внешним проявлениям было византийское иконоборчество VIII–IX веков. Об этом периоде рассказывают Жития Феодора Студита, Иоанна Дамаскина, Иоанникия

Великого из сборников Нила. Житие студийского игумена повествует о том, что во времена святого в Константинополе по приказу императора-иконоборца творились страшные кощунства над иконами: «...овы безчестне на землю пометаху, овы же огню предаху, овех же калом помазовахом и многая зла творяху». Одинаковые проявления ересей должны были иметь и сходные причины.

«О причинах иконоборчества много спорили в науке. Одни видели в нем влияние мусульманского востока с его запретом человеческих изображений, попытку некоего человеческого компромисса с исламом, другие — первое восстание против Церкви идеи „секулярной“ культуры, вдохновленной императорами... третьи, наконец, новый взрыв все того же еллинского спиритуализма»^[433]. Житие Феодора Студита по-своему отвечает на этот вопрос. Согласно его рассказу, на Соборе, который в Рождественский сочельник 814 года созвал император Лев V Армянин, Феодор Студит обличил еретические заблуждения царя: «Откуда ти, о царю, сие умышление? Ниоткуда, — точию от Ветхаго закона писании»^[434]. Обосновывая свои взгляды, иконоборцы ссылались на ветхозаветный запрет поклоняться рукотворным идолам: «Не сотвори себе кумира и всякого подобия». На это Феодор Студит отвечал: если уклоняться к Ветхому Закону, тогда надо и полностью исполнять его. Между тем действие Ветхого Закона прекращено благодатию Нового Завета. Ту же мысль в «Словах» о защите икон высказывал и святой Иоанн Дамаскин. «Ветхозаветный запрет делать „всякое подобие“, на который прежде всего и ссылались иконоборцы, имел в понимании Дамаскина временное значение и силу, был воспитательной мерой для пресечения склонности иудеев к идолопоклонству. Но... в царстве благодати не весь Закон сохраняет силу»^[435].

Соборный приговор 1490 года свидетельствует о том, что новгородские еретики так же апеллировали к Ветхому Завету: «...хуляще и ругающесе: та суть дела рук человеческих, уста имут и не глаголют и прочее, подобне им да будут творящи и вси надеющиеся на нь»^[436]. Таким образом, тексты Житий Феодора Студита и Иоанна Дамаскина звучали очень актуально на Руси в конце XV века.

Помимо уже названных произведений в свои сборники сорский отшельник включил Жития Феодосия Великого, Евфимия Великого, Саввы Освященного, что также представляется далеко не случайным. Эти памятники признаются историками ценными источниками по истории ересей. Они рассказывают о трудном пути Церкви к принятию догмата о

двуединой Богочеловеческой природе Христа. Этот важнейший христианский догмат был сформулирован и утвержден в острейшей борьбе. Константинопольский архиепископ Несторий (428–431), пользуясь покровительством императора Феодосия II, повсюду распространял еретическое учение, умалявшее Божественную природу Христа. Несторий выступал за то, чтобы именовать Пресвятую Деву не Богородицей, а Христородицей. Он учил, что Дева Мария родила не Бога, а только человека Иисуса, который через наитие Святого Духа стал Христом, и Слово Божие пребывало с ним в особом или относительно соединении. Ересь была осуждена на III Вселенском Соборе в Эфесе (431) и на IV Соборе в Халкидоне (451), но ее последствия сказывались еще долгое время на жизни Церкви. Так, иерусалимский патриарх Феодосий не признал Халкидонский догмат о Богочеловечестве Христа. Учению Собора последовали только монахи обители Евфимия Великого вместе со своим настоятелем. Пытаясь привлечь святого на свою сторону, патриарх послал к Евфимию Великому архимандритов Елпидия и Геронтия. Но страстная речь Евфимия Великого в защиту определений Халкидонского Собора произвела такое впечатление на Елпидия, что тот признал свои заблуждения. Святой Евфимий повелел братии монастыря не общаться с патриархом-еретиком и отойти в дальнюю пустыню. Здесь монахи оставались до тех пор, пока патриарх не был низложен.

Ученик Евфимия Великого Савва Освященный также ревностно боролся с ересями, в том числе с монофизитством. Халкидонский Собор осудил эту ересь за умаление человеческой природы Христа. Константинопольский архимандрит Евтихий, вопреки учению Церкви, говорил о том, что плоть, воспринятая Логосом в Воплощении, не тождественна человеческой, и отрицал единосушие Христа с нами по человечеству. Монофизиты нашли себе много сторонников в монастырях Египта, Сирии, Палестины. Ересь привела к расколу Церквей. Особенно драматичным стало время правления византийского императора Анастасия I (491–518), который открыто поддерживал монофизитов. В 512 году он возвел на антиохийскую кафедру главного монофизитского богослова Севира (512–518). Чтобы переубедить императора Анастасия, Савва Освященный отправился в Константинополь. В заштопанных ризах он появился в императорском дворце и обличил еретиков перед Анастасием I. Согласно греческой версии Жития, стража все-таки не пустила во дворец святого в лохмотьях, но император имел о нем откровение свыше и дал преподобному щедрое пожалование на строительство лавры. Однако на этом противостояние не прекратилось. Когда патриарх Иерусалимский

Иоанн III (в Житии он назван Илией) отказался выполнять данное императору обещание вступить в церковное общение с Севиром, то Савва Освященный в одну ночь собрал в Иерусалиме около десяти тысяч монахов, чтобы поддержать патриарха. С ним вместе был другой палестинский святой, Феодосий Великий (около 424–529). Житие называет его воеводой, храбрым воином, мучеником без крови за Православие. Несмотря на возраст и болезни, святой обходил города и пустыни со своими учениками и проповедовал истину четырех Вселенских Соборов. В ту драматическую ночь, выйдя на амвон иерусалимской церкви во имя первомученика Стефана, святой сделал знак рукой, требуя тишины, и сказал: «Кто четыре святых собора равно четырьмя Евангелиями не вменяет, да будет анафема»^[437]. В результате этого монашеского стояния патриарх Иоанн остался на кафедре. Савва Освященный вместе с преподобным Феодосием с согласия всех монахов Палестины направил императору Анастасию послание против Севира и его сторонников. В письме была заявлена готовность монашества, священства и мирян Святой земли до конца отстаивать православную веру. Заключение этого письма, изложенного в Житии, звучало надеждой и для русских читателей: «Мир же Божий, превосходяй всяк ум, да сохранит свою церковь и оставит пакость ей творящих, повелением твоего державства в славу свою и похвалу твоего державного царства».

Сборники житий, составленные Нилом Сорским, поправки и уточнения, которые он внес в их тексты, совершенно определенно свидетельствуют о взглядах святого на современную ему ересь. Основным способом борьбы с учением еретиков преподобный Нил считал духовное просвещение — знание Божественных писаний, догматов и церковной истории.

В обстановке еретических «шатаний и сомнений» тексты, отредактированные Нилом Сорским, сыграли значительную роль в духовном просвещении русского монашества. Их значение оценили современники великого старца: житийные сборники Нила Сорского постоянно копировали в русских обителях. Уже к середине XVI века было написано особое Вступление к «Преданию» Нила Сорского, в котором его автор (возможно, им был сорский монах по имени Герасим Скудной или Глупой) назвал старца Нила «истинным пастырем, оберегающим своих овец от расхищения зверей». Каждый год перед Великим постом этот текст зачитывался перед братией скита вместе с «Преданием» его основателя. «Знал преподобный, что в великую беду впадает тот, кто носит имя пастыря, а сам оставляет своих овец самостоятельно пастись и вылезать из

ограды. Вскоре такое стадо звери расхищают, пастырь же суду предается, и в темнице многим мучениям подвержен бывает. Поэтому отец наш, убоявшись такого суда, не оставил нас самовольно пребывать, но вкратце собрав Божественные писания об истинной православной вере, оставил нам написанное. Мы же, внимающие со страхом Божиим преданию его, благодатию Христовой, не погрешим против истинной веры^[438]» (современный перевод).

Часть 6. Итоги

Ученики

Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущие.

(Пс. 126; 1)

С годами у старца Нила появились ученики, хотя он не любил, когда его называли учителем. «Один ведь у нас учитель — Господь Иисус Христос, Сын Божий, давший нам божественные Писания, но и святые апостолы и преподобные отцы, научившие и научающие спасению человеческий род, поскольку они все прежде сами сделали благое и тому иных научили. Я же не делатель никакого блага, но только божественные Писания говорю принимающим их и хотящим спастись»^[439]. Про своих учеников старец Нил говорил: это те, которые моего нрава. И это очень точное высказывание.

Монах Герман (Подольный), самый близкий друг Нила Сорского, был значительно младше его. Герман преставился в 1533 году — на 25 лет позже, чем Нил. Поскольку старец прожил довольно долгую жизнь — 75 лет, трудно представить, чтобы Нил и Герман были ровесниками. Нил Сорский неизменно называл друга: «присный возлюбленный мой», «присный духовне любимый мой». Вспоминая историю их дружбы, старец говорил, что Герман сразу стал духовно близким ему человеком («изначала духовною любовью усвоаемь еси мне»). Герман хорошо знал семью Нила: его брата, друзей брата. Преподобный писал ему: «Ты же веси мою худость изъначала» («Ты с самого начала знаешь меня, грешного»).

К сожалению, мы очень мало знаем о самом Германе. Есть основания предполагать, что он принадлежал к знатному боярскому роду Сорокоумовых-Глебовых. Игнатий Бурунов, происходивший из рода Глебовых, какое-то время жил в келье Германа в Кирилло-Белозерском монастыре. 31 января 1501 года Герман записал в своем дневнике: «...в нашу келью пришел Игнатий Бурунов»^[440]. Далее он перечислил родственников Бурунова: родных братьев Ивана Ощеру, Ивана Полуекта Море, Алексея Буруна, Дмитрия Бобра, Василия Кокошку. Все эти люди — служилая гвардия великого князя Василия Темного. Иван Васильевич Ощера и Дмитрий Васильевич Бобр уже в 1446 году решительно выступили против Шемяки и успешно воевали с его отрядами. Иван

Полуект Море вместе с кирилловским монахом Кассианом сопровождал епископа Иону в Царьград. Этот боярин долгое время, вплоть до своей смерти, служил постельничим у великого князя Василия Темного. «Постельничий должен был постоянно находиться при государе для всякого рода поручений и услуг. Даже по ночам он спал в одном покое с монархом и охранял его сон»^[441]. Кроме того, он «ведал имуществом великого князя, его походной казной и печатью», а также заседал в Боярской думе и участвовал в разборе судебных дел. Брат Полуекта Море, которого, правда, не упомянул монах Герман, боярин Григорий Васильевич Криворот, был при Василии Темном дворецким: «...а был дворецкой на Москве по свою смерть без перемены»^[442]. Как бы ни менялись обстоятельства жизни, бояре и служилые люди из государева двора даже в монастыре сохраняли привычный им круг общения.

Монахи Герман и Нил какое-то время вместе подвизались в Кирилловой обители, но потом их пути разошлись: Нил отправился на Восток, а Герман, видимо, остался в монастыре. Когда Нил вернулся из паломничества и устроил скит, Герман навестил старца. Ему понравилось место, выбранное преподобным. Тем не менее он не остался здесь жить. Возможно, дружеские отношения исключали его подчинение Нилу как настоятелю обители. Монах Герман хотел создать собственный монастырь. Н. К. Никольский, публикуя записки Германа, которые тот вел в 1501–1509 годах, усмотрел некое самодовольство в тоне их автора. Напротив собственного комментария к евангельскому тексту инок сделал помету: «добре написал».

Самоуверенность была действительно присуща Герману. Старец Нил не мог этого не замечать и, возможно, пытался как-то влиять на инока. Во всяком случае, между ними при встрече в скиту произошел довольно жесткий разговор, о котором Нил потом вспоминал с сожалением.

Как следует из послания Нила Сорского Герману, последний поделился со старцем намерением покинуть Кириллов монастырь. Но Нил не видел духовных оснований для такого решения. Тогда Герман, видимо, указал старцу на его собственный пример. На это Нил ответил: «...не просто так или как случится подобает нам осуществлять какие-либо дела, но по божественным Писаниям и по преданию святых отцов, прежде всего — уход из монастыря. Только — пользы ли ради душевной, а не ради иного чего-то?»^[443] Ответ не понравился Герману, и он покинул Нилову пустынь. Однако монах всё же выполнил какие-то поручения старца, за что преподобный поблагодарил его в своем послании. Завершая письмо, Нил

Сорский просил Германа прислушаться к его совету: «Хоть и грубо я написал, но ведь — не кому-то иному, но тебе, неизменному возлюбленному моему, чтобы не презреть просьбу твою. Надеюсь ведь, что с любовью примешь ты это и не осудишь неразумие мое»^[444].

После кончины Нила Герман, наконец, исполнил свое желание: он ушел из Кириллова монастыря и поселился в отшельнической келье неподалеку. Это решение огорчило его родных. Сохранилось послание неизвестного инока монаху Герману. Автор пишет, что обращается к нему по просьбе родственников адресата: «Ныне, господине, оставил еси печальна ангела своего хранителя и отцу своему родившему скорбь сотворил еси неутешну, також и матери своей велику печаль навел еси, и сродники своя, еже по плоти, иже zde во обители, оставил еси смущены»^[445].

Автор послания, называя Германа «бегуном», упрекал его в том, что тот не послушал совета духовника и нарушил обет монашеского послушания: «Ты отбегл креста, сиречь подвига, своим нетерпением чернеческого завета, отдал живот и Царство Небесное на худеи вещи, утешая тело свое лакомством и слабостию и маловременным мечтанием, и глаголеши себе: „Что ми сего лучши: по своей воли лягу, по своей воли встану, и все — воля моя“»^[446]. По просьбе отца Германа автор послания еще просил монаха «не держать совета с Пенкою ни о чем».

Прозвище «Пенько» (или «Пенко») в начале XVI века носил князь Даниил Александрович, сын последнего ярославского князя Александра Федоровича Брюхатого, который уступил свою вотчину Ивану III в 1463 или 1471 году^[447]. Данила Пенко стал родоначальником особой ветви ярославских княжат Пенковых. Он считался старшим в роде, сохранив права на земли в Закубенье (земли бывшего Ярославского княжества в районе Кубенского озера) и в Вологодском уезде. Эти земли унаследовал его сын Василий Данилович Пенко. Вероятно, Герман дружил именно с Василием, поскольку Данилы к 1509 году, скорее всего, уже не было в живых (его духовная грамота, подписанная митрополитом Симоном, датируется 1501/02 годом). Возможно, Герман поселился или намеревался основать свой монастырь на землях князя Василия Пенко, а тот, по мнению отца, оказывал на него дурное влияние. Если князь унаследовал характер своего деда — Александра Федоровича Брюхатого, то беспокойство родственников Германа можно понять. Любопытный рассказ о князе Александре Федоровиче сохранился в послании Иосифа Волоцкого Ивану Ивановичу Третьякову: «Князь Александр Феодорович Ярославский, егда

хотяше приити на свой монастырь на Каменое, повелеваше с собою псы в монастырь приводити, також и в трапезу. И егда сам ядыше, тогда и псы повелеваше кормити тою же пищею, яже сам ядыше». Старцы Спасо-Каменного монастыря были вынуждены жаловаться Василию Темному, и тот, в конце концов, взял монастырь под свое покровительство^[448].

Не только родственники, но и знакомые Германа проявили поразительное единодушие по отношению к его поступку. Монах Волоцкого монастыря Нил (Полев) укоризненно заметил ему: «Ты же живещи в пустыни и сшел еси своих ради грех в уединение». На какое-то время Герман обосновался в Подольном монастыре: его записи за 1509–1510 годы освещают жизнь этой обители.

Где точно находился монастырь, сказать трудно. Какой-то Подольный монастырь существовал рядом с вологодским Прилуцким монастырем, был еще Подольный монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы в Кадниковском уезде на реке Ухтоме, а также Введенский монастырь на Подоле, приписной к Троице-Сергиевой обители^[449].

Монах Герман имел довольно задиристый характер и любил постоять за правду, это явствует из его переписки с Нилом (Полевым). Волоцкий монах вместе со своим собратом Дионисием Звенигородским поселился в Белозерье еще при жизни Нила Сорского^[450]. В это время разгорелась распря между волоцким князем Федором Борисовичем и Иосифом Волоцким. Последствия этого раздора долго будоражили русское общество. Монастырь преподобного Иосифа находился под властью удельного князя, который с некоторых пор стал притеснять обитель. Федор Борисович «еще в детстве отличался запальчивостью и гневным характером, в припадке бешенства он как-то нечаянно повредил себе язык и с той поры стал заикаться»^[451]. Князь был склонен к разгульным пирам, жил на широкую ногу, а это требовало средств. И тогда он обратил свой взор на казну богатого Волоколамского монастыря: занимал и не отдавал у игумена большие суммы денег, отбирал у старцев ценные иконы, вмешивался во внутренние дела обители, требовал, чтобы в монастыре за трапезой его поили хмельными напитками, что запрещал монастырский устав.

Затянувшийся конфликт резко обострился после того, как Иосиф Волоцкий отказался отдать Федору Борисовичу монастырский жемчуг. Правда, современные исследователи говорят, что дело было вовсе не в жемчуге, а в том, что волоцкий игумен уговорил родного брата Федора, русского князя Ивана Борисовича, отказаться в завещании от своих родовых земель в пользу великого князя. В ноябре 1503 года князь Иван

Рузский тяжело заболел, и его перенесли в Иосифов монастырь, где он и скончался. Узнав о завещании брата, Федор Борисович пригрозил игумену изгнанием из обители, а монахам — наказанием кнутом. Новгородский владыка Серапион был не в силах защитить Иосифа Волоцкого и дал ему совет покориться: «Не достоин ты с князем Феодором свариться и силою у него жити на его отчине»^[452]. Иосиф Волоцкий оказался в сложной ситуации. Но он нашел выход.

В феврале 1507 года игумен пожаловался на Федора Волоцкого великому князю Василию III и митрополиту Московскому Симону. Он просил государя взять обитель под свое покровительство^[453]. По решению Василия III и архиерейского Собора верховным патроном монастыря стал великий князь, однако обитель продолжала платить налоги со своих земель волоцкому князю и оставалась в церковной юрисдикции новгородского архиепископа^[454]. Не позднее осени 1507 года Иосиф Волоцкий отправил в Великий Новгород инока Игнатия (Огорельцова), но его не пустили дальше Торжка из-за карантина в связи с эпидемией чумы^[455]. Иосиф не стал ничего предпринимать, полагаясь на обещание великого князя сообщить обо всем новгородскому владыке. К тому же в 1508 году тяжелая болезнь приковала игумена к постели. В результате владыка узнал о решении волоцкого игумена с опозданием на два года и был этим сильно уязвлен.

Значительную роль в разжигании конфликта сыграли недоброжелатели Иосифа: князь Федор Рузский, архимандрит Возмицкого монастыря Алексей (Пильемов), митрополичий боярин князь Иван Кривоборский. Как это часто бывает, они представили архиепископу Серапиону поступок Иосифа в ложном свете.

В Великий пост 1509 года владыка прислал волоцкому игумену свою неблагословенную грамоту и отлучил его от священства. Некоторые иноки Волоколамского монастыря советовали своему настоятелю принести повинную владыке. Однако игумен Иосиф вновь обратился к великому князю и к митрополиту, ища у них справедливого суда^[456]. В Москве состоялся церковный Собор, на котором отлучение с Иосифа Волоцкого было снято. Архиепископ Серапион превратился из обвинителя в обвиняемого. Не позднее мая 1509 года он был сведен с кафедры. Его дело расследовалось на церковном Соборе в июле 1509 года^[457]. По решению Собора архиепископа заключили под стражу в Спасо-Андроников монастырь. Наказание оказалось очень суровым. В обществе все жалели Серапиона. Даже близкие Иосифу Волоцкому люди встали на сторону владыки. Игумену пришлось оправдываться. Подойдя к делу обстоятельно,

он составил целую подборку различных примеров из жизни монастырей под названием «Попечение государя и великого князя Василия Васильевича о церквех и монастырех русских». В ней он показал, что еще во времена Василия Темного обители часто переходили под покровительство великого князя.

Но полемика продолжалась. Существует обширная переписка свидетелей конфликта, где каждый излагает свою версию. И как всегда на Руси, оценки эти носят очень жесткий и непримиримый характер. В Кирилло-Белозерском монастыре некоторые иноки отнеслись недоброжелательно к волоцким монахам. Герман (Подольный) тоже не преминул высказаться по этому поводу: после того как еще действующий владыка Серапион запретил волоцкого игумена в служении, Герман назвал всех постриженников Иосифа отлученными от Церкви, хотя игумен Кириллова монастыря Геннадий продолжал причащать волоцких монахов. Борясь за справедливость, Герман порицал церковный Собор, осудивший архиепископа: «...весь собор, побояся царя, и соиде на слабость и неправо суди»^[458]. На это Нил (Полев) ему язвительно отвечал: «...и ты аще будешь мужествен и мног разум имаши от Божественных Писаний, и ты иди и обличи царя и весь собор». Больше всего монаха Нила возмущало то, что Герман заступался за еретиков «жидовскаа мудрствующих», говоря: «...нам судити не подобает никого ни верна, ни неверна, но подобает молитися о них, а в заточение не посылать». И при этом призывал кирилловских монахов не садиться за трапезу с волоцкими иноками, как будто те действительно были еретиками.

Нил (Полев) не остался в долгу и ответил довольно резким посланием: «...не своя мера дела начинаеши, яко нога еси, и главе судиши, сиречь митрополиту и всему собору Русския митрополия и отцу нашему и священноиноку игумену Иосифу»^[459]. Через некоторое время Герман прислал к Нилу (Полеву) некоего диакона Илью с примирительным посланием. Волоколамский инок объяснил резкость тона обидой за своего духовного отца Иосифа, «житие и подвиги» которого, а также его «правую и истинную веру» он знал. Выпады же в свой адрес Нил охотно простил обидчику. Впоследствии жизнь всё расставила по своим местам. Перед смертью князь Федор Волоцкий примирился с преподобным Иосифом и был погребен в его монастыре. Волоцкое княжество вошло в состав владений Василия III, и великий князь окончательно утвердился в качестве патрона обители. К 1512 году Нил (Полев) благополучно вернулся в Волоколамский монастырь. Великий князь примирился с Серапионом и в

частном послании посоветовал преподобному Иосифу сделать то же самое. Спустя годы и волоцкий игумен, и новгородский архиепископ были канонизированы Русской церковью в лике святых.

Сколько времени прожил Герман в своей пустыни, неизвестно. Видимо, ему так и не удалось основать собственный монастырь. В итоге он все-таки откликнулся на моление отца и вернулся в Кирилловскую обитель: из краткого монастырского летописца известно, что Герман (Подольный) мирно преставился в этой обители 30 апреля 1533 года, в день памяти святого апостола Иакова^[460].

Преподобный Иннокентий Комельский, называвший себя учеником старца Нила, являет нам совсем другой пример жизненного пути. Фамилия Иннокентия — Охлябинин позволила авторам его Жития утверждать, что он принадлежал к ярославскому княжескому роду Охлябининых, находившемуся в свойстве с Хворостиниными, которые, в свою очередь, вели свое происхождение от легендарного Рюрика. По родословным книгам известен Федор Охлябин, второй сын князя Василия Ухорского, имевший трех сыновей: Петра, Василия и Ивана. Петр и Василий были служилыми людьми^[461]. Третий сын, Иван, традиционно отождествляется с Иннокентием Комельским. Однако исследователи заметили, что древнейшие редакции родословных книг называют только двух сыновей Федора — Петра и Василия. По их предположению, появление в книгах имени Иван есть позднейшая приписка. Поэтому возможно, что в случае с Иннокентием Комельским мы имеем дело с однофамильцем князей Охлябининых^[462].

Иван получил в родительском доме хорошее образование. К тому же он обладал явным литературным талантом. Будучи игуменом собственной обители, преподобный написал для нее устав — «Завет инока Иннокентия». Некоторые исследователи приписывают ему несколько богословских сочинений^[463]. Много времени Иннокентий посвятил переписыванию книг и даже составил об этом небольшую заметку с говорящим названием «Яко добро есть писати святыя книги»^[464].

В тексте «О житии преподобнаго Нила Сорского», написанном в Ниловой пустыни, сообщается, что Иннокентий сопровождал своего учителя в Константинополь, Палестину и на Афон^[465]. Эти сведения позволяют предположить, что Иннокентий, как и Нил, был постриженником Кириллова монастыря. Вернувшись на Русь, он последовал за Нилом на Сору. Однако в другом источнике — Житии Иннокентия Комельского — события представлены иначе. Согласно этому

тексту, Иван Охлябинин пришел в скит к старцу Нилу, здесь принял постриг и стал учеником преподобного. Учитывая то обстоятельство, что в скиту никого в монашество не постригали, более достоверной кажется версия заметки «О житии преподобнаго Нила Сорского». Факт совместного длительного паломничества Нила и Иннокентия на Восток говорит о многом, прежде всего, — о том, что старец полностью доверял своему ученику и чувствовал себя совершенно комфортно в его обществе.

После того как скит был устроен, Нил благословил Иннокентия основать собственную обитель. Возможно, впрочем, что ученик покинул скит уже после преставления преподобного. Уходя из пустыни, монах Иннокентий взял с собой самое дорогое — сочинения «господина и учителя своего, старца Нила». Он поселился в глухом Комельском лесу на берегу маленькой речки Еды в верховьях Нурмы, в 55 верстах к юго-востоку от Вологды. При жизни Иннокентия его обитель, скорее всего, существовала на основе устава Ниловой пустыни, то есть была скитом. Согласно «Завету инокa Иннокентия», в его монастырь принимали только тех, кто обещал жить, соблюдая Божественные заповеди и предание старца Нила. «Аще который в пустыни нашей брат наш инок не восхоцет управляти свое жительство по божественных заповедех и по написанию господина и учителя моего старца Нила, и по сиему нашему письмени, но убо самочинием и самовольством восхоцет водитися, таковаго настоятель и братия да накажут. Аще ли и по наказании не исправится, сего убо настоятель и братиа измещут от пустыня, яко плеву от жита, безо всякоа боязни», — сказано в завещании Иннокентия^[466].

По версии Жития, подвижник преставился 19 марта 1491 года. Иногда в святцах указывается другая дата его кончины — 19 марта 1521 года, но она исследователями признается менее достоверной. Обитель Иннокентия Комельского была полностью разрушена в советские годы, ныне на ее месте находится кладбище, поросшее редким лесом. Однако земные недра бережно хранят мощи святого, а это верный залог грядущего возрождения монастыря. Голос преподобного Иннокентия, ученика старца Нила, слышен в его творениях, написание которых он справедливо считал благодарным и богоугодным делом.

Государева служба

Не спасается царь многою силою.

(Пс. 32, 16)

Монастырская жизнь кажется на первый взгляд однообразной и монотонной: пост сменяет праздничные дни, за постом снова следует праздник. Вести из мира почти не нарушают течения монастырских будней. Однако внутренняя духовная работа, невидимая постороннему глазу, производит колоссальные изменения в человеке, приобщает его к иной — вечной — жизни, выводит на другие орбиты. Жизнь в миру событийна, она полна каждодневной суеты; вереницы неотложных дел связываются в железную цепь, которая порой не оставляет человеку никакой возможности вырваться из замкнутого круга.

Жизнь Андрея Майко состояла из череды важных государственных дел и трудоемких забот житейских. На службе дьяк занимался, главным образом, вопросами внешней политики Московского государства. Он участвовал в переговорах, ездил с посольствами, в его подчинении находились подьячие, писари, толмачи (переводчики).

В октябре 1494 года Андрей Майко участвовал в приеме ганзейских послов. На этих переговорах речь шла об изменении неравноправных и потому невыгодных для русской стороны условий торговли. Дьяки предъявили жалобы на обиды, чинимые русским людям ганзейскими купцами. В январе — феврале 1494 года Андрей Майко присутствовал на переговорах с литовскими послами о заключении мира и о браке великого князя Литовского Александра и дочери Ивана III княжны Елены. Со стороны московского князя переговоры вели боярин Василий Иванович Патрикеев, Семен Иванович Ряполовский и казначей Дмитрий Владимирович Овца-Головин. Андрей Майко выступал на вторых ролях как второй «младший» дьяк после Федора Курицына. Когда переговоры подходили к концу, Василий Патрикеев велел «писати диаком докончянья (договор о мире. — *Е. Р.*), и они начисто написали»^[467]. Таким образом, текст мирного русско-литовского договора был составлен дьяками Курицыным и Майковым.

Последнее десятилетие XV века и начало следующего столетия Московское государство находилось в состоянии войны с Великим

княжеством Литовским, пограничные конфликты следовали один за другим. Так, в 1494 году в Москву приехал дворянин Павел Путятин с многочисленными жалобами великого князя Литовского. Александр Казимирович требовал отдать все имущество князей Семена и Петра Мезецких, которые полтора года находились в московском плену. На эти претензии по повелению Ивана III отвечал дьяк Майко: «...в наше нежитье (во время войны. — *Е. Р.*) между нашими людьми на обе стороны много того было; ино как то сыскивати?»^[468] Чтобы как-то приблизиться к миру, Иван III согласился выдать свою дочь Елену за Александра Литовского. Непременным условием брачного договора, на котором настаивал московский князь, являлось обязательство не принуждать Елену к отказу от православной веры.

5 февраля 1494 года был подписан мирный договор с Литвой, а Елена заочно обручена с Александром Литовским. Около года продолжалась подготовка к свадьбе. Наконец 13 января 1495 года дочь Ивана III покинула родную Москву. 15 февраля в главном костеле Вильно состоялось венчание, которое совершил виленский епископ Войтех Табор, а не православный киевский митрополит Макарий, как того хотел Иван III.

Однако брак Елены и Александра не принес мира в русско-литовские отношения. Московский князь продолжал политику возвращения исконных русских земель, захваченных Литвой. А великий князь Литовский, возмущенный таким поведением тестя, не собирался соблюдать своих обязательств в отношении православной веры своей жены. В результате литовские послы были частыми гостями в Москве. Едва успевали проводить одних, как являлись другие. В мае 1495 года в столице снова принимали литовского посла. Князь Крошинский жаловался Ивану III на то, что писец Василий Карамышов отписал княжескую смоленскую вотчину к Вязьме. На это дьяк Андрей Майко отвечал уклончиво: «...и как у нас наш писец будет, и мы о том его въспросим, как будет то деялося»^[469]. Обычно переговоры длились долго, послы месяцами жили в Москве. Согласно заведенному обычаю они приезжали на государев двор или в палаты Патрикеева; затем послы великого князя ездили с ответом на двор к иноземцам. Государь по обыкновению щедро угощал послов, но от этого проблемы не близились к разрешению.

В августе 1495 года Андрей Майко вместе с Борисом Васильевичем Кутузовым участвовал в ответном посольстве к великому князю Литовскому Александру. Одна из миниатюр Лицевого летописного свода второй половины XVI века запечатлела это посольство и сохранила пусть и

условный, но портрет родного брата преподобного Нила. Обычный путь послов в Литву пролегал через Звенигород, Можайск, Дорогобуж, Вязму, Смоленск, Витебск. Ехали на лошадях, подводы меняли по ямам (постоялым дворам), до границы послов сопровождала охрана, а по литовской территории послы ехали уже с литовскими провожатыми. В дороге находились несколько месяцев. Такие путешествия были не только долгими, но и опасными, и можно только удивляться, как пожилой дьяк преодолевал этот путь.

Находясь за рубежом, послы должны были соблюдать осторожность и быть предельно внимательными. Надлежало тщательно беречь посольские документы, особенно если они носили секретный характер. Так, посол Василий Ушаков, собираясь в Литву, получил от великого князя такой наказ: «...нечто похотят тебя и волошских послов обыскивати, и ты б те грамоты... тогда истерял, как ти мочно»; а не станут обыскивать, — «держал бы еси их у себя тайно, где пригоже, в платно (в одежду. — *Е. Р.*) ли бы еси их ныне в свое каково встегал... чтоб как их где не знати»^[470]. Исполняя дипломатическое поручение, послы должны были принимать решение единодушно. В 1503 году, отправляя послов в Литву, Иван III учил их: «Отпущаючи вас, не приказал еси вам того, чтобы меньшей большого чтил, а болший бы меньшого берег да также и чтил во всем... а розни бы меж вас ни в чем не было, чтобы есте своею рознью мне нечти (нечестия. — *Е. Р.*) не учинили, а делу бы моему в том порухи не было»^[471].

Посол должен был охранять престиж своей страны и свято беречь государеву тайну: «...отвечать только на то, что не тайно, а на расспросы тайные отвечать, что не ведаешь». Стараясь все замечать и запоминать, посол делал это незаметно, соблюдая определенный такт. В 1535 году русский посол, посланный в Литву к пленному князю Оболенскому, получил от великого князя наказ все слушать, а самому не спрашивать, «чтобы в том на тебя никоторого слова не было, что ты лазучишь и пытаешь про все». Обнаружив некоего словоохотливого и осведомленного человека, посол мог попытаться разговорить его «о тамошних делах». Но сам при этом должен был проявлять осторожность, чтобы ненароком не сказать лишнего: «...и ты с тем поговори, да большое у него слушай, а сам в пытанье не вплетайся, чтоб дал Бог тамошнее уведати, а на себя бы тебе которого слова не нанести: хотя чего и не уведаешь, а сам без слова будешь, ино то велми добро»^[472]. Миссия послов была чрезвычайно ответственной, поэтому, вернувшись на Русь, они, как правило, получали повышение по службе, новые чины или богатые государевы подарки. В

XVII веке жалование дьяков и подьячих Посольского приказа было в три — пять раз выше, чем в большинстве других приказов. Однако, если государь был недоволен своими послами, их ждала опала.

На переговорах Майко подробно перечислил все претензии Ивана III к литовскому князю: великую княгиню Елену и Александра венчали не по православному обряду (а это было принципиальное условие договора), церковь для нее, «чтобы ей близко ходити», не поставили, бояр ее свиты отослали, а приставили к ней людей «римского» (католического) закона. «А которые наши бояре и наши люди у нашия дочери живут, ино им великая нечесть чинится; а иные наши люди до смерти побиты, а иных бьют, крадут»^[473]. При личной встрече с Еленой Андрей Майко передал ей «челобитье» (приветствия) и подарки от братьев — князей Василия, Юрия, Дмитрия и от сестер — княжон Феодосии и Евдокии.

В августе 1499 года Андрей Майко вместе с Федором Курицыным принимал в Москве новое посольство из Литвы. В своей грамоте, которую послы передали Ивану III, Александр Казимирович выражал недовольство по поводу того, что московский князь заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. Ответные речи послам говорили Федор Курицын и Андрей Майко. В частности, они выразили от имени великого князя нежелание отказываться от претензии на Киев. В апреле 1500 года Андрей Майко вместе с казначеем Дмитрием Владимировичем и дьяком Федором Курицыным вновь разбирал претензии литовских послов. На этот раз они жаловались на то, что князь Семен Бельский, князя Мосальские, мценские бояре со своими землями и угодьями перешли на службу к московскому князю. «Одним из условий московско-литовского договора 1494 года был запрет на переход знати вместе с вотчинами с одной службы на другую. Принимая Семена Бельского, Иван III явным образом нарушал договор»^[474]. В ответ на претензии великокняжеские дьяки указали на притеснения, которые чинились в Литовском княжестве в отношении православных людей: «...коли на них какова нужда от нашего брата о греческом законе, и нам их как не приимати?»^[475]

В мае 1500 года началась новая война с Литвой. «В начале 1501 года Москву посетили послы польского короля Яна Альбрахта и венгерского короля Владислава Ягеллона (родных братьев великого князя Литовского Александра). Оба короля решительно требовали от Ивана III прекращения войны с Литвой»^[476]. К послам на разговор выходили казначей Дмитрий Владимирович, дьяки Василий Кулешин, Андрей Майко да Болдырь Паюсов. В ответ на требования послов Андрей Майко от имени Ивана III

высказал главную претензию к Александру Литовскому, старавшемуся натравить на Москву Большую Орду, Ногайскую Орду и Ливонский орден: «...а будучи с нами в докончянье (в договоре. — *Е. Р.*) и в крестном целованье, и он поганьство на христиьяньство наводит... а от которых государей пойдут к нам послы через его землю и гости, и он послов и гостей не пропускает, а нашим гостем в его землях сила и грабежы чинятся»^[477]. Несмотря на взаимное недовольство, участники переговоров искали пути примирения. Андрей Майко от лица великого князя заверил послов: «...а тому мы были не ради, что которые дела межы нас ныне с ним сстались». Это последние слова старого дьяка, которые сохранили исторические документы. Скорее всего, он был искренен, когда произносил их.

Последнее десятилетие службы Андрея Майко оказалось не только самым успешным, но и самым опасным. «Внешняя политика всегда была любимой игрушкой государей. Поэтому тот, кто занимался ею профессионально, по роду службы, должен был быть очень осторожен. Ведь государь обидчив, как ребенок, и никому не позволяет без разрешения играть своими игрушками...» — тонко заметил Н. С. Борисов^[478].

При московском дворе постоянно плелись интриги, вершились опалы и разоблачались крамолы. 7 марта 1490 года неожиданно скончался сын Ивана III от первого брака с княгиней Марией Борисовной, наследник русского престола Иван Молодой. Теперь, в случае внезапной кончины самого великого князя, на престол могли претендовать сын Ивана Молодого Дмитрий (родился 10 октября 1483 года) и старший сын Ивана III от второго брака с греческой принцессой Софией Палеолог Василий (родился 25 марта 1479 года). При дворе сразу обострилась борьба двух враждующих партий. Сам великий князь колебался, но принял решение в пользу внука. «Узнав об этом, сторонники Софьи и княжича Василия составили заговор. В декабре 1497 года Иван узнал о заговоре и арестовал всех его участников, включая и самого Василия. Расправа с рядовыми заговорщиками была свирепой»^[479]. Летописи сообщают, что под мостом через Москву-реку казнили шестерых заговорщиков: «Афонасу Яропкину руки да ноги отсеки и голову ссекоша, а Поярку Рунову брату руки отсеки и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромилову, да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрыбина сына Стравина, тем четверем главы ссекоша декабря 27; и иных многих детей боярских велел князь велики в тюрьму пометати»^[480].

После казней 4 февраля 1498 года четырнадцатилетний Дмитрий

Иванович был венчан на царство в Успенском соборе Московского Кремля. Но меньше чем через год, в январе 1499 года, опале подверглись все могущественные сторонники Дмитрия-внука: князь Иван Юрьевич Патрикеев, его сын Василий Иванович по прозвищу Косой, зять Ивана Патрикеева князь Семен Иванович Рязполовский. Все эти люди фактически составляли московское правительство в 1490-е годы. Уступив мольбам митрополита Симона, великий князь заменил смертную казнь князьям Патрикеевым монашеским постригом и ссылкой (летописи сообщают, что князей Патрикеевых постригали «в железех», то есть не снимая железных оков). Иван Юрьевич стал монахом Троице-Сергиева монастыря, а князь Василий, получивший при постриге имя Вассиан, был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь. Семену Рязполовскому отрубили голову на льду Москвы-реки, «на том самом месте, где годом ранее казнили участников заговора в пользу Василия и Софьи»^[481].

Об истинных причинах опалы летописи ничего не сообщают. Однако в 1503 году, выдавая свою грамоту русским послам, Иван III оговорился: «... вы бы во всем себя берегли; а не так бы еси чинили, как князь Семен Рязполовский высокоумничал с князем Васильем княжим Ивановым». Здесь великий князь имел в виду посольство 1494 года Семена Рязполовского, Василия Патрикеева и Федора Курицына в Литву, завершившееся заключением мирного договора и браком Александра Литовского с княжной Еленой. Какую ошибку допустили послы, остается только догадываться. Историки считают, что «мирный договор 1494 года не принес решения большой проблемы русско-литовских отношений. Значительная часть русских, украинских и белорусских земель продолжала оставаться в составе Великого княжества Литовского... Весь 1498 год, предшествовавший падению этих когда-то всемогущих вельмож, наполнен русско-литовскими спорами, которые разрешились в конечном счете только новой войной (1500–1503 годов)»^[482].

Наверное, это только часть ответа на вопрос о причинах опалы Рязполовских-Патрикеевых. В январе Иван III казнил Рязполовского и отправил в монастыри Патрикеевых, а в марте он поставил сына Василия великим князем Новгорода и Пскова. Связь этих событий очевидна. Под тем же 1499 годом летописец сообщает, что великий князь начал «жаловати и любити» своего сына Василия, так же он начал «любити и жаловати» великую княгиню Софию и «сожительствовати с нею, яко же и прежде»^[483]. Рязполовские — Патрикеевы принадлежали к партии царевича Дмитрия и Елены Волошанки. Великий князь, прежде чем подвергнуть

опале невестку и внука, избавился от тех, кто их поддерживал.

Со слов самого Ивана III известно, что Елена Волошанка принадлежала к еретическому кружку. В ереси был уличен и любимый дьяк великого князя Федор Курицын. Насколько могли быть связаны с еретиками бояре Патрикеевы, сказать трудно. Вместе с Федором Курицыным они оформляли земельные акты, участвовали в дипломатических переговорах. «Конечно, факты совместной служебной деятельности Патрикеевых и Курицына, взятые сами по себе, не свидетельствуют об их действительной близости. Но если к ним прибавить влияние идеологии еретиков, следы которого наблюдаются в публицистическом наследии Василия Ивановича Патрикеева, тогда эти факты становятся свидетелями реальных связей, существовавших между окружением Елены Волошанки, возглавлявшей партию Дмитрия»^[484].

Дальнейшие события следовали в русле перемен 1499 года. В апреле 1502 года Василий Иванович стал соправителем отца — «великим князем всея Руси», а Елена Волошанка и ее сын Дмитрий посажены «за приставы»^[485]. Почему великий князь вдруг передумал и избрал Василия своим наследником? Можно предположить, что изменились его взгляды на ересь. В 1502 году на Пасху он встретился с Иосифом Волоцким и дал ему обещание наказать еретиков. Находясь на пороге своего земного бытия, старый князь стал больше размышлять об участи своей души и о судьбе государства. Он понимал, что княжение Василия, рожденного от Софии Палеолог, наследницы последнего императора Византии, будет олицетворять собой преемственность Руси и великой христианской империи, а княжение Дмитрия под опекой матери и бояр с сомнительными религиозными пристрастиями может завести страну на неведомые пути. Возможно, поэтому он сделал выбор в пользу сына. Это решение далось ему трудно и не сразу: слишком сильные симпатии испытывал Иван III к своим вчерашним любимцам.

27 декабря 1504 года в Москве по приговору церковного Собора сожгли в клетке дьяка Ивана Волка Курицына (родного брата Федора Курицына), «да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова», «а Некрасу Рукавову повелеша языка урезати и в Новегороде в Великом сожгоша его. Тое же зимы архимандрита Касиана Юрьевского сожгоша и его брата и иных многих еретиков сожгоша, а иных в заточенье заслаша, а иных по монастырем»^[486]. Неизвестно, что стало с главным покровителем еретиков — Федором Курицыным, в 1502 году его имя исчезает из всех грамот и документов. Возможно, он умер незадолго до казни.

Многие годы Андрей Майко служил при дворе вместе с теми, кто подвергся опале в 1499 году. В его служебном долгожительстве сыграли положительную роль фамильные черты характера Майковых. Их можно разглядеть и в поведении его брата Нила, хотя тот всю свою жизнь провел вдали от мира. Однако монастырь представляет собой сложную форму человеческого общежития. Здесь сталкиваются разные характеры, а обособленность только усугубляет негативные качества человеческой природы. В монастырях также бывают свои партии и интриги. Но братья Нил и Анд-рей, каждый на своем месте, умели не участвовать в них.

Будучи человеком смиренным, дьяк Майко обладал редким даром деликатности. Об этом можно судить по тем поручениям великих князей и княгинь, которые ему доводилось выполнять. В 1477 году он вел переговоры по поводу пострига великой княгини Марии Ярославны. В 1497 году ему предстояло еще одно деликатное дело. Неожиданно Иван III послал боярина Дмитрия Владимировича Ховрина и дьяка Андрея Майко как своих доверенных лиц к митрополиту Симону с повелением явиться на великокняжеский двор^[487]. Это событие имело трагическую предысторию, которую надо рассказать.

В сентябре 1491 года великий князь пригласил в Москву для переговоров своего брата Андрея Васильевича Большого, удельного князя Угличского. На следующее утро после пира, устроенного в честь гостя во дворце, Иван III приказал схватить Андрея и заточить в темницу. Летописи сохранили подробности этого вероломства. Великий князь велел своему дворецкому пригласить брата к нему в палаты «хлеба ясти». Андрей со своими боярами явился во дворец, где ему заботливо приготовили ловушку. Посидев немного с гостями, великий князь приказал боярам Андрея идти в «столовую гридню», а брата оставил для разговора. Сославшись на какой-то предлог, Иван III вышел из комнаты в «повалушу» и приказал князю Семену Ивановичу Ряполовскому арестовать Андрея. Тем временем в столовой уже связали бояр угличского князя и развели по разным помещениям, чтобы они не смогли оказать сопротивления.

«И князь Семен Ряполовской со многими князьми и бояры прииде в западню ко князю Андрею Васильевичю, и ста пред ним слезен, и не моги слова ясно молвити. И рече слово слезен ко князю Андрею: „Государь, князь Андрей Васильевичь, пойман еси Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси, братом твоим старейшим“. И князь Андрей воста и рече: „Волен Бог да государь брат мой старейший, князь великий Иван Васильевичь, а суд ми с ним пред Богом, что мя неповинно имаєт“ — на первом часу дни. И сидел в западне до вечерни. И

сведоша его на Казенной двор и приставиша стеречи многих князей и бояр»^[488]. В Углич великий князь отправил Василия Патрикеева, а с ним до пятисот служилых людей, чтобы арестовать детей Андрея Большого. Пройдет совсем немного времени — восемь лет, и главные исполнители злодеяния — Семен Ряполовский и Вассиан Патрикеев сами выпьют до дна горькую чашу государевой «благодарности».

«Условия содержания удельного князя в каменной темнице были столь тяжелы, что уже через два года (6 ноября 1493 года) 47-летний Андрей Углицкий умер»^[489]. После этого Ивана III, видимо, стала мучить совесть, и он решил покаяться. В назначенный час на княжеский двор пришли архиепископы и епископы во главе с митрополитом. Великий князь долго стоял перед ними, в слезах «прося у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче». Поступая так с единокровным братом, он, несомненно, имел свой государственный расчет, так как опасался, что удельные князья после его кончины вновь разожгут пламя междоусобной войны. Отвечая боярам, которые в свое время заступались за Андрея Углицкого, Иоанн говорил: «...и будут воеватися межи собою, и татара, пришед, видя в нестроении, будут землю Рускую губить, жечи и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде. А что аз толико потрудися, и то будет все ни во что, и вы будите раби татаром»^[490].

Это рассуждение великого князя содержится в «Летописи Татищева», сведения которой не все историки признают достоверными. Но похоже, что в данном случае великий князь именно так и рассуждал. В 1502 году он отправил послание своей дочери Елене в Литву. Накануне Елена сообщила отцу о возможном скором дроблении Великого княжества Литовского. «Хотят Жыдимонту дати... Киев», — писала она. На это Иван ей ответил: «Ино, дочи, слыхал яз, каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много; а и в нашей земле, слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце; а опосле отца моего, каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь»^[491]. Но перед высшим судом Божиим эти вполне разумные аргументы не имели смысла. Это понимал сам великий князь, это понимали предстоятели Церкви, поэтому «едва простиша его».

О чем думал Андрей Майко в эти тяжелые минуты? Вероятно, он был рад тому, что великий князь решился на покаяние. От дьяка почти ничего не зависело, но он сделал то малое, что мог. Находясь в эти часы в княжеском дворце, Андрей Майко, возможно, вспомнил свою юность,

омраченную страшной войной Василия Темного с двоюродным братом Дмитрием Шемякой. Он хорошо знал детей Василия II. Они выросли у него на глазах. Знал он и то, что княгиня Мария Ярославна больше всех любила Андрея Большого. Может быть, именно тогда заслуженный дьяк, всегда честно относившийся к делу, пожалел, что связал свой жизненный путь с государевой службой, в которой почти не осталось места для христианских заповедей.

В феврале 1501 года завершились переговоры с польскими и литовскими послами, а вместе с ними закончилась многолетняя служба дьяка Майко. Он отдал «кесарю — кесарево». В 1502 или 1503 году Андрей скончался, приняв монашеский постриг с именем Арсений.

Мы почти ничего не знаем о семье Андрея. В 1498 году в переговорах с литовскими послами принимал участие дьяк Данило Майко: под протоколом стоит его подпись^[492]. Можно предположить, что это был сын Андрея. Однако имя этого дьяка больше не встречается в документах. Вероятно, Даниле не удалось сделать такую же карьеру, как Андрею. Как правило, «сыновья и внуки дьяков Ивана III не наследовали профессию отцов»^[493]. Владея родовыми вотчинами и пожалованными поместьями, они находились на военной службе у государя.

О кончине Андрея Майко написал в своих заметках Герман Подольный. Он указал, что Нилов брат преставился «з год спустя или мало болши» после старца Паисия (Ярославова)^[494]. Исходя из этого сообщения, помещенного среди известий о событиях, происходивших в Кирилло-Белозерском монастыре, историки предположили, что последние годы жизни Андрей Майко провел в этой обители. Однако О. Л. Новикова усомнилась в правильности такой трактовки, поскольку упомянутый старец Паисий преставился не в Кирилловом монастыре, а в одной из московских обителей^[495]. К тому же Герман не смог назвать точную дату кончины Андрея, хотя должен был ее знать в том случае, если Майко был погребен в Кириллове. Имя инока Арсения (Майко) не обнаружено пока и в братских синодиках обители. «Инок Арсений» с надписанием «Майко» над строкой упомянут в синодике Троице-Сергиева монастыря в числе лиц, не имеющих непосредственного отношения к монастырю («сия изъвне монастыря суть»). Таким образом, Андрей не был и троицким иноком, он лишь дал вклад в прославленный монастырь на собственное заупокойное поминание^[496].

Род государева дьяка Андрея Майко вписан в синодик Успенского собора Московского Кремля с тем, чтобы он поминался за Божественной

литургией главного собора Русской земли, «пока вселенский мир стоит»^[497]. Это была государева благодарность за безупречную службу.

Князь-инок Вассиан

Иже купно наслаждался еси со мною брашен, в дому Божию ходихом единомышлением.

(Пс. 54, 15)

В начале февраля 1499 года на санях в Кирилло-Белозерский монастырь везли закованного в железные кандалы инок. Его звали Вассиан. Еще несколько дней назад он находился на вершине власти, все заискивали перед ним, ведь именно он, Василий Иванович Патрикеев, вместе со своим отцом Иваном Юрьевичем вершил суд и расправу в Москве. Он был потомком великого князя Литовского Гедимина и московского князя Ивана Калиты. И даже иноческая камилавка и пережитые недавние потрясения не смирили его надменного облика.

Страшна и внезапна государева опала. Только шаг отделял князя Василия от смертной казни. Он никогда не сможет забыть жутких, нечеловеческих воплей своей сестры на замерзшем берегу Москвы-реки, где отрубили голову ее мужу Семену Ряполовскому. Теперь, закутанный в овчинную шубу, как простой мужик, Вассиан ехал в заточение. Не он первый проделывал этот горестный путь. Кириллов монастырь нередко становился местом ссылки для опальных бояр и воевод. Одни и те же мысли передумал каждый из них — о превратностях судьбы и несправедливости власть предержащих. В этой длинной, безрадостной и безнадежной дороге самое время было вспомнить свою прошедшую жизнь.

Василий Патрикеев вырос в роскошных палатах в Кремле. Иметь жилье на Боровицком холме, поближе к государю, всегда было престижно. Патрикеевым принадлежало несколько кремлевских дворовых мест. Их палаты находились в непосредственной близости от Боровицких ворот. «Иван Юрьевич Патрикеев жил в окружении многочисленной дворни. У него имелись вооруженные холопы, стрелки, псари, хлебопеки, бронники, повара, садовники, портные»^[498]. Василий с детства привык к тому, что великие князья часто гостили в их доме и вкушали хлеб-соль. Совсем недавно, в 1492 году, Иван III с семьей жил в палатах Ивана Юрьевича Патрикеева, пока строил свой новый каменный дворец.

Дед и отец Василия провели свою жизнь в военных походах, служа трем поколениям московских князей: Василию I Дмитриевичу, Василию II

Темному и Ивану III. Великие князья оставляли на Патрикеевых Москву, если сами выступали с войском в поход. Так было в 1439 году, когда столица находилась под началом Юрия Патрикеева, и в 1480-м, когда хан Ахмат стоял на Угре, а Москва осталась на попечении Ивана Юрьевича. Старший Патрикеев был не только воеводой, но и дипломатом: он участвовал в переговорах между Москвой и Новгородом, а в январе 1479 года приводил новгородцев к присяге великому князю. В качестве «наивысшего воеводы государя» он вел переговоры с литовскими послами, а также возглавлял боярскую судебную коллегия.

Василий Патрикеев уверенно шел по стопам отца и деда. В 1493 году, во время русско-литовской войны, он участвовал в военных сражениях и вместе со своим двоюродным братом, князем Даниилом Васильевичем Щеней отличился тем, что взял Вязьму. А в 1494 году после переговоров о мире, проведенных его отцом с литовскими послами, ездил вместе с Семеном Ряполовским, Федором Курицыным в Вильно для торжественного утверждения мирного договора, за что в 1495 году Иван III пожаловал его в бояре.

Мороз и бескрайние снежные просторы напомнили иноку Вассиану недавнюю финскую кампанию. Поход русских войск в южную Финляндию начался в крещенские морозы 1496 года. Василий командовал большим полком. Зимняя кампания затянулась до марта. Уклонившись от встречи с большой шведской армией, русские войска возвратились в Новгород с большим полоном.

Вернувшись из похода, Василий Патрикеев заседал со своим отцом в суде. Коронация Дмитрия-внука стала торжеством Патрикеевых: Елена Волошанка, мать наследника, жаловала их. Однако тучи уже сгущались над крышей их дворца. Всесильные бояре не сумели ничего предпринять, и Вассиан не понимал, где они просчитались.

Так в тяжелых раздумьях пролетело время, показались деревянные островерхие башни Кирилло-Белозерского монастыря. Неужели здесь пройдет его жизнь и он навсегда упокоится на братском монастырском кладбище, думал князь, подъезжая к воротам обители.

В Кириллове Вассиан недолго носил оковы. Вскоре ему разрешили ходить на службы, свободно передвигаться по монастырю. Но узкое пространство кельи, ограниченное закопченными стенами, было для него настоящей тюрьмой. Он не понимал, для чего Господь оставил ему жизнь, так как не представлял себя иноком. Бессильная злоба на обидчиков, сломавших его жизнь, лютая тоска совершенно измучили его. Выросший в кремлевских палатах, он не понимал и не хотел понимать, что такое

смирение и почему он, Патрикеев, должен подчиняться вчерашнему мужику, который надел на себя монашескую рясу. Привыкший пить рейнское вино из серебряных кубков, инок Вассиан никак не мог привыкнуть к монастырскому квасу. Наступила Пасха, но даже она не принесла облегчения его исстрадавшейся душе.

От полной безысходности он вспомнил о старце Ниле. Вассиан хорошо знал его брата, почтенного и мудрого дьяка Андрея. И вот, с разрешения игумена, Вассиан отправился в Нилову пустынь. Беседа со старцем потрясла гордого инока. Он не смог бы никогда воспроизвести их первую беседу, потому что просто не запомнил ее. Вассиана поразил сам старец. Рядом с ним он вдруг почувствовал такой покой и такую радость, какие не испытывал никогда, даже в самые счастливые моменты своей жизни. Находясь постоянно в военных походах или на разгульных пирах, князь мало думал о своей душе. Теперь он открывал для себя иной мир.

Старец научил его молиться и приоткрыл ему завесу тайны Божественного Промысла о его судьбе. Он говорил ему: «Тебя же, возлюбив, Бог и изъял из мира сего, и поставил в чин службы Своей, по милости и промыслу Своему. За это ты должен много благодарить милость Его и делать все, что в силах, для благого угождения Ему и для спасения души своей, прошлое мирское забывая как ненужное, вперед к добродетелям устремляясь как о вечной жизни ходатаям»^[499]. «И это ты и сам по опыту знаешь, — продолжал он в своем письме Вассиану, — сколько скорбей и разврата в мире этом мимоходящем, и сколько лютых бед причиняет он любящим его, и как насмехается, отходя от рабствовавших ему, сладким являясь им, когда ласкает их чувства, горьким оказываясь впоследствии»^[500]. Многие из тех, кто добился славы, чести, богатства, что получили в итоге? — вопрошал старец. И сам же отвечал: «Еще в юности смертью скошены были, как цветы полевые, расцвели и опали».

Старец говорил Вассиану о богоподобном достоинстве человеческой души и о подлинном счастье, которое испытывает человек в общении с Богом. Он просил Вассиана молиться за оскорбивших его, потому что не по своей воле они так поступили с ним, а была на то воля Божия. Он напоминал убитому горем князю, что путь правды, путь спасения — это всегда путь скорби. «Этим и отличаются любимцы Божии от прочих: эти в скорбях живут, а любящие мир сей в пище и покое веселятся»^[501]. Конечно, Вассиан страдал в монастыре не за Христа и не за благочестие. Но старец Нил по своей безмерной любви к страдающему человеку хотел поднять его на высоту христианского страдания и показать ему истинный смысл его

нынешней жизни — в убогой рясе и в монашеской келье. «Это сотворяет человека причастником страстей Христовых и уподобляет его святым, которые претерпели скорби за имя Его», — говорил он Вассиану^[502].

Старец Нил понимал, как трудно людям этого круга прийти к смирению. От его глаз не укрылось нелепое поведение князя-инока в монастыре: он напоминал белую ворону, заблудившуюся в черной стае. Казалось, Вассиан проглотил аршин и его спина не способна согнуться для поклона. Осторожно, не настаивая, старец Нил обучал князя монашескому этикету: «Если случится тебе задать вопрос или дать ответ кому-либо, благожелательно и ласково беседу веди с любовью духовной и смирением истинным, без лености и не обижая брата». «Если потребуется тебе какая-то вещь от настоятеля или прочих приставленных к тому отцов, то, прежде, помолившись, рассуди в себе, полезно ли это, и тогда спроси. Если не получится так, как хочешь, не огорчайся, не ожесточайся из-за того, что не по твоему желанию сделали, хоть и хорошим кажется тебе то, что ты хочешь, но с терпением отойди и со спокойствием и с ожиданием все делай»^[503].

Старец привил новонаначальному иноку вкус к чтению житий древних святых и творений святых отцов. Вассиан получил в свое время хорошее домашнее образование, был грамотен, любил книги. В монастыре у него появилось много времени, чтобы заняться любимым делом. Так мало-помалу, скорбь и тоска отпускали его. Вассиан писал старцу Нилу в скит, жаловался на то, что не оставляют его воспоминания о мире, нечистые помыслы. Когда он начинал молиться, то какой-то внутренний голос помимо его воли и желания шептал всяческие ругательства. А иногда ему просто становилось страшно на молитве. Василий Патрикеев участвовал в военных походах, видел близко смерть. Но страх на войне не шел ни в какое сравнение с тем жутким липким ужасом, который охватывал его на ночной молитве. По этому поводу старец Нил писал ему: «О страхе же что ты говоришь, — это младенческий обычай немужественной души, тебе же это не свойственно. И когда случится с тобой такое, старайся, чтобы он не овладел тобою, и утверди сердце свое в надежде на Господа, и говори в себе так: „Есть у меня Господь, хранящий меня, и без Его воли не может никто ни в чем повредить мне“»^[504]. Свое послание старец Нил заканчивал так: «И Бог, податель всякой радости и утешения, утешит сердце твое и сохранит тебя в страхе Своем молитвами Пречистой Богородицы и всех святых»^[505]. И несвойственная ему мягкая улыбка озаряла надменное и измученное лицо инока Вассиана.

Через какое-то время он снова навестил старца в скиту. В его келье Вассиан увидел книги и разложенные на столе исписанные красивым ровным почерком тетради. Старец Нил переписывал жития, скрупулезно сверяя разные списки одного и того же текста. Он не утаил от Вассиана, что побудило его взяться за такую сложную работу. Заключение в стенах монастыря князь-инок жадно ловил все слухи о происходившем в столице. Нил Сорский рассказал ему о церковном Соборе 1503 года, на котором недавно побывал. Старец рассуждал о монашеском нестяжании, зачитывал жития святых. Все услышанное необычайно увлекло Вассиана. С присущим ему рвением он взялся изучать толкования на Евангелия, сверять разные списки Кормчей книги — основного свода правил, регламентирующих церковную жизнь. Всюду он находил противоречия, несоответствия житиям и поучениям святых отцов. Впоследствии старец Волоколамского монастыря Досифей свидетельствовал на суде, что Вассиан обратил его внимание на одну строку из воскресного толкового Евангелия: «тварь поклоняется твари», сказав при этом следующее: «Тыя-де строчки аз еще в пустыни (то есть в Ниловой пустыни. — *Е. Р.*) живучи изыскивал»^[506].

Вдохновившись работой по исправлению книг, Вассиан вновь почувствовал дыхание и аромат жизни, словно свежая струя воздуха через окно ворвалась в душное пространство кельи. Он было похоронил себя. Но теперь увидел новое поле для деятельности: Вассиан понял, что призван переустроить монастыри в соответствии с древними каноническими правилами. Однако работа с житиями святых и Божественными писаниями имеет свои подводные камни. «...В агиографической литературе, как и в Священном Писании, есть своя $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ (внутренний, сокровенный смысл). Этот внутренний смысл открывается тем „гностикам“, которые подражают святым, но он скрыт от „прочих“, которые святым не подражают»^[507]. Нил Сорский всю свою жизнь прожил, сверяясь с житиями древних святых, поэтому имел духовное право на особое мнение. Вассиан же не имел такого опыта, вследствие чего вся его дальнейшая деятельность по исправлению книг и жизни русских монастырей превратилась в кавалерийский бросок с шашкой наголо. «...Несмотря на все влияние Нила, Вассиан не смог следовать до конца его заповеди полного отречения от мира и сосредоточения на внутреннем самоусовершенствовании. Темперамент политического деятеля очень скоро взял в нем верх над монашескими обетами»^[508].

О Соборе 1503 года

Не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа.

(Пс. 39, 11)

Еще раз, в 1503 году, старцу Нилу пришлось прервать свое скитское уединение. Великий князь Иван III вновь повелел ему прийти в Москву на церковный Собор. Старцу тогда было уже семьдесят лет.

На Соборе присутствовали: сам великий князь, его сыновья Василий, Дмитрий и Георгий, митрополит Симон, архиепископ Новгородский Геннадий, епископ Суздальский Нифонт, епископ Тверской Вассиан (Оболенский) и другие епископы, игумены важнейших русских монастырей, священники, а также представители великокняжеской администрации — введенные дьяки (великие или большие дьяки, входили в состав Боярской думы). Прежде всего, Собор решил ряд важных дисциплинарных вопросов: он запретил проживать в одном монастыре монахам и монахиням. Вдовы (овдовевшие) попы и диаконы не должны были впредь совершать литургию: они могли либо постричься в монахи, либо остаться в клире и получать четверть прежнего содержания^[509]. Кроме того, Собор запретил епископам собирать «мзду за поставление» священников (ставленнические пошлины)^[510] и обратил внимание на факты недостойного поведения мирян и священников во время богослужения.

Когда были приняты эти решения, великий князь поставил новый вопрос: можно ли митрополиту, владыкам и монастырям владеть селами? Иван III предлагал изменить сложившуюся традицию: «...у митрополита и у всех владык и у всех манастырей села поимати и вся к своим соединити»^[511]. Взамен сел предполагалось выдавать обителям ежегодный оброк деньгами из своей казны и хлебом из княжеских житниц.

Однако соборное большинство оказало сильное сопротивление. Митрополит Симон, архиепископ Новгородский Геннадий, троицкий игумен Серапион возражали великому князю. Они подготовили «Соборный ответ», в котором представили правила Вселенских соборов, факты из древних житий, ссылки на церковные уставы русских князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого и другие аргументы в защиту церковных

имений. Митрополичий дьяк Леваш Коншин зачитал великому князю «Соборный ответ», но тот отверг все представленные аргументы. Тогда во дворец пришел сам митрополит Симон «со всем освященным собором». Однако этот доклад не убедил самодержца. «Соборный ответ» был переделан в третий раз и вновь представлен на высочайшее рассмотрение.

Нил Сорский и старец Спасо-Каменного монастыря Денис находились в числе тех немногих участников Собора, кто поддержал великого князя. Как рассказывает наиболее достоверный источник по истории Собора — «Слово иное», написанное, вероятно, его участником, старец Нил на Соборе сказал: «Не достоин чернцем (монахам. — *Е. Р.*) сел имети»^[512]. Монашеское отречение от мира нельзя считать истинным, если иноки занимаются приобретением сел и судятся из-за них с мирянами. Выступая против монашеских стяжаний, старец не стремился угодить великому князю, он надеялся исправить жизнь русских обитателей.

Есть свидетельства, что на Соборе присутствовал и преподобный Иосиф Волоцкий. Когда разгорелись споры, великий князь послал за ним. Волоцкий игумен вступился за монастырские имения: если у монастырей сел не будет, они обеднеют и оскудеют и уже не смогут оказывать милосердия убогим. К тому же монахи постоянно трудятся, работают в хлебнях, поварнях и в других монастырских службах, поэтому они едят свой хлеб не даром, а от трудов рук своих, говорил преподобный Иосиф.

Старец Нил был далек от упреков, его заботила другая сторона монашеского владения селами. Речь Нила на Соборе можно продолжить словами его сочинений. Многие имения привязывают душу к миру, делают невозможной борьбу с помыслами, становятся поводом к раздорам и спорам, развивают страсти сребролюбия, гордости, тщеславия. Как малый волосок, попав в глаз, мешает ему, так и житейские попечения разрушают безмолвие, а между тем все внимание монаха должно быть сосредоточено на внутреннем делании.

Никого не укоряя и не обижая, Нил Сорский всегда оставался требовательным и точным в исполнении слов Божественных писаний. «Да отступим мятежей и споров бесполезных и прочего неугодного Богу, и будем выполнять заповеди Его, приобретая необходимое от трудов рук своих», — убеждал он монашескую братию^[513].

Великий князь был настроен решительно. Перед началом соборных заседаний он затребовал у троицкого игумена Серапиона грамоты на монастырские села. Игумен с достоинством возразил: «Аз убо приидох к Живоначальной Троицы в Сергиев манастырь — сел манастырю не вдах,

един у себя имея посох и мантию»^[514]. Вынужденный все-таки выполнить княжеское повеление, Серапион превратил его в акцию протеста. Он повелел явиться с грамотами самым старым монахам Троице-Сергиева монастыря, тем, «которые ис келей не исходят». В Москву потянулась выразительная процессия: столетние старцы ехал на возках, некоторых несли на носилках.

Но в самый разгар противостояния произошло непредвиденное: 28 июля у великого князя «отняло руку и ногу и глаз»^[515]. Видимо, с ним случился инсульт. «Болезнь была внезапной (о чем свидетельствует точная дата) и очень серьезной (иначе о ней бы не написал летописец)»^[516].

Эта болезнь и решила исход Собора. Участники заседаний и современники восприняли ее как вмешательство Божьего Промысла. Иван III попросил прощения у игумена Серапиона и дал богатую милостыню братии Троицкого монастыря. Церковное большинство пришло к выводу, что святые отцы не запрещали святителям и монастырям держать села и земли. Тем, кто хочет истинно спастись, не могут навредить церковные стяжания. Тем же, кем движет тщеславие, а не забота о Церкви, пусть всячески будут запрещены их начинания. После этого решения отцы Собора разошлись, каждый в свой монастырь.

Неприятие монастырского владения селами осталось личным убеждением Нила Сорского. Возражая Нилу, участники Собора говорили, что в житиях святых написано, будто бы и древние монастыри имели села. Но для того преподобный и изучал внимательно жития, чтобы находить в них точные ответы на многие сложные вопросы, которые ставила перед ним жизнь. Он относился к житиям как к юридическому документу. Если так поступали древние святые, значит, так же должны поступать и мы, — эта истина была для Нила непреложной.

Действительно, в некоторых житиях упомянуты монастырские села, но всегда — в отрицательном контексте. Святые признавали их «неполезным стяжанием». В Житии Кириака Отшельника, которое сорский отшельник переписал в свой сборник, описана такая история. Лавра Евфимия Великого, где многие годы подвизался Кириак, включала две обители: собственно лавру Евфимия и лавру Святого Феоктиста. Села подарили обители Евфимия. Но настоятель Феоктистовой лавры Павел захотел взять их себе. Братия в монастыре Евфимия Великого возмутилась. Монахи яростно требовали не отдавать села чужому монастырю. Тогда блаженный Кириак покинул обитель, так как не мог смотреть на раздоры среди братии. Его огорчало, что иноки спорили и теряли самообладание из-

за обыкновенного имущества.

Житие святого Петра Афонского называет стяжателями монахов, владевших драгоценными сосудами и другим ценным имуществом, а также селами. Такие иноки, по мнению автора Жития, являются «господами» земного богатства, но в вечной жизни будут лишены «небесных богатств»^[517].

На Святой Горе Нил Сорский, безусловно, интересовался тем, на какие средства существуют афонские монастыри. Старец понимал, что нельзя упразднить общежительные обители, а всех иноков поселить по малым скитам и пустыням. В свой собственный скит он принимал монахов, получивших опыт в киновиях. Так поступали и древние отцы. Когда святой Савва Освященный, будучи юным иноком, пришел в лавру Евфимия Великого, тот отправил его на воспитание в общежительный монастырь Феодосия Великого. Святому Феодосию он говорил: «Ты, отче, детям — игумен, а я игуменам игумен есть. Все, живущие под моим началом, сами себе хозяева, и каждый в свое келье — игумен»^[518]. Во все времена общежительные монастыри служили необходимой ступенью духовного возрастания монахов. Согласно афонскому уставу 970 года, к безмолвию на Святой Горе допускались лишь монахи из киновий.

Не отвергая в принципе общежительные обители, Нил Сорский считал, что монахи должны сами обрабатывать свои земли, то есть питаться от труда рук своих, либо нанимать работников и справедливо оплачивать их работу. Такая практика существовала и на Афоне. Пашни, находившиеся на территории Святой Горы, возделывали монахи, наемные люди или паломники. Афонские монастыри владели метохами (имениями) и за пределами Святой Горы. Но в них работали наемные люди. Игумен афонского Пантелеимонова монастыря Иоаким подробно описал хозяйственную жизнь афонских обителей в своем «Сказании о святой Афонской Горе», составленном в 1561 году для московского митрополита Макария. По его словам, Лавра Святого Афанасия имела метох на острове Скирос: «...и есть в нем место, где орют (пахут. — *Е. Р.*) и сеют жито... и имеют в том метохе винограды, жито сеют, и овцы, и козы, и пчелы». Игумен особо заметил, что живут в монастырских метохах только «мужики» без жен и детей.

Важной статьёй монастырских доходов служили пожертвования; кроме того, многие афонские иноки владели ремеслами. Нил Сорский тоже не возбранял монастырям получать милостыню, но только «нужную», а не излишнюю.

Свое мнение старец изложил на Соборе 1503 года, но не был услышан. Он никогда не использовал свой духовный авторитет для борьбы за благое дело. Монашествующим и всем желающим спастись Нил оставил отредактированные им сборники житий святых и свои сочинения, где высказался вполне определенно о монашеских стяжаниях.

«Исторической ролью великих христиан-мистиков часто была роль защитников Предания и проповедников идеала евангельского жития: вот почему в их взглядах было, как правило, столько максимализма и радикализма. Но именно этот максимализм и служил источником вдохновения для тысяч рядовых христиан, сохраняя живым православное Предание»^[519].

Послание иконописцу

Воспойте Господеву песнь нову, хваление Его в церкви преподобных.

(Пс. 149, 1)

Год 1502-й принес оживление в привычную жизнь Ферапонтовой обители: в монастыре приступили к росписи нового каменного собора. Бывший ростовский архиепископ Иоасаф (Оболенский), живший здесь на покое, пригласил для этой цели художника Дионисия, который прибыл со своими сыновьями Феодосием и Владимиром. К тому времени Дионисий был самым известным на Руси мастером фрески и иконного письма. По заказу он работал во многих русских обителях, где общался с теми, кого впоследствии прославили в лике святых. Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский были собеседниками великого художника.

Дионисий стал знаменитым после того, как вместе с иконописцем Митрофаном расписал собор Рождества Пресвятой Богородицы в Боровском монастыре (между 1467 и 1476 годами)^[520]. Автор Жития Пафнутия Боровского отозвался о живописцах в превосходной степени, подчеркнув, что они были «пресловущи тогда паче всех (лучше всех. — *Е. Р.*) в таком деле». «Подписанная» церковь вызвала восхищение Ивана III, посетившего обитель. Дионисия пригласили украсить главный храм Московской Руси — кремлевский Успенский собор, освященный в августе 1479 года. В 1481 году мастер вместе с попом Тимофеем, художниками Ярцем и Коней написали «деисус большей с праздники и с пророки» для соборного иконостаса^[521]. Возможно, тогда же эти мастера украсили фресками алтарную преграду и алтарь храма^[522].

В 1484 или 1485 году Дионисий и его сыновья приступили к оформлению интерьера нового каменного Успенского храма в монастыре Иосифа Волоцкого. Это была не первая работа художника в обители. Дионисий писал иконы для ее первого деревянного храма. Многолетняя дружба художника с Иосифом Волоцким возникла еще в Боровском монастыре.

Дионисий является наиболее вероятным автором росписи Воскресенского собора города Волоколамска, выполненной в 1489 году. Именно здесь впервые появились уникальные композиции с изображением

семи Вселенских Соборов. На Руси в это время пышным цветом расцвела ересь. Художник мог противопоставить ей только иконописный образ, который был сильнее всяких слов. Последовавший затем уход Дионисия в Заволжье исследователи объясняют распространением еретических учений в Мос-кве и бездействием великокняжеской власти по отношению к еретикам. Это был безмолвный протест художника.

На склоне лет жизнь привела Дионисия в монастыри Северной Фиваиды. В 1499 или 1500 году он работал в монастыре Павла Обнорского и написал иконостас для Троицкого собора. «Распятие Христа», «Спас в силах» и другие иконы письма Дионисия из этой обители сохранились до наших дней. Пока Дионисий трудился на Обноре, в Ферапонтовом монастыре его с нетерпением ждал архиепископ Иоасаф.

Этот незаурядный представитель рода Оболенских (в миру Иван Михайлович Оболенский)^[523] был, безусловно, ключевой фигурой русской политической и духовной элиты 1480–1490-х годов. Достоверных сведений о мирском периоде жизни Ивана Оболенского нет. Однако в Ростове бытовало хоть и позднее, но очень красивое предание о том, что в этом городе состоялась свадьба молодого князя Оболенского с княжной Дарьей Луговской, на которой присутствовал юродивый Исидор Твердислов († 1474). Во время свадебного пира блаженный подал жениху венок и предрек, что тот будет носить архиерейскую шапку. А молодой княгине Исидор предсказал скорую смерть. Так и случилось по твердому слову юродивого: Дарья Луговская умерла в родах. Потрясенный смертью своей жены, князь Оболенский принял постриг в Ферапонтовом монастыре, где стал учеником преподобного Мартиниана^[524]. Видимо, это случилось в самом начале 1470-х годов^[525].

Карьера князя Оболенского развивалась стремительно. Есть основания полагать, что уже на рубеже 1479/80 года он занял пост настоятеля Ферапонтовой обители^[526]. А 22 июля 1481 года митрополит Геронтий совершил хиротонию Иоасафа во архиепископа Ростовского. По традиции на эту важнейшую кафедру назначались представители монашества, отличившиеся особой верностью Московскому княжескому дому: предшественник Иоасафа — архиепископ Вассиан I (Рыло) был духовником Ивана III. Родственные связи и фамилия нового архиепископа стали лучшей рекомендацией для него: Иоасаф был Рюриковичем в восемнадцатом колене. Кроме того, преподобный Мартиниан, связанный с великокняжеской семьей, мог предложить кандидатуру своего любимого ученика и постриженника на ростовскую кафедру.

На первых порах владыка оправдывал возложенные на него ожидания. 24 августа 1481 года он вместе с архимандритом Чудова монастыря Геннадием (Гонзовым) поддержал великого князя в его конфликте с митрополитом Геронтием. Более того, владыка Иоасаф стал единственным архиереем, принявшим сторону Ивана III^[527]. Однако Петровским постом 1488 года (между 2 и 28 июня) он неожиданно покинул кафедру, чем чрезвычайно «ожестил» великого князя.

О причинах ухода Иоасафа источники ничего определенного не сообщают. В его отреченной грамоте назван формальный повод — «велика немощь». Скорее всего, отставка была вызвана некой обидой, нанесенной архиепископу великим князем. Об этом обмолвился новгородский владыка Геннадий (Гонзов) в письме Иоасафу: «Ты будешь нечто оскорблен от кого в телесном деле, да оставил архиепископью»^[528]. Иоасаф имел чрезвычайно независимый и вспыльчивый характер. Несмотря на неоднократные приглашения Ивана III, он так и не приехал в Москву для разрешения конфликта. Архиепископ Геннадий упрекал Иоасафа в том, что он поставил личную обиду выше дела и покинул кафедру в такой опасный для Церкви момент: «...предал еси овци вльком на расхищение, а слыша такову беду церковную». По мнению новгородского владыки, Иоасаф должен был вооружиться терпением, а при приезде к великому князю — отстаивать свою позицию: «...могл бы еси и тамо крепость свою подържати, за что будешь оставил архиепископью»^[529]. Однако это были запоздалые упреки, отставка состоялась, сам владыка Геннадий слишком поздно узнал о ней. В письме митрополиту Зосиме, датированном октябрём 1490 года, новгородский архиепископ жаловался на то, что ему ничего не сообщили об этих событиях: «...и они мене туто и в поминки не учинили; а се гонци ежеден гоняют о мелких делех, с Москвы до Новагорода, в три дни»^[530]. По мнению владыки Геннадия, сразу после отставки Иоасафа нужно было собрать всех епископов для решения церковных проблем, но таких шагов не последовало.

Ответные послания бывшего ростовского архиепископа владыке Геннадию не сохранились. Поэтому мы не знаем о том, что думал сам Иоасаф по поводу происшедшего. Возможно, он действительно не смог смириться с нанесенным ему оскорблением. Возможно, не видел смысла далее оставаться при великокняжеском дворе. Великий князь уже не слушал своих бывших советников. Не имея возможности ничего изменить посредством церковной политики и дипломатии, ростовский владыка решил избрать путь молитвы. Он удалился на покой в Ферапонтов

монастырь: «сниде в келию на обещание свое».

Архиепископ Иоасаф имел дар объединять вокруг себя незаурядных людей. Среди них был князь Константин Мангупский, грек, прибывший в Москву осенью 1472 года в свите невесты Ивана III Зои (Софии) Палеолог. В 1481 году Константин покинул двор великого князя и стал боярином ростовского архиепископа. Впоследствии он с разрешения владыки принял постриг в Ферапонтовом монастыре и через некоторое время основал собственную обитель близ Углича на реке Учме, прославившись как преподобный Кассиан Учемский^[531].

Иоасаф хорошо знал Паисия (Ярославова) и Нила Сорского, в свое время именно он, как уже говорилось выше, дал старцу Нилу свое архиерейское благословение на основание скита. Поэтому именно к Иоасафу обратился архиепископ Геннадий с просьбой прислать старцев Нила и Паисия в Новгород. Владыка писал Иоасафу, когда тот уже не обладал властью архиепископа и мог просить старцев о помощи только как человек, находившийся с ними в тесных доверительных отношениях.

Архиепископ Иоасаф обладал безукоризненным художественным вкусом, что выдает в нем тонкую благородную душу. Все, что было выполнено по его заказу, поражает своим изяществом и красотой. В 1485 году в селе Бородава, что в окрестностях Ферапонтова, он построил небольшую деревянную церковь, которую освятил в честь праздника Положения Ризы Пресвятой Богородицы. Ее строительство совпало по времени с возведением в Московском Кремле каменного храма с таким же посвящением (1484–1485). Сельскую церковь украсили иконами лучшие русские мастера. По мнению историков искусства, главную икону с изображением храмового праздника написал Дионисий.

Храм был освящен 1 октября — в день Покрова Пресвятой Богородицы. Ризоположенскую церковь владыка Иоасаф настолько любил, что уже после своей отставки выхлопотал у нового ростовского владыки Тихона жалованную грамоту, освобождавшую ее клир от всех податей^[532]. Ныне храм стоит в Новом городе Кирилло-Белозерского монастыря. Покоем и гармонией веет от стен этой древней бревенчатой церкви.

В Ферапонтовом монастыре владыка Иоасаф провел четверть века, последние годы — в совершенном безмолвии: он принял схиму. К началу 1490-х годов в обители сложилась совершенно особая атмосфера. Здесь жили прозорливые блаженные — такие, как юродивый Галактион, и духовные писатели-интеллектуалы. Одним из них был ссыльный митрополит Спиридон-Савва, который написал обширный богословский

труд под названием «Изложение о православной истинне нашей вере», посвященный описанию семи Вселенских Соборов и обличению ересей. Пребывание в Ферапонтовом монастыре Иоасафа (Оболенского) привнесло особый тон духовного аристократизма в монастырскую жизнь и превратило маленькую обитель в духовный центр Заволжья. Здесь собрался круг единомышленников — исихастов. Под сенью монастырских деревьев и под сводами монашеских келий совершалась тихая беседа об истинном предназначении монаха. А над гладью озер полыхало на закате северное небо, являя красоту Божественного замысла о мире и человеке.

Надо сказать, что движение исихазма не прозвучало бы столь ярко в русской истории, если бы не приезд в Ферапонтов монастырь художника Дионисия. Только в атмосфере этой обители могло быть создано то художественное чудо, которое мы называем фресками собора Рождества Богородицы. Некое фамильное сокровище Оболенских, сбереженное архиепископом, было истрачено на создание и украшение собора. Фрески признаны лучшим творением Дионисия. Красота их живописного исполнения неотделима от глубины богословского содержания.

В Рождественском соборе представлено первое известное в русской монументальной живописи изображение Акафиста Пресвятой Богородицы^[533]. Почему главной темой своей росписи художник избрал именно Акафист? «Удачным освещением оживляется всякая картина, и необыкновенным светом благодати озарен акафист Божией Матери. Свет этот действует сугубо: им просвещается ум, от него сердце исполняется радости и извещения. Непостижимое приемлется, как бы вполне постигнутое, по чудному действию, производимому на ум и сердце» — так считал известный подвижник XIX века святитель Игнатий (Брянчанинов)^[534]. Известно, что многие русские святые ежедневно в своих кельях прочитывали Акафист Богородице и становились созерцателями невероятных чудес.

Акафист Богородицы, созданный в глубокой древности, чтобы прославить Ту, Которая послужила великой тайне Боговоплощения, был гениально переведен Дионисием на образный живописный язык: «...в ферапонтовском ансамбле как нигде более точно воплотились слова 45-го Псалма: Бог посреди Нее и не подвижется, все стены собора заполнены композициями Акафиста Богоматери, сцены же, посвященные деяниям Христа, располагаются только на сводах и куполе, то есть именно „посреди Нее“... Такого высокого понимания этой идеи пока что не встречалось ни в одном ансамбле»^[535].

Важнейшей особенностью росписи Дионисия является связь выбранных им сюжетов с богослужением. Служба Акафиста совершается в праздник Похвалы Пресвятой Богородицы, в субботу пятой недели Великого поста. Во время праздничной утрени Акафист делится на четыре выхода, каждый из них начинается первым кондаком «Взбранной воеводе», который исполняется клиросом на середине храма. Можно представить, как звучали дивные песнопения в окружении фресок Дионисия. Все сцены Акафиста подписаны начальными строками кондаков, художник словно приглашает молящихся вторить изображенным песнопениям. Прославлению Богородицы служат не только акафистные песнопения, но и большие композиции в люнетах храма: «Собор Богородицы», «Покров Богородицы» и «О тебе радуется».

В конхе главного алтаря Рождественского собора Дионисий написал образ Богородицы с Младенцем на престоле. Эта фреска так похожа на алтарный образ Софии Константинопольской, что заставляет задуматься о том, что Дионисий посещал столицу Византии и видел своими глазами мозаики Святой Софии. Ниже, в центральной апсиде Рождественского собора, художник изобразил главный момент Божественной литургии: предложение Святых Даров — хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Святые отцы, совершающие литургию, поклоняются Евхаристической Жертве. Их мерное движение в полукруге апсиды кажется вечным. Внутреннее единство двух композиций очевидно: именно Богородица, давшая свою плоть и кровь Сыну Божию, послужила тайне Боговоплощения и человеческого спасения.

Догматическое учение Церкви о Божественном домостроительстве было утверждено на Вселенских Соборах. Эта тема — постоянная в творчестве Дионисия. Он изобразил Вселенские Соборы на алтарной преграде Воскресенского собора в Волоколамске и вновь вернулся к ним в ферапонтовском храме. Фрески занимают нижний регистр росписи на северной, южной и западной стене. Особое внимание уделено деяниям Первого Вселенского Собора: его изображение усилено фресками диаконника и композицией «Видение Петра Александрийского».

Первый Вселенский Собор был созван в 325 году по инициативе византийского императора Константина Великого, который возглавил соборные заседания. Отцы Церкви собрались в Никее (ныне турецкий город Изник), чтобы осудить ересь александрийского пресвитера Ария, умалявшего полноту Божественной природы Христа. Арий утверждал, что Сын Божий не рожден, а сотворен Отцом. «Конечно, и прежде ереси исказили суть христианства. Но арианство было особенно тонкой и потому

опасной ересью. Оно родилось из смешения двух тонких религиозно-философских ядов, совершенно противоположных природе христианства: яда иудаистического... и эллинистического... Яд иудаизма заключался в антитроичности учения Ария»^[536]. Вспомним, что «жидовствующие» тоже отрицали Божественную природу Христа и Святую Троицу. По церковному преданию, во время соборных заседаний архиепископ Николай Мирликийский, оскорбленный богохульством Ария, дал ему пощечину, «заушал Ария». Дионисий изобразил сцены из Жития Николая Чудотворца в диаконнике храма, подле которого размещена композиция Первого Вселенского Собора. Всю конху придела занимает суровый и скорбный образ святителя Николая. Внушительный размер подчеркивает его значимость. Подвиг святителя, его горячая ревность в защиту христианского догмата должна была стать, по мысли Дионисия, образцом для русских епископов в их бескомпромиссной борьбе с еретиками. Широко распахнутые в благословляющем жесте руки Николая Чудотворца, кажется, осеняют крестным знаменем не только молящихся в храме, но и всю Русскую землю.

На Первом Вселенском Соборе был принят термин о «единосущии» Отца и Сына, вошедший в Символ веры. Догматическое значение Собора Дионисий подчеркнул композицией «Видение Петра Александрийского». Она возвращала зрителей к церковной истории и рассказывала о подвиге епископа Александрийского Петра I (300–311). Обнаружив еретические убеждения Ария, епископ Петр задолго до Никейского Собора отлучил его от Церкви, хотя сам ранее рукоположил Ария в диакона^[537]. В это время начались гонения на христиан. По приказу императора Максимиана II Дайи (305–313) епископа Петра посадили в темницу. Арий, узнав, что Петр вскоре будет казнен, обратился к уважаемым александрийским священникам Ахилле и Александру, чтобы те заступились за него и попросили епископа снять отлучение. Священники пришли в темницу к епископу и ходатайствовали за Ария, ссылаясь на то, что еретик принес покаяние. На это владыка ответил: «Как вы можете заставить меня снизойти к вашей просьбе и простить Ария, когда он моего наказания и вразумления не послушал? А если я и проклял его, то не сам, а по соизволению Христа Бога моего, Который явился мне в сию ночь. Когда я обычно молился, вдруг великий свет озарил темницу, и я увидел Господа моего Иисуса Христа — в образе двенадцатилетнего юноши, имеющего лице ярче солнца, так что я не мог смотреть на неописанную славу лица Его. Он был одет в белый хитон, разодранный сверху до низу; придерживая

его на груди обеими руками, Он закрывал Свою наготу. Когда все сие я увидал, то меня объял ужас и трепет, и с боязнию молился Ему, говоря: „Кто Тебе, Создатель, разодрал хитон?“ Господь же отвечал: „Арий безумный разодрал Мне, так как он отделил от Меня людей, которых Я стяжал Своею Кровию. Остерегайся и не принимай его в церковное общение: он замышляет лукавое и враждебное против Меня и народа Моего. Вот хотят просить тебя о нем, чтобы ты прости его; но ты не слушай их и не принимай волка в стадо, как овцу“»^[538].

После Собора 1490 года в русском обществе разгорелась острая полемика о судьбе покаявшихся еретиков. Митрополит Зосима, у которого было много сторонников, говорил о том, что раскаявшихся надо принимать обратно в лоно Церкви. Иосиф Волоцкий и архиепископ Геннадий умоляли русских епископов не верить вынужденному покаянию еретиков. Изображая «Видение Петра Александрийского» на стене ферапонтовского собора, Дионисий дал однозначный ответ по поводу этой полемики: «...не слушай их, и не принимай волка в стадо, как овцу». Очевидно, что таким же было мнение монахов и старцев обители.

Антиеретическая направленность росписи Дионисия ярко выражена и в других композициях. Второй Вселенский Собор, состоявшийся в 381 году в Константинополе, положил конец борьбе с арианством, дополнил и раскрыл догматы Церкви, содержащиеся в Никейском Символе веры. «Углубленное развитие учения о Пресвятой Троице в богословских трудах отцов-каппадокийцев — Василия Великого, Григория Нисского и Григория Богослова — подготовило почву для догматической деятельности собора»^[539]. На Вселенском Соборе был принят догмат о Святой Троице, сформулированный Василием Великим «на основе четкого различения „единосущия“ и „триипостасности“». С темой Второго Вселенского Собора связаны две композиции в люнетах у основания парусов храма: «Учение святителя Василия Великого» и «Учение святителя Григория Богослова».

В образах людей, притекающих с кубками и сосудами к святителям как к источникам живоносного учения, Дионисий изобразил верных православных христиан. В своих творениях великие каппадокийцы отстаивали путь мистического Богопознания. Вслед за Василием Великим святой Григорий Богослов «утверждал, что строить рассуждения о Божественной сущности на основе лишь интеллектуального познания „есть повреждение ума“»^[540]. Дионисий, как и его великие предшественники Феофан Грек, Андрей Рублев, предлагал своим современникам путь мистического созерцания Святой Троицы.

Ряд с изображениями Вселенских Соборов в храме Рождества Богородицы завершает композиция, которую одни исследователи называют «Видением Евлогия», другие — «Видением старца Леонтия». Сюжет фрески взят из патерика и рассказывает о том, как некий прозорливый старец увидел ангелов за спинами монахов, совершавших Божественную службу в храме. В центре композиции изображен престол, на котором лежит дискос с крестом. Это позволяет предположить, что чудесное видение открылось старцу на службе в праздник Воздвижения Креста, чин которого описан в монастырских обиходниках. На праздничной утрени игумен монастыря, облаченный в праздничные ризы, возлагал себе на голову блюдо с крестом и выходил северными дверями из алтаря. Перед ним торжественно несли два светильника. Игумен полагал крест на аналое, устроенном среди церкви перед Царскими вратами, и, взяв кадило у диакона, кадил крестообразно крест, потом трижды кланялся кресту до земли. Клирос в это время трижды пел праздничный тропарь: «Спаси, Господи, люди своя...», диакон возглашал ектенью, после чего игумен, встав с крестом перед аналоем, лицом к востоку, громко произносил: «Помилуй нас, Боже» и воздвигал крест на четыре стороны света: сначала на восток, потом на юг, на запад, на север и снова на восток, освящая таким образом «всю Вселенную». После пятикратного воздвижения крест полагался на дискосе, где оставался до самого отдания праздника.

Знаменательно, что Дионисий изобразил не сам праздник, но его богослужение, таким образом, он соединил рассказ об истории Церкви с ее настоящим — литургической жизнью. Художник свидетельствовал, что догматическая истина, утвержденная на Вселенских Соборах, является сущностью церковного богослужения.

Богословская глубина росписи бесконечна, это грандиозная симфония, созданная на языке живописи. Она имеет множество тем, но одна звучит в ней постоянно и наиболее мощно — тема Боговоплощения. Изображение сцен Акафиста, евангельских сюжетов, Вселенских Соборов, эпизодов из Житий святых и патериков, композиция росписи в целом и соотношение ее отдельных сюжетов, особенности иконографии — все это подчинено у Дионисия одной цели. Художник посвящает свою роспись раскрытию главного христианского догмата о Боговоплощении. И здесь мы не можем не вспомнить о том, что та же тема определяет подбор Житий в сборниках Нила Сорского. Историки искусства уже неоднократно отмечали, что в тематике и духовном тоне росписи собора Рождества Богородицы сказалось общение иконописца со старцем Нилом. «Основная тема росписи — это утверждение православного вероучения против отклонений

еретиков, перечисленных собором 1490 года: здесь подчеркивается Божество и человечество Спасителя, особое место занимает прославление Богородицы, святых и подчеркнута значение Вселенских соборов»^[541]. Нил Сорский жил всего лишь в десяти верстах от Ферапонтова. Дионисий не мог не прийти к старцу, известному своим духовным рассуждением.

Однако общение великого старца и художника проявилось не только в подборе тем для росписи собора, но и в действительности молитвы, образ которой запечатлен кистью Дионисия на стенах храма. Глубина богословского замысла передана гениальными художественными средствами. И здесь первенствующая роль отведена цвету. Согласно свидетельству монахов-исихастов, ум человека, достигший обожения, становится подобен небесному сапфиру. Основной цвет фресок Дионисия — небесно-голубой. Человек, переступающий порог собора, в буквальном смысле попадает в небесную обитель. С древних времен синий цвет был символом божественной мудрости и вечности. «Египетский первосвященник носил на груди сапфир, и это украшение называлось истиною... В мистериях египетский первосвященник бывал одет в небесно-голубое одеяние, усеянное звездами и стянутое желтым поясом. То же — у Аарона. Эта одежда означает хранителей вечной истины»^[542].

Но Божественное присутствие в храме иконописец подчеркивает не только цветом. Сам по себе цвет не произвел бы никогда такого действия живой молитвы, какое мы чувствуем в творениях Феофана Грека или в окружении фресок Дионисия, если бы он не был наполнен Божественной энергией, то есть светом. «Дионисий старается наполнить светом каждый цвет. На первый взгляд этот путь намного спокойнее, но он требует не меньшего созерцательного напряжения и такой тишины, которая содержит в себе все законы вселенской музыки. Иными словами, белый свет Феофана в живописи Дионисия распадается на все цвета радуги спектра, как если бы он прошел подобно белому солнечному лучу сквозь призму, где каждый цвет занимал определенное место в иерархии цветов и позволял выстраивать полифонический образ мира»^[543].

Красота и духовная выразительность ликов, изображенных в росписи собора, возводила ум молящегося от образа к Первообразу. «Художник передавал ожидаемый, желанный мир (как бы конечный результат исихастской практики), в котором уже достигнута (согласно исихастскому учению — в равной мере телесно и духовно) степень обожествления...»^[544]

Кто научил Дионисия так молиться?

До наших дней сохранилось объемное послание, которое имеет название: «Послание иконописцу». Исследователи предполагают, что оно было адресовано Дионисию. По сути, «Послание» — это богословский труд в защиту почитания икон, его автор делится со своим собеседником опытом «умной молитвы», дает художнику советы по поводу правильного, духовного отношения к жизни. «Послание» состоит из трех «Слов» и предисловия. Автором «Послания» считается Иосиф Волоцкий, поскольку три «Слова» из него входят в состав главного произведения святого — «Просветитель». Однако исследователи уже обратили внимание на то, что самое обширное «Слово» (7-е в «Просветителе» или 2-е в «Послании») написано в духе рассуждений Нила Сорского.

Его автор размышляет об отречении от мира, о соблюдении Божественных заповедей и изучении Божественных писаний, о смирении, о поиске духовника, об «умной молитве». Всё это темы посланий старца Нила к своим ученикам. Текст содержит неоднократные обращения к адресату, свойственные Нилу Сорскому: «любимиче мой». Впоследствии, когда 2-е «Слово» вошло в состав «Просветителя», эти прямые обращения были исключены из текста.

Теперь обратимся к «Посланию».

Оно написано во время борьбы с еретиками, причем после Собора 1490 года, так как автор называет еретиков отлученными от Церкви, а именно такой приговор вынес церковный Собор. Составитель «Послания» предупреждает иконописца о том, что борьба еще не закончена, повсюду можно встретить еретиков и «отреченные» (то есть еретические) книги. «Послание» начинается богословским рассуждением о почитании Бога, Святой Троицы, Пресвятой Богородицы, апостолов и святых. Далее автор переходит к обоснованию почитания икон. Во все времена иконоборцы апеллировали к ветхозаветному запрету: «не сотвори себе кумира». Они называли иконы идолами, сотворенными из дерева и красок, почитание которых якобы оскорбительно для Бога. Опираясь на творения Иоанна Дамаскина, написанные в защиту святых икон, автор «Послания» опровергает еретическое учение.

Почитая икону, говорит он, православный человек почитает не доску, а Первообраз Того, Кто изображен на ней. «И яко же икону почитаю, не доску почитаю, ниже мшел шаровный, но воображеное тело Господне». Православное учение о почитании икон не нарушает ветхозаветный запрет изображать Бога, Которого никто никогда не видел. Ибо Сын Божий имеет двуединую природу — Божественную и человеческую, поэтому возможно Его изображение «по человечеству». «Се бо почесть иконная на

первообразное восходит, и в иконах и иконами почитается и поклоняется истина»^[545].

Следуя за определениями Седьмого Вселенского Собора, автор «Послания» сравнивает иконное изображение с духовной книгой. Созерцание ликов святых имеет то же воздействие на человека, что и чтение книг. Оно должно побуждать зрителя подражать житиям древних отцов. Любовь к святым, желание всегда иметь перед глазами их изображения побуждают иконописца к творчеству. «Ненасыщаемая» любовь к древним святым, восхищение их подвигом, образом мысли и молитвы были яркой путеводной звездой преподобного Нила. Она звала его в Царьград, на Афон, на Сору. Подражание жительству великих древних стало сущностью его жизни. К этому же он призывал иконописца, который имел драгоценный, от Бога ниспосланный дар являть в красочных образах лики святых. Подчеркивая неразрывную связь между молитвенным созерцанием и иконописанием, автор «Послания» обращает особое внимание художника на искусство «умной молитвы». Святой Григорий Синаит говорил, что «умная молитва» необходима каждому человеку: монаху и мирянину; иноку, пребывающему в общем житии, и отшельнику. По мысли автора «Послания», молитва должна быть непременно делом иконописца. Он советует художнику ни на минуту не оставлять «умной молитвы»: «Да и ты, любимиче, убо где еси, или на мори или на пути, или в дому, или ходя, или сидя, или спя, и на всяком месте непрестанно молися в чистой совести, глаголя сице: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“, и Бог послушает тебе: Того бо есть земля и конци ея. Добро есть и полезно в всяком месте молитися и часто въздыхати о гресех»^[546]. Тот же совет мы находим и в сочинениях преподобного Нила: «О молитве же всегда не нерадети и здравому и немощному, даже и в нужней потребе ум съкровно да поучается»^[547]; «И так говори прилежно, будь то стоя, или сидя, или и лежа...»^[548]

Целый ряд советов, перечисленных автором «Послания», соответствует тем наставлениям, которые Нил Сорский предлагал своим ученикам: «...тружайся руками, во всех благодари, в скорбех терпи, ко всем смирен буди, блюди сердце от помышлений лукавых, не испытывай ленивых жития, но ревнуй святых житию»^[549].

Обращаясь к иконописцу, автор «Послания» напоминает ему о необходимости соблюдать Божественные заповеди: «Заповеди бо Божия... свет суть и живот. Сего ради непрестанно сим поучайся и в сих пребывай. И напиши сие малое слово на сердци своем и обяжи его на выи своей». В

послании к монаху Гурию (Тушину) старец Нил дает такой же духовный совет: «Сице и ты, аще хочещи, сотворяй по святых Писаниих и по сих разуму тыщися делати заповеди Божиа и предания святых отец»; «И сиа написуа в сердци своем, поиди неуклонно в путь Божий»^[550].

Старцу Нилу не раз приходилось объяснять своим ученикам, как бороться с мирскими помыслами и воспоминаниями о прошлой мирской жизни. В известном послании к Вассиану (Патрикееву) он напоминает о коварстве мира: «Колики скорби и развращение иматъ мир сей мимоходящий и колико злолутьства сотворяет любящим его и како посмеивается, отходя от работавших ему, сладок являясь им, егда ласкает вещи, горек бывает последи»^[551]. Автор «Послания иконописцу» также советует художнику не прилепляться сердцем к миру: «И кто в житии сем не зле поживе, кто не вкуси сланных вод горкаго сего моря и спротивных волн, кто на нем не постена! Колико великих прельсти нынешнее житие, и добре текущим запят»^[552].

Можно было бы возразить, что сами тексты все-таки разные. Но ни один автор не повторяет сам себя. Несмотря на то что Нил Сорский пишет в каждом своем сочинении на одни и те же темы, он говорит об этом разными словами. Важно сходство в стиле письма и, конечно, — в содержании. Размышления о коварстве мира в обоих текстах построены на противопоставлении горького и сладкого.

Нил Сорский неоднократно говорил о том, как внимательно нужно относиться к своей манере вести беседу, дабы не обидеть никого из монастырской братии. В послании к Вассиану он писал: «Аще прилучит ти ся слово въпрос или ответ кому, благоглаголива и сладко беседу твори с любовию духовною и с смирением истинным, неразлененно и не преобидя брата». А вот что советует автор «Послания иконописцу»: «...вопрошаем отвещай, не вопрошаем, безмолвствуй, яко да не дерзостна сердца потыкаем язык твой, уязвит кого. Но да предъисходит слово утешения прочих твоих словес, утвержая тебе искреннего любовь»^[553].

Сохранять себя от осуждения — главный совет старца Нила, касающийся повседневной жизни человека. Но он почему-то не был услышан современниками старца и ближайшими учениками, ввергнувшими себя в водоворот споров и ненависти. В послании Вассиану Нил предупреждал: «От не таковых же ошайся (удаляйся. — *Е. Р.*), съхраняй же ся и тщися не укорити, ни осудити кого в чем, аще и не благо что зрит ти ся. Но себе грешна и неключима (негодного. — *Е. Р.*) во всем вменяй»^[554]. То же духовное наставление мы читаем в «Послании

иконописцу»: «Аще и житие неисправлено мнится нам имети, но нам недостойно есть осуждати сих: ин бо есть сих судиа, иже сокровенных зритель. Тебе же да будет всяк достоин, точию да не будет явственно от церкви отлучен»^[555]. Мысль о том, что только Бог может судить и исправлять грехи людей, Нил Сорский развивает в послании к монаху Гурию (Тушину): «И ты, человеце Божий, таковым не приобщайся. Не подобает же и на таковых речми наскакати, ни поношати, ни укоряти, но — Богови оставляти сиа: силен бо есть Бог исправити их»^[556].

Не обошел автор «Послания иконописцу» и острой темы нестяжания: «Аще ли же в церькви предстояще, глаголем о *стяжаниих* и о *имениих* и о суетных и тленных, больше паче не приходит, ниже раздражити Господа. Аще бо кто и приходит, но всуе тружается окаанный: мерзок бо и нечист есть Богу»^[557]. Выделенное курсивом словосочетание характерно для сочинений преподобного Нила. Мы не будем больше утомлять читателя сравнениями, отметим только, что есть все основания видеть во 2-м «Слове» «Послания иконописцу» фрагменты подлинного послания Нила Сорского. Можно предположить, что Иосиф Волоцкий отредактировал и дополнил текст старца перед тем, как включить его в собственное сочинение. Развернутая аргументация из библейских текстов, которая не была характерна для творчества Нила Сорского, но является отличительной чертой сочинений Иосифа Волоцкого, присутствует в некоторых частях 2-го «Слова», что не дает возможности считать его целиком творением старца Нила. Но большая часть этого «Слова» вполне могла ему принадлежать. По крайней мере, в истории русской словесности не известен другой автор, кто бы писал в такой стилистической манере и выбирал подобные темы. Поэтому мы с достаточной долей уверенности можем предположить, что существовало некое послание, написанное Нилом Сорским художнику Дионисию.

Из келейного сборника Нила Сорского

От Старчества

Некоему старцу было откровение. Он увидел очень красивое райское место, в котором пребывал человек. Старец спросил его: Что ты делал в земной жизни? Тот ответил: Я был прокаженным и с благодарностью до конца принимал свою болезнь. Когда я скончался, меня принесли на это

место.

Старец увидел и другого человека, его обитель была хуже первой. Старец спросил его: А ты что совершил в мире? Он же ответил: Я был иноком с самого начала и не ленился о своем спасении, потом стал епископом ради суетной мирской славы. Когда умер, принесли меня сюда. Если бы я не пожелал принять епископский сан, то пребывал бы сейчас там, где всегда хотел, — на месте прокаженного.

(ГИМ. Епарх. № 349. Л. 168 об.)

Из книги преподобного отца нашего Дорофея

Когда блаженный Досифей впал в смертельную болезнь, гнил заживо, харкая кровью, он непрестанно творил молитву, которую ему заповедал авва Дорофей: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». А в середине вставлял такие слова: «Сыне Божий, помози ми». Однажды обессиленного больного, которого иноки несли «в понявици» (в перевязи), встретил Дорофей и спросил: Как твоя молитва, Досифей? Тот ответил: Прости меня, отче. Уже не могу держать ее. Только поминаю Бога и смотрю на Него, как будто Он все время предо мною. И повернувшись с большим трудом к великому старцу, сказал: Отпусти меня, потому что я больше не могу. И сказал ему старец: Терпи, чадо, близка милость Божия. Через несколько дней Досифей снова обратился к старцу: Владыка мой, больше не могу. Тогда возвестил ему Дорофей: Иди с миром, предстань перед Святой Троицей и молись за нас!

(ГИМ. Епарх. № 349. Л. 168–168 об.)

О преставлении и погребении старца Нила

Честна пред Господем смерть преподобных Его.

(Пс. 115, 6)

В середине апреля, когда стаял мартовский снег и Сорскую пустынь окутала легкая зеленая дымка молодой листвы, старец Нил вместе с братией встретил Пасху. Он знал, что последний раз на земле поет пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию на смерть наступив и гробным живот дарова». В последние годы старец тяжело болел. Видимо, поэтому так много текстов о терпеливом и благодарном перенесении болезней он переписал в свой келейный сборник. Среди них встречаются и правила о посте для болящих иноков, в том числе и 4-е правило святого Никифора, патриарха Константинопольского, говорящее о том, что больные в святую Четырдесятницу (Великим постом) могут употреблять в пищу рыбу и немного вина^[558].

Слабея с каждым днем, Нил понимал, что время его земного бытия уже подошло к концу. Братии Сорского скита он оставил написанные им книги. Господь дал ему время закончить главный труд — сочинение, известное под названием главы «О мысленном делании». «Предание» ученикам старец написал просто и лаконично. Три объемных сборника житий святых монах Гурий (Тушин) взял в Кириллов монастырь, чтобы там скопировать их. Осталось написать «Завещание». В нем Нил попросил вернуть не принадлежавшие ему книги прежним владельцам. Крест с камнем «страстей Господних» старец оставлял монахам скита. Больше у него ничего не было. Самое важное распоряжение Нила касалось его бренного тела: после смерти иноки должны были бросить его в болото либо похоронить в «бесчестном месте».

Преподобный Нил всегда чрезвычайно остро осознавал свое недостойство. В свое время его поразил рассказ из Жития Пахомия Великого. Когда в монастыре святого умер ленивый монах, то игумен запретил погребать инока с пением и вообще воздавать ему какую-либо честь. Братия, недоумевая и жалея умершего, уговаривала Пахомия исполнить обряд. Тогда святой сказал монахам: «Поистине, братия, я больше вас милую лежащего. Вы о теле заботитесь, мне же о душе хочется сказать. Ее милуя, я так повелел сделать. Воздавая брату мнимую честь, вы

умножаете ему тамошнюю муку; я же ослабу (ослабление. — Е. Р.) бесчестием готовлю. Поэтому не пекусь я о мертвом теле, но — о бессмертной душе». Старец Нил был согласен с Пахомием и потому последним бесчестием готовил себе, как ленивому монаху, «ослабу» на Страшном суде.

Преподобный не хотел, чтобы его могила стала местом поклонения. Уходя в монастырь, он отрекся от своей семьи, родных и знакомых. Теперь он отказывался от погребения, которого удостаивался любой холоп. Такая степень смирения вряд ли была понятна людям его круга. Даже сорской братии «Завещание» их настоятеля могло показаться уже за пределами разумного. Но именно этот евангельский дух, воспринимавшийся обычными людьми как попрание здравого смысла, был отличительной чертой личности Нила Сорского.

Старец запретил братии обозначать место его погребения, а тем более обретать его мощи. «На суде встану с вами, если кому дадите тело мое», — повторил он слова Арсения Великого. Наконец «Завещание» было закончено. Вот оно:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завещаю о себе навеки господам и братьям, которые моего нрава: молю вас, бросьте тело мое в пустыне сей, пусть изъедят его звери и птицы, потому что согрешило к Богу много и недостойно погребения. Если не сделаете так, тогда вы, выкопав ров на месте, где мы живем, со всяким бесчестием погребите меня. Бойтесь же слова, которое великий Арсений завещал своим ученикам, говоря: на суде встану с вами, если кому дадите тело мое. Я же стараюсь, сколько есть моих сил, чтобы быть не сподобленным никакой чести и славы века сего, как в этой жизни, так и по смерти. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной и прощения прошу у всех, и от меня — прощение. Бог да простит всех. Крест большой, в котором камень страстей Господних, а также книжки, какие я сам писал — то господам моим и братьям, кто начнет терпеть на месте сем. Если бы постарались о мне службу священную совершать до 40 дней, о том очень прошу. Малые книжицы, „Иоанн Дамаскин“, „Требник“ и „Ирмологий“ также в нем, Псалтирь в четверть Игнатиева письма — в Кириллов монастырь. И прочие книги и вещи Кириллова монастыря, что мне давали за любовь Божию, чье что есть — тому и отдать: или нищим, или монастыря какого, какого лица — тому и отдать»^[559].

В главы «О мысленном делании» Нил Сорский включил молитву из монашеского Требника, читаемую во время повечерия. Отходя ко сну, инок каждый день молится так, как будто готовится предстать перед Судией:

«Будь милостив ко мне, Владыко, и да не узрит душа моя темного взора лукавых бесов, но да примут ее ангелы Твои пресветлые. Имеющий власть оставлять грехи, оставь мне, да почию, и да не отыщется пред Тобой грех мой, коим согрешил по немощи естества нашего словом, делом и помышлением, в разуме и в неразумии! Да окажусь пред Тобою при совлечении тела моего не имеющим никакой скверны на образе души моей, и да не примет меня, грешника, темная рука князя мира сего, чтобы ввергнуть меня в глубину адову. Но предстань мне и будь мне Спасителем и Заступником! Помилуй, Господи, осквернившуюся страстями жития сего душу мою, и чистой ее благодаря покаянию и исповеданию прими, и Своею силою возведи меня на божественный Твой суд. И когда придешь, Боже, на землю со славою и сядешь, Милостивый, на престоле Твоем судить праведным Твоим судом, мы же все нагие, как осужденные, неподкупному Твоему суду предстанем, тогда начнешь Ты рассматривать наши согрешения, — что нагрешили мы словом, делом и помышлением, тогда, Преплагой, не обличи мое тайное и не посрами меня перед ангелами и людьми, но пощади меня, Боже, и помилуй меня. Потому что о страшном Твоем судище я помышляю, Преплагой, и дня судного, трепеща, боюсь, совестью моей обличаемый, и очень скорблю о делах моих лукавых, и недоумеваю, как ответить Тебе, бессмертному Царю, так горько Тебя прогнавав. С каким дерзновением взгляну на Тебя, страшного Судию, я, скверный и блудный? Но, Господь славы благоутробный, Отче, и Сыне едиnorodный, и Дух Святой, помилуй и избавь меня тогда от огня неугасимого, и сподобь меня одесную Тебя стать, Судия праведный!»^[560]

Как знать, возможно, так молился преподобный в ночь на 7 мая 1508 года.

Он преставился в третью неделю по Пасхе — в Неделю святых женироносиц. Завещание преподобного не было исполнено. Ученики похоронили его у стены церкви Сретения, на том самом холме, который Нил когда-то насыпал своими руками. На его могилу положили камень с указанием года, месяца и дня преставления.

«Так совершил течение своей жизни старец Нил, принял многим своим трудным подвигам конец, а с ним вместе и венец славы от Бога, воздающего каждому достойную мзду против трудов», — сказано в Житии святого, составленном в XIX веке другим сорским иноком по имени Нил — иеросхимонахом Нилом (Прихудаиловым). Мощи преподобного почивают в его обители под спудом.

Вражда

*Муж безумен не познает, и неразумив не понимает
сих.*

(Пс. 91, 7)

27 октября 1505 года скончался великий князь Иван III, на престол взошел его сын Василий III. Перевернулась новая страница в истории Руси. Эта новость быстро стала известна в Кирилловом монастыре. Вассиан (Патрикеев) отправил несколько своих сочинений в Москву, чтобы близкие ему люди показали их великому князю. Он надеялся вернуться в Москву, ко двору.

После преставления Нила Сорского князь-инок какое-то время жил в Ниловой пустыни, где работал над толкованиями к Евангелию. В один из счастливых дней — так показалось самому Вассиану — он получил известие, что великий князь призывает его в Москву. Уезжая из Кирилло-Белозерского монастыря, он оглянулся и горделиво посмотрел на обитель. Когда-то его привезли сюда в кандалах, здесь он едва не умер от тоски и отчаяния. Теперь он уезжал в столицу как победитель — Василий III хочет его видеть. Он вновь Патрикеев, пусть и в иноческой рясе. В Москву он ехал с твердым намерением реформировать русские монастыри. Ведь именно этого от него ждал и великий князь, настроенный продолжать дело своего отца.

Точно неизвестно, когда Вассиан покинул Белозерье. По крайней мере, после 3 августа 1511 года он уже был в Москве и являлся близким советником Василия III, о чем с горечью сообщал Иосиф Волоцкий боярину Василию Андреевичу Челяднину.

В Москве князь-инок поселился в Симоновом монастыре. «Великий временной человек, у великого князя ближний» — так говорили о нем современники^[561]. Здесь нет нужды подробно разбирать многочисленные произведения инока Вассиана. Две основные мысли красной нитью проходят через все его писания. В первую очередь Вассиан требовал отобрать у монастырей села. Монахи должны жить трудом рук своих. В случае нужды иноки могут пользоваться, по разрешению епископа, доходами с сел, которые принадлежат главной соборной церкви епархии. Кроме того, монастырям не возбраняется принимать милостыню от

христоролюбцев, в том числе денежную ругу от великого князя, но «нужную, а не излишнюю». Здесь мы видим очевидное сходство взглядов инока Вассиана с идеями старца Нила. Но на этом все сходство заканчивается.

Монашеское нестяжание князь-инок рассматривал исключительно как вопрос о селах. Начиная свое первое сочинение с размышлений о судьбе монастырских сел, Вассиан заканчивает его развернутой критикой недостойной жизни монахов. В устах другого человека такая критика звучала бы, несомненно, благородно. Но современники знали, какую жизнь вел сам князь-инок. Живя в Симоновом монастыре, он не изволил употреблять монастырскую пищу: ржаной хлеб, кашу, щи со свеклой. Из дворца великого князя ему привозили разнообразные блюда и «хлебы пшеничны чисты крупичаты». «Пияше же нестяжатель сий романию, бастр, мушкатель, ренское белое вино». Инок новгородского Отенского монастыря Зиновий с возмущением писал о том, что у тех, кого Вассиан называет «стяжателями», — посиневшие, растрескавшиеся от тяжелых монастырских работ руки, а ноги опухли от долгих служб. Вся их пища — это сухари с солью, овсяный и ржаной хлеб, капуста, свекла и репа, рябина да калина. Носят «стяжатели» старую залатанную одежду, «вошми посыпанную»; «нестяжатель» же Патрикеев предпочитает «одеяния... мягка и тепла и легка»^[562]. Трудно еще что-либо добавить к этим справедливым словам.

Вторая идея инока Вассиана, на защиту которой он не пожалел своего полемического задора и сарказма, касалась судьбы еретиков. Нельзя казнить еретиков, считал князь-инок, их необходимо наказывать заточением, ссылкой, а покаявшихся можно принимать обратно в лоно Церкви и допускать к церковным таинствам. Полемика о судьбе еретиков захватила в те годы все русское общество. Подобно Вассиану и, вероятно, не без его влияния высказывался и Герман (Подольный).

Борьба с ересью не закончилась и Собором 1504 года. Раскаявшиеся еретики были отправлены в ссылку, однако и там, несмотря на покаяние, продолжали распространять свои взгляды. В послании Василию III, написанном в 1510–1511 годах, Иосиф Волоцкий с тревогой и горечью замечал: «...князь великий Иван Васильевич, отец твой, по проклятии еретиков Захара Черньца и Дениса попа повеле в темницу воврещи, и сии зле живот свой скончаша и никого же православных не прельстиша. А которые, государь, почали каяться, а отец твой, государь, их покаянию поверил и дал им ослабу, и те много неизреченна зла сотвориша и многих православных христиан в жидовство отведоша»^[563]. Волоцкий игумен

убеждал великого князя не верить покаянию еретиков и заключать их в темницу «до кончины живота» либо казнить.

В адрес иерархов, участников Собора 1504 года, не раз высказывалось обвинение, что они нарушили традицию христианского прощения еретиков. Здесь нужно сказать, что такое сравнение не совсем правомерно. Строго говоря, еретик — это христианин, неправильно исповедующий догматы. Одни еретики отрицали человеческую природу Христа, другие умаляли его Божественную природу. За многовековую историю Церковь пережила много ересей. Но «жидовская мудрствующие» не были еретиками, поскольку отрицали всё христианское вероучение. Иосиф Волоцкий называл их отступниками.

Инок Вассиан, печаловавшийся за еретиков великому князю, обрушил на волоцкого игумена поток гневных обличений и ругательств. В своих сочинениях преподобный Иосиф приводил много примеров из Ветхого Завета, свидетельствующих о том, что молитва пророков испепеляла богоотступников. В ответ Вассиан язвительно предлагал ему сжечь игумена Юрьевского монастыря Кассиана не огнем, а своей молитвой: «И ты, господине Иосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Кассиана архимандрита своею манатиею (монашеской мантией. — *Е. Р.*), донелиже бы он сгорел? А ты бы в пламени его связана дръжал; и мы бы тя, яко единою от трех отрок, ис пламени изшедша, прияли!»^[564] Гордый инок не стеснялся в выражениях. Он обзывал волоцкого игумена «клеветником святых писаний», «развратником истины», новым еретиком Новатом. Последнее сравнение было особенно оскорбительным. Ведь священник из Карфагена Новат (III век), который выступал против воцерковления христиан, отступивших от Церкви во время гонений, был известен своей неблагочестивой жизнью. Иосиф Волоцкий не решился обратиться к Василию III с жалобой на «хулу и злословие» Вассиана и просил боярина Челяднина заступиться за него перед великим князем: «И мы того ради ныне тебе, господину своему, челом бием, чтоб ты государю пожаловал печаловался».

Спор приобрел характер обвинения, потому что великий князь, находившийся под сильным влиянием Вассиана, запретил волоцкому игумену что-либо писать против речей князя-инока, хотя было что писать, по собственному выражению Иосифа. «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого» вообще составлено после преставления преподобного Иосифа, когда уже никто не мог опровергнуть князя-инока. Именно с его слов современники и потомки узнали о конфликте Нила Сорского и Иосифа Волоцкого — конфликте, который на самом деле

никогда не существовал. Испытывая личную ненависть к волоцкому игумену, Вассиан не мог выступить против него в одиночку, ему нужен был непререкаемый духовный авторитет. И он использовал для этого имя Нила Сорского. «Прение с Иосифом Волоцким» представляет собой резюме всей полемики. Составляя этот текст, Вассиан постоянно ссылаясь на мнение старца Нила. Между тем, называя себя учеником великого старца, он нарушил главный завет преподобного — о сохранении мира и любви.

Любое занятие книгами должно сопровождаться христианской любовью — так считал Нил Сорский. «Яко книги стяжаваем (приобретаем. — *Е. Р.*), да навикнем (научимся) нечто от них: сиречь любовь, и смирение, и кротость. Аще ли же начяло книжному стяжанию вражда есть, не хощу такой книзе, но хощу не сваритися с братом». Это собственноручная выписка Нила Сорского из поучений старца Зосимы^[565]. В сочинениях же Вассиана Патрикеева удивляет та личная ненависть, которую испытывал автор к волоцкому игумену.

Возможно, падение клана Патрикеевых-Ряполовских действительно было связано с началом преследования еретиков. Такое мнение в свое время высказывал И. П. Хрущов, первый биограф преподобного Иосифа. О Вассиане исследователь писал: «Возвращенный в Москву державным родственником своим он принес с собою сильную вражду к Иосифу за беспощадный его приговор над еретиками»^[566]. Среди «жидовствующих» оказалось много людей, близких к Патрикееву, поэтому он так яростно бросился на их защиту.

Судьба еретиков беспокоила Вассиана отнюдь не из-за гуманистических убеждений. Он был сыном своего жестокого века и не видел ничего необычного ни в пытках, ни в казнях. Об этом говорит история с так называемыми «заволжскими пустынноиками». Находясь в Белозерье, волоколамские монахи Нил (Полев) и Дионисий Звенигородский обнаружили ересь среди белозерских отшельников. Вероятно, это были те самые пустынноики, жившие без определенного устава, о которых не раз говорил старец Нил как о самочинниках. Волоколамские монахи сообщили о них преподобному Иосифу. Тот — своему брату, ростовскому архиепископу Вассиану (Санину), поскольку в его церковном подчинении находились монастыри Белозерья. Архиепископ довел эти сведения до великого князя. Василий III обратился с укором к иноку Вассиану (Патрикееву), который прежде много рассказывал ему о высоком духовном житии белозерских отшельников. «Добро ли чинят твои пустынноики?» — спросил великий князь. Вассиан на это ответил: «Государь, грамота писана

лукавством, все солгано, вопросы, государь, попа». Спросили попа — свидетеля, который привез грамоту, и поп подтвердил ее содержание. Тогда Вассиан, мнимо подозревая священника в лжесвидетельстве, выпросил разрешение у великого князя подвергнуть несчастного пыткам. Попу сломали ногу, он умер, но не оговорил писавших грамоту. Узнав о смерти свидетеля, великий князь разгневался на виновников этого дела — старцев Дионисия и Нила, велел их самих взять в Кириллов, а пустыни их сжечь ^[567]. Эта история стала новым поводом враждебного отношения Вассиана к монахам Волоколамского монастыря. Когда Вассиану на суде привели свидетельство старца этой обители, он едко заметил, что волоцкие монахи не могут знать о его келейной жизни: «Иосифова монастыря у меня старцы и в кельи не бывали — яз их к себе не пуцаю, и дела мне до них нет» ^[568].

9 сентября 1515 года, на семьдесят шестом году жизни, преставился Иосиф Волоцкий. После смерти преподобного Вассиан не перестал обличать его. Но «посеявший ветер», как известно, «пожнет бурю». Постепенно испортились его отношения с Василием III, и 11 мая 1531 года князь-инок предстал на церковном суде по обвинению в ереси. Он вел себя, как обычно, гордо и вызывающе, почти не пытался оправдываться. «Того аз не помню, к чему убо то написал, а будет что не гораздо, а ты исправи», — дразнил он митрополита Даниила. Собор обвинил Вассиана в хуле на русских святых. «И митрополит спросил: „Да ты же, де Васьян, говорил про чюдотворцов: Господи! Что ся за чюдотворцы? Сказывают, в Колязине Макар чюдеса творит, а мужик был сельской“». Вассиан не отрицал этого обвинения: «Аз его знал, простой был человек; а будет ся чюдотворец, ино как вам любо и с ним — чюдотворец ли сей будет, не чюдотворец ли» ^[569].

Трудно сказать, существовали ли еретические отклонения в религиозном исповедании Вассиана, ведь и судьи были не беспристрастны. Митрополит Даниил упрекал Вассиана в том, что он называл плоть Христа нетленной до Его Воскресения («плоть Господня нетленьна до гроба и во гробе нетленна»), то есть отрицал человеческую природу Христа подобно монофизитам и другим еретикам. Возможно, Вассиан допускал какие-то неправильные толкования, поскольку был самоуверен и не обладал духовным опытом, необходимым для занятий богословием. Здесь важно другое. Саму цель, которую он избрал, приступая к реформированию Церкви, нельзя назвать благой. Это была вражда во имя вражды. Интересно, что митрополит Даниил, полемизируя с Вассианом на Соборе, цитировал слова сретенской стихир, которые князь-инок мог

неоднократно слышать за богослужением в Сорском скиту: «Испытайте писания... в них же обретаем Того рождаема и пеленами повиваема... и Семионом носима, не мнением, ниже привидением, но истиною мирови явльшеся»^[570]. Обычно Вассиан не придавал значения длинным речам митрополита, он отмахивался от него как от назойливой мухи. Но, как знать, может быть, в этот момент за словами сретенской стихиры он различил голос старца Нила.

Сохранились не все листы протокола судебного заседания, который обрывается незаконченной речью митрополита Даниила. Неизвестен приговор соборного суда. Вассиана отправили на покаяние в Волоколамский монастырь, где он и скончался. По словам князя Андрея Курбского, «презлые осифляне его умориша».

...Судьба приводила разных людей в скит Нила Сорского. Всем он желал спасения и по мере своих сил помогал найти правильный путь. Преподобный говорил, что спасение дается ценой самоотречения от грехов и страстей, в числе которых он называл страсти гордости и тщеславия. Не каждый хотел и мог вместить это учение. Так было всегда, с тех самых времен, как на земле Палестины зазвучала евангельская проповедь. За Христом следовали толпы людей, но только двенадцать стали апостолами, а один из них погубил себя предательством.

Память

В память вечную будет праведник.

(Пс. 111, 6)

Прошли годы. В 1657 году над могилой старца Нила поставили крошечную церковь в честь Третьего обретения главы пророка Иоанна Предтечи. Ежегодно, собираясь накануне Великого поста на службу в храме, сорские монахи перечитывали «Предание» старца Нила.

Преподобный строго запретил воздавать ему посмертные почести, поэтому первый иконописный образ старца был создан довольно поздно — в процессе его канонизации в третьей четверти XVII века. Как мы можем представить себе облик Нила Сорского? Думаю, что у нас два пути. Можно внимательно взглядеться в созерцательные лики святых исихастов на фресках Дионисия в соборе Рождества Богородицы. Создавая их, художник, безусловно, шел от реальных ликов тех, с кем ему приходилось встречаться в стенах обители. Но существует и другой путь, который позволяет рассмотреть портретные черты Нила Сорского. Этот путь нам указывает история его скита.

В церкви Ефрема Сирина Ниловой пустыни находилась удивительная икона — местный образ святого Ефрема. К счастью, он сохранился до наших дней. По палеографическим и стилистическим признакам образ датируется концом XVI — началом XVII века. Икона поразительным образом похожа на изображение святого Ефрема, созданное художниками из артели Дионисия на алтарной преграде Успенского собора в Московском Кремле. Поэтому мы можем предположить, что первоначальный образ Ефрема Сирина для Ниловой пустыни был написан Дионисием. Этот образ неоднократно копировался. Одной из таких копий является сохранившаяся храмовая икона.

Возникает вопрос, почему Дионисий, находясь в Ферапонтовом монастыре, вновь обратился к образу сирийского святого. Возможно, он написал икону по просьбе Нила Сорского для придела Сретенской церкви. Еще в XIX веке в Ниловой пустыни сохранялось предание о том, что старец Нил особенно почитал святого Ефрема Сирина и построил в честь него церковь. Работая над иконой, художник мог уловить некое сходство между обликом сорского подвижника и святым Ефремом. Похоже, что эта

идея приходила в голову не только Дионисию, но и монахам Нилова скита. В XVII веке образ святого Ефрема стал иконографической основой при создании иконы Нила Сорского. Проще сказать, именно с иконы Ефрема Сирина писали образ Нила.

Слишком много предположений, скажет читатель. И будет прав. Но совершенно очевидно одно — древний сирийский святой особо почитался в северном русском скиту. Его иконы находились во всех храмах пустыни. И это явление нуждается в объяснении. Возможно, иконы Ефрема Сирина на долгое время заменили собой изображения Нила Сорского и служили напоминанием братии скита об облике его основателя.

По учению святых отцов, внешнее сходство двух святых восходит к их внутреннему, духовному родству. Церковная традиция называет Ефрема Сирина «учителем покаяния». «Непрестанно плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом», — писал о нем Григорий Нисский^[571]. Чрезвычайную остроту покаянному чувству святого придавали особенные обстоятельства его жизни. Святой Ефрем (около 306–373) родился в Сирии, в городе Эдесса (ныне Шанлыурфа, Турция). Он жил на земле у пределов библейского рая, который воспевается в его гимнах «как земной рай, первоизданный Эдем, продолжающий цвести где-то в сокровенном, но совершенно реальном месте у истоков Тигра и Евфрата, то есть по соседству с родиной Ефрема». Святой «так описывает ветерки, повевающие в его земном раю, что кажется, будто он знает Эдем, как зверь, — обонянием. Где еще спрашивается, найдешь такое острое, чуть ли не физическое ощущение, что праведная, не оскверненная нашей порчей природа Эдема — в двух шагах?»^[572]. В Эдессе хранился плат с Нерукотворным образом Спасителя, посланный, по преданию, правителю города — Авгарю. Сирийский святой говорил на том же языке, что и его Божественный Учитель, поэтому образный язык евангельских притч, построенный на тонкой игре слов, был предельно открыт и понятен ему. Это ощущение реальной близости рая дополнялось другим не менее острым чувством — боязнью его потерять. Поэтому реки слез текли из глаз святого. Он считал, что инок — это печальник, плачущий о себе и о мире, — подвижник, принявший на себя страдания и сострадающий миру.

В молодости Ефрем видел сон: из его языка выросла лоза, которая принесла много плодов. Он стал «сыном завета»: так именовались люди, которые при крещении принимали на себя аскетические обеты, в частности, обет девства. Ефрем служил «диаконом церкви в Эдессе» и написал много проповедей на сирийском языке. Они были признаны

авторитетными богословскими сочинениями при жизни автора. Творения диакона Ефрема читали во время богослужений в храмах города сразу после Священного Писания^[573]. Из Эдессы святой перебрался в сирийский город Нисибин, где преподавал в духовном училище. Здесь он познал бедствия, которые неизбежно приносит война: Нисибин трижды подвергался осаде персидского шаха Шапура II. В 363 году пограничный город передали Персии. По условиям мирного соглашения население должно было оставить его. На какое-то время Ефрем стал беженцем, а затем вернулся в Эдессу, где прошли последние десять лет его жизни.

Немало общего можно найти в сочинениях Ефрема Сирина и Нила Сорского^[574]. Одно из сочинений преподобного Ефрема называется «Исповедь или обличение самому себе». Обличая себя, он писал, что от юности был страстен и раздражителен и за всю жизнь не сделал ничего благого: «Будьте по сердоболию своему сострадательны ко мне, братия. Избранники Божии, склонитесь на воззвание человека, который обещался благоугождать Богу, и солгал Творцу своему... От юности я стал сосудом непотребным и нечестным... Увы мне, какому подпал я осуждению. Увы мне, в каком я стыде!»^[575]

В проповедях Ефрем Сирин называл себя грешником, который должен прежде извлечь бревно из собственного глаза, невеждой и неучем. Он уверял, что сам виновен во всем том, от чего советовал слушателям остерегаться, и ничего не исполнил из того, чему учил других. Отправляя послание к брату, вопросившему его о помыслах, Нил Сорский точно так же писал: «Что бо аз реку, не створив сам ничто же благо! Кый есть разум грешнику? Точию грехы»^[576].

Отличительную черту проповеди, как и личности Ефрема Сирина, составляла его любовь к ближним. Он увещевал, просил, умолял: «Умоляю вас, чада мои, потрудимся в это краткое время. Не будем нерадивы здесь, возлюбленные мои, чтобы не раскаиваться бесконечные веки, где не принесут нам пользы слезы и воздыхания, где нет покаяния... Потрудитесь, чада мои любимыя, умоляю вас, потрудитесь, чтобы мне о вас и вам обо мне радоваться вечныя времена»^[577].

О горячем желании помочь всем спастись Нил Сорский говорил в каждом своем сочинении, в этом он видел единственный смысл своих трудов: «И я этого ради передал писание господам братии моей — спасения ради моего и всех произволяющих, воздвигая совесть к лучшему и сохраняя от небрежения, от порочной жизни и вины дурно и плотски мудрствующих людей, и от преданий обманных и суетных общего нашего

врага и обманщика, и от нашей лени и прившедших»^[578].

Умирая, преподобный Ефрем Сирий оставил завещание, в котором просил положить его на кладбище с безвестными странниками: «У Ефрема не было собственности, не было ни жезла, ни мешка для запасов, потому что слышал я слова Господа: не приобретайте ничего на земле... В моей ризе и в куколе предайте меня земле... Не полагайте со мною во гроб ароматов, потому что честь сия для меня бесполезна; не полагайте благовоний, потому что не избавят меня от Суда, ароматы воскурите во святилище, а меня предайте земле с псалмопениями. Вместо того чтобы расточать благовония и ароматы, поминайте меня в молитвах своих. Не полагайте меня в ваших гробницах, потому что ни к чему не послужат для меня ваши украшения. Я же дал обет Богу, чтобы погребли меня со странниками. Я такой же странник, как и они. С ними положите меня. Положите меня на кладбище, где погребены сокрушенные сердцем»^[579]. Просьба Нила Сорского к братии своего скита бросить его тело без всякого погребения или без чести сродни духовному состоянию Ефрема Сирина. Редкое, даже в среде монашества, «Завещание» старца Нила должно было произвести потрясающее впечатление на иноков его скита. И в то же время оно еще раз ярко высветило главную черту духовного образа великого старца — глубочайшее осознание своего недостойнства, которое особенно роднило его с древним сирийским пророком.

«Ибо святые, приходящие из рода в род... сочетаются с предшествующими по времени святыми, озаряются подобно тем... и становятся некоей золотой цепью, в которой каждый из них — отдельное звено, соединяющееся с предыдущими через веру, дела и любовь, так что они составляют в едином Боге единую цепь, которая не может быть легко разорвана» (Симеон Новый Богослов)^[580].

Исторический контекст и основные даты жизни преподобного Нила Сорского

1433 — рождение Нила Сорского в Москве; начало феодальной войны между великим князем Владимирским и Московским Василием II Васильевичем и звенигородско-галицким князем Юрием Дмитриевичем за великое княжение и московский «стол».

1437, 2 апреля — прибытие в Москву Исидора, поставленного в 1436 году в Константинополе на Русскую митрополию.

5 сентября — отъезд митрополита Исидора в Италию на Ферраро-Флорентийский Собор.

1438–1445 — Ферраро-Флорентийский Собор; заключение унии между Католической (Римской) и Православной (Константинопольской) церквами.

1441, март — возвращение митрополита Исидора в Москву; его осуждение на Соборе русских епископов; арест и заключение в московском Чудовом монастыре.

15 сентября — побег Исидора из Москвы.

1446, 16 февраля — ослепление великого князя Василия II Васильевича на дворе князя Дмитрия Юрьевича Шемяки в Москве.

Осень — примирение Василия II и Дмитрия Шемяки, Василий II получил в удел Вологду.

25 декабря — в ночь на Рождество Христово московско-тверское войско захватило Москву.

1447, 17 февраля — возвращение в столицу великого князя Василия II.

1448, 15 декабря — Собором русских епископов рязанский епископ Иона возведен в сан митрополита Киевского и всея Руси, установление автокефалии Русской православной церкви.

1440-е, конец — 1450-е, начало — постриг Нила в Кирилло-Белозерском монастыре.

1453 — Дмитрий Шемяка отравлен в Новгороде по приказу Василия II, окончание феодальной войны.

29 мая — падение Константинополя.

1453–1455 — Андрей Федорович Майко, брат Нила Сорского, подписывает жалованную грамоту великого князя Василия II игумену Спасо-Каменного монастыря Герасиму.

1454, между 3 марта и 22 сентября — возвращение преподобного Мартиниана Белозерского из Троице-Сергиева монастыря в Ферапонтов на должность строителя.

1460–1470-е годы — пребывание монаха Паисия (Ярославова) в Кирилло-Белозерском монастыре.

1462, 28 марта — начало великого княжения Ивана III.

1470, ноябрь — в Новгород приезжает еврейский астролог Захария бен Арон га-Коген («Схария»), зарождение ереси «жидовствующих» в Новгороде.

1471, 20 июня — начало первого похода Ивана III на Новгород.

В период между 1475 — июнем 1488 — паломничество Нила Сорского на Восток.

По возвращении — основание преподобным Нилом скита на реке Соре.

1477, 9 октября — начало второго похода Ивана III на Новгород.

1479 — старец Паисий (Ярославов) по повелению Ивана III становится игуменом Троице-Сергиева монастыря.

1481, 22 июля — хиротония Иоасафа (Оболенского) на ростовскую архиепископскую кафедру.

1483, 12 января — преставление преподобного Мартиниана Белозерского в Ферапонтове монастыре.

1484, 12 декабря — 1504 — Геннадий (Гонзов) занимает кафедру архиепископа Новгорода.

1487, осень — архиепископ Новгородский Геннадий обнаруживает ересь «жидовствующих» в Новгороде.

1488, между 2 и 28 июня — архиепископ Иоасаф (Оболенский) оставил ростовскую кафедру и удалился в Ферапонтов монастырь.

1488, после 2–28 июня — 1489, до 23 февраля — архиепископ Новгородский Геннадий (Гонзов) пишет послание бывшему архиепископу Ростовскому Иоасафу (Оболенскому) с просьбой прислать к нему старцев Нила Сорского и Паисия (Ярославова).

1490, 7 марта — смерть князя Ивана Молодого, сына и соправителя Ивана III.

Октябрь — участие Нила Сорского в церковном Соборе на еретиков «жидовская мудрствующих».

1490, 26 сентября — 1494, 17 мая — митрополичий престол в Москве занимает еретик Зосима.

1492, 19 сентября — арест удельного князя Андрея Углицкого в Москве.

1493, 7 ноября — смерть князя Андрея Углицкого в московской тюрьме.

1498, 4 февраля — венчание внука Ивана III Дмитрия Ивановича на царство.

1499, январь — февраль — опала князей Патрикеевых, казнь князя Семена Ряполовского.

1501, 22 или 23 декабря — преставление Паисия (Ярославова) в Москве.

1502, 11 апреля — арест невестки Ивана III Елены Стефановны и великого князя Дмитрия Ивановича

Август — сентябрь — Дионисий со своими сыновьями расписывает Рождественский собор Ферапонтова монастыря.

1502, конец — 1503, начало — кончина Андрея Майко (во иночестве Арсения).

1503, июль — август — участие Нила Сорского в церковном Соборе по поводу «церковных имений».

1504, декабрь — 1505, январь — казни еретиков в Москве и Новгороде.

1505, 18 января — смерть княгини Елены Стефановны в заточении.

27 октября — смерть Ивана III.

1508, 7 (20) мая — преставление Нила Сорского.

Библиография

Источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т. 1: 1334–1598.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ). Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958. Т. 3. М., 1964.
3. Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. А. А. Зимин. М., 1956. Ч. 2.
4. Афонский патерик. СПб., 1860. Ч. 1.
5. *Бегунов Ю. К.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 351–364.
6. Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках / Изд. Е. И. Ловягин. СПб., 1861.
7. *Боровкова-Майкова М. С.* Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (ПДПИ. Т. 179).
8. Великие Минеи Четьи, изданные митрополитом Макарием (ВМЧ). Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868.
9. Волоколамский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI в. СПб., 2000.
10. Восточные отцы и учителя Церкви IV в.: Антология / Сост. иером. Иларион (Алфеев). М., 1999. Т. 3.
11. *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3: Книги богослужбные. Ч.1.
12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ). М.; Л., 1950.
13. Житие преподобного Евфросина Псковского // ПДПИ. Т. 173. СПб., 1909.
14. *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 3–39.
15. *Зиновий Отенский, инок.* Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863.
16. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. М., 1993. Т. 2.
17. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание писем. М.; СПб., 1995. С. 690.

18. Избранные слова и беседы святых отцев и учителей Церкви на важнейшие праздники церковные. М., 1874.
19. *Иоанн (Калинин), инок.* Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Новгородской епархии. Кириллов, 1913.
20. Иоасафовская летопись / Изд. А. А. Зимин. М., 1957.
21. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955.
22. Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. / Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1984.
23. *Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 2: Свод описаний.
24. Московское государство XV–XVII веков по сказаниям современников-иностранцев / Сост. В. Н. Бочкарев. М., 2000.
25. *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Известия Отделения русского языка и литературы (ИОРЯС). 1897. Т. II. Кн. 1.
26. *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897.
27. *Никольский Н. К.* Речь тонкословия греческого: Русско-греческие разговоры XV–XVI вв. // ПДПИ. Т. 114. СПб., 1896.
28. О ереси жидовствующих: Новые материалы *Собр. С. А. Белокуров и др.* / ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. 2.
29. Описи Царского архива. М., 1960.
30. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. СПб., 1998.
31. *Палама Григорий, свт.* Физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама главы // *Порфирий (Успенский), еп.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 году. К., 1877; М., 2006.
32. *Палама Григорий, свт.* Толк афонских исихастов // *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. СПб., 1892. Ч. III: Афон монашеский. Судьба его с 911 по 1861 год. Отд. 2 / Ред. П. А. Сырку. С. 227–240.
33. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1 // Сборник императорского Русского исторического общества (РИО). Т. 35. СПб., 1882.
34. Повесть о Царьграде Нестора Искандера // ПДПИ. Т. 62. СПб., 1886.
35. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.

36. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
37. ПСРЛ. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901.
38. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1: Львовская летопись. СПб., 1910.
39. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
40. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959.
41. Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1992.
42. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г. М. Прохоров, Е. Г. Водолазкин, Е. Э. Шевченко. СПб., 1993.
43. Прохоров Г. М. Житие Нила Сорского в списке первой четверти XIX века // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997.
44. Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский: Сочинения. СПб., 2005.
45. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссиею (РИБ). Т.6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. СПб., 1908.
46. Соборник Нила Сорского / Подгот. Т. П. Лённгрен. Ч. 1. М., 2000; Ч. 2. М., 2002; Ч. 3. М., 2004.
47. Смирнов П., прот. Проповеди святого Ефрема Сирина // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1895. Март.
48. Соколов А. Жизнь святого Ефрема Сирина // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1848. Ч. 7.
49. Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890. Т. 1: Литургические труды Патриарха Евфимия Тырновского. С. 169.
50. Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 5, 6: История Российская. М., 1996. Ч. 3, 4.
51. Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Сергиев Посад, 1908. Ч. 2.
52. Шаблова Т. И. О трапезе в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XVII в. // Наследие монастырской культуры. СПб., 1997.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. *Аверинцев С. С.* На границе цивилизаций и эпох: Вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского Средневековья // *Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации.* М., 1985. Вып. 2.
3. *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XV — начала XVI века. СПб., 2002.
4. *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XV — начала XVI вв.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012.
5. *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.
6. *Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А.* Древнерусские надписи Софии Константинопольской // *Славянский альманах:* 2011. М., 2012. С. 41–52.
7. *Архангельский А. С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882. Ч. 1: Преподобный Нил Сорский.
8. *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.
9. *Базили К.* Босфор и новые очерки Константинополя. СПб., 1836. Ч. 2.
10. *Бондаренко И. А.* Москва XII–XV веков // *Древнерусское градостроительство X–XV вв.* М., 1993.
11. *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000.
12. *Борисов Н. С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.
13. *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1987.
14. *Вагнер Г. К.* Спасо-Андроников монастырь. М., 1972.
15. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
16. *Вздорнов Г. И.* Феофан Грек: Творческое наследие. М., 1983.
17. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. М., 1962.
18. *Выголов В. П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988.

19. *Граля И.* Дьяки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII в.) // *От Древней Руси к России нового времени.* М., 2003.
20. *Голейзовский Н. К.* Заметки о творчестве Феофана Грека // *Византийский временник.* Т. 24. М., 1964.
21. *Голейзовский Н. К.* Исследования. М., 2005. Ч. 1: Дионисий и его современники.
22. *Голейзовский Н. К.* «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV–XVI вв. // *Византийский временник.* Т. 26. М., 1965. С. 219–238.
23. *Голейзовский Н. К.* Исихазм и русская живопись XIV–XV вв. // *Византийский временник.* Т. 29. М., 1968. С. 196–210.
24. *Гращенко А. В.* Резные пояса белокаменных храмов Ивана Калиты в Московском Кремле // *Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция.* М., 1994.
25. *Гролимунд В.* Между отшельничеством и общежитием: Скитский устав и келейные правила. Их возникновение, развитие и распространение до XVI века // *Монастырская культура: Восток и Запад.* СПб., 1999.
26. *Данилова И. Е.* Иконографический состав фресок Рождественской церкви Ферапонтова монастыря // *Из истории русского и западноевропейского искусства.* М., 1960.
27. *Дебольский Г. С., прот.* Дни богослужения православной католической Восточной Церкви. СПб., 1887. Т. 1.
28. *Доброклонский А. П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. 1: Его эпоха, жизнь и деятельность. Одесса, 1913; Ч. 2: Его творения. Вып. 1. Одесса, 1914.
29. *Жмакин В. Н.* Нил Полев // *Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП).* 1881. Т. 216. Август.
30. *Зайцев Б. Н.* Избранное. М., 1998.
31. *Зимин А. А.* События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // *Новое о прошлом нашей страны.* М., 1967.
32. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
33. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991.
34. *Зонова О. В.* О ранних алтарных фресках Успенского собора // *Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования.* М., 1985.
35. *Иаков (Поспелов), архим.* Летопись событий Кирилло-Белозерского

монастыря с 1397 по 1897 год // К свету. № 15: Край Кирилла Белозерского. М., 1996.

36. Из рукописного наследия: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006.

37. *Иларион (Алфеев), иером.* Преп. Симеон Новый Богослов и православное предание. М., 1998.

38. *Индова Е. И.* Русская посольская служба в конце XV — первой половине XVI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

39. *Кавельмахер В. В., Панова Т. Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 66–83.

40. *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

41. *Казанский П. С.* История православного монашества на Востоке. Ч. 2. М., 1856.

42. *Казанский П. С.* История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1885.

43. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 5–8. М., 1989.

44. *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994.

45. *Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990.

46. *Клосс Б. М.* Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 150–167.

47. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 9. М., 1990.

48. *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. М., 2006.

49. *Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.

50. *Кучкин В. А., Попов Г. В.* Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 года // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 107–144.

51. *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. М., 1997.

52. *Лазарев В. Н.* Феофан Грек. М., 1961.

53. *Лилиенфельд Ф.* Иоанн Тритемий и Федор Курицын // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

54. *Малето Е. И.* Хождения русских путешественников XII–XV вв. М.,

2000.

55. *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

56. *Мансветов И. Д.* Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви. М., 1895.

57. *Мирковић Л.* Скитски уставы св. Саве // Братство. Кн. XXVIII. Београд, 1934.

58. *Михайловский Б. В., Пуришев Б. И.* Очерки истории древнерусской монументальной живописи со 2-й половины XIV до начала XVIII в. М.; Л., 1941.

59. *Михельсон Т. Н.* Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста // ТОДРЛ. Т. 22. М.; Л., 1966. С. 144–164.

60. *Морозов Д. А.* Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. М., 2006.

61. *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894.

62. *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1897; Т. 2. Вып. 2. СПб., 1910.

63. *Никольский Н. К.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII // Христианское чтение. 1907. № 8.

64. *Новикова О. Л.* К биографии великокняжеского дьяка Андрея Одинца // Вестник «Альянс-Архео». № 27. М.; СПб., 2019. С. 3–17.

65. *Овчинников А. Н.* Икона Дионисия Богоматерь Одигитрия. М., 2002.

66. *Овчинников А. Н.* Символика христианского искусства. М., 1999.

67. *Остроумов И.* Святые нашего Севера. СПб., 1897.

68. *Панова Т. Д.* К вопросу о социальной топографии Московского Кремля XIV–XVI вв. // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003.

69. *Панченко К. А.* «Темный век» палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже Мамлюкской и Османской эпох // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. Вып. 57. М., 2018. С. 59–88.

70. *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в. М., 1975.

71. *Покровский Н. В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884). Одесса, 1887. Т. 3.

72. *Райт В.* Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902.

73. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983.
74. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.
75. Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVI в. М., 1994.
76. Рыбин В. В. Поучения преподобного Кирилла // Житие преподобного Кирилла Белозерского. Вологда, 1997. С. 78.
77. Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. М., 1983. Ч. 1.
78. Серебрянский Н. И. Очерки по истории псковского монашества // ЧОИДР. М., 1908. Кн. 4.
79. Скабалланович М. Толковый типикон. М., 1995. Вып. 2.
80. Смолич И. К. Русское монашество. М., 1997.
81. Соколов И. И. Святитель Григорий Палама, его труды и учение об исихии. СПб., 2004.
82. Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 179–180.
83. Стерлигова И. А. Ковчег Дионисия Суздальского // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред. — сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 45–52. № 5.
84. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997.
85. Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 1. М., 1898.
86. Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 260–344.
87. Тюменев Ф. И. Поездка в Нило-Сорскую пустынь // Исторический вестник. СПб., 1898. № 10.
88. Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1–2.
89. Успенский собор / Сост. И. Я. Качалова. М., 1995.
90. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017.
91. Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1996.
92. Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892.
93. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.
94. Ферапонтов монастырь в ликах и лицах / Сост. Е. Р. Стрельникова. М., 1998.
95. Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII вв. М., 1992.

96. *Флоря Б. Н.* Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV — начале XVI в. // *Средневековая Русь.* № 1. М., 1996.
97. *Хрущов И. П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. М., 1868.
98. *Чернов С. З.* Из истории Киснемы последней четверти XIV — начала XV в. // *Кириллов: Краеведческий альманах.* Вологда, 1997. Вып. 2.
99. *Читти Д.* Град Пустыня. СПб., 2007.
100. Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред. А. М. Лидов. М., 1996.
101. *Шамина И. Н.* Иннокентий (Охлябинин), преподобный Комельский // *Православная энциклопедия.* Т. 22. М., 2009. С. 729–731.
102. *Шевченко Е. Э.* Нило-Сорский скит как центр книжности: Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 2009.
103. *Шевченко Е. Э.* Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец. СПб., 2014.
104. *Шевырев С. П.* Нило-Сорская пустынь. М., 1850.
105. *Щенникова Л. А.* Настенные росписи, иконы и лицевые рукописи в соборах Московского Кремля в XV веке // *Московский Кремль XV столетия: Древние святыни и исторические памятники.* М., 2011.
106. *Шубаев М. А.* Книжные труды Кирилла Белозерского // *Православная энциклопедия.* Т. 34. М., 2014. С. 324–325.
107. *Шмеман А.* Исторический путь православия. М., 1993.
108. *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996.
109. *Sherrard F.* Constantinople: Iconography of a sacred city. London; New York; Toronto, 1965.

Над книгой работали

16+

Редактор *А. Ю. Карпов*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректор *Т. И. Маляренко*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022

notes

Примечания

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский: Сочинения. СПб., 2005. С. 160–161 (пер. на рус. яз. Г. М. Прохорова).

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 200.

См. об этом: *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI в.: Происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013. С. 132–133; *Печников М. В.* Курицын Федор Васильевич // Православная энциклопедия. Т. 39. М., 2015. С. 404–407.

Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XXVII.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 223.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997. С. 198.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 160.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 78.

Иоасафовская летопись / Изд. А. А. Зимин. М., 1957. С. 100–101.

Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. М., 1983. Ч. 1. С. 12; Сборник Русского императорского исторического общества (далее: РИО). Т. 35. СПб., 1882. С. 233.

Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Ч. 1. С. 16–17.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 178.

Граля И. Дьяки и писари. Аппарат управления в Московском государстве и великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII в.) // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 155.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 106.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 107.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 184.

Древнейшие русские списки сочинения датируются XV в., см.:
Прохоров Г. М. Шестодневы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 482.

Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в. М., 1975. С. 50.

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 266. С. 282.

АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 268. С. 283.

АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 207. С. 135.

АСЭИ. Т. 2. № 249. С. 264; «Месяца февраля 2 на Сретеньевъ день с недели на понеделник великаа княгини Марья Василья Васильевича пострижеса ноци таа в черници на своемъ дворе на Москве, а стригль ее игумен Кирилова монастыря и нарече ей имя Марфа» (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 322).

В 1435–1447 годах между Всеволожами и игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Трифоном возник спор о правах на деревню «Михалевскую Горкаваго» из Киснемской волости. В доказательство своей правоты Всеволожи говорили: «...а та, господине, деревня из старины тянет судом к нам; еще, господине, отец нашъ Иванъ судил ту деревню и дань на ней имал; а после, господине, отца нашего судили мы ту деревню съ своею братьею и дань на ней имали есмь». Белозерский князь Михаил Андреевич решил спор в пользу монастыря; см. об этом: *Чернов С. З.* Из истории Киснемы последней четверти XIV — начала XV в. // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 11.

Морозов Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. М., 2006.

Описи Царского архива. М., 1960. С. 26.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997. С. 49.

Бондаренко И. А. Москва XII–XV веков // Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 206.

Бусева-Давыдова И. Л. Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М., 1987. С. 18.

Борисов Н. С. Повседневная жизнь Средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 191.

Бусева-Давыдова И. Л. Храмы Московского Кремля. С. 230.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5–8. М., 1989. Стб. 138.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М., 1950.
С. 457.

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 515.

Бондаренко И. А. Москва XII–XV веков. С. 206.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. С. 88.

Бочкарев В. Н. Московское государство XV–XVII веков по сказаниям современников-иностранцев. М., 2000. С. 171.

Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 109–110.

Московский Кремль: Успенский собор / Сост. И. Я. Качалова. М., 1995.
С. 17–18.

Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности.
СПб., 1892. С. 272.

Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности.
СПб., 1892. С. 266.

Палама Григорий, свт. Физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама главы // *Порфирий (Успенский), еп.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 г. Ч. 1. Отд. 1. С. 233.

Палама Григорий, свт. Физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама главы // *Порфирий (Успенский), еп.* Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 г. Ч. 1. Отд. 1. С. 252.

Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. 3. Отд. 2. С. 242.

Порфирий (Успенский), еп. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 г. Ч. 1. Отд. 1. С. 240.

Голейзовский Н. К. Исихазм и русская живопись // Византийский временник. Т. 29. М., 1969. С. 204.

Михайловский Б. В., Пуришев Б. И. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со 2-й половины XIV до начала XVIII в. М.; Л., 1941. С. 26.

Овчинников А. Н. Икона Дионисия Богоматерь Одигитрия. М., 2002. С. 23.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. С. 212.

Цит. по кн.: *Овчинников А. Н.* Икона Дионисия. С. 31, прим. 15.

«Того же лета изобретени быша страсти Господа нашего Иисуса Христа, ихъже некогда принесе боголюбивый епископ Дионисей Суздальский изъ Царяграда, премногою ценою изъкупивъ я и многою верою и любовию приобрете я, и великим трудомъ принесе я, потомъ же неколико время во граде Суздали съкровены быша, въ каменной стене церковней заздани быша; сея же весны обретены быша, и несоша ихъ въ Москву, сretoша же ихъ честно съ кресты весь чин священнический и весь градъ» (ПСРЛ. Т. 25. С. 231).

История из «Деяний Седьмого Вселенского Собора» рассказывает о том, как в Бейруте жил некий христианин. При переезде в новый дом он забыл Распятие, которое осталось висеть высоко на стене, под самым потолком. Через некоторое время в этом доме поселился иудей, не заметивший образ. Однажды к нему пришел на обед другой иудей и увидел Распятие. Он написал донос на своего соплеменника, в доме собрались члены иудейской общины и подвергли изображению Христа на иконе тем же издевательствам, что претерпел Спаситель на кресте. Когда Его ребра пронзили копьем, из раны потекла настоящая кровь и вода. Не вразумленные этим явным чудом иудеи, желая посрамить христианскую веру, собрали кровь в сосуд и отнесли в синагогу. В иудейском храме было много больных людей. Когда кровью из сосуда помазали расслабленного, тот начал прыгать от радости. Исцелились также все находившиеся в храме убогие и калеки. Потрясенные случившимся они отправились к епископу города и попросили крестить их. Синагогу, переделанную в христианский храм, освятили во имя Спасителя, где поместили чудотворную икону. Позднее этот образ был перенесен в Константинополь (опубл.: «Слово святого отца нашего Афанасия о чуде, бывшем в городе Берите от иконы Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога нашего» // Деяния Вселенских соборов. Казань, 1891. Т. VII. С. 121–124).

См. подробное описание ковчега: *Стерлигова И. А.* Ковчег Дионисия Суздальского // *Христианские реликвии в Московском Кремле*. М., 2000. С. 45–52. № 5. Ныне находится в музее «Московский Кремль», инвентарный номер МР-1030, экспонировался на выставке «Христианские реликвии в Московском Кремле» в мае 2000 года.

Духовная грамота Василия I Дмитриевича // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. С. 59, № 21; С. 61, № 22.

Перемирная грамота князей можайского Ивана Андреевича и верейского и белозерского Михаила Андреевича с великим князем Василием Васильевичем (июль 1447) // ДДГ. С. 141. № 46.

Послание российского духовенства к князю Дмитрию Юрьевичу // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 1: 1334–1598. № 40. С. 82.

Щенникова Л. А. Настенные росписи, иконы и лицевые рукописи в соборах Московского Кремля в XV веке // Московский Кремль XV столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. С. 158.

«В период археологических работ 1923–1933 гг. в районе предполагаемого местонахождения монастыря (к востоку от Св. Софии) было обнаружено здание с двумя бассейнами, позволяющее с определенной долей уверенности отождествить его с руинами монастыря Одигон и его чудесного источника» (*Щенникова Л. А.* Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // *Древнерусское искусство: Византия и Русь* (К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб., 1999. С. 10).

Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века
*Пер., коммент. Л. К. Масиель-Санчес / Чудотворная икона в Византии и
Древней Руси / Ред. А. М. Лидов. М., 1996. С. 443.*

«Хождение» Стефана Новгородца / Подгот. Л. А. Дмитриев // Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР). Вып. 4: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 33, 35.

Щенникова Л. А. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси. С. 332.

Паттерсон-Шевченко Н. Служители святой иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 134.

Щенникова Л. А. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси. С. 332.

«В лето 6990. Сгоре икона Одигитрие на Москве в церкви каменной святого Възнесения, чудная святая Богородица Греческого писма, в ту меру сделана якоже в Цареграде чудная, еже исходит во вторник да в среду на море; толико образ той сгоре да кузнь, а доска ся остала, и написа Денисей иконник на той же доске в той же образ» (ПСРЛ. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853. С. 234). Ныне икона хранится в Государственной Третьяковской галерее.

См. описание иконы: *Щенникова Л. А.* Настенные росписи, иконы и лицевые рукописи в соборах Московского Кремля в XV веке // Московский Кремль XV столетия: Древние святыни и исторические памятники. М., 2011. С. 156–158.

Щепкина М. В. Изображение русских исторических лиц в шитье XV века // Труды Государственного исторического музея (далее — ГИМ). Памятники культуры. М., 1954. Вып. 12; *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971. С. 20.

Паттерсон-Шевченко Н. Служители святой иконы. С. 137.

Паттерсон-Шевченко Н. Служители святой иконы. С. 142, прим. 26.

ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 421; *Щенникова Л. А.* Икона «Богоматерь Пименовская» // *Христианские реликвии в Московском Кремле* / Ред. — сост. А. М. Лидов. М., 2000. С. 247–249. № 79.

Успенский Л. А. Богословие иконы. М., 1996. С. 233, прим. 17.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Сост. Г. М. Прохоров, Е. Г. Водолазкин, Е. Э. Шевченко. СПб., 1993. С. 181.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 345.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. С. 123.

Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 5, 6: История Российская. Ч. 3, 4. М., 1996. С. 238; *Борисов Н. С.* Иван III. С. 37–38.

Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 5, 6. С. 239.

Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 100.

ПСРЛ. Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 150; *Борисов Н. С.* Иван III. С. 62–63.

Бочкарев В. Н. Московское государство XV–XVII веков по сказаниям современников-иностранцев. С. 23.

Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 104–105.

Борисов Н. С. Иван III. С. 77.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 248–249.

ПСРЛ. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 66; *Борисов Н. С.* Иван III. С. 84.

*Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Стб. 185;
Борисов Н. С. Иван III. С. 87–88.*

Борисов Н. С. Иван III. С. 93–94; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1: Львовская летопись. СПб., 1910. С. 260.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 263.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 171.

Рыбин В. В. Поучения преподобного Кирилла // Житие преподобного Кирилла Белозерского. Вологда, 1997. С. 78.

ПСРЛ. Т. 23. С. 153.

Борисов Н. С. Иван III. С. 103.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. М., 1868. С. 42.

Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XV — начала XVI века. СПб., 2002. С. 72.

Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XV — начала XVI века. СПб., 2002. С. 85; *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI в. С. 82.

Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 2. Сергиев Посад, 1908. С. 217.

Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884). Т. 3. Одесса, 1887. С. 293.

Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884). Т. 3. Одесса, 1887. С. 293–294.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 171.

Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 2. С. 226.

Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 2. С. 223–224.

Покровский Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. С. 303.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 195.

Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 84.

Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 86–87.

Малетю Е. И. Хожения русских путешественников XII–XV вв. М., 2000. С. 93.

ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 164.

Романов Б. Н. Псалмопевец Давид и русская поэзия // Псалтырь в русской поэзии XVII–XX вв. М., 1995. С. 7.

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прил. С. 70.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. С. 259.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 130.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 113.

Предположение о решающей роли игумена Мартиниана в карьере Василия Мамырева высказала Е. Э. Шевченко, см. об этом: *Шевченко Е. Э.* Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец. СПб., 2014. С. 31–32.

Ныне находится в Уваровском собрании Исторического музея. № 87/736/277. См. описание рукописи: *Кучкин В. А., Попов Г. В.* Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 года // *Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 32.* О дьяке Мамыреве см. также: *Шубаев М. А.* Дьяк Василий Мамырев — московский книжник второй половины XV в. // *Книга в России. М., 2006. Сб. 1. С. 9–14.*

Кучкин В. А., Попов Г. В. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 года. С. 116.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 71.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 84.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 135.

Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Т. 10. М.; Л, 1954. С. 179–180.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. London; New York; Toronto, 1965. P. 129.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. London; New York; Toronto, 1965. P. 129.

Повесть о Царьграде Нестора Искандера // Памятники древней письменности и искусства (далее — ПДПИ). Т. 62. СПб., 1886. С. 85.

Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками. С. 163.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 130.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 130.

Соколов А. Жизнь святого Ефрема Сирина // Прибавления к творениям святых отцов. М., 1848. Т. 7. С. 54.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 19.

См. об этом: *Кузьмин А. В.* Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы) // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 230–253.

АСЭИ. Т. 2. С. 338–339. № 340.

Кучкин В. А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV — начале XV в. // *Кулешов А. С.* Аксаковы: История разбитых судеб. М., 2009. С. 296–299; *Чернов С. З.* Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 гг. // *Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты.* В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 76–80; *Кузьмин А. В.* Из истории можайских землевладельцев. С. 241.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 63.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 149.

См. обоснование поздней датировки основания Кирилло-Белозерского монастыря в кн.: *Серебрякова М. С. Жития преподобных Кирилла и Ферапонта как исторический источник сведений об основании белозерских монастырей* // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 180–189.

В междукняжеских договорах 1447–1448 годов Кирилл Белозерский упоминается вместе с Сергием Радонежским как гарант соглашений (ДДГ. С. 151, 153, 155; АИ. Т. 1. М., 1841. С. 87. № 43).

Иаков (Поспелов), архим. Летопись событий Кирилло-Белозерского монастыря с 1397 по 1897 год // К свету. М., 1996. № 15: Край Кирилла Белозерского. С. 10.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство.
СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. С. 65.

Иларион (Алфеев), иером. Преп. Симеон Новый Богослов и православное предание. М., 1998. С. 190.

АИ. Т. 1. С. 73. № 39; ПСРЛ. Т. 6. С. 162–167; см. об этом: *Семячко С. А., Флоря Б. Н.* Кассиан, прп., игум. Кириллова Белозерского монастыря // Православная энциклопедия. Т. 31. М., 2013. С. 495–498.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч.1. С. 408.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена волоцкого. С. 30.

Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссиею (далее — РИБ). СПб., 1908. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. Стб. 262. № 32. См. подробнее о наречении монашеских имен: *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 100–122.

РГБ. Рум. собр. № 445. Л. 95.

Шибает М. А. Книжные труды Кирилла Белозерского // Православная энциклопедия. Т. 34. М., 2014. С. 324.

РНБ. Соф. собр. № 1064. Л. 208.

РНБ. Соф. собр. № 1064. Л. 208 об.

РНБ. Соф. собр. № 1064. Л. 208 об.

РНБ. Соф. собр. № 1064. Л. 211.

РНБ. Соф. собр. № 1064. Л. 212 об.

Новая скрижаль. М., 1999. С. 245.

Новая скрижаль. М., 1999. С. 245.

Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М., 1900. С. 30.

Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. М., 1900. С. 32–33.

РНБ. Соф. собр. № 1064. Л. 213 об.

ГИМ. Епарх. собр. № 349. Л. 116 об. — 117.

РГБ. Унд. № 52. Л. 366.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан. С. 67.

РГБ. Унд. № 52. Л. 367.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан. С. 92.

Серебрянский Н. И. Очерки по истории псковского монашества // ЧОИДР. М., 1908. Кн. 4. С. 522.

*Дебольский Г. С., прот. Дни богослужения православной
кафолической восточной Церкви. СПб., 1887. Т. 2. С. 146.*

Скабалланович М. Толковый типикон. М., 1995. Вып. 2. С. 134.

Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV, XVI и начале XVII-го века // Христианское чтение. 1907. Август. С. 896–897.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. М., 1993. Т. 2. С. 179.

Скабалланович М. Толковый типикон. Вып. 2. С. 305.

Устав церковный Иосифова монастыря // Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. С. 324.

Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь... // Христианское чтение. 1907. Август. С. 907, прим. 2.

Скабалланович М. Толковый типикон. Вып. 2. С. 51.

«Чин о Панагии» опубл.: *Шаблова Т. И.* О трапезе в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XVII в. // Наследие монастырской культуры. СПб., 1997. С. 35–36.

Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 109.

Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 107. Ср. древнерусский текст: «Егда видять тя беси усрьдие имяща въистину помолитися, тогда вълагають домышления некыхъ вещи, якоже се нуждна и помале възимають ти яже о нихъ память» (РГБ. МДА (Фунд.). № 49. Л. 127, конец XIV — начало XV в.).

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 108.

Сборник монаха Евфросина: РНБ. Кир. — Бел., № 22/1099. Л. 288/2 — 299; сборник Германа (Подольного): РНБ. Кир. — Бел., № 101/ 1178. Л. 259; см. об этом: *Прохоров Г. М.* Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 57, прим. 41.

Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского. С. 69.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан. С. 97.

Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.
СПб., 1998. С. 271.

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан. С. 89.

Так датирована первая известная грамота, адресованная игумену Мартиниану; опубл.: АСЭИ. Т. 2. С. 304. № 322.

АИ. Т. 1. С. 75. № 40.

Шевченко Е. Э. Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец. СПб., 2014. С. 367 (перевод Е. Э. Шевченко).

Шевченко Е. Э. Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец. СПб., 2014. С. 367 (перевод Е. Э. Шевченко).

Шевченко Е. Э. Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец.
СПб., 2014. С. 369.

Шевченко Е. Э. Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец.
СПб., 2014. С. 373.

Борисов Н. С. Иван III. С. 138.

Шевченко Е. Э. Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец. СПб., 2014. С. 245–246.

Шевченко Е. Э. Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец.
СПб., 2014. С. 246.

Семенченко Г. В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 56.

Библиотека литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI в. Т. 9. СПб., 2000. С. 65.

Голейзовский Н. К. Исследования. В 3 т. Ч. 1: Дионисий и его современники. М., 2005. С. 19.

Хрущов И. П. Исследования о сочинениях Иосифа Санина. С. 25.

Хрущов И. П. Исследования о сочинениях Иосифа Санина. С. 31.

Хрущов И. П. Исследования о сочинениях Иосифа Санина. С. 33.

Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. А. А. Зимин, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 144. См. об этом: *Алексеев А. И.* Иосиф (Санин), преподобный // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 560.

Досифей (Топорков), монах. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инока Подгот. К. И. Невоструев / ЧОЛДП. 1865. Кн. 2. Прил. С. 168–169.

Алексеев А. И. Иосиф (Санин), преподобный. С. 561.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 159.

Иларион (Алфеев), иером. Преп. Симеон Новый Богослов и православное предание. С. 192.

Иларион (Алфеев), иером. Преп. Симеон Новый Богослов и православное предание. С. 224.

Великие Минеи Четьи (далее — ВМЧ). Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 551.

Из рукописного наследия: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. СПб., 2006. С. 147.

Подробнее об этом см.: *Романенко Е. В., Шibaев М. А.* Кирилл Белозерский, преподобный. Биография // Православная энциклопедия. Т. 34. М., 2014. С. 323.

201

ПСРЛ. Т. 23. С. 153.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство.
Т. 2. С. 27.

Послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову // Послания Иосифа
Волоцкого. С. 191.

Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство.
Т. 2. С. 31.

Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 118.

АСЭИ. Т. 1. С. 352–354. № 467; Т. 2. С. 165. № 251; см. об этом:
Печников М. В. Нифонт, еп. Суздальский // Православная энциклопедия. Т.
51. М., 2018. С. 292.

Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890.
Т. 1: Литургические труды Патриарха Евфимия Тырновского. С. 169.

Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890.
Т. 1: Литургические труды Патриарха Евфимия Тырновского. С. 172.

Афонский патерик. СПб., 1860. Ч. 1. С. 281.

Сырку П. К истории исправления книг. С. 251.

Сырку П. К истории исправления книг. С. 232.

Палама Григорий, свт. Физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама главы. С. 257.

Согласно описи Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года, в обители хранились три списка сочинений Григория Синаита, два из которых датировались временем Нила Сорского: РНБ. Кир. — Бел. № 89/214 и 120/245. См. об этом: *Деликари А.* Григорий Синаит. Почитание // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 67.

РГБ. Троиц. собр. № 748, XV в. См. об этом: *Бернацкий М. М., Турилов А. А.* Григорий Синаит. Переводы на славянский язык // Православная энциклопедия. Т. 13. С. 60.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 100–102.

Малетю Е. И. Хожения русских путешественников XII–XV вв. С. 60–61.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена волоцкого. С. 51, прим. 68.

Малетю Е. И. Хождения русских путешественников XII–XV вв. С. 86.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 34.

См. об этом памятнике: *Иванов С. И.* Византийская культура и агиография. М., 2020. С. 460–478.

Никольский Н. К. Речь тонкловия греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI века // ПДПИ. СПб., 1896. Т. 114. С. 3–4.

Никольский Н. К. Речь тонкловия греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI века // ПДПИ. СПб., 1896. Т. 114. С. 14.

Никольский Н. К. Речь тонкловия греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI века // ПДПИ. СПб., 1896. Т. 114. С. 15.

Никольский Н. К. Речь тонкловия греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI века // ПДПИ. СПб., 1896. Т. 114. С. 11.

Никольский Н. К. Речь тонкловия греческаго: Русско-греческие разговоры XV–XVI века // ПДПИ. СПб., 1896. Т. 114. С. 5–6.

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. Древнерусские надписи Софии Константинопольской // *Славянский альманах*: 2011. М., 2012. С. 41–52.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 27.

Бунин И. Тень птицы // Собр. соч. В 4 т. М., 1968.Т. 2. С. 18–19.

Стерлигова И. А. Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 21.

Малетю Е. И. Хождения русских путешественников XII–XV вв. С. 253.

Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. Древнерусские надписи Софии Константинопольской. С. 47.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 80.

Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. С. 308.

Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. С. 314.

Малетю Е. И. Хожения русских путешественников XII–XV вв. С. 136, прим. 57.

Малетю Е. И. Хожения русских путешественников XII–XV вв. С. 55.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 75.

Sherrard F. Constantinople: Iconography of a sacred city. P. 75.

Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя.
М., 2006. С. 159.

240

РГБ. Троиц. № 684. Л. 116.

Сборник Нила Сорского / Подгот. Т. П. Лённгрен. М., 2002. Ч. 2. С. 228.

См. об этих событиях: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 31–35.

Сборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 240.

Цит. по кн.: *Доброклонский А. П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913. Ч. 1: Его эпоха, жизнь и деятельность. С. 408.

Цит. по кн.: *Доброклонский А. П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913. Ч. 1: Его эпоха, жизнь и деятельность. С. 409.

Сборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 250.

Цит. по кн.: *Доброклонский А. П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. С. 417.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. С. 54.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. С. 67.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. С. 69.

Цит. по: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии. С. 73.

Сборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 281.

Сборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 289; Словарь русского языка: XI–XVII вв. Т. 29. М., 2011. С. 144.

Доброклонский А. П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский.
С. 854.

Соколов И. И. Святитель Григорий Палама, его труды и учение об исихии. СПб., 2004. С. 193–194.

Мирковић Л. Скитски устави св. Саве // Браство. Београд, 1934. Кн. XXVIII. С. 54.

Мирковић Л. Скитски устави св. Саве // Браство. Београд, 1934. Кн. XXVIII. С. 53, прим. 2.

Казанский П. С. История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1885. С. 122. Древнейший список «Правил» (устава) архимандрита Досифея переписан между 1409 и 1422 годами в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологдой (современный шифр: ЯМЗ. № 15231. Л. 1–4 об.); см. об этом: *Турилов А. А., Романенко Е. В.* Русско-афонские связи в XI–XVII вв. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 149.

РНБ. Кир. — Бел., 34/1111. Л. 315–316 об., XV в.

Цитируется Житие преподобного Афанасия Афонского по списку Нила Сорского; опубл.: Сборник Нила Сорского. Ч. 1. М., 2000. С. 281.

Цитируется Житие преподобного Афанасия Афонского по списку
Нила Сорского; опубл.: Сборник Нила Сорского. Ч. 1. М., 2000. С. 288.

Цитируется Житие преподобного Афанасия Афонского по списку Нила Сорского; опубл.: Сборник Нила Сорского. Ч. 1. М., 2000. С. 294.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1–2.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 2. С. 44. № 60.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. С. 214. № 378.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. С. 279. № 502.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. С. 367. № 660.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. С. 244. № 429.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 297.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 305.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 315.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 313.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 372.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 372.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 375.

Жаворонков П. И. Афанасий Афонский, преподобный // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 55.

РГБ. Егор. № 543.

См. об этом: *Максимович К. А., Турилов А. А.* Афон и Россия. Русские инокi на Афоне в XI–XVII вв. // *Православная энциклопедия*. Т. 4. С. 148.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 234.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 239.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 241.

Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 251.

Зайцев Б. К. Святые Афона // Он же. Избранное. М., 1998. С. 195–196.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 19.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 28.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 16.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 23.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 23.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 18.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 14.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 30–31.

См. рукописи: РНБ. Кир. — Бел. № 23/1262. Л. 596; № 141/1218. Л. 563
об.

Ирина таким «именем по вещи (по сути. — *Е. Р.*) наречена бысть, мятеж убо весь и печаль от церкви отгонит, мир же веселие той дарова»; подробнее об этом см.: *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 77.

Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. С. 34–35.

См. подробно об этом: *Панченко К. А.* «Темный век» палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже Мамлюкской и Османской эпох // Вестник ПСТГУ (Православного Свято-Тихоновского государственного университета). Серия III: Филология. Вып. 57. С. 59–88.

Панченко К. А. «Темный век» палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже Мамлюкской и Османской эпох // Вестник ПСТГУ (Православного Свято-Тихоновского государственного университета). Серия III: Филология. Вып. 57. С. 67.

Панченко К. А. «Темный век» палестинского монашества: упадок и возрождение ближневосточных монастырей на рубеже Мамлюкской и Османской эпох // Вестник ПСТГУ (Православного Свято-Тихоновского государственного университета). Серия III: Филология. Вып. 57. С. 69.

Цит. по кн.: *Севвастьянова С. К.* Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001. С. 106.

О личности Дионисия Крюка см.: *Шевченко Е. Э.* Нило-Сорский скит как центр книжности: Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 2009. С. 17.

РГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Ед. хр. 2114. Л. 19–20.

Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 125.

Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 124.

Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 126.

Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 124.

Согласно житийной заметке «А инога о житии преподобнаго Нила не обретох писанием изложено...», написанной в Ниловом ските, Нил Сорский провел на Афоне время «не мало»; опубликовано: *Романенко Е. В.* Древнее житие преподобного Нила Сорского // Вестник церковной истории. М., 2009. № 3–4 (15–16). С. 101.

Н. А. Казакова и Я. С. Лурье на основании приписки о копировании грамоты («В лето 6997 февраля 23, 24, 25 переписах сие послание...») датировали ее февралем 1489 года (*Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 320*). Поскольку отставка архиепископа Иоасафа, как показал Н. К. Голейзовский, состоялась между 2 и 28 июня 1488 года, О. Л. Новикова предложила датировать грамоту периодом между отставкой Иоасафа и 23 февраля 1489 года (*Новикова О. Л. Лихачевский «Летописец от 72-х язык»: к истории создания и бытования // Летописи и хроники: Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 257, прим. 54*). С. Н. Кистерев посчитал возможным сузить временные границы документа: по его мнению, архиепископ Геннадий написал грамоту в период между 1 сентября 1488 года и первыми числами января 1489 года (*Кистерев С. Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 308*).

См. об этом: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 103.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 193.

«Господи, где бе, почто не явился сначала, дабы уставил болезнь мою?»
«Антоние, zde бехъ, но ожидах видети труд твой. Елма же убо стерпе и не бысть побежен, буду ти присно помощник, и створю тя словуца и именита всюду быти» (Соборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 161).

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 172.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 174.

«Все бо житие человеческо кратко есть, съмеряемо с будущими веки. И все время жития нашего ничто же есть противу вечней жизни. Всяка бо вещь в мире сем, на ней же цене продавша, равным равное прменяется. Обетование же вечныа жизни малым чим купуется» (Соборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 167).

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 202.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 233.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 224.

«И прочее здрава будета, чаде. Антоний убо преходит и ктому его с вама не будет» (Соборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 232).

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 502.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 490.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 527.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 528.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. М., 2004. С. 525.

«Добро убо есть воздержание иже по Бозе и молитва и пост. Может же боляй болшую приати мзду пожданием и долготерпением» (ГИМ. Епарх. № 349. Л. 163).

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 513.

Читти Д. Град Пустыня. СПб., 2007. С. 63.

Читти Д. Град Пустыня. СПб., 2007. С. 64.

Читти Д. Град Пустыня. СПб., 2007. С. 107.

Гролимунд В. Между отшельничеством и общежитием: Скитский устав и келейные правила. Их возникновение, развитие и распространение до XVI века // Монастырская культура: Восток и Запад. Сб. ст. / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 1999. С. 124–125.

Гролимунд В. Между отшельничеством и общежитием: Скитский устав и келейные правила. Их возникновение, развитие и распространение до XVI века // Монастырская культура: Восток и Запад. Сб. ст. / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 1999. С. 125.

Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. М., 1856. Ч. 2. С. 111.

Гролимунд В. Между отшельничеством и общежитием. С. 125.

Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. Ч. 2.
С. 100.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 451.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 451.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 456 (в переводе на русский язык).

«Погуби Рима мир, иноци же скытъ» (Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 458).

Читти Д. Град Пустыня. С. 121.

Сборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 455.

Предисловие было составлено в середине XVI века для богослужебного употребления сорским монахом Герасимом Глупым (РНБ. Погод. № 1563. Л. 2), см. об этом: *Шевченко Е. Э.* К вопросу о канонизации преподобного Нила Сорского // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* М., 2004. № 1 (15). С. 96–97.

341

ГИМ. Востр. № 1207. Л. 120 об.

См. об этом подробнее: *Романенко Е. В.* «Скитское покаяние»: судьба и значение памятника в истории русского монашества XV–XVII вв. // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 370–377.

Прохоров Г. М. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 85.

Прохоров Г. М. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 85.

Как показало исследование, две трети этого текста представляет собой переработанное Предисловие «Въ чину завета» и Первое Слово «Тактикона» антиохийского канониста Никона Черногорца (около 1025 — около 1100), написанного им для монастыря на Черной горе. См. подробнее об этом: *Романенко Е. В.* Дисциплинарные и литературные источники «Предания» Нила Сорского // ТОДРЛ. Т. 68. СПб., 2021 (в печати).

Прохоров Г. М. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 86.

Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. С. 125.

Прохоров Г. М. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 88.

Мирковић Л. Скитски устави св. Саве. С. 55.

Прохоров Г. М. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 398.

Прохоров Г. М. Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 86.

Повесть о Нило-Сорском ските // Прохоров Г. М. Нил Сорский и
Иннокентий Комельский. С. 397.

Придел во имя преп. Ефрема Сирина упомянут в выходной записи, оставленной писцом монахом Герасимом на сохранившейся рукописи из Нилова скита: «Сию книгу Съборник въ Нилове пустыни въ храм Сретения Господа нашего Иисуса Христа и преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина написал многогрешный Герасим Скудной, после живота его написати его в Сенаникъ» (РНБ. Погод. № 1563. Л. 16, середина XVI в. (рукопись-конволют).

«Не величайтеся и вы о мнозе украшении дель ваших рукъ. Но молитися паче, яко, благодатию Христовою и даром Святаго Духа, не крадома пребудут ваша дела, яко да не за хитростныа хвалы попользнувся умъ, ловитва будеть диаволу» (Соборник Нила Сорского. Ч. 3. С. 518).

Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. С. 152–153.

Житие преподобного Евфросина Псковского // ПДПИ. Т. 173. СПб., 1909. С. 73.

Житие преподобного Евфросина Псковского // ПДПИ. Т. 173. СПб., 1909. С. 75.

Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. С. 107.

РНБ. Кир. — Бел., 25/1102. Л. 215, 234.

360

РНБ. Кир. — Бел., 25/1102. Л. 228 об.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 118.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 99.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 112.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 110–111.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 115–117.

«Аз тя яко скота умучю, да не еще ражаеши скотская помышления. Не напитаю убо тебе хлебом, но былием польским и жажею утомлю тя. Еще же и труды многими удручу тя, и зноем и студению истаю тя» (Соборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 86).

«Аще не мы дадим на себе время нечистым бесом, ничто же могут на нас. Нашего бо ради бжежения попускается тем от Бога ратовати нас» (Соборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 104).

Сборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 106.

«Уне есть, чядо, да своими руками раздати та нищим. Аз бо милостыня ради приимати чюжих не хоцу, мнози убо на убогиа приемлюще, своя душа умориша. Милостыни бо хитрости не имат» (Соборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 98).

«Се рех вамъ, оного произволеню не суцу благу, что может наказание. Нестъ же сие на ползу и на приобретение плоду его, наипаче же на тщету» (Соборник Нила Сорского. Ч. 2. С. 126).

Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы,
Лествица. Сергиев посад, 1908. С. 61–62.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 135–137.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 139.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 148–150.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 129.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 157.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 106.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 131.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 173.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. С. 110. По мнению А. И. Алексева, инока Савву можно отождествить с митрополитом Киевским и всея Руси Спиридоном-Саввой, поставленным на митрополию патриархом Рафаилом в Константинополе в 1475 году; см. об этом: Алексеев А. И. «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинениях Киевского митрополита Спиридона) // Он же. Духовная культура Средневековой Руси. М., 2016. С. 237–255.

См. об этом: *Taube M.* The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // *Jews and Slavs*. 1995. Vol. 3. P. 168–198; *Алексеев А. И.* Жидовствующие // *Православная энциклопедия*. Т. 19. М., 2008. С. 185.

Бегунов Ю. К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 214–224.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 323–325.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 507.

Панов И. Ересь жидовствующих // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). СПб., 1877. Ч. 189. Январь. Отд. 2. С. 3.

О ереси жидовствующих: Новые материалы *Собр. С. А. Белокуров и др.* / ЧОИДР. М., 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 13.

О ереси жидовствующих: Новые материалы *Собр. С. А. Белокуров и др.* / ЧОИДР. М., 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 46.

Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 228.

О ереси жидовствующих: Новые материалы. С. 135.

О ереси жидовствующих: Новые материалы. С. 131–132.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 381.

Зиновий Отенский, инок. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 42.

Зиновий Отенский, инок. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 436.

Лилиенфельд Ф. Иоанн Тритемий и Федор Курицын // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 120.

Лилиенфельд Ф. Иоанн Трителий и Федор Курицын // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 119.

Лилиенфельд Ф. Иоанн Тритемий и Федор Курицын // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 120, прим. 21.

Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 268.

Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 271.

Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 283.

Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 268.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 471.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 321.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 379.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 112.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 377.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 378.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 381.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 383.

О ереси жидовствующих: Новые материалы. С. 125.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен // ЧОИДР. 1847. Кн. 4. Отд. 2. С. 110.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 472, 482.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 130.

413

Этот фрагмент из «Просветителя», переписанный рукой Нила Сорского, находится в рукописи: РНБ. Солов. № 326/346. Л. 216 об.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 379.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 200.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 436.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 436.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 437.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 438.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси. С. 438.

См. подробнее об этом: *Алексеев А. И. Жидовствующие. С. 191.*

Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы. С. 49.

Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1992. С. 31.

РНБ. Солов. № 326/346.

Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI вв.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 465.

В фундаментальном каталоге русских монастырей В. В. Зверинского за XV–XVI век указано только два Сретенских монастыря, один из них — Нило-Сорский; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования православных монастырей в Российской империи. СПб., 1890. С. 196–197. № 337; С. 345–346. № 1206.

*Дебольский Г. С., прот. Дни богослужения православной
кафолической Восточной Церкви. СПб., 1887. Т. 1. С. 52.*

Избранные слова и беседы святых отцов и учителей Церкви на важнейшие праздники церковные. М., 1874. С. 26.

Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках /
Изд. Е. И. Ловягин. СПб., 1861. С. 38.

430

РНБ. Кир. — Бел., 550/807. Л. 1 об., 2 об.

ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 158.

Алексеев А. И. Под знаком конца времен. С. 104.

Шмеман А. В., прот. Исторический путь Православия. М., 1993. С. 170.

434

РГБ. Троиц. № 684. Л. 144.

Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII вв. М., 1992. С. 251–252.

437

РГБ. Волоч. № 630. Л. 50.

Древнерусский текст: «Не неведяше бо богомудрый старецъ, яко беде велице подлежит, носяй имя пастырьско, и оставляй овца самочинием паствитися и от ограды излазити. Вскоре убо таковое стадо в расхыщение зверем бываетъ. Пастырь же, судищу и юзам и темницы и многым томлением повинен бываетъ. И сего ради и отецъ наш убоявся прещения такового суда, не остави нас самочинием со отводимых быти, но вкратце собрав от Божественных писаний о истинней православней вере и о делных заветаний предасть нам написано. Внимающе же со страхом Божиим преданию его, благодатию Христовою, не погрешим от истинныя веры ...» (РНБ. Погод. № 1563. Л. 2–2 об.).

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 82.

Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897. С. XXXVI.

Борисов Н. С. Повседневная жизнь Руси накануне Конца света. С. 363.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 214.

«...не просто или якоже прилучися подобаеть нам творити делания каа. Но по божественных Писаниих и по преданию святых отец, прежде — изышествие из монастыря. Точию — не ползы ли ради душевныа, а не за ино что?» (Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 240–241).

«Аще и грубо написах ти что, но — не иному кому, но тебе, присному возлюбленному моему, не хотя презрети прошение твое. Надею бо ся, яко с любовью приимеши и не позазриши неразумию моему» (*Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 242–244).

Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. С. 51, прим. 8.

Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. С. 51, прим. 8.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 92; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. / Сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М., 1997. Т. 1. С. 340–342.

Послания Иосифа Волоцкого. С. 201.

Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. С. XXXIX; *Зверинский В. В.* Православные монастыри в Российской империи. № 1058. С. 272–273.

Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 160;
Жмакин В. И. Нил Полев // ЖМНП. СПб., 1881. Т. 216. Август. С. 185.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. С. 204.

Послания Иосифа Волоцкого. С. 344.

«Тое же зимы, месяца февраля, старец Иосиф с Волока бил челом великому князю от князя от Федора Борисовича, и не велел князь великий Василей князю Федору в монастырь вступатися ничем, и оттоле монастырь Иосифов бысть в великого князя имени» (ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921. С. 216).

Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. А. А. Зимин. М., 1956. Ч. 2. С. 44–45. № 45, С. 56. № 55; см. об этом: *Алексеев А. И.* Иосиф (Санин), преподобный // *Православная энциклопедия*. Т. 25. М., 2010. С. 564.

ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. Стб. 477–479.

Послания Иосифа Волоцкого. С. 186.

Послания Иосифа Волоцкого. С. 224–226; АИ. Т. 1. № 290.

Жмакин В. И. Нил Полев. С. 192.

Жмакин В. И. Нил Полев. С. 193.

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. 5. М.; Л., 1950. С. 30.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 88.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 69; *Шамина И. Н.* Иннокентий (Охлябинин), прп. Комельский // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 729–731.

Г. М. Прохоров предполагал, что Иннокентий Комельский мог быть автором «Надсловия» и «Пристежения» к «Преданию» и главам «О мысленном делании» преп. Нила Сорского; см. об этом: *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 306–310.

Опубл. в кн.: *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 320.

Опубл. в кн.: *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 399.

Опубл. в кн.: *Прохоров Г. М.* Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. С. 321–322.

Сборник РИО. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1882. С. 124.

Сборник РИО. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1882. С. 157.

Сборник РИО. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1882. С. 194.

Сборник РИО. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1882. С. 784.

Сборник РИО. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1882. С. 428.

Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 29.

Борисов Н. С. Иван III. С. 484.

Борисов Н. С. Иван III. С. 492.

Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. С. 364.

Борисов Н. С. Иван III. С. 612–613.

ПСРЛ. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853. С. 279.

Борисов Н. С. Иван III. С. 614.

Зимин А. А. События 1489 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 103.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960. С. 44.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. С. 46–47.

«Тоя же весны, априля 11, в понедельник, князь великий Иван положил опалу на внука своего на великого князя Дмитриа и на его мать на великую княгиню Елену, и от того дни не велел их поминати в октениях и литиах, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы» (ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 255).

ПСРЛ. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Л., 1963. С. 160.

ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 97–98.

Борисов Н. С. Иван III. С. 602.

Борисов Н. С. Иван III. С. 599.

Савва В. И. Дъяки и подъячие. Ч. 1. С. 13; Сборник РИО.Т. 35. С. 270.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 203.

Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. С. XL.

Новикова О. Л. К биографии великокняжеского дьяка Андрея Одинца
// Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2019. № 27. С. 17.

РГБ. Ф. 304. III. № 25. Л. 138 об.; синодик датируется 1575 годом, но, по наблюдениям О. Л. Новиковой, в его основе «лежит более ранний, включавший поминальные записи за XV — начало XVI века» (Новикова О. Л. К биографии великокняжеского дьяка Андрея Одинца. С. 13–14, прим. 45).

ГИМ. Собр. Успенского собора. № 64 / 1148. Л. 41; см. об этом:
Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 311.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. С. 190.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 224–225.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 222–223.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 229–230.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 228–229.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 226–227.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 230–231.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 296.

Иларион (Алфеев), иером. Симеон Новый Богослов. С. 224.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 49.

Приговор освященного Собора Русской митрополии, утвержденный государем всея Руси Иваном III Васильевичем и великим князем Василием Ивановичем о вдовых священниках и диаконах, живущих в миру, об упразднении совместных женских и мужских монастырей, о запрещении монахам — священникам служить в женских монастырях, о недопущении к литургии похмельных попов и диаконов (Москва, 12 сентября 1503 г.) // ААЭ. 1836. Т. 1. С. 485–488. № 383; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1987. Вып. 3. С. 658–660. № 24.

Приговор освященного Собора Русской митрополии, утвержденный царем всея Руси Иваном III Васильевичем и великим князем Василием Ивановичем об отмене церковных ставленнических пошлин, о возрасте поставления иподиаконов, диаконов и священников (Москва, 1 сентября 1503 г.) // ААЭ. Т. 1. № 382; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. Вып. 3. С. 660–662. № 25.

Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 351.

Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви // ТОДРЛ. Т. 20. М.; Л., 1964. С. 351.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 123.

Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. С. 351.

Бегунов Ю. К. «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. С. 352.

Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 218–219.

Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. С. 107–108.

Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. С. 102.

Иларион (Алфеев), иером. Симеон Новый Богослов. С. 444.

ПСРЛ. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 310.

521

ПСРЛ. Т. 6. С. 213.

Попов Г. В. Дионисий, русский художник // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 274.

О мирском имени архиеп. Иоасафа (Оболенского) см.: *Тарасов А. Е.* Иоасаф (Оболенский) // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 200.

См.: *Титов А. А.* Предания о ростовских князьях. М., 1885. С. 132–141;
Стрельникова Е. Р. Ферапонтов монастырь в ликах и лицах. М., 1998. С.
20–25.

«Князь Асаф» упомянут как свидетель от Ферапонтова монастыря при составлении данной грамоты В. А. Горбова в Кирилло-Белозерский монастырь, датируемой началом 1470-х годов (АСЭИ. Т. 2. № 209. С. 135–136).

Серебрякова М. С. Об игуменах Ферапонтова монастыря XV в. // Ферапонтовский сборник. М., 2002. Вып. 6. С. 37–38.

«Но вси священники и книжники, и иноки, и миряне по митрополите глаголаху, а по великом князе мало их, един владыка ростовской князь Асаф да архимандрит чудовской Генадей» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2: Софийская вторая летопись. М., 2001. Стб. 314); *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Полемическое сочинение 1481 г. о хождении «посолонь» // *Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание.* М., 1997. С. 367.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 317–320.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 317–320.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 374.

См. о нем: *Голейзовский Н. К.* Дионисий и его современники. С. 125–135.

Жалованная грамота архиепископа Ростовского Тихона об освобождении причта Ризоположенской церкви на Бородаве в Белозерье от церковной дани и пошлин // АСЭИ. М., 1958. Т. 2. С. 310–311. № 331.

Михельсон Т. Н. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста // ТОДРЛ. Т. 22. М.; Л., 1966. С. 148–149.

Марк (Лозинский), игум. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям святителя Игнатий Брянчанинова. Кириллов, 2007. С. 248.

Овчинников А. Н. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 332–333, прим. 15.

Карташев А. В. Вселенские соборы. С. 13.

Здесь излагается версия Жития священномученика Петра, которое иллюстрировал Дионисий. В действительности, епископ Петр только не признавал рукоположения Ария. См. подробнее об этом: *Зайцев Д. В.* Петр I, священномученик, епископ Александрийский // Православная энциклопедия. Т. 55. М., 2019. С. 679–680.

Димитрий Ростовский, свт. Жития святых. М., 1905. Кн. 3: Ноябрь. С. 719.

Карташов А. В. Вселенские соборы. С. 408.

Карташов А. В. Вселенские соборы. С. 393.

Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. С. 219–220.

Овчинников А. Н. Символика христианского искусства. С. 138.

Овчинников А. Н. Икона Дионисия Богоматерь Одигитрия: Конец XV века. М., 2002. С. 27.

Голейзовский Н. К. «Послание иконописцу» // Византийский временник. Т. 26. С. 237.

Голейзовский Н. К. «Послание иконописцу» // Византийский временник. Т. 26. С. 338.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 356.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 130.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 111.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 357.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 136–138.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 222.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 359.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 358.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 228.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 340.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 234.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные движения на Руси. С. 355.

См. подробнее об этом: *Романенко Е. В.* Нил Сорский, преподобный // Православная энциклопедия. Т. 51. М., 2018. С. 86.

Боровкова-Майкова М. С. Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (ПДПИ. Т. 179). С. 10 (перевод на русский язык Е. В. Романенко).

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 173–175.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 57.

Зиновий Отенский, инок. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 900–901.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Волоцкого. С. 243–244.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 252.

565

ГИМ. Епарх. № 349. Л. 123–123 об.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Волоцкого. С. 241.

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Волоцкого. С. 246.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 76.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 297.

Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев. С. 302.

Соколов А. Жизнь святого Ефрема Сирина // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1848. Ч. 7. С. 94.

Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского Средневековья // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985. Вып. 2. С. 15.

См. об этом: Брок С. Ефрем Сирин, прп. // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 80.

Говоря о сочинениях преп. Ефрема Сирина, мы, конечно же, имеем в виду так называемого «греческого Ефрема», то есть сочинения известные под именем Ефрема Сирина в греческой и славянской традиции. Наиболее известным произведением «греческого Ефрема» являются «Пятьдесят бесед к египетским монахам». Соотношение подлинных и приписываемых творений Ефрема Сирина является сложной научной проблемой, которая далека от своего разрешения. См. об этом: *Ефрем (Лэш), архим.* Ефрем Сирин. «Греческий Ефрем» // Православная энциклопедия. Т. 19. С. 94–99.

Соколов А. Жизнь святого Ефрема Сирина. С. 96.

Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 136.

Смирнов П., прот. Проповеди святого Ефрема Сирина. С. 404–405.

Прохоров Г. М. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.
С. 83.

Восточные отцы и учителя Церкви IV в.: Антология / Сост. Иларион (Алфеев), митр. М., 1999. Т. 3. С. 269.

Цит. по кн.: *Иларион (Алфеев), митр. Симеон Новый Богослов*. С. 234.